КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII.

1903 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII

1903 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 17 сентября 1903 года.

Памятникъ И. П. Котляревскому въ г. Полтавѣ

Въ статью Л. С. Личкова «Очерки Черноморск. побережья Кавказа» вкрались слѣдующія главнѣйшія опечатки:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
75	5 сверху	осѣсться	осѣсть
77	2 снизу	за водами	за заводами
80	11 снизу	укрѣпленія	укрытія
82	13 сверху	въ родѣ	въ рядѣ
87	8 снизу	затруднительна	затруднены
89	5 сверху	развинчиваютъ	развѣнчиваютъ
89	6 сверху	изслѣдованію, и съ	изслѣдованію «съ
119	9 снизу	качества лишь	качества лозъ
120	19 сверху	150	1500
122	10 снизу	перенесенія	перенесеніемъ
123	14 сверху	74	104
123	16 сверху	28	3

Средняя Лубенщина.[1]

Глава II-я.

Средина лубенскаго уѣзда. Части Засульской, Лубенской и Лазорской волостей.

Лубенскія окрестности лѣваго и праваго берега Сулы. Села и хутора по ручьямъ: Булатцу, Вязовку и у Пирятинской дороги.

Отлогій, песчаный берегъ рукава (витки) Сулы противъ Лубенъ занятъ небольшимъ селомъ Засульемъ. Начинается оно у самой Хорольской дороги прямой широкой улицей, застроенной съ обѣихъ сторонъ домами, лавками, коморами съ навѣсами и колонками. Эта улица, называющаяся Замостьемъ, какъ и всякое городское предмѣстье, полна жизни; по срединѣ ея стоятъ гончари, фурщики съ различной кладью и лошадьми или волами, кормящимися подлѣ возовъ. Пріѣзжіе толпятся у лавокъ подъ навѣсомъ, пьютъ и ѣдятъ. Здѣсь же пестрѣетъ группа богомолокъ, идущая поклониться мощамъ св. Аѳанасія. На базаръ спѣшатъ, или возвращаются съ него, окрестныя хуторянки съ плетеными кошиками въ рукахъ. Вездѣ снуютъ евреи, высматривая, нельзя ли купить что-либо выгодно съ возовъ; одинъ изъ нихъ, низенькій, толстый, въ синихъ очкахъ, уже сторговалъ мѣшки съ хлѣбомъ. Замостье построилось на мѣстѣ подъѣзда къ

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 9.

парому, прежде ходившему по Сулѣ, и населено частью старыми мѣщанскими фамиліями изъ Лубенскаго подола: Ковнерами, Устименками, Федорченками, частью пришлыми людьми. Въ административномъ отношеніи оно только съ 1873 года отнесено къ городу, а до того присоединялось къ Засулью. Съ Замостья открывается общій видъ на широкую долину Сулы и на Лубенскія горы за нею съ безпорядочно лѣпящимися по уступамъ бѣлыми, желтыми хатами и домами, то насыпанными вмѣстѣ, какъ макъ, то уединенными среди садовъ и рощъ. Храмъ св. Николая на полгоры почти скрывается за вѣковыми вербами плотины; на самой вершинѣ отчетливо бѣлѣетъ соборъ, и гдѣ-то вдали мерцаетъ крестъ Троицкой церкви. Изрѣдка осѣняютъ горы остатки стараго лѣса; обрывистый профиль Лысой горы заканчиваетъ видъ. «Въ «Запискахъ о полтавской губерніи» Арендаренко выражается объ этомъ видѣ такимъ образомъ: «Сула, миновавъ городъ, дугообразнымъ склоненіемъ на югъ, осѣненнымъ возвышенностями ея праваго берега..., представляетъ прекраснѣйшую игру роскошной природы» [1]).

Сѣверный край села, примыкающій къ Замостью, называется Ляшивкою, потому что нѣкогда здѣсь жилъ на песчаномъ, заросшемъ лозой, бугрѣ какой-то ляхъ, о которомъ разсказываютъ: «Якъ ляхы жылы въ Лубнахъ, то одынъ жывъ тутъ. И якъ позбывалы тихъ ляхивъ, то винъ ще жывъ, а потимъ утикъ. Де дивався ляхъ?—якъ у воду впавъ. Потимъ, годивъ черезъ пьять, упять прыйихавъ на се мисто той ляхъ, де вже пустыня зробылась. Люде бачылы звечора, а утромъ—нема. А на тимъ мисти, де його бачылы—кружало, мисто котла». Ляшивка невелыка и теперь состоитъ изъ небольшого числа прихотливо разбросанныхъ мазанокъ, крытыхъ очеретомъ, маленькихъ клунь среди огородовъ, колодцевъ съ журавлями и рѣдкихъ деревьевъ, а прежде въ ней числилось всего пять хатъ, населенныхъ Костенками и Рудями. Маркъ Костенко жилъ болѣе ста лѣтъ и ходилъ, бывало, въ Лубнахъ босой въ сѣрой свитѣ, разсказывая о старинѣ мѣстнымъ

---

1) Т. III, 271.

любителямъ археологіи. Средняя часть села Плысивка прорѣзана во всю длину узенькой улицей, обсаженной съ обѣихъ сторонъ берестами, вязами и ясенями, и тонетъ въ зелени. Съ западной стороны узкіе проулки ведутъ къ водѣ, весной затопляющей огороды и хаты, а лѣтомъ и осенью мирно зеленѣющей у берега. На западной сторонѣ Плысивки расположены большой садъ и огородъ Якимца, полные грушъ. яблонь, сливъ, вишенъ, волоскихъ орѣховъ и овощей, питающихъ окрестныхъ жителей [1]). Съ востока село выходитъ на обширный песчаный выгонъ. У выгона въ разныхъ мѣстахъ стояла мѣстная приходская Андреевская церковь. Первоначально она помѣщалась тамъ, гдѣ теперь домъ священника. Она была основана въ концѣ XVII в. Лубенскимъ полковымъ судьей А. Я. Кулябкой, вѣроятно въ 1691 г., такъ какъ Кулябка былъ судьей съ 1682—1691 г. Отъ первоначальной церкви остались лишь два колокола: 1692 и 1693 г.г., пожертвованные Кулябкой, да два большіе образа: св. Николая, обыкновеннаго византійскаго типа, и патрона, св. Андрея первозваннаго, козацкаго малорусскаго типа, присланныхъ въ 1715 г. изъ Мотронинскаго монастыря первымъ засульскимъ священникомъ Григоріемъ Дѣжечкой. Просуществовавъ сто лѣтъ, эта первая церковь уничтожена грозой при протоіереѣ Василіѣ Шаревскомъ. Вторая церковь выстроена въ 1789—90 г.г. [2]), уже на новомъ мѣстѣ, согласно съ повѣрьями, запрещающими строить зданіе на мѣстѣ сожженнаго молніей. Она была стариннаго мѣстнаго стиля, дубовая, темная и тѣсная; съ дубовымъ поломъ, прежде покрывавшимъ только средину церкви, такъ что когда послѣднюю подметали, то поднимались облака пыли (курява). Она виднѣлась изъ-за грушъ, вязовъ и тополей, какъ тихая, мирная пристань. Новая церковь, выстроенная въ 1894 году, съ пятью коническими куполами, обширная, съ новымъ иконостасомъ,

---

[1]) Виноградъ не удался: разведенъ невызрѣвающій сортъ.

[2]) Изъ мѣстной церковной лѣтописи, умѣло составленной О. І. Богдановскимъ. См. также: А. Грановскій. Полт. епарх. 360, и А. Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Луб. 75.

не производитъ уже того успокоительнаго впечатлѣнія на душу. Плысивка, значительнѣйшая часть всего села, получила названіе отъ коренного, многочисленнаго рода Плысивъ, которымъ, кромѣ усадьбъ на горѣ и земель, принадлежитъ еще часть долины Сулы—Плысови луга, и одинъ изъ рукавовъ ея. Прежде имъ же принадлежали: настоящій хуторъ Асауловщина, нѣкогда называвшійся Плысивъ хутиръ, земля у хорольской границы—Плысивъ степъ, и владѣнія въ городѣ. Фамильное преданіе Плысовъ передаетъ: «Старый Плысъ жывъ у Лубняхъ и переселывсь за Сулу и сивъ хуторкомъ жыть, и одъ ёго почалось Засулье. Выстроивъ хатыну; було у ёго хлибопашество, своя вынокурня и пасика. Було выкурыть соби пудивъ двадцять пьять и пьють водку. Дидъ Ефымъ пры Катерыни мавъ свои волы и подвозывъ фуражъ. Получывъ бумагу на дворянство. Потимъ не схотилы Плыси продолжать службу и повернулы изновъ у козакы» [1]). По показаніямъ старожиловъ, Плыси удалены изъ Лубенъ за неуступчивость. Эти воспоминанія отчасти согласны съ историческими данными, бывшими въ распоряженіи А. М. Лазаревскаго. Такъ онъ признаетъ Засулье Лубенскимъ выселкомъ второй половины XVII в., а изъ Плисовъ—Филиппъ показанъ лубенскимъ полковникомъ въ 1669 г. Затѣмъ, у Лазаревскаго же приведенъ слѣдующій универсалъ Самойловича, 22 іюля 1672 г. «Плысъ небожчыкъ, житель Лубенскій зрабовалъ всѣ добра полковаго лубенскаго писаря Фомы Тризны. за что всѣ кгрунта Плысовскіе въ Лубняхъ и движимость, тактежъ дворъ зо всѣми будинками изъ лисами и синожатями, озерами, ѣзами, зъ полями и садами, такъ по той сторонѣ Сулы рѣки, яко и по сей сторонѣ будучими и Фомѣ Тризнѣ въ вѣчную посессію... присудили и подали» [2]). Этотъ «небожчыкъ» и былъ вѣроятно основателемъ Засулья. На Плысивкѣ была и могила его, на ко-

---

[1]) Отъ бывшаго Засульскаго волостного старшины и земскаго гласнаго С. П. Плиса. По ревизіи 1764 г. въ Засульи показаны владѣнія хорунжаго Плиса (А. Грановскій. Полт. епарх. 360.

[2]) Очер. Полт. Луб. 76.

торой, взамѣнъ надгробнаго памятника, лежалъ, говорятъ, вѣковой дубъ, выкопанный съ корнемъ. На Плысивкѣ живутъ еще слѣдующіе козацкіе роды: Бабаки, Волошки, Дармостуки, Долинскіе, Жаданы, Запорожцы, Киктенки, Омельченки (изъ которыхъ одинъ «йшовъ пьяный изъ трахтыру до-дому, а салдаты—пьятнадцять чоловикъ—зострилы ничью и хотилы побыть, такъ випъ зъ усихъ пьятнадцяты изнявъ шынели. Командиръ выйихавъ, узнавъ, що одынъ познимавъ и обвынывъ тихъ, що поддалысь»), Полуботки, прозванные за красоту и силу орлами, Погребняки, Сивоглазы, нѣкогда очень богатые (ихъ земля—поле «Гончарки», луга и плавни достигали Шершневки), и Якимцы, предокъ которыхъ присталъ къ дочери богача Гамайды, бывшаго козацкаго фуражира, принесшаго въ 1812 г. «до-дому манирку червинцивъ». На Плысивкѣ же былъ прежде большой каменный домъ Кулябокъ, проигранный потомъ въ карты на выборахъ въ Полтавѣ, а возлѣ нея поселены ихъ бывшіе крестьяне: Дейкалы, Векленки и Шевченки. Послѣдняя четверть села между песчанымъ выгономъ, понижающимся къ Сулѣ, и бродомъ у выѣзда на Шершневку занята Чернещыною, какъ показываетъ самое названіе, бывшимъ монастырскимъ владѣніемъ. На берегу находится урочище «Дворецъ», куда пріѣзжали гостить Мгарскіе архимандриты. «Архимандро бувало купается, его мыломъ намылють и мыють. И сажъ тутъ бувъ. Бувало монахы наловлять рыбы и въ сажъ накыдають». Теперь Дворецъ представляетъ изъ себя обыкновенную оплетенную леваду съ большими осокорями и осинами надъ зеленымъ, тинистымъ потокомъ «Перегономъ». Здѣсь черезъ съуженную долину Сулы, между засульскимъ берегомъ и блѣдными, голыми отрогами Лысой горы, перекинутъ былъ мостъ, по которому перешелъ Жолкѣвскій, гонясь за Наливайкой, и пересыпана гребля, существовавшая еще въ XVIII в., какъ видно изъ дневника генеральнаго подскарбія Я. Маркевича, упоминающаго: «Уехалисмо до гребли у Лисой горы обрѣтающейся чернечой» [2]).

---

[1]) К. П. Бочкаревъ. Очер. 21.

[2]) Дневн. въ „Кіев. Стар." 1895 г., II, 52.

Остатки плотины и бывшихъ водяныхъ мельницъ, купленныхъ монастыремъ у Полунѣева и Сивоглаза и утвержденныхъ универсалами: Юрія Хмельницкаго 17 января 1661 г. и Многогрѣшнаго 1670 г.[1]), еще замѣтны. «Недавно пали выкручувалы, каминня понаходылы». Отъ близости Лысой горы и самое засульское общество казенныхъ крестьянъ: Захарченки, Севертюки, Корніяченки и др. называется Лысогорами. Число всѣхъ вообще жителей Засулья въ половинѣ XIX в., вмѣстѣ съ Солоницкими, немногимъ превышало тысячу, въ XX же вѣкѣ достигло 1762. Жители темнорусы, вышесредняго роста, занимаются кромѣ хлѣбопашества разными поставками: песку, льду и т. п. въ Лубны. На Чернещинѣ развито ткачество: что хата, то и ткачъ; есть и по два станка (верстака) въ хатѣ. Затѣмъ, женщины собираютъ въ видѣ промысла лѣкарственныя травы, прокармливаясь этимъ занятіемъ.

Къ югу отъ Засулья, внизъ по рѣкѣ, за широкимъ, болотистымъ лугомъ расположилось на незначительномъ возвышеніи большое село Шершневка. При въѣздѣ глазамъ представляются безпорядочныя кучи большого и средняго размѣра хатъ, среди вишневыхъ садовъ, въ дворахъ съ колодцами «журавлями», обнесенныхъ камышевыми плетнями, площадокъ и узенькихъ уличекъ, указывающихъ на старое поселеніе. И дѣйствительно, Шершневка старинная; начало ея, по свидѣтельству А. М. Лазаревскаго[2]), отходитъ къ І-й половинѣ XVII в. и приписывается переселенцамъ изъ радомысльскаго уѣзда—Кіевскаго Полѣсья—гдѣ также есть одноименное село. По мѣстнымъ преданіямъ «якыйсь Шершень занявъ тутъ мисто, а Ерко въ Еркивцяхъ». Населеніе Шершневки распредѣлилось въ такомъ порядкѣ. Въ восточномъ углу села отъ Матяшовскихъ полей, на Деркачивкѣ, живутъ: Деркачи, Костюки, Мачуги и Рудики, которыхъ дразнятъ «лычакамы», за ними на Кислякивкѣ—Кисляки, «воны древни, зъ

---

1) Лазаревскій. Архив. отрыв. для истор. Полт. епарх. Полт. 1888 г. в. I, 67—72. 21 іюля 1657 г. данъ Б. Хмельницкимъ монастырю универсалъ на перевозъ у Лысой горы.

2) Ист. очер. Полт. Лубенщ. 106.

дида полупылысь и Кислякивка звется весь кутокъ», Назаренки, Ляшенки (Журбенки), изъ которыхъ церковный староста имѣетъ до 300 десят. земли, и Сурмилы. О дѣдѣ настоящихъ Сурмилъ вспоминаютъ: «Винъ у коси бувъ, пры Катерыни служывъ у кирасирахъ, дванадцять пудивъ вагы у ёму. Тры коня дають, покы ученіе выйиздыть, одынъ кинь не выходыть пидъ нымъ. Якъ стоить на часахъ, якъ ступыть ногою, такъ помостъ двыгне. И Катерына сказала: «пора, Сурмыло, домой ў отпускъ, а то не встоить на часахъ, старый». «За Кисляливкою расположена Дранивка; на іи бувъ чоловикъ Дранъ, винъ кожи чынывъ, черезъ то й кутокъ звется Дранивка». Настоящіе жители этого кута: Гудзи, Карпенки, Кривобоки и Шинкаренки. Послѣдніе шинковали. «Тоди якъ по шисть коп. була кварта, тоди пивъ села шынкивъ було. Вынныця була у Кучеркы. Було чоловикъ однесе пудъ и затыра видро водкы на празныкъ, а хочъ и такъ»,— какое воспоминаніе относится къ концу XVIII в., когда Румянцовъ писалъ: «шинки въ Малороссіи безмѣрно умножились во вредъ общій» [1]). Карпенки сохранили слѣдующія фамильныя преданія. «Хороше було жыть давнійшъ, мыра мало було. Мій дидъ трёхъ жинокъ державъ; якъ упьется було, розсказуе, що двадцять пьять дитей зъ трёма жинкамы сплодывъ. А въ мене крестянка Кучерова була жинкою. Пани казала батькови: дай мени окуныци 40 рубливъ, тоди выпущу на волю». Батько сталы давать 20 рубливъ, а барыня каже: «Што жъ ты, голубчыкъ, такъ мало даешъ, якъ за корову»? Покойный батько одвизъ пани окунычного 40 рубливъ» [2]).—«Мій дидъ зъ Хорола йихавъ зъ ярмарку. Пойихалы до Коломыйськихъ могылъ, верстовъ шисть одъ села. Теперъ ихъ позагорталы. Выходыть двое молодцивъ и перестриваютъ дида. У дида конячка и хлопчыкъ литъ десять.

---

[1]) А. Лазаревскій. Распор. гр. П. А. Рум. по упр. Малорос. 54.

[2]) Разсказъ записанъ отъ Н. Карпенка; въ немъ останавливаетъ на себѣ вниманіе архаичная плата—окунычне, существовавшая еще въ княжескій періодъ (Кавелинъ. Собр. сочин. Москва 1895 г., IV, 245).

Ну, воны кажуть: «Давай гроши, бо все ривно однимемъ». Дидъ вытягъ полтынныка грошей, взявъ у жменю, держыть и каже: «Иды, на»! Той пидходыть. Дидъ въ сій руци держыть гроши, а тіею згрибъ за волосся того молодця, потимъ гроши вкынувъ у визъ, а батижокъ у рукы, коня бье, щобъ тюпавъ. Такъ кинь тюпавъ дви верствы и дидъ державъ того молодця на отвиси дви версты за чуба. Отъ тихъ поръ пересталы грабыть» [1]). Слѣ-

---

[1]) Отъ Е. Карпенка. Кромѣ упоминаемой Коломійськой могилы вокругъ Шершневки и сосѣднихъ Ерковецъ находятся еще слѣдующіе могилы, урочища и хутора: У Вьязовои, у въ озиръ, на вильному, у броду, Боченьська, «тамъ виха стоить, якъ похылытся вона, такъ и тикають у въ острившъ—за воду можна сховаться», Гостра, Мокра, Запорозьська, Шемеливська, „вона глыбока и валы понасыпани, позиція була“. Окрестныя поля называются: Рокита, Муховате, у круга, на жолоби, а болота:—Бузуляки, Дворецке, Кашыно, Краливщына, Красне, Каплунъ, Плисово, Ратошне, Ричиця и Цыбыно. Мѣстные хутора смѣшаннаго Шершневскаго и Ерковскаго происхожденія. За Шершневскою греблею на песчаныхъ буграхъ, лишенныхъ всякихъ признаковъ растительности, построенъ х. Парпуринцы, въ 50 хатъ, населенныхъ: Ляхами, Гудзями и Сурмилами. О происхожденіи хутора говорятъ: «Ляхъ бы то ёго зажывъ», а судя по названію, можно бы основаніе его приписать Лубенскому войту 1645 г. Кондрату Пурпурѣ (Лазар, Очерк. 80); за мельницами виденъ хуторокъ Балганивка, жительство: Борщей, Карпенковъ, Михайленковъ и Устименковъ, всего 9 хатъ. Названіе производятъ отъ слова балаганъ. „Салдатъ бувъ, построивъ хату таку, якъ балаганчыкъ—и съ того Балганивка». Далѣе: х. Тарасенкивъ, 30 дворовъ, «тутъ ричка Багачка бижить середъ нашого поля у болота, на весни вона быстра»; о ней въ дневникѣ Маркевича сказано: «Перебулы зъ трудностью рѣку Багачку чили болото», («Кіев. Стар.» 1896 г., VII, VIII, 309), населенный: Джурами, Гаврисками, Курганами, Саппами, Шатимами; х. Дразинчинъ, «сумижный мижъ двома приходамы», 25 дворовъ съ живущими въ нихъ: Драбенками, Зинченками, Середами; х. Гаврылькивъ, 15 хатъ съ жителями: Удовченками и Скрипками; х, Запорозьській, 11 хатъ, бывшихъ крестьянъ Кучерова, фамиліи, встрѣчающейся въ переяслав. у. (Лучицкій. Сб. мат. 101). «Крестьяне пидходылы пидъ пана, ище й изъ землями хорошими пидійшлы, а потимъ вырываться»... Далѣе х. Иванцивъ или Ляшенкивъ, основанный Ляшенкомъ, въ 30 хатъ, принадле-

дующій кутокъ—Бугаивка, названный такъ отъ ручья, того же имени, впадающаго въ Сулу, занятый: Гусакамы, Костюками, Луценками, Михайленками и Немнятыми. Затѣмъ, по направленію къ Ерковцамъ, расположены два кута: Устимовка, населенная Устименками, и Середивка—Солошенками, а за ними раскинутъ обильный выгонъ, полный мельницъ.

Когда именно образовался приходъ въ Шершневкѣ, съ точностью неизвѣстно. Народное преданіе указываетъ только на существованіе старинной церкви. «У ій помосту ще не було, на доли́ була церква и дзвоныця, драню покрыта». Настоящая церковь, построенная въ 1896 г. и затѣмъ обновленная, просторна; иконостасъ, зеленый съ золотомъ, украшенъ тонкими коринѳскими колонками. Лучшій образъ скорбящей Божьей Матери [1]). Черты лица тонкія, правильныя, общее выраженіе—свѣтлая печаль, сквозь которую видиѣется надежда. У иконы 2—3 серебряныя привѣски съ изображеніями больныхъ членовъ и бѣлые цвѣты, принесенные ученицами мѣстной женской школы. Въ церкви хранится также нѣсколько старыхъ книгъ съ разными замѣтками: книга поученій 1777 г., купленная писаремъ лубенскаго духовнаго правленія П. Антоненкомъ. На оборотѣ переплета отмѣчено: «1788—1789 зима жестокая, морозовъ и вѣтровъ преисполненная, дворы, лѣса снѣги уравнивали съ полями, избы... находились отъ снѣга» [2]).

жащій къ приходу Богачки или Майорщины, хорольскаго у. и хуторъ Назаренкивъ или Вербовый, населенный частью козаками, частью дворянами Назаренками. Послѣдніе получили прозвище Вербовыхъ отъ посадки вербъ по большимъ дорогамъ въ 1777 г. (Бѣлозерскій. Южн. рус. лѣтоп. I, 104). «Ихъ дидъ садывъ вербы и тымъ заслужывъ дворянство. Ще моя баба дивкою возыла воду полывать ти вербы». (Отъ Н. Карпенка).

[1]) Размѣромъ $1^1/_2$ арш. высоты, $^3/_4$ арш. ширины. Есть еще: икона Божіей Матери Каплуновской 1771 г., и Моленіе о чашѣ съ изображеніемъ Спасителя съ крестомъ, Богоматери въ облакахъ и чашей посрединѣ, $1^1/_2$ арш. вышины и 1—ширины.

[2]) О суровыхъ, многоснѣжныхъ, такъ называемыхъ „очаковскихъ“ зимахъ въ лубенскомъ у. разсказываютъ: „Очакозська зима

Въ другой книгѣ вырванъ заглавный листъ; изъ содержанія же видно, что «потребникъ», переводъ Евхологіона митрополита Ѳеогноста, сдѣланнаго по повелѣнію вел. князя Ивана Даниловича «по реклу Калиты», повеленіемъ царскаго величества. На книгѣ надпись: «По завѣщанію архимандрита харьковскаго и коллегіума ректора Василія принадлежитъ въ церковь Шершневскую Успенскую въ вѣчную память блаженныя его кончины 1799 г., генваря 5 дня». На оборотѣ переплета написано:

Праздность старыхъ людей повреждаетъ,
Сія жъ паче младымъ на вредъ бываетъ.

О мѣстномъ колоколѣ есть также сказаніе, различно передаваемое. «Ляхы пидъ Мацковцямы у городку покыдалы у ричку колоколы и черезъ сто литъ шершневськи и еркивськи рыбалкы зачепылы неводъ и вытяглы и шершняне сплатылы ерковчанамъ и повисылы соби той колоколъ. Випъ не купованый, а найденый у води». Другой варіантъ объясняетъ причину, по которой колоколъ достался Шершневкѣ: «шершневськи и еркивськи козакы укралы колоколъ, и прывезлы, и сховалы у воду, и заспорылысь за ёго, и еркивськи отнялы и чиплялы ёго тричи, такъ не давъ гласу ніякъ. Ну, ёго перенеслы у Шершневку и начавъ давать гласъ».

Ерковцы, отдѣленные отъ Шершневки только плотиной, ничѣмъ не отличаются отъ нея; въ нихъ только болѣе зелени.

була забойна. Велыки булы забои: покы стриха хаты, покы й снигу, передъ порогомъ робылы скипци, прорizалы стежкы, а проты виконъ дучечкы, або черезъ верхъ лазылы. Було за ничъ такъ закыда снигомъ, що тилькы въ верхы и вылазылы. Якъ бы таки хаты якъ теперъ, то повмиралы бъ крестяне, а то тоди хаткы маленькы. Надъ хатою выставлялы лопату, а по тій лопати находылы хату. Скотыну одкопувалы. Села не выдно було: ни тынивъ, ни хатъ". Между прочимъ въ такую зиму 6 декабря 1788 г. взятъ приступомъ Очаковъ (Е. Фуксъ. Ист. генер. кн. итал. графа Суворова Рымник. Москва, 1811, 70), откуда и самое названіе зимы очаковской, сдѣлавшееся потомъ нарицательнымъ.

Узкія улицы иногда почти закрыты свѣсившимися вѣтвями. У плотины расположенъ кутъ Шіяновщина, гдѣ живутъ Бубыри, носящіе уличное названіе Шіянивъ, Ворonченки и Кочуры. Далѣе вокругъ церкви—Клеменкивська улица, жилье Гаврыкивъ, которыхъ полъ-села и изъ среды которыхъ былъ первый мѣстный священникъ о. Семенъ, Головатыхъ, по уличному Клыменкивъ, Знаенкивъ, Курганивъ и Рудыкивъ. За церковью—Санжаривка, занятая: Галаями, Немняченками и Перепечаями. У болота тѣснятся еще два кута: Лукашивка по направленію къ с. Вязовку, на которой живутъ: Лукаши, Ляховненки, Канивци и Кучи, и Польща, вдавшаяся «рижкомъ у трясовыну, въ болото», жительство: Вовживъ, Кулиничей, Ланцивъ, Ляхивъ, Шпортюкивъ, Яськивъ и др. [1]). Общее мнѣніе признаетъ древнѣйшимъ кутомъ Лукашивку. «Село началось зъ Лукашивъ. Бувъ островокъ на болоти и тамъ сельце прычепылось. Пидъ селомъ могыла и стоитъ козакъ изъ вихою и дывытся, и якъ наступленіе—похылывъ виху, и люде въ очеретъ тикають и тоди и козакъ тика. Татары якъ набиглы зъ дыкого степу, а баба въ капусти заховалась, воны й не найшлы. Де теперъ село—дубына була. Якый-сь панъ жывъ, звавсь Булюбашъ и земля звалась Булюбашивщына. Кажуть, булы крестяне, такъ исчезлы. И церква ранійшъ була на Лукашахъ и якыйсь священныкъ Сагура бувъ у старыну». Когда была построена та старая церковь, неизвѣстно, обновлена она въ 1798 г., а въ 1827 году выстроенная, какъ и прежнія въ честь архистратига Михаила [2]). Въ церкви нѣтъ достопримѣчательныхъ иконъ, а только евангеліе, подаренное «въ 1746 г. козакомъ вышестебловскаго куреня Емельяномъ Остаповымъ Дуземъ, заплоченное доброю монетою 80 руб., а кто возьметъ будетъ проклятъ, анафема», да нѣкоторые богослужебные предметы [3]).

---

[1]) Кромѣ того, въ селѣ встрѣчаются еще слѣдующія фамиліи: Винники, Гусаки, Дрижаки, Козловськи, Кочуры, Кибы, Мачуги, Меркуты, Мокренки и Цибы.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх., 366.

[3]) Именно: свинцовый крестъ $2^1/_2$ четв. съ изображеніемъ Спасителя и дароносица съ такимъ же изображеніемъ, чаша (келихъ),

На рубежѣ двухъ столѣтій въ Шершневкѣ числится 2678, въ Ерковцахъ 1586 жителей. Изъ этого четырехтысячнаго населенія лишь одно лицо обладаетъ 300-ми десятинъ земли, нѣсколько семействъ отъ 30—40 дес., большинство 4—8 и около трети безземельныхъ; наемъ же земли и испольныя условія тяжелы, соединены съ значительнымъ отработкомъ. «Поспива теперъ сердешный, шобъ копу хоть вкрасты, колы заробыть не можна». Добавочнымъ къ земледѣлію промысломъ, рыболовствомъ, занимается въ Ерковцахъ половина, а въ Шершеневкѣ треть села; имѣютъ шесть неводовъ и кромѣ того ловятъ еще: вершками, стиками, саками, бовтами, вятерями, иногда соединяя по два вятеря вмѣстѣ и составляя такимъ образомъ паровикъ, каждое крыло котораго занимаетъ по три сажня. «Ловытся рыбка велыка й маленька»—какъ говорится въ извѣстной сказкѣ—щуки, караси, окуни, лины, весной изрѣдка вязи и коропы. Крупная рыба сдается по 2 р. 50 к.—3 руб. за пудъ, «милька»—по 20 коп. ведро на лубенскій рынокъ. Мѣстные жители трудолюбивы, «одынъ за трёхъ уробыть, такый покрой народу». Покрой крѣпкій. Народъ въ обоихъ селахъ шырокогрудый, плечистый, средняго роста, темнорусый и русый, ходятъ раскачиваясь, неуклюжи, неловки; красивыхъ лицъ нѣтъ, среди женщинъ много малорослыхъ съ мелкими чертами лица. Вышеприведенныя названія урочищъ и фамиліи: Польща, Ляхы, Ляховенки, Ляшенки [1]), Яськи [2]), Ко-

пожертвованная въ 1746 г. Гордѣемъ Борисенкомъ и его женой, украшенная изображеніями ангеловъ и плодами съ прилистниками, другая чаша, пожертвованная «Олехвѣромъ», украшенная проще; воздушекъ съ благословляющимъ Спасителемъ, евангелистами и ангелами, расшитый цвѣтными шелками, подризники изъ бѣлаго холста, на которыхъ вышиты клеверъ и зеленыя съ золотомъ лиліи; другіе подризники, вышитые цвѣтными и крашенными нитками. Въ мѣстной сельской школѣ есть еще большой (2 арш. выс. и 1—шир.) образъ Божьей Матери со Спасителемъ, смотрящимъ въ сторону, весьма чтимый.

[1]) Впрочемъ, фамилія Ляшенко можетъ происходить и отъ Ильяшъ, Ляшъ—Илья.

[2]) Ясь—уменьшительное отъ Янъ.

зловскіе, Каневци, Коденки, Лукаши, указываютъ на польскій и правобережный элементы въ составѣ населенія. Отличаясь чрезвычайнымъ своеобразіемъ, шершневскіе «кваки» [1]) и ерковскіе «рашныкы» (ихъ легко узнать на каждой ярмаркѣ), сами собой не представляютъ замѣтныхъ отличій. Вражды между селами также не замѣтно. И кулачки въ старину кончались мирно: «Зійдутся, бувало, навкулачкы, ма́рмузы (лица) соби понабываютъ, позаюшуются (окровавятъ другъ друга), то́ди мырятся, водку пьютъ». Языкъярокъ, своеобразенъ; буква *и* часто замѣняется *о*, что слѣдуетъ приписать городскому и солдатскому вліяніямъ, а не первоначальному произношенію. На одеждѣ замѣтно мацковское и слѣпородское вліяніе. Мужскія и женскія одежды обшиты чернымъ сукномъ. Очипки пріострены, сверхъ ихъ носятъ ленты, мычекъ не видно. Брачный обрядъ подобенъ волчковскому; на Рождество «хлопецъ надива дивчачу одежу: ленты, сергы и ходыть изъ дивками, почына спивать. Дида нема, а ходыть коза въ вывороченному кожуси, уха и нисъ пороблени зъ ложокъ; вона клюка и мека».

На правомъ берегу Сулы у самихъ Лубенъ разстилается въ южномъ направленіи обширная, безлѣсная равнина съ округленными очертаніями, (терновская толока), въ востока обрывисто опускающаяся въ рѣчную долину. Надъ самой рѣкой высится голый желтоватый мысъ, — раньше упоминавшаяся Лысая гора отдѣлена лощиной отъ края этой равнины. Сама по себѣ достигаю́щая 35 саженъ отъ дна долины, Лысая гора возвышена еще искусственно рядомъ расположенныхъ на ней кургановъ, заключающихъ въ себѣ много старины. По словамъ К. П. Бочкарева, «нѣдра Лысой горы сохранили конгломератъ народностей отъ троглодита до по́ляковъ и козаковъ [2]). При раскопкахъ здѣсь найдены: кости животныхъ, золотыя украшенія, желѣзный мечъ, стрѣлы, привѣски, бусы, пряслица, бронзовые браслеты, гривна

---

[1]) Болотная птица Nycticorax europaeus. L.

[2]) Очер. Луб. стар. 21.

и серпъ [1]). Присутствовавшій при этихъ раскопкахъ крестьянинъ разъяснялъ: «Выкопувалы кости, горшкы, маленькы стрилкы. Шведы тутъ жылы и шведській князь. И гробъ найшлы, и ковры,— такъ взялось землею. Кругомъ люде, кости, то его прыслугы. Йихъ жывымы закопувалы; ямы кругли, якъ упавъ у яму, такъ винъ и есть».

Въ прямомъ направленіи терновская толока отрѣзана отъ плоской возвышенности глубокимъ яромъ, по которому вьется ручей Булатецъ, впадающій противъ Шершневки въ Сулу. Отъ рѣки, при впаденіи Булатца, долина понижается, расширяется, синѣетъ рощами и лѣсами. Вдали виднѣются голубыя горы. Внизу яра, на горѣ, среди рощъ и садовъ пріютилась деревенька Терны, вязовскаго прихода, населенная 335-ю жителями. Нѣкогда Терны принадлежали лубенскому бернардинскому монастырю, разведшему въ нихъ садъ на 12-ти десятинахъ [2]); когда же монастырь тотъ съ удаленіемъ Вишневецкаго «огнемъ въ гору пошелъ» [3]), то Терны достались Мгарской обители по универсалу Хмельницкаго 1657-го года [4]). Мѣстныя народныя воспоминанія о зависимости отъ монастыря блѣдны. «Хутиръ зъ людьмы данъ, такъ якъ пидъ господамы робылы, такъ и монастырю. Терны зачалысь зъ Стешенкивъ зъ края села одъ Сулы, зъ ихъ розмножылысь». Кромѣ Стешенкивъ, въ Тернахъ живутъ еще: Бойки, Борисенки, Винники, Голоды, Демены, Журавли, Любичи, Мелешки, Рудоусы, Сердюки, Турченки, Усенки и друг. Населеніе это средняго роста, темнорусое, глаза сѣрые и карые, одежды и обычаи слѣпородскіе, очипки женщинъ гребнемъ, средней величины. Экономическое положеніе жителей неудовлетворительно, такъ какъ терновскія владѣнія все понемногу сокращались: городъ отнялъ пользованіе терновской толокой, по преданію принадлежавшей

---

1) Ляскоронскій. Исторія переясл. земли. 131.

2) Бочкаревъ. Оч., 7.

3) Лѣт. Вел. IV, 14.

4) Лазаревскій: 1, Ист. очер. 103, 2, Луб. и Вишнев. Кіев. Ст. 1896 г., III, 337. и 3, Архив. отр. I, 72.

прежде монастырю, засульцы отвоевали половину Сулы, которая вверхъ отъ Шершневки вся принадлежала нѣкогда Тернамъ, а теперь лишь наполовину; поле отведено далеко у Ромодана; выгона совсѣмъ нѣтъ [1]). Вдобавокъ ко всему еще и полотно желѣзной дороги отрѣзало Терны отъ города. «Теперь мы усе ривно, якъ у клитци, никуды й вылизты», говорятъ жители. Съ размноженіемъ послѣднихъ приходится уже только по 2 дес. на семью, а между тѣмъ земельный наемъ крайне затрудненъ; городъ нанимаетъ десятину за 25—30 р., а подъ баштанъ и за 50 руб.; поденная плата незначительна, въ обыкновенное время 20--35 коп. и только при постройкѣ желѣзной дороги возвышалась до 50—75 коп.

Къ западу отъ Терновъ въ томъ же яру, по обѣимъ стѣнамъ его, на днѣ, на подгорьи, вершинѣ, и на отдѣльныхъ холмахъ раскинулась древняя Кононовка [2]). Открывается она особымъ хуторкомъ въ 7 хатъ, чистыхъ, привѣтливыхъ, смотрящихъ съ холма изъ-за дубовъ и березъ. Хуторокъ этотъ, называющійся по именамъ жителей Кокошками или Цвиркунами, въ честь бабы Цвиркунки Вильшанскаго происхожденія, приписанъ не къ Кононовкѣ, а къ деревнѣ Осовцамъ. Кокошки были крѣпостными, и панъ ихъ, имѣя владѣнія въ Лубнахъ, жилъ постоянно въ Петербургѣ. И вотъ панъ пишетъ Кокошкамъ письмо изъ Петербурга такого содержанія: «Або йидьте до мене, або выкупайтесь». Въ отвѣтъ на это письмо, батькы выкупились и, предпочтя Кононовку Петербургу, пріобрѣли здѣсь грунты и остались. Но, кромѣ осѣдлости, земли не имѣютъ и занимаются бон-

---

[1]) Сборн. хоз. стат. IV. Луб. у., 231.—У терновскаго моста, перекинутаго чрезъ Булатецъ, по дорогѣ на с. Вязовокъ по преданію была монастырская водяная мельница; вокругъ же деревни находятся слѣдующія урочища: Булатчикъ, Дудына, Лысенкова, Мырцева, Пидгорне и Свичинъ лисъ. «Тутъ колодязь. Дороботалысь до зруба—неможна копать, вода, и валыть землю, такъ и забросылы, а кажуть, вынныця була и жыды. Потимъ жыдивъ сталы гнать, а воны бросылы и замуровалы колодязь,—должно буть закляти гроши.

[2]) Первой половины XVII. Лазар. Очер. Полт. Луб. 99.

дарствомъ. За узкимъ лужкомъ виднѣется и сама Кононовка, полускрытая дубами, березами, грушами и вишнями. Крайній кутъ ея—Червонивка, жилье Кушниривъ, Иванченкивъ и Овчаренкивъ, рядомъ съ Червонивкою—Горобцивка, жительство Горобцивъ и Антоненкивъ. Противъ этихъ кутковъ на той сторонѣ яра, прорѣзаннаго узкимъ, мутнымъ протокомъ, на горѣ лежитъ Ломонисивка [1]), въ которой живутъ: Ломоносы, Антоненки и Зинченки. Сейчасъ за Горобцивкой помѣщается основной кутъ Сукивка. Отсюда началось село. «Будто,—росказувалы предкы—якійсь Кононъ чумакувавъ [2]) и оставсь тутъ ярмаркувать къ святій недили. И найшовъ тутъ мисто и оселывсь на Сукивци, де потимъ Мамантъ жывъ. Тоди винъ тилькы одынъ жывъ и пусто було. До ёго прыставъ Скыба. На симъ же кути оселылысь Сукы». Во всякомъ случаѣ Скибы одни изъ древнѣйшихъ мѣстныхъ жителей, упоминаемые то подъ собственной фамиліей, то въ уменьшительномъ видѣ Скибенковъ, въ 1666 году при Бруховецкомъ [3]). На Сукивкѣ же расположенъ обширный грунтъ, принадлежавшій мѣстнымъ священникамъ Яновскимъ; выше этого грунта была старая церковь, отчего и самое мѣсто сохранило названіе цвинтаря; еще выше надъ Сукивкой на Рожку живутъ: Гаврыши, Деревянки, Корнеты, Пивни и Макаренки, изъ которыхъ происходитъ осадчій хутора Завалошняго, а на сосѣдней толокѣ—Корніенки и Левченки, такъ называемые Горяне. «Старый Корніенко бувъ у Лубенському полку. Одъ ёго зосталась шабля, такъ диты переробылы на ножи, и сидло гарне, зъ звиздочками,—затратылось». Къ западу отъ толоки видна гора Глушкивка, гдѣ живутъ теперь Левченки, а прежде жили ушедшіе на слободы

---

[1]) Ломонисъ малорусское названіе растенія Clematis recta (Роговичъ. Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I, 119).

[2]) Чумаковали и потомъ мѣстные козаки, 30 хозяиновъ ходило въ дорогу: по другимъ сказаніямъ Кононъ былъ разбойникомъ.

[3]) А. Лазаревскій. Малорус. переписныя книги. 37, 38. Въ этихъ книгахъ упоминается еще о Кулябчиныхъ, Заднѣпровскихъ и Толоченкахъ (нынѣшнихъ Толоченкахъ). Прочія фамиліи опущены, а указаны лишь имена и отчества.

Бобрыки [1]). Такъ распредѣлилось козачье населеніе Кононовки, достигающее съ сосѣдними Чудновцами 1719 душъ. Жители вышесредняго и средняго роста, легкаго сложенія, съ кругловатыми лицами, темными волосами и глазами, женщины очень миловидны, и весь народъ вообще привѣтливъ и привлекателенъ. Конецъ села, такъ называемая «Весела гора», занятъ усадьбой помѣщика Сахновскаго, прежде принадлежавшей строителю мѣстной церкви—Макаренку, пришельцу изъ Лубенъ, не состоявшему въ родствѣ съ мѣстными козаками Макаренками, о которомъ разсказываютъ слѣдующее: «Якось йихавъ пошталіонъ зъ Лубень, пидъ хохулею [2]) перебылося кильце и чемоданъ упавъ. Ишла жыдивська наймычка и пидняла и до Сулы прыйшла, выбрала гроши, а чомоданъ—у ополонку. Потимъ грошы прынесла до-дому и сховала въ очеретъ; прызналась женыху, шо знайшла гроши. Повинчалысь воны и перешлы жыть у Кононовку. И винъ бувъ коваль и кувавъ. И потимъ за нымъ слидылы, допрошувалы, ну, винъ не сознавсь. Выстроивъ винъ домъ, а потимъ церкву. Кирпычный заводъ выстроивъ и за висимъ литъ кончывъ церкву. А пошталіона въ острози держалы и водылы що недили по базару и винъ просывъ, щобъ вернулы. Ему ризалы и уха, и пальци и кинець носа и роспыналы на вишальныцю, а черезъ тры годы ростреляли. А той Макаренко посчезъ, и сынъ ёго програвъ батькивщыну» [3]). Впрочемъ, по клировымъ вѣдомостямъ церковь

---

[1]) Вокругъ Кононовки есть слѣдующія урочища: Язвына, которую раскапывали, но ничего не нашли, Ризани могылы, Густи вербы, Руда, Крынычка и Вилки.

[2]) Вѣроятно слово это сродно нѣмецкому Hügel и также означаетъ бугоръ, холмъ.

[3]) По другому варіанту: „Макаренко служилъ у хозяина и былъ котляромъ (мѣдникомъ). Проѣзжалъ почтальонъ и заѣхалъ во дворъ: вставая уронилъ сумку, которую работница, поднявъ, спрятала въ печь, въ золу, а потомъ созналась Макаренку. Онъ женился на ней, потомъ переселился въ Кононовку“. Заключается [illegible] въ [illegible] сказаніяхъ [illegible]ное событіе—мнѣ неизвѣстно. Потомки же Макаренка вымерли.

значится построенной не Макаренкомъ, а вообще иждивеніемъ прихожанъ. Церковь каменная, съ круглымъ куполомъ, бѣлая, съ хорами внутри, новенькимъ иконостасомъ и разрисованнымъ потолкомъ. Поставленная на высотѣ, она господствуетъ надъ селомъ. Деревянная, выкрашенная въ свѣтло-желтый цвѣтъ колокольня стоитъ отдѣльно. Опредѣлить точно начало кононовскаго прихода затруднительно, такъ какъ по приводимой г-номъ Грановскимъ слѣдующей надписи на одномъ изъ евангелій: «Року 1701, я Ѳедоръ Кулябка отмѣнилъ сію евангелю до храму Успенія въ с. Кононовку, а ктобъ мѣлъ ее отъ той церкви отдалити, то таковой пріиметъ вѣчное отъ Бога каранье на судѣ панскомъ» [1])—слѣдуетъ предположить, что кононовскій приходъ существовалъ уже въ самомъ началѣ XVIII в., по другимъ же печатнымъ и мѣстнымъ письменнымъ даннымъ видно, что Кононовка во всю почти первую четверть вѣка была поселкомъ троицкаго лубенскаго прихода, и что церковь въ ней заложена лишь въ 1723 г. Первымъ кононовскимъ священникомъ былъ правобережный выходецъ Иванъ Яковлевичъ, «мужъ благоговѣйный, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніямъ прилежно испытанный». Сынъ его Дамьянъ, внукъ Кириллъ и правнукъ Меркурій продолжали преемственно быть мѣстными священниками. О послѣднемъ Н. В. Гоголь отозвался такъ: «Вы знаете этого алчнаго попа Меркурія, который съ жадностью слѣдитъ наше имѣніе и который, пользуясь правомъ родства, уже зажилилъ порядочный кусокъ». Затѣмъ потомки Меркурія вышли изъ духовнаго званія, но послѣдній изъ нихъ сохранилъ еще часть предковскаго грунта на Сукивкѣ. Другой сынъ Дамьяна, обозначенный въ мѣстной клировой вѣдомости 1784 г. [2]) священническимъ сыномъ Афанасіемъ, служилъ потомъ въ военной службѣ премьеръ-маіоромъ, имѣлъ сына В. А. Гоголь-Яновскаго, автора «Простака» и внука Н. В. Гоголя [3]).

---

[1]) Полт. епарх. 361, 362.

[2]) Книга указ. 41.

[3]) А Петровскій. Полт. губ. вѣд. 1902 г., № 36, 2, Нов. Вр. 1902 г., № 9324, 4, Кіев. Стар. 1902 г. I и III, 22—174—176, В. Гиляровскій. На родинѣ Гоголя. Москва, 1902 г., 49—52.

Къ югу отъ Кононовки, межъ нависшихъ деревъ и орѣшины, едва примѣтна узкая дорожка, поднявшись по которой на площадку среди горы, видишь въ просвѣтѣ раздвинувшагося лѣса, какъ на ладони, всю Кононовку съ прелестнымъ безпорядкомъ ея садовъ, рощъ, хатъ и церковью на горѣ. Затѣмъ все скрывается, на дорогу опять надвигается съ обѣихъ сторонъ лѣсъ: вѣковые, узловатые дубы и вѣтвистыя березы, мѣстами потемнѣвшія отъ времени; мѣстами-же весь лѣсъ, сплошной березовый, и чистые молодые стволы бѣлѣютъ среди яркой зелени. Тихо, воздухъ душистый и съ губъ срывается восклицаніе: «Господы! якъ тутъ гарно!» Особенно хорошо весной, когда все зеленѣетъ, сверкаетъ на солнцѣ, «голубіи фіялочкы гору вкрылы», а по окрестнымъ селамъ льются веснянки, также полныя весенняго аромата. Вскорѣ лѣсъ рѣдѣетъ; виднѣются сады, постройки, перепутанные, тѣсные, глухіе улицы и переулки большого хутора Чудновецъ, по мнѣнію А. М. Лазаревскаго, выселка изъ Кононовки XVII в.[1]) Темныя мѣстныя преданія ничего не говорятъ о такомъ происхожденіи Чудновецъ. По этимъ преданіямъ осадчимъ былъ какой то Чудакъ. «Первый чоловикъ бувъ Чудакъ и одъ его пошлы вже селыться разни люди—будто козакы». Большинство жителей козаки, между ними встрѣчаются слѣдующія фамиліи: Васики, Вечорки, Михедыхы, Москаленки, Мочулы, Шапоренки и Шостаки. Послѣднія двѣ фамиліи самыя зажиточныя. М. Г. Шапоренко былъ кононовскимъ головой, потомъ долгое время уважаемымъ земскимъ гласнымъ. Крестьянъ немного. Они переведены изъ Тимокъ помѣщикомъ Боярскимъ, пріобрѣвшимъ часть Чудновецъ отъ Ив. Макаренка, сына строителя Кононовской церкви. Жители, кромѣ земледѣлія, занимаются еще издѣліемъ колесъ; они бѣднѣе кононовскихъ[2]).

У того-же самаго Булатецкаго яра, въ непосредственной близости къ Лубнамъ построился хуторокъ Осовцы—рядъ хатъ съ соломенными кровлями среди яблонь, грушъ и сливъ. Названіе

---

[1]) Истор. очер. 99.

[2]) Лѣсныя левады у Чудновецъ называются: Баранивська, Блызня, Перехресна

хутора происходитъ по мнѣнію покойнаго М. Т. Симонова, высказанному однажды въ разговорѣ, отъ того, что здѣсь земля осѣдаетъ (осовуется). О происхожденіи хутора жители передаютъ такъ: «Се мисто завоевано, тутъ колысь ляхы жылы, а якъ война перейшла, такъ стало тутъ голо, и поселывся хозяинъ Семенецъ Юшко, потимъ Кирпичъ и третій Романъ Крилачъ». Потомъ число дворовъ увеличилось до 12, а въ настоящее время достигло 40, населенныхъ 236-ю жителями, козаками, занимающимися бондарствомъ. Осовцы существовали уже во второй половинѣ XVII в. и считались хуторомъ Лохвицкаго сотника И. Ограновича[1]). Осовцы расположены на горѣ: «на гору и воду носыть», и окружены валомъ, въ сажень вышины и четыре—ширины, частью уже сглаженномъ, а частью заросшимъ лѣсомъ. «Коло сёго валу Артемъ Крывенко, Ющынъ зять, копавъ яму на дытыну и выкопавъ голову и въ голови таке якъ шпень. Ляхы воювалы». Постройки внизу къ Булатцу называются «За крипостью». Кромѣ вала, Осовцы окружены еще нѣсколькими ярами: Поповымъ, Макаривщыною, Курячимъ, названнымъ такъ по слѣдующей причинѣ: «Пастухы було пасуть и поймають курчять и зачынять у лёхъ. Люде прыйдуть, слухають, шось спива. Дозналы и прозвалы Куряче. Тамъ злодіи колысь булы». Есть и еще яры: Ткачево, «де була хатёнка и ткачъ жывъ», и Савыцькой, «де така крыныця була, шо якъ хто важко больный, то требуе воды, каже: «дайте тіи воды, то я одужаю», а винъ такы вмре. Одъ тіи крыныци недавно була и зрубына».

При выѣздѣ изъ Лубенъ на большую Пирятинскую дорогу, поворотъ влѣво ведетъ черезъ поле на такъ называемую Мійську (т. е. городскую) гору въ село Низшій Булатецъ. Съ этой горы, лѣвую сторону которой составляетъ отвѣсная стѣна лёсса съ одинокой мельничкой наверху, а правая примыкаетъ къ п лю, открывается глубокій яръ, по которому вьется потокъ, иногда шириной въ аршинъ живой струи, при 3—4 сажняхъ русла Этотъ потокъ, тотъ самый, что и въ Тернахъ, носитъ здѣсь другое названіе—

---

[1]) Лазаревскій. Ист. оч. 65 и 98.

Семирички. «Изъ семи ярькивъ вода збирается: изъ того трошкы, изъ сёго трошкы и тече у Терны». По дну яра и на противоположной горной цѣпи, изрѣзанной рытвинами и узкими дорожками, лѣпятся хатки то надъ самимъ обрывомъ, то поодаль, среди старыхъ грушъ, сливъ и вишенъ. Низшій Булатецъ старое поселеніе. первой половины XVII в. О началѣ его мѣстные жители передаютъ слѣдующее: «Се була лядська земля. Козакы ляхивъ звоювалы, зогналы, а самы силы. Йиздылы козакы на коняхъ по тры годы и шабля у кожного була. Сельце було маленьке, почалось зъ Андріякы. У ёго було тры сыны: Якивъ, Евхымъ и Павло и вси Колесныкы пишлы одъ йихъ. У Евхыма була пасика[1]). Колесники заняли крайній уголъ села—подгорье отъ Осовецъ, а впослѣдствіи, размножившись, и гору надъ выгономъ. Внизу на Маліивци живутъ Маліи, «воны народъ плохшій». Здѣсь возлѣ сумрачной хатки колодязь свѣжей, кристальной воды. Далѣе по горѣ расположились: Кукаливка—жилье Баштовыхъ, Товкачивка—Товкачей и Баранивъ, древнѣйшихъ мѣстныхъ родовъ[2]), и Кушнеривка—Кушниривъ. На правой сторонѣ яра растянулся отъ въѣзда и до самаго выѣзда на Высшій Булатецъ одинъ только кутокъ Сацкивка, населенный Сацкими, неизвѣстно откуда пришедшими сюда. На полгоры, на площадкѣ маленькая Покровская церковь, по счету уже третья. Первая устроена около 1686 года, такъ какъ одинъ колоколъ купленъ тогда. Объ этой первой церкви старожилы по разсказамъ предковъ передаютъ: «Перва церква була вербова, манисинька, душъ десять улизе—тай повна, крыша крыта дранню». Вторая выстроена въ 1777 г., перестроена въ 1866 г.[3]). Съ половины XVII в. стали скупать здѣсь земли

---

[1]) Тотъ же старый Колесникъ разсказывалъ о землетрясеніи: «Якъ земля трусылась, ночвы струсыло и кури попадалы зъ сидала. Народъ кынется, перехрестытся и впьять лягае. Земля на одну мынуту трусылась.

[2]) Всѣ упомянутыя фамиліи встрѣчаются въ переписныхъ книгахъ 1666 г. (Лазаревскій. Малор. пер. кн. 39).

[3]) Грановскій. Полт. епарх. 1, 363, 364; при Булатицкой церкви есть приписная, домовая въ х. Кругликѣ.

Кулябки по 20—30 коп. за десятину. Вслѣдъ за другими и Несторъ Бараненко «свою ныву попустилъ» [1]). Память объ этихъ продажахъ осталась въ народѣ. «Паны землю подбиралы, де десятынъ сто, тамъ и ровивъ сто, такъ позбывалы землю, найбильшъ горилкою [2]). Хто зъ козакивъ пропывъ, а хто й задержавъ». Возлѣ Булатца были еще владѣнія мѣстныхъ фамилій: Скаржинскихъ и Пріймъ. «На Прыймыныхъ лукахъ якъ оралы, багато найшлы штыхивъ» (т. е. копій). Число жителей достигаетъ 900. Дорога изъ Низшаго Булатца на Высшій идетъ мимо округленныхъ холмовъ, самый высокій изъ которыхъ, опушенный лѣскомъ, называется Раковой горой и принадлежитъ въ настоящее время, вмѣстѣ съ смежнымъ лугомъ, бывшему лубенскому городскому головѣ М. К. Шемету. У Раковой горы, на ручьѣ Бровары, видна насыпь съ прорывомъ посрединѣ и у нея скопленіе воды, въ которой находятся пали—остатки водяной мельницы. Вскорѣ за небольшой пологой горкой начинается Высшій Булатецъ.

Въ церковной лѣтописи Высшаго Булатца сдѣлана попытка объяснить названіе поселенія двояко: 1) отъ рѣчки Булатца или Булатки, 2) отъ имени перваго поселенца Булатого или Булатецкаго, у котораго будто бы было два сына, изъ коихъ одинъ поселился въ низшемъ, другой въ высшемъ Булатцахъ. Нѣкоторая часть старой лубенской интеллигенціи склонна объяснять указанное названіе третьимъ способомъ, что будто бы папа прислалъ лубенцамъ буллу, приглашая ихъ принять католицизмъ. Отвергая второе объясненіе, какъ произвольное, придуманное впослѣдствіи, а третье какъ явно несообразное, принявъ которое слѣдовало бы разыскивать папскія буллы на всякій ручей или болото полтавской губерніи, носящія названія Булатецъ [3]), необходимо при-

---

[1]) Лазаревскій. Истор. очер. 92, 98.

[2]) Помѣщики, продавая по домамъ вино и отдавая его на продажу козакамъ и крестьянамъ, закабаляли ихъ (Зап. Теплова со II т. Зет. о Южн. Руси. 193).

[3]) Корень *бул* по сравненію съ латинскимъ bullire, bullio и романскими: bouillier, bouillon, bollire, bulicare, bulicame, также малорусскимъ булькотиты, долженъ означать; родникъ, ключъ, источникъ

знать, что названіе обоихъ селъ происходитъ отъ рѣчки и является родовымъ для всей мѣстности, ею омываемой, подобно Матяшовкѣ или Солоницѣ, описанныхъ въ первой главѣ.

Все село, кромѣ двухъ десятковъ хатъ въ оврагахъ, расположено на плоской возвышенности между двумя ручьями: Броварами и Гмыриной, сливающимися въ Булатецъ, тремя ярами, еще въ началѣ прошлаго вѣка покрытыми дубовыми лѣсами съ прудами, на днѣ которыхъ ловились окуни, лины и караси. Свѣтлыя, просторныя хаты, высокіе плетни, обширныя левады съ рощами и садами яблонь, грушъ, венгерскихъ сливъ—выгодно отличаютъ Высшій Булатецъ отъ другихъ селъ. Мѣстныя преданія умалчиваютъ о началѣ села, по письменнымъ же даннымъ оно, какъ и предыдущее, извѣстно съ первой половины XVII в.[1]). Здѣсь также скупали земли Кулябки, а въ 1752 году село отдано Разумовскимъ обозному Ивану Кулябкѣ, причемъ большинство крестьянъ переписалось въ козаки. Крайній восточный уголъ села называется Саливкою, по имени основного рода Салъ, здѣсь поселившагося. Между ними проживалъ человѣкъ съ фамиліей Спичка, но, подкупивъ при ревизіи писаря за 5 руб., онъ также былъ переименованъ въ Сало. Кромѣ Салъ здѣсь живутъ еще Губренки, по уличному Цикири и Коньки или Дрики. Фамилія Конекъ происходитъ будто-бы оттого, «що одынъ зъ ныхъ укравъ кони и оддавъ землю сотныку, шобъ вызволывъ, и самъ получывъ соби названіе Конькове, а те урочище, шо винъ оддавъ сотныку, звется Сотныцьке. Возлѣ Саливки—Халявина гора, на которой жилъ Халява, отдавшій свое имущество церкви. Слѣдующіе за Саливкою куты: Польща—жительство Остапкивъ, Демьянцивъ и Волыкивъ; Гайдукивка—Гайдукивъ[2]); Ломакивка—Ломакъ, Кочерживка—Кочергъ. На послѣдней жилъ нѣкогда богачъ Данило Сколота, обладатель

истокъ воды, кипѣнье, клокотаніе и журчанье ея.—Болото Булатецъ упоминается у И. В. Лучицкаго (Сб. мат. 227).

[1]) Лазаревскій. Истор. очер, Полт. Луб. 92.

[2]) Гайдуки и Цигили (Цикири?) встрѣчаются въ 1669 г. (Лазаревскій. Малор. переп. книги. 40.).

обширной пасики и пашенныхъ ямъ, полныхъ хлѣба. Часть денегъ пожертвовалъ онъ на мѣстную церковь, и процентами съ нихъ послѣдняя и до сихъ поръ пользуется; другая часть пошла на сооруженіе церкви въ Лубнахъ, на дворѣ духовнаго училища. Заслуживаетъ вниманія его обращеніе съ наймитами. Онъ бралъ къ себѣ работника пріймакомъ и по прошествіи извѣстнаго времени давалъ ему грунтъ, хату, женилъ его и дѣлалъ хозяиномъ. За Кочерживкою, на западномъ концѣ села, расположены еще два кута: Сулимивка--жилье Сулимъ, Бороxивка--Билановъ, Мерзляковъ и Толочіевъ, а также особый хуторокъ, населенный бывшими крестьянами Скаржинскихъ: Вовками, Катренками, Ляховыми, Хилюками и Шилами[1]). Михайловская церковь перенесена въ 1887 г. на настоящее мѣсто, вслѣдствіе сторонняго, невыгоднаго положенія прежней[2]), и къ ней ведетъ аллея. Иконостасъ новый, образа также. Изъ стараго иконостаса замѣчателенъ образъ Спасителя, мѣстнаго типа съ круглымъ румянымъ лицомъ. Высшій Булатецъ—село средней величины. По исповѣднымъ росписямъ, въ половинѣ XVIII в. въ немъ было около 900 жителей, въ тридцатыхъ годахъ XIX в.—1150; въ сороковыхъ до 1409, въ началѣ же текущаго вѣка 1680. Населеніе какъ Высшаго, такъ и Низшаго Булатцовъ вышесредняго роста, худощаво, плечисто, крѣпкаго сложенія, волоса и глаза свѣтлѣе, чѣмъ у кононовскихъ жителей, лица продолговатыя, съ прямыми или слегка горбатыми носами. Главное занятіе—хлѣбопашество; богатырей нѣтъ, есть зажиточные хозяева, имѣющіе по 20 десятинъ, но есть и малоземельные; придаточные промыслы жителей: извозъ, изрѣдка бон-

---

[1]) Вокругъ села разбросаны слѣдующія урочища: Балаклицево, Голомине на р. Броваркѣ, на ней же криница, которую очищаютъ и святятъ, Горошкове, Дейнеке, Малыщына, и Церковне озеро, и могилы: Сесекова «писля бытвы тамъ кладь зосталась», Кирилейкови могылы—курганчикъ, огражденный валомъ; и Шилова могыла съ крестомъ. «Тамъ Халява заповидавъ, шобъ ёго погреблы».

[2]) Отъ старой церкви, существовавшей съ 1760 г., остались: лжица, звѣздица 1765 г. и евангеліе, оправленное въ серебро въ 1778 г. козачкой Евдокіей Салихой (А. Грановскій. Полт. епар. 363).

дарство, и шитье одеждъ, даже и для другихъ селъ. Изъ обыкновенiй слѣдуетъ упомянуть, что, взамѣнъ новогодняго фарса меланки, здѣсь появляется цыганъ, также называемый мачкарой, какъ святочный дидъ, да еще чучело коня изъ соломы, обернутой рядномъ съ пришитой къ нему конопляной гривой, которое носятъ на себѣ парни, родственное западно-славянской кобылѣ [1]).

Вблизи Булатца, у большой Пирятинской дороги, въ восьми верстахъ отъ Лубенъ виднѣется Малеваная долина, иначе хуторъ Стронскаго, состоящiй изъ нѣсколькихъ хатъ, по обѣимъ сторонамъ дороги. Первое названiе дано хуторку крестьянами отъ стоявшаго нѣкогда на плотинѣ раскрашеннаго подобно верстамъ мостка, второе—сообщено владѣльцемъ М. П. Стронскимъ: «Винъ родомъ зъ Лубень, не зъ давнихъ панивъ,—разсказываютъ крестьяне,—купывъ соби нывку, ставъ отпыхать сусидивъ, лискы понакупавъ у Санковського. А потимъ спорятся було зъ нымъ, було Санковськый индыкы его ловыть. Розжывсь винъ, вынокурню и трахтыръ державъ». Небольшое количество крѣпостныхъ набрано отовсюду. «Де хто зъ пидсусидкивъ запысани потимъ у ревизiю. Одного парня, кажуть, прывелы на орывку.» Есть изъ Гадячскаго уѣзда и изъ черниговской губ. Фамилiи жителей: Гайдаи, Куляки, Литвиненки, Письменни, прежде называвшiеся Роговскими, Титенки и Ханенки. Всѣ они при крѣпостномъ правѣ были пѣшими и выпущены безъ земли. Наглядное представленiе о крѣпостномъ правѣ даетъ одна изъ сохранившихся отъ того времени избенокъ. Величиной она въ 5-6 аршинъ, заставлена разными, «злыднямы»; окна малы настолько, что среди дня темно, и входъ такой, что человѣку обыкновеннаго роста нужно сгибаться вдвое. О канунѣ крѣпостного права крестьяне разсказывали: «Сталы славыть, що воля буде, такъ за те былы людей у два пучкы розкамы, шобъ не згадувалы про волю. А потимъ Снитынськiй Андреевъ [2]) прыйихавъ наставлять волю, и люде молебень наймалы». Сохранились и живые свидѣтели обоихъ событiй: прикрѣп-

---

[1]) См. В. Миллеръ. Всемир. сказ. въ Рус. Мысли 1893 г. 11. 212.

[2]) Мировой посредникъ.

ленія крестьянъ отмѣной вольнаго перехода 3 мая 1783 г., и освобожденія въ 1861 г.—это Екатерининскія вербы, мѣстами полусломанныя, пустыя въ срединѣ, мѣстами вѣтвистыя и зеленыя, растущія по обѣимъ сторонамъ широкой дороги до самаго города.

Слѣдующая за Кононовкой и Булатцами новая группа селъ и хуторовъ расположена въ южномъ направленіи по ручью Вязовку, впадающему въ Сулу за Тернами. Вдоль дороги отъ послѣднихъ къ сосѣднему селу Вязовку, къ юго-востоку, залегаетъ топкая торфяная и аллювіальная долина Сулы [1]) съ песчанымъ пастбищемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Велыки Юрища, которымъ встарину пользовался исключительно Вязовокъ; затѣмъ жители Шершневки и Ерковецъ стали переправлять черезъ Сулу свои размножавшіеся стада сюда же, а начавшіеся споры привели къ установленію общаго пользованія въ спорной мѣстности для всѣхъ окрестныхъ селъ. Смежный сѣнокосъ Мали Юроща находится уже въ отдѣльномъ пользованіи Вязовчанъ. За топкимъ лугомъ Закладьемъ къ селу прилегаютъ конопляники (пидметы) [2]). Справа отъ дороги у Терновъ горная окраина начинается круглыми, покатыми холмами, переходя понемногу въ сплошную горную цѣпь, ограждающую Вязовокъ съ сѣвера на всемъ его трехверстномъ протяженіи. Эта цѣпь изрѣзана причудливо вѣтвящимися блѣдно-желтыми, иногда красноватыми оврагами; отдѣльныя вершины, похожія на бастіоны, круто спускаются въ долину. Въ ущельяхъ мѣстами сохранились кусты и рощи, въ которыхъ среди дубковъ бѣлѣетъ одинокая береза. Одна изъ горъ Лукашина, на которой «Роблени могылы», имѣла сторожевое, охранительное значеніе. «Тамъ стоявъ на кони козакъ и державъ виху и куды похылыть, туды тикать: непрыятель наступа—ляхы, и люде кыдають серпы, тикають, ховаются на човнахъ у болото.

---

1) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 339.

2) Съ этой луговой стороны помѣщается церковный сѣнокосъ 33 дес., пустырь зимовникъ, сѣнокосы: Сичка и лука, а также отдѣльная, голая гора, хотя и называющаяся Селище, но никакихъ слѣдовъ бывшаго здѣсь когда либо жилья не представляющая.

у лисъ» [1]). Это воспоминаніе указываетъ на древность поселенія, бывшаго въ 1654 г. центромъ особой Вязовской сотни Лубенскаго полка, тогда, когда,—по свидѣтельству Самовидца,—«що село, то сотныкъ, а иная сотня мѣла люду тысячу; такъ усе що жыво пиднялося въ козацтво» [2]). Потомъ Вязовокъ отчисленъ ко второй Лубенской сотнѣ и универсалами Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельницкаго 1659 г. и Демяна Многогрѣшнаго 1671 и 1672 г. утвержденъ за Мгарскимъ монастыремъ [3]). Какъ бывшіе монастырскіе впослѣдствіи крестьяне, такъ и козаки расположились въ Вязовкѣ слѣдующимъ образомъ. У въѣзда со стороны Терновъ живутъ: казённые крестьяне Ефименки, Нимичи, Семененки и козаки Булюбаши или по уличному Хоружи. Далѣе вправо отъ дороги, къ горѣ, въ кутѣ Долинѣ живутъ: козаки Карпенки, Корніенки и Куци, а на Завгородьи—Билухи, Онипки, Онищенки и Романюты; влѣво отъ дороги, къ Лугамъ, на Замостьи помѣстились: Потоцкіе, Николаенки и Сытники и на особенно тѣсно застроенной Дрижаивкѣ—Горобачи, Дрижанки, Пироги и Сербины. По самой срединѣ села находятся: Билыкивка, жилище Билыкивъ, Вороныхъ, Значковъ, Сушичей и Москаленковъ, по уличному прозванныхъ Кулишами, почему и улица ихъ называется Кулишевскою; за Билыкивкою—Бурдымивка, въ которой живутъ Бурдымы и Куци, а въ особой части Дмитривкѣ—

[1]) Кромѣ этой горы, гористыя окрестности Вязовка носятъ слѣдующія названія: Сидловачи, у въѣзда въ село, затѣмъ: Диброва, Городище, по направленію къ Чудновцамъ, «тамъ у лиси валъ завернутъ», и по мнѣнію народа былъ нѣкогда городокъ, и Коновцы у кладбища и мельницъ на горѣ. Попытки мѣстныхъ кладоискателей не дали результатовъ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго разсказа: «У балкахъ, кажуть, гроши йе. Моему батькови прыснылось, шо тамъ лёхъ и ружжя. На бочонку сыдивъ панъ и спытавъ фамылію и запысавъ. И батько забралы людей, пишлы копать, зачалы горбъ перерizувать, а хазяйка Елисавета не дала переризать, выгнала».

[2]) Лѣтоп. Москва 1846 г., 14.

[3]) Лазаревскій: 1) Истор. Очер. полт. губ. 103, 2) Арх. стр. 67—72.

Дмитренки. Возлѣ Бурдыливки урочище Монастырецъ. Южную часть села составляютъ: Галыкивка, гдѣ живутъ казенные крестьяне Рябки, по уличному Перетятьки; возлѣ нея въ лиску «прычепывся» кутокъ въ 5—6 хатъ—Адамивка, жилье Адамйвъ, Дичокъ, Сокирокъ и Сушичей, по уличному Грабовыкивъ. Послѣдній кутокъ Гусакивка, гдѣ живутъ Антоненки. Онъ лежитъ у большой обрывистой горы, по Александровской дорогѣ, такъ называемой Третяки [1]), съ которой открывается видъ на все село,

[1]) Третяки представляютъ нѣкоторый этнографическій интересъ, такъ какъ на этой горѣ, какъ на Костевій въ Кононовкѣ, и на обрывистыхъ берегахъ Сулы и Удая въ прирѣчныхъ селахъ, праздновался прежде Купало. 23 іюня, молодежь, бывало, плела вѣнки изъ ржи и полевыхъ или огородныхъ цвѣтовъ: васильковъ, сокирокъ, ласкавицы, любистка, мака и мяты. Мѣстами однѣ дѣвки въ вѣнкахъ, а мѣстами и парни собираются въ условленное мѣсто вечеромъ и ночью и зажигаютъ принесенные кули соломы, или сѣна, которое иногда отпускалось при крѣпостномъ правѣ въ количествѣ копны для этой цѣли изъ экономіи (напр. въ хуторѣ Рейзера). Костры дѣлались отдѣльные для парней и дѣвокъ или общіе съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было перелетѣть чрезъ огонь въ воду и такимъ образомъ сразу принять и огневое и водное очищеніе. Въ случаѣ общаго костра парни и дѣвки прыгаютъ или отдѣльно или, взявшись за руки, какъ въ старой Малороссіи (Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос. ч. III., 198). Въ Кононовкѣ парни и дѣвки держатъ шесты (дрючки) съ привязанными и зажженными пуками (верчыками) соломы, въ Вязовкѣ же пускаютъ еще внизъ съ горы колесо, обмотанное соломой и зажженное. Тогда же дѣвочки прыгаютъ чрезъ крапиву, припѣвая:

Дивка Тетяна
Купала на Йвана
Порося вкрала
Въ куточку сховала.

Или:

Купала на Ивана
Иванова маты
Порося вкрала.
Иванъ бижыть,
Крыкомъ крычыть:

тѣснящееся въ ущельи по холмамъ и взгорьямъ, между садами и рощами съ церковью посрединѣ, на Билыкивкѣ. Въ церкви, перестроенной въ 1896 г., сохраняется нѣсколько старинныхъ иконъ и книгъ: Божья Матерь съ св. Николаемъ, Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими, скорбящая Божья Матерь, пронзенная мечемъ; маленькій образъ Владимірской Богоматери и образъ Спасителя въ красномъ хитонѣ. Новыя намѣстныя иконы нарисованы, или можетъ быть только поновлены, бывшимъ священникомъ с. Ольшанки О. Е. Коваленкомъ. Есть еще двѣ картины въ позолоченныхъ рамахъ: Тайная вечеря и Снятіе со креста, подаренная купцомъ Фалинымъ. Въ церкви хранится также старинный двусвѣчникъ, изображающій ангела, и слѣдующія богослужебныя книги: евангеліе Лаврской печати времени царя и великаго князя Петра Алексѣевича при патріархѣ Адріанѣ и архимандритѣ печерскомъ Мелетіѣ, 1697 г., съ надписью: «Сію книгу, именуемую евангеліе напрестольное, отмѣнилъ рабъ Божій И. Семинутенко, житель Вязовской, маетности монастыря Мгарскаго Лубенскаго за сумму певную 10 личбы литовской надалъ ее до храму Вознесенія Господня за отпущеніе грѣховъ своихъ и жены

На тоби ятирь,
Верны мою матиръ.
Купала на Йвана.

На другой день 24 іюня прыгаютъ черезъ костры уже въ обратномъ направленіи (одскакують купала). Эти купальскія празднества, столь сходныя съ римскимъ праздникомъ pales на collis Palatinus, соединеннымъ съ прыганьемъ черезъ огонь и окропленіемъ водой, также съ французскими (Камилъ Фламмаріонъ. Невѣдомое въ Нов. Врем. 1900 г., 6 мая, № 8688, 8) прыганіями дѣвушекъ черезъ костры, валлонскими (E. Monseur. Le Folkl. wal. 130), нѣмецкими обыкновеніями (A. Lang. Mythes, cultes et relig. Trad. par Marillier Paris. 1896. 554, 555)—объясняются, какъ прежде (Костомаровъ, въ Молодикѣ 1843 г. 107—112), такъ и теперь, двояко: очищеніемъ (купить) и соединеніемъ (купа, купить), набираніемъ въ себя солнечной силы и плодородія; обычай же катанія колеса выполнялся для того, чтобы солнце свѣтило. (L. Marillier. „M. Frazer et la Diane de Nemi" въ Revue de l'ist. des relig. T XXV. p. 93, 99).

своей Настасіи и дѣтокъ своихъ. То есть записано року 1702» [1]). На другомъ евангеліи, 1779 г., отдѣланномъ въ серебро съ чернью, тоже сохранилась надпись: «Сія книга, глаголемая напрестольное евангеліе отмѣнилъ рабъ Божій Степанъ Кушнеренко и надалъ въ село Вязовокъ до храму Вознесенія Господня за отпущенія грѣховъ своихъ». Вязовокъ довольно большое село; уже въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ немъ было болѣе 1200 душъ, а въ 50-хъ до 1500, въ концѣ же вѣка—1935. Козаковъ въ селѣ нѣсколько больше, чѣмъ казенныхъ крестьянъ, всѣ стройны, вышесредняго роста, нѣкоторые козачьи роды: Бурдымы, Потоцкіе даже высокаго, красивы, встрѣчаются женщины правильнаго, кавказскаго типа. Мужскія одежды такія же, какъ по Слѣпороду, у женщинъ еще доживаютъ послѣдніе дни запаски и плахты, очипки гребнемъ, повязки высокія.

Къ западу отъ с. Вязовка, въ томъ же яру, внизу и по круглымъ холмамъ разбросанъ хуторокъ Вязивчикъ или Козловщина, населенный княгиней Кудашевой, урожденной Козельской, крестьянами изъ с. Крутого Берега, Тишковской волости [2]): Бондаренками, Глущенками, Гончаренками, Козеренками, Ляшенками, и Левченками, изъ Рудки, Яблоновской волости. Самое названіе «Козловщина» жители признаютъ искаженнымъ «Козельщина». О старинѣ они передаютъ слѣдующее: «Земли було небагато, князь посбывавъ у людей, купувавъ по пьять рубливъ десятыну. Тутъ булы и Пулынськи земли и батькы ихъ стиловалы тутъ. И у Ляховыхъ тоди куплено земли: степка одбывъ князь; каже було прыкащыку Цёдыку: «хто просыть—давай гроши». Кынувсь до Завалошнёго, а той каже: «ни»! «И ни ступня не давъ». При переселеніи изъ Крутого Берега, крестьяне утратили тамъ свои земли, достигавшія у иныхъ 30 десятинъ. Крутобережскій типъ сохранился у жителей: они тонки, выше средняго роста, волосы темпорусые, глаза сѣрые и голубоватые. Крутобережскіе обычаи вывѣтрились.

---

1) Слѣдовательно приходъ былъ уже въ самомъ началѣ XVIII в. (А. Грановскій. Полт. еп. 362, 363).

2) Лѣсн. Лубенщ. 2—4.

За Козловщиной яръ Вязивець углубляется и вѣтвится; внизу разбросаны ставки, а по склонамъ округленныхъ холмовъ расположено нѣсколько хуторковъ[1]), изъ которыхъ ближайшій къ большому земляному сооруженію, валу, получилъ отъ послѣдняго и названіе Завалошній. Иначе онъ называется хуторомъ Макаренковымъ, по имени основателя, Кононовскаго козака Макаренка, по уличному Завалошняго. Названіе это часть мѣстныхъ жителей производитъ не отъ слова валъ, а отъ заволо́ка, намекая на слѣдующія похожденія осадчаго. «Макаренко пишовъ у дорогу и затратывъ чотыри пари воливъ и попродавъ, а до-дому одпысавъ, що подохлы. Потимъ прыставъ до розбойныкивъ и восимнадцять годивъ бувъ у розбойныкахъ, а потимъ ёго собралы атаманомъ. И винъ прыготовывъ мазныцю, може й ридну, ту що йиздывъ. И выйшовъ изъ грипьмы и прыставъ до валкы. И у вальци пропавъ быкъ, и Макаренко купывъ шкуру и обдѣлавъ; тягне шкуру и мазныцю и пытае: «давно валка пройшла»? Тутъ роспрощався, подавсь у хутиръ. И баба йихала за нымъ». «Ходывъ прадидъ ще парнемъ на заробиткы и потимъ тамъ женывся, прывивъ жинку. Заволошни оттого, що винъ бабу соби прыволикъ зъ Тавріи И ото винъ скуповувавъ яры въ Вязовку и выстроивсь у лиску. И высыпавъ мисто для пасикы, носывъ землю мишкомъ. У ёго було симъ сынивъ». «Макаръ бувъ захожій може зъ Кононивкы. На хутиръ выйшовъ, занявъ, высыпавъ ставокъ, носывъ землю рядпыною, або шкурою; зробывъ пасику, откопавъ горы

---

[1]) Ближе къ Завалошнему—Гершунивъ, принадлежавшій прежде Павловскимъ-Бѣлецкимъ, по уличному Гершунамъ; въ немъ 4 хаты крестьянъ Ляховыхъ, подошедшихъ изъ сосѣдняго хуторка Ляхового, состоящаго изъ трехъ хатъ. «Оба хутора зъ Ляхивъ». Расширенное русло оврага носитъ названіе Прудкивщына. На крутомъ склонѣ видны развалины жилья помѣщика Садика. Прежде онъ жилъ въ самомъ яру—Прудкивщинѣ. Здѣсь была его винокурня и здѣсь же жилъ его крестьянинъ Мирошниченко. Вблизи хуторокъ, называемый по имени одного изъ владѣльцевъ Петрашевщиной. Среди мѣстныхъ урочищъ жители указываютъ круглыя могилы, по дорогѣ на с. Пулинцы. Тамъ подгнившія бревна, остатки лёха.

для пасикы, ставокъ загатывъ. И пасику якъ зробывъ, то выносывъ землю. У ёго булы лиса и десятынѣ двисти земли». «Заволошній такый бувъ здоровый чоловикъ, що нихто ёго не подужае. И скризь ричка була и лисъ, и винъ лисъ сплюндровавъ. клавъ дубья, робывъ греблю и высыпавъ землю шкурою. Самъ якъ йе носывъ. Хочъ якого дуба самъ накотыть на визъ. Никого не бере, нихто не знае ёго сылы, якъ бы кынувъ кого, то одразу бъ убывъ. Заволошни закупылы паньску землю, теперъ ихъ трынадцять хатъ, хазяинивъ зъ двадцять» [1]). Эти хазяины народъ крѣпкій, высокій, плотный, съ темными и русыми волосами и сѣрыми глазами. Описанные хутора ограждены валомъ, шириной въ 4 и болѣе саженъ, а длиной до двухъ верстъ: отъ урочища Фесенкивъ яръ почти до большой Золотоношской дороги, пересѣкающей эту часть уѣзда до Пирятинской дороги подъ прямымъ угломъ. На валу замѣтны два воронкообразныхъ углубленія, посреди которыхъ проѣздъ на хутора. Южная часть вала до урочища Макаривське распахана и засѣяна хлѣбомъ, сѣверная, круто спускающаяся въ яръ, заросла полевой нехворощью (Artemisia Scoparia), лыпнемъ (липкой, Spirea Filipendula) и чебрецомъ (Thymus Serpullum.). Съ западной стороны вала протянутъ ровъ, шириной въ 4 сажня, прежде наполнявшійся водой, судя потому, что въ немъ и теперь изрѣдка попадается болотное растеніе аеръ или лепеха (Acorus salamus). Хуторяне разсказываютъ о валѣ слѣдующее: «Страшный валъ бувъ, настояща крипость. Яки то жылы раньше чы ляхы, чы що, що воны вхранялы себе. Розсказують, що багато тамъ грошей. И копають и докопаются до каменя такого, що неможна одвернуть, и бросять. Потимъ не втерпять: що урочыще те показуе, що йе гроши; до тихъ пиръ покы ввирытся. Батюшка выкопавъ ровъ и показуе прекметы таки, що йе гроши. Одынъ чоловикъ выстроивъ и обмазавъ и вкрывъ хату, тилькы виконъ не було ще и провалылось середъ хаты,—лёхъ. Давай попа вызывать, и бочонокъ бувъ и такъ ёго затерлы, замялы, нихто не може узнать».

---

[1]) Отъ мѣстныхъ крестьянъ, отъ Макаренка и Ив. Корніенка.

Въ сторонѣ отъ Золотоношской дороги, по округленнымъ краямъ балки Вязовчикъ, среди вербъ и садковъ, разбросано нѣсколько хуторковъ, козачьихъ выселковъ изъ Высшаго Булатца, перешедшихъ на широкое приволье, «незбойну» землю степей, на густыя травы долинъ. Свѣтлыя, просторныя хаты, большія клуни, сытая «худоба»—свидѣтельствуютъ о зажиточности жителей. Уже самыя фамиліи послѣднихъ—Кочерги, Сало, Сколота, ласкательныя—Остапци, Демьянци указываютъ на домовитость. Въ 1884—1885 г.г. эти хутора выстроили себѣ Воздвиженскую церковь, пріобрѣтя иконостасъ изъ Тарандинцовской церкви, купивъ церковную ругу, и съ тѣхъ поръ стали называться общимъ именемъ Остаповки, но хуторное расположеніе еще вполнѣ сохранилось, и хутора, сдѣлавшись кутами, раздѣлены между собою промежутками, годными для будущаго разселенія. Крайній отъ Высшаго Булатца хуторъ не вполнѣ булатецкаго происхожденія; такъ, одинъ изъ основателей, Иванъ Лева, вышелъ изъ Енковецъ, два же другіе родоначальника—Иванъ Демьянець и Акимъ Тарасенко—булатицкіе. Ихъ разросшееся потомство составило хуторъ Левинъ. Слѣдующій хуторъ—Гонтаривъ или Квачкивка, названный такъ потому, что «весною тамъ гракы крычять, черезъ то—Квачкивка». Населенъ онъ Гонтарями, по уличному Квачками, и Мищенками. За Гонтаревымъ—Остапцивъ, основанный раньше другихъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, Никифоромъ Остапкомъ, по фамиліи котораго названа и вся деревня, частью на предковской землѣ, частью на скупленной черезполосной. Онъ былъ хорошій хозяинъ, имѣлъ винокурню и пасику, ему же принадлежала вся прилегающая къ хутору балка. Внукъ Никифора, Афанасій былъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка головой и отвозилъ бывало въ Золотоношскую попечительную контору рекрутъ, тогда еще «у зализи, у закови», какъ поется въ рекрутскихъ пѣсняхъ. Сынъ его Григорій также былъ головою, теперь онъ восьмидесятилѣтній, но еще бодрый, крѣпкій старикъ, съ большимъ лбомъ, открытымъ взглядомъ и бѣлой, какъ снѣгъ, бородой. Не только внѣшность, а и характеръ его привлекателенъ. Онъ частый поручитель въ Лубенскомъ городскомъ банкѣ, снисхо-

дительный хозяинъ у себя дома, дающій льготный четвертый снопъ своимъ зажинщикамъ. Въ крымскую кампанію онъ поставлялъ подводы отъ лубенскаго уѣзда, вмѣстѣ съ другимъ мѣстнымъ дѣятелемъ, козакомъ С. Д. Зѣненкомъ, теперь уже покойникомъ. Затѣмъ, къ Остаповкѣ принадлежатъ и еще хутора: Сколотинъ, основанный И. Сколотой, Кочерживка, имѣющій въ себѣ церковь, основанъ Т. Кочергой, Михайленкивъ—С. Михайленкомъ, Саливъ, основанный Е. Саломъ и Косякивъ—Косякомъ изъ с. Тарандинецъ. Мѣстное населеніе сохранило типъ одежды и обычаи булатицкіе.

Остаповкой и находящимся на одной линіи съ нею хуторомъ Стронскаго оканчивается къ западу лубенская волость, и далѣе по тому же ручью Вязовку расположены дугой слѣдующіе хутора лазорской волости: Макаровщина, прежде принадлежавшая Макаренку, потомъ купленная у него полковникомъ Д. Я. Пѣщанскимъ изъ Пѣсокъ, лохвицкаго у. Крестьяне (123 души) собраны изъ разныхъ мѣстъ, фамиліи ихъ: Бублики, Ковбы, Обчіи, Олексенки, Плахотниченки и Свитниченки. Хозяйство Пѣщанскаго заключалось въ водяной мельницѣ, небольшомъ хлѣбопашествѣ, 2—3 плугахъ, 10 коровахъ при быкѣ своего завода, и табунъ разномастныхъ матокъ въ 15 головъ. Онъ посылалъ пять возовъ въ дорогу и соль сбывалъ оптомъ. Полковникъ до трехъ разъ надѣлялъ своихъ крѣпостныхъ тягломъ, давая крестьянину двухъ воловъ, корову и восемь овецъ. Только за третьей растратой человѣкъ обращался въ пѣшаго. Неудивительно, что люди сожалѣютъ о старинѣ, говоря: «Теперь стало гирше, робымо козакамъ». Рядомъ виднѣется нѣсколько козацкихъ хатъ, основанныхъ козакомъ Харитономъ Власенкомъ и его потомками, изъ с. Воронецъ.

Сѣвернѣе Макаривщины, по обѣимъ сторонамъ того же оврага Сухого Вязовчика, тѣснится хуторъ Санковщина или Богодаровка. По мѣстнымъ народнымъ преданіямъ онъ основанъ Литвиновымъ, отъ котораго перешелъ нѣкоему Полубочку. «Полубочко однимавъ землю у козакивъ, выпасувавъ, такъ шо треба було ему продавать, шобъ не даромъ пропадала». Отъ Полубочка

хуторъ перешелъ Гирману и нѣкоторое время назывался Гирмановкой. Настоящія названія происходятъ: первое отъ имени помѣщика деревни Скочакъ, пирятинскаго у., А. А. Санковскаго, купившаго хуторъ у прежняго собственника Гирмана, второе— отъ самой покупки: выгодно пріобрѣвъ имѣніе, Санковскій сказалъ женѣ (по первому мужу Боярской): «Намъ Богъ дешево давъ—пущай буде Богодаровка». Изъ крестьянъ первыми были поселены Улитки, потомъ Гаращенки, Гейки, Литовченки, Муравчики, Пасишни, Писаненки, Поваліи, Пурденки, Савченки, всего теперь 48 дворовъ, 334 души, красиваго, стройнаго, но имѣющаго истощенный видъ, населенія. При крѣпостномъ правѣ у Санковскаго было довольно значительное хозяйство. На ручьѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь переброшенъ мостикъ, стояла водяная мельница; была своя винокурня и четыре трактира. Землю обрабатывали два панскихъ и два крестьянскихъ плуга; четыре пары ходило въ дорогу. Объ одномъ извозѣ крестьяне вспоминаютъ: «Басъ пишовъ у дорогу, чотыри пары гонывъ, и 300 рубливъ давъ Санковскій. Басъ дійшовъ у Лубни, гроши вронывъ та зъ батижкомъ вернувсь». По толокѣ ходило стадо въ 15—20 панскихъ и 15 крестьянскихъ коровъ, небольшой табунъ въ 10 матокъ съ однимъ заводчикомъ и до 500 шпанокъ съ баранами изъ орѣховскаго завода Леонтовичей [1]).

---

[1]) По Вязовку же къ Пирятинской дорогѣ довольно привольно, у вербовыхъ рощицъ и изрѣдка старыхъ грушъ, расположились хуторки: Бебехивъ, жилье козаковъ Стронскихъ, Малючинъ—4 хаты Подпаловыхъ; Крутіивъ или Галицинъ—12 хатъ, Кіяшкинъ –4 хаты, Щербинивъ—4 двора, Степуринъ—12 хозяиновъ, Терещенковъ—6 хозяиновъ. Всего во всѣхъ этихъ хуторкахъ, носящихъ родовое названіе Вязовка, 293 жителя, предки которыхъ вышли изъ Новаковъ, тарандинцовской волости. Той же волости и хутора у Пирятинской дороги: Прудкихъ, въ которомъ живутъ Сидоренки и Кіяшки; Вилы, населенный Сидоренками и Журавлями, Березовица—Кайдашами и Онищенками, и закрытая почтовая станція Ивановская, съ двумя хатами. Жители всѣхъ этихъ хуторковъ типомъ, одеждой и обыкновеніями схожи съ прочими жителями тарандинцовской волости, описанными въ «Лѣсной Лубенщинѣ».

На самой Пирятинской дорогѣ расположенъ хуторокъ Пышный или Пышный Колодязь. Такое названіе для нѣсколькихъ хатъ, двери которыхъ выходятъ прямо на дорогу безъ оградъ, палисадниковъ или садиковъ вокругъ построекъ, можно бы считать ироническимъ, если бы не большой колодязь съ часовней (капличкой), нѣкогда здѣсь бывшій. Въ мѣстной исторіи хуторъ Пышный извѣстенъ столкновеніемъ, происшедшимъ въ 1762 году между лубенскимъ обознымъ Василіемъ Григорьевичемъ Кулябкой и громадами селъ: Тарандинецъ, Новаковъ и Высшаго Булатца, явившихся толпой въ 1000 душъ подъ предводительствомъ Андрея Бабича, разорившихъ постройки Кулябки и грозившихъ его убить, за что часть участниковъ, 135 козаковъ, наказаны плетьми по 10—60 ударовъ. Но генеральный судья, признавъ дѣйствія мѣстной старшины неправильными, присудилъ съ него въ пользу наказанныхъ 14,864 руб. [1]). И впослѣдствіи здѣсь долго еще былъ трактиръ Кулябокъ. Новѣйшая исторія хутора связана съ именемъ мѣщанина Петруньки, женатаго на дворянкѣ и пріобрѣтавшаго крестьянъ на имя тестя. Первымъ поселенъ имъ въ хуторѣ Сергѣй Павлищенко, за нимъ Шкарупъ, изъ имѣній Свѣчки, а потомъ еще пять душъ изъ х. Димного, отъ Волковицкаго: Лайка, Прихидько, Ковтунъ и Мирошниченки. «И тому Потруньци повынялысь люде. Усеи земли було 40 десят. у пана, у ёго бувъ плугъ: тры пари воливъ, трое коней и дви коровы. Голи булы паны, голи й люде. Було люде ходять у Остаповку просыть хлиба у багатыривъ». Люди выпущены безъ надѣловъ какъ вообще крестьяне мелкопомѣстныхъ. И теперь положеніе ихъ печальное. Ихъ стѣсняютъ большіе отработки за землю. «Тоди прыйды пожалуста, тоди прыйды пожалуста—и назбирается мисяць». Кромѣ крестьянъ въ хуторѣ живетъ еще нѣсколько новаковскихъ козаковъ: Сахновъ, Щербъ, Радченковъ и Сердюковъ, и самый хуторъ тарандицовской волости.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) А. Лазаревскій. Ист. очер. Полт. и Луб. 63 и Мякотинъ. Дѣла по истор. крест. Кіев. Ст. 1901 г,. II, 312—314.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

ЧАСТЫНА ЧЕТВЕРТА.

I.

Свои.

Була темна осинння ничъ. Дощъ, якъ кризь пидсытокъ, сіявъ—густый та дрибный; зъ земли вставала важка пара, закутувала все въ свое вохке запынало, котре не давало бачыты, що діется на земли. Скризь тыхо, темно, сумно, наче въ мертвому царстви. Пидъ таку годыну завжды важко дышется, сумно жывется. Добри люде, абы смеркло, мерщій засовуются по своихъ доливкахъ; зъ виконъ ызенькыхъ сильськыхъ хатъ блыскае свитло якымысь жовтымы кружаламы. Кожному чогось не по соби. Всякъ не знае, що роспочаты—якъ бы хочъ трохы розважытысь... Чоловикы: одни—чоботы латають, други—рукавыци плетуть, трети—що инче... Жинкы та дивчата—то прядуть, то сорочкы шыють. Диты позалазылы на пичъ, дримають... У хати тепло, тыхо,—хочъ и не ясно: середъ полу на перекынутимъ горщати ледве блыщыть каганчыкъ; якъ сыня горошына, темно свитыть накыпилый гнитъ... Якись померкы окрывають хату. Негода и туды

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 9.

залазыть, и тамъ свое бере! Колы не дощемъ обдае кризь лыху оселю, та въ викно; не важкымъ туманомъ налягае, отъ-якъ на двори,—то нимымъ сумомъ по хати снуе, въ журбу людей сповывае, тяжкою тугою въ душу залазыть, сномъ укрывае... Оце дивчына спивае—спивае своихъ любыхъ писень; а тамъ—дывысь: обирвався голосъ, слабшае, тыхшае, покы и сама не счуется—колы и якъ задубіе голка въ недошытій мережци... Схылыла на неи дивчына важку голову; заколывалася, дримае.

— Що це ты, Марусю? вже и спышъ?—пыта іи маты.—Отто дивка...

Дочка кынется; роскрывае очи; мерщій за роботу берется. Чы пройшла рядъ мережкы, чы не пройшла,—гляне: маты и соби захыталася на гребени... Веретено падае зъ рукъ и, вдарывшысь объ землю, розбуджуе...

— Пху! що це воно справди такъ сонъ налягае?—промовляе здывована маты.

— А зъ мене, небійсь, сміялыся!—выправляется дочка.

— Сміялася жъ, та бачъ, и сама задримала.

— Та воно щось и въ мене робота зъ рукъ валытся,—уверне батько.—Будемо, мабуть, вечеряты, та лягатымемо спаты.

Це такъ дома, въ себе въ господи. А не дай же то, Боже, въ дорози. Холодъ тебе наскризь проймае; дрибный дощъ до самого голого тила добырается; тре та мне тебе всёго, наче трястя. Сумно, темно, спаты хочется, та холодно, мокро ажъ кисткы ломыть, а тутъ ще и шляхъ тальный—кони ледве-ледве сунуть.

Такый и цилый день бувъ передъ тіею ниччю. Прокынувся ранокъ та, не поздоровавшысь зъ свитомъ ясного сонця, закутався въ сывый туманъ, повывся густою, якъ драгли, парою и повысъ надъ чорною землею. Незабаромъ и день наставъ—хмурый, не веселый; а тамъ и ничъ налягла. Люде, мовъ тини, снувалы въ тому тумани, не бачылы одынъ одного на пьять ступнивъ; голосъ не сягавъ далеко, якъ надъ ясну годыну, а тутъ же, въ тій пари и зныкавъ... Важко, сумно, журлыво.

А Чипка, наперекиръ свитови и людямъ, якыйсь веселый, радый. Знай, насвыстуе кризь зубы веселу писню, попыхкуючы

люльку. Робывъ винъ у хливи корыто для свыней. За цилый день и въ хату не навертався. Насылу Мотря доклыкалась обидаты, якъ уже вечериты стало.

— Що це ты, сыну, такъ прыставъ до того корыта, що й йисты забувъ?

— Та день веселый удався, мамо,—одмовывъ Чипка, усмихаючысь.

— Ну, вже веселый!.. Души жывои на вулыци не побачышъ.

Пообидавъ Чипка, та й знову въ хливець до корыта. До самого смерку робывъ. У ночи вже увійшовъ въ хату, упоравшысь по хазяйству.

— Я, мамо, не буду вечеряты,—промовывъ, накынувшы на плечи сирячыну, и хутко выйшовъ зъ хаты.

— Куды ты, сынку?—пытае ёго навздогинъ Мотря,—та сына—помынай якъ звалы!

Маты повечеряла сама соби; лягла спочываты.

Чипка, выйшовшы зъ двору, повернувъ прямо въ поле. Одійшовшы, може, зъ верству одъ села, стулывъ пальци, прыложывъ до рота—и завывъ, якъ пугачъ. Далеко-далеко роздалось навкругы те журлыве пуги́кання. Нигде ни одклыку, ни одгомону, тилькы собакы завалувалы на сели.

Чипка пишовъ дали. Одійшовшы зъ гоны, знову завывъ. Здалека щось обизвалося до ёго—мовъ другый пугачъ. Чипка побигъ прямо рилею на голосъ, ще разъ завывъ:—знову одгукнулося ёму тымъ же заводомъ, тилькы вже блыжче. Незабаромъ заманячилы въ сывому тумани якись темни тини.

— А хто тамъ?—обизвався чоловичый голосъ.

— Пугачъ!—наростягъ гукнувъ Чипка.

Тини почалы ворушытысь, наблыжатысь, бильшаты. Выдно стало людську постать. Ще дали—Чипка пизнавъ Лушню, Матню и Пацюка. Зъ нымы ще було чоловикъ пьять невидомыхъ.

— Добре здоровья, панове товарыство!—прывитавъ ихъ Чипка.

— Здоровъ!—одказалы на його витання.

— А що, паны-братя, де сю ничъ будемо рыбу ловыты?

— Де бильше влову,—одказавъ хтось.

— Та ще не знаемо, Чипка,—каже Лушня.—Ось ци—радять у Ставыще до Гершка; а ты лыбонь хотивъ у Красногорку до пана?

— Та чы до Гершка, то й до Гершка: мени все одно!—одказавъ Чипка.

— А въ тебе жъ струментъ йе?—пыта його одынъ зъ незнаёмыхъ братчыкивъ.

— Ось у мене струментъ!—Чипка показавъ кулака,—покоштуе разъ,—у друге не схоче; а якъ улучу—не встане.

— Не дуже лышень ударяй на те, козаче,—обизвався высокый натоптуваный чоловикъ.

Чипци здалося, що винъ десь цей голосъ чувъ, та не згадае де.

— Та вы ще не знаете його,—каже до товстенького чоловика другый, у московській одежи.—Якъ булы мы въ останній разъ на погулянни, то винъ не пизнавъ мене въ темряви, та якъ уцилывъ своимъ струментомъ по голови,—то я и очи вытрыщывъ...

— Ну, намъ такого и треба!—одказуе товстенькый чоловикъ.—Тилькы знай—у насъ така установа: все, що не добувъ, на ривни части паюваты; а якъ піймався,—хочъ на шыбеныцю: знать, мовъ, не знаю, видать—не видаю!

— Ге!..—одмовля Чипка.—А въ насъ ще и така: колы піймавсь, то й не жывотиты тоби. У тюрму влизь, та задавы, щобъ не выдавъ часомъ.

— Нашъ! нашъ!—загукалы кругомъ, плещучы въ долони, якъ чорты.

— Ну, а теперъ до роботы. Гайда!—крыкнувъ товстый чоловикъ, рушывшы перший. Други—за нымъ слидомъ.—Пройшлы воны ще, може, зъ гоны—и наткнулыся въ темряви на дви повозкы. Коло коней стоявъ якыйсь незнаёмый чоловикъ.

— Щобъ васъ чорты побралы! щобъ вы вылопалысь!—лаявъ винъ.—Ждавъ-ждавъ, уже и спавъ,—нема, якъ у воду попадалы. Уже мавъ бувъ до-дому вертаты...

— Не журыся! Довго ждалы, та добро прыдбалы,—каже ёму товстенькый чоловикъ, указуючы на Чипку.

— Отъ, не выдавъ!—одказавъ незнаёмый, та, не глянувшы на Чипку, першый скочывъ на повозку.

За ёго прыводомъ побралося все товарыство: то на одну, то на другу... Швыдко воны покотылы полемъ,—тилькы кинськи пидковы хляпалы та калюжа на вси бокы розбигалася одъ прудкои йизды.

Передъ свитомъ вертало дви повозкы--прямувалы напростець до Гудзевого хутора. На ныхъ—повно нашыхъ рыбалокъ. Де-яки лежалы та спалы; де-яки такъ хылялыся—дрималы; а два—поганяло. Дойихалы до двору. Товстенькый чоловикъ скочывъ зъ повозкы, пидийшовъ до хаты.

— Явдохо! Явдохо!—гукае пидъ викно.—Видчыны!

«Це жъ москаль?!..—подумавъ здывованый Чипка.—Я бо и чую,—знаёме щось... Такъ, бачъ, чого винъ багатіе, та що року строится?!»

Блыснуло свитло въ щылыну виконныци; скрыпнулы двери; брязнувъ цепъ биля воритъ; кынулысь собакы. Ворота росчынылыся. Повозкы пидйихалы до рундука, сталы.

— Ну, теперъ въ хату, паны-молодци!—каже москаль: повечеряемо. А мы зъ Сыдоромъ коней роспряжемо.

— Давай, распрягёмъ!—одмовывъ Сыдиръ по московськы, и скочывъ зъ повозкы до коней?

Повставалы и други зъ повозокъ, посунулы въ темни сины, а потимъ у хату, звидкы свитылося свитло. Чипка иде за другымы, не памьятае самъ себе: ёго обхопылы и страхъ и радисть... «Може, теперъ вона не пизна тебе? забула вже?... А може?...»

Тутъ саме увійшлы въ хату. Хата простора, чыста; кругомъ стинъ лыпови лавы, чысти, ажъ полыскувани; въ кутку образы мидяни ростворчати, якъ у кацапивъ; по стинахъ—пидъ скломъ

картыны; стилъ—трохы не черезъ усю хату; на столи свичка горыть...

— Добры-вечиръ у хату!—прывиталы вси москалыху, що стояла посередъ хаты зъ ключамы въ рукахъ.

— Або доброго ранку,—одказала вона.

— А хиба воно вже ранокъ?—пыта хтось зъ гурту.

— Та вже незабаромъ и свитъ, одказуе москалыха.

-- Бачъ, а мени, мовъ, усёго годына мынула, якъ выйихалы.

— Гараздъ, мабуть, поралысь... А чы стоить же то шкурка за вычынку?

— Пытайте, отъ того!—одказуе чоловикъ у московськїй одежи, тыкаючы пальцемъ на Чипку.—Мы оце поришылы: отаманомъ ёго наставыты.

— Хто жъ то?—пытае москалыха, прыкро дывлячысь на Чипку.—Щось, мовъ, знаёме, здается?

— Чого ты, титко, обдывляешся мене, якъ вовка. Я такый же, якъ и вси!—каже Чипка, не выдержавшы іи пыльныхъ оглядынъ.

— Та я немовъ тебе бачыла?

— Може и бачыла, не знаю.

— Чы не Вареныченко?

— Може, и винъ...

— Хто Вареныченко?—пыта москаль, увійшовшы зъ Сыдоромъ у хату.

— Та ось цей!—одказуе москалыха на Чипку.

— Ни, жинко,—каже усмихаючысь москаль: то мабуть, обухъ, або довбня, а не варенықъ! Не такъ винъ видъ одного замаху вложывъ того кацапа, що въ Гершкы ночувавъ. А кацапъ—я тоби скажу—все одно, що ведьмидь... Якъ піймавъ мене въ лебеты, якъ прыдавывъ,—то въ мене и духъ у пьяты répзъ! Добре знаю, що колы бъ не винъ,—тилькы бъ и свита бачывъ. Хиба бъ, може, одни кисточкы прывезлы до-дому,—та й ти не цили: потрощывъ бы проклятый ведьмидь... Адже спасыби, выручывъ!...

— За те, мабуть, не мала и камза перепала?—пытае хтось.

— Та буде зъ насъ,—одказуе Чипка, вытягаючы гамакъ зъ кешени и кыдаючы на стилъ.—Трохы лышъ чы не бильшъ одъ жыдивськыхъ!—Та вытягшы другый, кынувъ тежъ на стилъ.

Уси такъ и обступылы кругомъ столу.

— Та ще вспіемо, братця, подилыты,—обизвавсь Максымъ. А теперъ, ось що, стара: чы нема тамъ чого попойисты братчыкамъ?

Явдоха кынулась у другу хату. Незабаромъ цилый стилъ бувъ заставленый усякою стравою: борщемъ, кашею, печенымъ поросямъ. Выдно, москалыха дожыдала гостей зъ роботы,—наготувала всячыны...

Метнувся Максымъ и соби. Де не взялося пивбарыла горилкы.

Позалазылы братчыкы за стилъ; обсилы на ослонахъ навкругы. Пройшовъ Максымъ разивъ зо два кругомъ чаркою,—на дни барыла—тилькы торохтила воронка. Уси кынулысь на страву, мовъ тры дни не йилы.—Явдоха выйшла въ другу хату.

— Чы ты, Галю, не знаешъ Вареныченка?—пыта москалыха дочкы, увійшовшы до неи въ хатыну.

— Якого Вареныченка? Ни, не знаю.

— А того, що жыве за Пискамы? Того Вареныка, що розсказують—разомъ на двохъ жинкахъ бувъ жонатый?

— Ни, не знаю.

— Ось пиды назнарошне подывыся: якый зъ його красень! шырокоплечый, волосъ, якъ галка, чорный; а очи... кари, ясни, та блыскучи!

Галя встала зъ лижка; накынула швыденько спидныцю, керсетку на плечи; вхопыла печене порося—пишла.

— А и ты вже выспалась?—пыта іи батько.

Галя ничого не одказала. Вона поставыла печеню на стилъ, сама задывылася на Чипку.

— Здоровъ бувъ, давній знаёмый!—мовыла вона до його, любенько всмихаючысь.

— Здорова, Галю, одмовля Чипка.

Серце въ его забылось: любо ему стало, весело, що Галя ще и доси памьятае его.

— А ты якъ его знаешъ?—пыта іи батько.

— Винъ мене, поганый, злякавъ бувъ—оттутъ на поли,—защебетала весело до батька Галя, вказуючы рукою въ той бикъ, де злякавъ іи Чипка.

— Якъ же винъ злякавъ тебе?

— А такъ; я сыдила, винокъ плела; а винъ скрався,—та й злякавъ...

— Ага... Ну, иды жъ спаты, сороко,—каже батько.

— А то зостануся тутъ—на его дывытыся, чы що?!—хутко вымовыла Галя и выбигла зъ хаты.

— «Раю мій, щастя мое!—подумавъ Чипка.—Ще жъ ты не втекло видъ мене и доси?!..»

Писля вечери подилылыся гришмы,—заховавъ кожный по тры сотни. Потимъ унеслы соломы; розисланы доли; заслалы ряднынамы; полягалы покотомъ.

Незабаромъ уси, якъ побыти, поснулы. Одынъ Чипка не спыть. Перекыдается зъ одного боку на другый, мовъ що кусае его; душно ему, важко; плющыть винъ очи. Ему ввыжается Галя. Така жъ весела, хороша,—якъ бы на крихту змынылася; така жъ смилыва, жартовлыва... «А то жъ то и вона,—дума Чипка,—розбышацька дочка!... Дывно и чудно. Хай мы: волоцюгы, пройдысвиты,—часомъ безъ шматка хлиба, въ драній одежыни, безъ шага грошей за душею, зъ однымы голымы рукамы, босымы ногамы, та зъ голоднымы ротамы, ни добра, ни достаткивъ, хай мы крадемо, розбываемо, головы пидъ усяки прыгоды пидставляемо, хай, кажу, мы... А москаль... Хата—якъ рай той; жинка—якъ пани; однымъ одна дочка—янголь, а худобы всякои, багатства?.. А и винъ!.. И винъ—такый же бурлака, такый же злодюга, розбышака, якъ нашъ братъ?!.. Чого... для чого... Навищо це ему?.. Чудно и дывно!»

И лупыть Чипка свои очи въ темну темноту; дывытся—доглядается, прыслухается... Ничого ни выдно, ни чутно. Тыхо, сумно... Ось щось зразу залопотило... Морозъ пробигъ вподовжъ спыны; волосся полизло въ гору... «Ку-ку-рику-у-у!»—прокрычавъ десь поблызу пивень и змовкъ... Чипка сплюнувъ; перекынувся на другый бикъ. Знову тыхо, сумно... Ось хтось зъ товарыства гукнувъ соннымъ голосомъ: «глушы, братъ, ёго!.. глушы!.. А ну-ну, отъ такъ ёго! отъ такъ!..»—Глухо пронисся той выклыкъ по хати; страшно, тяжко, немовъ голосъ зъ-пидъ земли, черкнувся винъ Чыпчыного вуха, та й замеръ, наче проглынула ёго тьма темна. «И снытся ёму, що недавно очевыдячкы було»—подумавъ, здрыгнувшы, Чипка. А тутъ сонъ—мовъ безъ висты забигъ, и на думку не зійде. «Питы хочъ люлькы покурыты».

Уставъ Чипка тыхо; налапавъ двери; нышкомъ выйшовъ у сины. Темно,—око выколы. Насылу Чипка намацавъ двери. Загарчалы воны, якъ собакы, не видчыняючысь. Одначе важка рука Чипчына ихъ подужала; воны подалыся трохы геть, заризавшысь у доливку.

Винъ выйшовъ на рундукъ.—Дощъ поросвувъ ёму въ гаряче лыце—густый та холодный!

— Пху, нависный! Колы вже ты перестанешъ?—сказавъ у голосъ Чипка, та й подався у сины, вытераючы свыткою выдъ. Дали—ставъ надъ порогомъ; пославъ руку въ кешеню; вытягъ гаманъ, люльку, наложывъ тютюномъ; налапавъ у кармани крыцю, креминь; прыложывъ губку. Черкъ! И посыпалысь, якъ зори, ясни искоркы до-долу. Темнота усмихнулася, побачывшы хочъ невелычкый свиточокъ. Губка засычила на кремени. Узявъ іи Чипка обережно, положывъ у люльку, прыдавывъ нигтемъ. Потягъ разъ, удруге—осіялы сины и важкый дымъ потягся невелычкымы мотузочкамы, закручуючысь у гору, мишаючысь зъ темрявою. Стукнувъ верхнякъ; дзенькнула крыця объ креминь, падаючы въ гамакъ, и зашморгнувшы ёго, пославъ Чипка назадъ у кешеню.

Обперся Чипка объ одвиркы; одхылывъ трохы двери; выпускавъ дымъ на двиръ, де винъ змишувався зъ дощемъ и зны-

кавъ у темряви. А темрява стояла страшенна, чорна; бильше одвирикивъ ничого Чипка не бачывъ, хочъ якъ не прыщурювавъ своихъ очей, якъ не прыдывлявся, щобъ разглядиты,—якъ воно въ москаля въ двори... Одни тилькы вертунци часомъ литалы передъ його очыма.—Колы це,—чуе Чипка,—рыпнулы двери. Чыясь тыха поступъ зашамотила въ синяхъ. Чипка одкрывъ верхнякъ, потягъ люльку—огонь осіявъ сины и, дыво, передъ Чипкою стояла Галя. У тонкій, билій сорочци, трохы росхрыстаній, въ одній спидныци, зъ роскынутымы косамы, що, якъ дви гадыны, спадалы на іи билу шыю и спускалыся на мовъ выточени зъ билого мармору плечи,—стояла вона передъ нымъ, якъ русалка зъ кухлыкомъ у рукахъ.

— Галю!—тыхо скрыкнувъ Чипка.

— А ты чого, бузувире, тутъ у синяхъ ходышъ? Накадывъ—повни сины, що и дыхнуты не можна!—защебетала вона, пизнавшы Чипка.

— Галочко! чого ты боса выйшла? Теперъ дощъ, калюка, покаляешъ свои били ниженята...

— А тоби що за дило? Хиба ты ихъ кохавъ?

— Хочъ не кохавъ, такъ укохавъ, Галю,—шепче стыха Чипка, ледве переводячы духъ.

— О, вы вси люби та жалисливи. А людей, якъ курей, рижете!—промовыла вона суворо.

Голосъ іи оклыкнувся гнивомъ, докорою, огыдою. «А твій батько?—подумавъ Чипка.—А сама жъ ты?—трохы не одказавъ, та языкъ ставъ руба, въ грудяхъ духъ сперло.

— Хиба мы рижемо?—ледве вымовывъ, перевившы духъ: мы тилькы ривняемо багатыхъ зъ биднымы.

— Ривняете?! Геть! пусты! я кухоль выполощу.

Одипхнула вона Чипку одъ одвиркивъ. Винъ подався въ сины. Галя выйшла на рундукъ; лынула воду зъ кухля; а дощъ іи пороснувъ прямо въ выдъ.

— Ухъ!—задрижавшы, скрыкнула вона;—яке холодне. Та мерщій у сины—прямо на груды Чипци, котрый одніею рукою держався за одвиркы, а другою за двери.

Якъ почувъ Чипка, що до ёго грудей прыныклы іи гарячи груды,—опустывъ розставлени рукы, та и обвывъ ихъ кругомъ іи стану... Галя затрусылася, порывалася впередъ, та й схылыла на ёго груды свою голову.

— Галочко! рыбонько моя!—шепче Чипка, а въ самого серце, якъ молоткамы, гамселыть объ груды,—ты мене любышъ? зирочко моя! Очи ёго засвитылы на вси сины, якъ у звирюкы, колы вона кыдается на свою здобычъ.

— Пусты, пусты мене!—пручается Галя.—Иды соби геть!

А сама ще блыжче, ще дужче горнулася до ёго.

Несчувся Чипка, колы опустывся на доливку; не счувся, якъ посадывъ Галю на колина до себе; несчулася и Галя, якъ прыныкла головою на ёго груды. Затрипалось у неи серце, якъ плиточка въ неволи, мовчать обое. Хвылына, друга, третя...

— Де це ты бувъ циле лито?—шепче вона,—що на поле не выходывъ?... Хтось другый ходывъ замисть тебе... То твій братъ?

— Не братъ то Галю?.. То мій ворогъ, що трохы не на викъ розвивъ мене зъ тобою...

— А я думаю... Я думаю: де це винъ? Чы не вмеръ, бува?.. Чы може одружывся?..

— Хиба бъ тоби шкода було, якъ бы я вмеръ?—шкода?..

Галя мовчала, та ще дужче горнулася до ёго.

— Галю!—стыха обизвався винъ.

— Чого?

— Ты кохаешъ мене?—любышъ мене?—моя ясочко!.. Правда кохаешъ мене?..

Галя, якъ змія, обвылась коло ёго шыи и мицно стыснула іи своимы рукамы; уста черконулыся устъ,—та и злылыся въ довгый, гарячый поцилунокъ... Чипка одъ нестяму розвивъ рукы. Галя высковзнула—и скрылася. Опамятався Чипка. «Тилькы жъ, тилькы що тутъ була...»—думавъ винъ, та давай кругомъ себе шарыты... Нигде ни що ни шерхне, ни стукне. Винъ пидвився зъ доливкы... Темно, пусто, тыхо... Обмацавъ винъ кругомъ сины—нема! «Не чуть же було, щобъ и двери скрыпнулы», подумавъ винъ и

ставъ прыслухатысь. Було тыхо кругомъ, якъ пидъ землею... «Утекла!» промовывъ винъ самъ до себе; засунувъ надвирни двери и тыхо побрався въ хату, де спало пьяне товарыство.

Довго ще качався винъ на лигву; прыслухався, якъ стукотало серце; чувъ, якъ барабанывъ дощъ у виконыци,—якъ пивни выкрыкувалы; братчыкы зъ просоння бурмоталы; думавъ,—якъ це воно выпало такъ несподивано; радивъ, якъ дытына игращци; дывувався, якъ злодій, що вкравши въ старця торбу зъ цвилымы сухарямы, знайшовъ у ній страшенну сылу грошей... Тилькы передъ свитомъ заплющывъ очи—и заснувъ тыхымъ, одрадиснымъ сномъ.

Нерано прокынулысь братчыкы. Дощъ не вгававъ, а по вчорашнёму сіявъ, якъ кризь сыто, и порывавъ до сну.

— А ну!—рушай, братця, пора!—гукнувъ Лушня на всю хату, скочывшы на ногы.

Одно за другымъ стало товарыство рушаты. Одынъ Матня не пидводытся. Други повыходылы въ сины; повмывалыся водою, що стояла въ дижци; знову ввійшлы въ хату. Матня ще лежыть, та позихае на все горло. Незабаромъ до ныхъ и хазяинъ прыйшовъ.

— А що, дядьку Максыме,—пыта Матня, розвернувшысь, якъ кнуръ, на барлози:—чы буде чимъ похмелытыся?

— Хиба жъ тоби такъ у горло и лыты?—одказавъ замисть Максыма Лушня.

— А хиба мени дорого встаты?

Та зъ цымъ словомъ, швыденько скочывъ на ногы, та—нечесаный, роскудланый, зъ заспаною, невмытою пыкою—такъ и сунувся за стилъ.

Максымъ поздоровкався зъ панебратчыкамы, выйшовъ зъ хаты.

— Та воно бъ уже годылося и попрыбираты,—сказавъ хтось зъ гурту.—Ачъ, яке гайно!

— То вже—хай хто хоче,—одказавъ, позихаючы, Матня.

— А ты?—пытае Лушня, гостро глянувши на ёго.

— Про мене—и такъ гараздъ...

— А якъ горилкы нема?

Чому нема?

— Тому, що гайно въ хати...

— Ну, такъ що жъ?.. Хиба воно буде зъ горилкою въ ротъ лягтыся? Хай соби лежыть доли, та й годи!

Покы Лушня зъ Матнею велы таку розмову, други, коженъ вхопывшы по оберемку, вытаскалы всю солому зъ хаты. Тымъ часомъ вернувся и Максымъ зъ учорашнимъ баклагомъ; за нымъ увійшла и москалыха, несучы въ одній руци два хлибы, а въ другій—здоровенну мыску капусты...

— Адже и справди похмелятысь будемо!—каже усмихаючысь Матня, вглядившы москаля зъ баклагомъ.

— То ты хочъ бы пыку вмывъ,—докоря ёму Лушня.

— На биса я буду мыты, колы дощъ и безъ того обмые.

— Ну, у тебя, братъ Максимъ, какъ я вижу, маладцы таварищи!—обизвався до хазяина одынъ зъ москаливъ—Пушкарь.

— Та ще ты и не бачывъ, москалю, нашыхъ славныхъ дилъ,—одказуе Лушня, вдаряючы москаля по плечу рукою, и опускаючысь коло ёго на лаву.—Ось пожывы лышъ довше зъ намы,—тоди побачышъ,—чы молодци, чы ни!

— Да ужъ, братъ, и безъ таво видно, какіе маладцы! Во— пасматри на ефтаво!—махнувъ рукою на Чипку.—Да онъ бы пушку однимъ взглядомъ сбилъ съ пазиціи... Сматри: у, какой!!

Чипка не чувъ ничого того. Писля вчорашнёи зустричи, винъ сыдивъ соби мовчкы въ кутку, та тилькы кыдавъ свій быстрый поглядъ на ти двери, якымы вчора увійшла Галя. Думкы ёго далеко литалы; винъ не чувъ, не дослухався, що верзло товарыство. Кагалъ, гармыдеръ стоявъ у хати, якъ у жыдивській школи,—ажъ покы Максымъ не почавъ частуваты. Тоди все затыхло,—роты заремегкалы; пальци разъ-позъ-разъ опускалыся то въ мыску зъ капустою, то въ полумысокъ зъ огирками. Уси мовчалы, надолужалы надъ сниданнямъ. Чутно тилькы було, якъ на зубахъ трищалы огиркы, капуста;—якъ роты жувалы, плямкалы...

— Суха!—перегодя трохы, крыкнувъ Матня, насылу проковтнувшы цилу жменю капусты.

— Пидмочымо,—обизвався москаль, беручысь за баклагъ.

Пишла рядова кругомъ столу; знову пальци заходылы; роты заплямкалы...

— Удавывся!—каже, икнувшы, Матня и положывъ хлибъ на стилъ.

— Уси зареготалыся, гледючы на роскуёвдану голову, на одутлу пыку Матневу.

— Проткнемо!—одмовляе Максымъ, узявшы баклагъ у рукы.

— Оцёго, дядьку Максыме,—каже Лушня,—тилькы прыймы, то не знатымешъ, якъ и одгребтыся!

— Ничаво!—одказуе по московськы Максымъ, пидносячы чарку Матни.

— Вотъ ты хахолъ,--обизвався до Матни москаль--Пушкарь,— а право порядкы знаешь! Тебѣ бы только кгасударю служить!..

— Служылы мы вже брате-москалю, одмовляе Матня, всюды— та дозналыся, що нема краще, якъ баклази зъ горилкою служыты!

Смихъ, регитъ окрывъ усю хату.

— Вотъ, што правда, то правда!—каже москаль, регочучысь.

Максымъ обійшовъ по третій.

Писля третёи, розвязалыся языкы. Пиднявся крыкъ, регитъ, гоминъ. Утомылыся вже роты жуваты,—давай балакаты. Тамъ, у кутку, трое завелы ричъ про теперешне жыття трудне; други знялы мову,—якъ панивъ дурылы; трети згадувалы вчорашне погуляння, а четверти—про давнишне гуторылы... Звисно, дванадцять душъ: коженъ по слову,—то й то дванадцять сливъ. А отъ-то якъ уси разомъ загомонилы, та той тіеи, той своеи! Ничого не розберешъ; ничого выразно не чутно; одынъ крыкъ, галасъ...

Тилькы Чипка—якъ воды набравъ у ротъ. Винъ мовчкы йивъ, мовчкы пывъ, теперъ сыдивъ, мовъ нимый, та зъ дверей не спускавъ очей.

— Шо це нашъ атаманъ прытыхъ?—дывлячысь на Чипку, мовыть Матня.

Чипка не чувъ. Уси глянулы на ёго, зглянулысь мижъ собою,—засміялысь.

Чипка и смиху не чувъ.

— Чы не набачывъ лышень, чого ласенького?—тягне розмову Лушня.—Винъ у насъ голинный на ласощи...

— Да! да! вотъ ано и есть!.. Я самъ только што хатѣлъ кгаварить про ефту перепёлку,—перебывъ ёго москаль-Сыдиръ, що роспрягавъ коней зъ Максымомъ.

— Та вже, поздоровъ Боже дядька Максыма, та дядыну Явдоху,—обизвався Пацюкъ.— Такы, що соби, то соби; а то такы и для людей потрудылыся...

По хати роскотывся регитъ. Максымъ догадався, зъ чого сміялысь, ставъ и соби тыхо реготаты.

— Та подякуе, подякуе хтось не разъ и не два мени за неи,—одказавъ винъ зъ смихомъ.

— Я вже тоби, дядьку, коня онъ-якого достану!—каже Лушня.

— Да на что ему конь, когда у него такая кабылица,—тупо жартуе Сыдиръ.

Ажъ ось двери росчынылыся—и якъ та ясочка, вскочыла Галя въ хату. Жарты и розмова затыхлы; вси задывылыся на іи хорошу вроду, зашарене лычко, що за ничъ мовъ помолодшало... Швыденько вона пидійшла до столу; вхопыла мыттю порожени мыскы, та ни на кого не глядя, не кынувшы и окомъ на Чипка,—скрылася за дверыма. Винъ сыдивъ, якъ сова, вытрищывшы банькы...

— Спасыби Богови и хозяинамъ—за снидання; а мене, що найився!—перервавъ нимоту Лушня.—Часъ, братця, до-дому рушаты.

— Чого до-дому?—обизвався Матня.—Хиба тоби тутъ погано?.. Абы тепло, та горилка, то я хочъ на цилый викъ зостануся...

Уси зареготалы и рушылы зъ-за столу.

— А що жъ, справди пора! Отто тилькы: дощъ, якъ затявся... А часъ!

Уставъ и Чипка. Подякувалы хазяинамъ; позакурювалы люлькы и потяглы зъ двору: одни въ одну, други—въ другу руку. Чипка зъ своимъ товарыствомъ пишовъ у Пискы.

Одійшовшы вже геть у поле, оглядився—кесета нема.

— Стойте, братця! кесетъ забувъ...

Повернувъ назадъ; дывытся—на хвиртци стоить Галя и гукае:

— А чый кесетъ? хто кесетъ забувъ...

— Що таке?—обзываются до неи зъ другого боку.

— Кесетъ,—пиднявшы кесета въ гору, показуе вона.

— Кесетъ?—Не нашъ! та й ишлы соби.

Чипка побигъ пидтюпцемъ. Тымъ часомъ Галя на кесетъ роздывлялася,—росшморгувала, заглянула въ середыну, полапала рукою та й знову зашморгнула.

— Мій,—мій... Галочко!—каже стыха Чипка, добигаючы до неи.

— У-у-у—ёлопе!... Якъ квочка зъ курчятамы, такъ ты розгубывся зъ своимы думкамы... Не знаешъ, що и діешъ.

Сунула ёму кесетъ у рукы, а сама швыдче за хвиртку.

Глянувъ Чипка на кесетъ... Що за бисъ? Тютюну було не бильше жмени, а це такъ оддулося... Що воно? Росшморгнувъ, полапавъ,—мняке; вытяга:—другый кесетъ, съ сынёи шовковои матеріи вышытый червонымы квиткамы и кругомъ обсаженый червонымы кытыцямы!!.. Очи въ ёго загорилы; по выду розлывся усмихъ...

— Любо моя!—кохання мое!—прошепотивъ винъ, и весело повернувъ до товарыства.

II.

Розбышацька дочка.

Цилый тыждень лывъ дощъ, якъ зъ видра. Цилый тыждень не выходывъ Чипка зъ двору. Усе тоби по хазяйству: то коло того, то коло другого.

— Знаешъ що, сыну?—каже ёму одного вечора маты, прядучы вовну—знаешъ що? Оце я дывлюся на тебе и на себе, та й думаю: я вже стара, никчемна стала; уже мени важко иноди и у печы вытопыты... Чую, якъ сыла моя упада, смерть наблыжается... Ты бъ одружывся, сыну! На докы ёго одкладаты... Уже слава тоби, Господы, други твоихъ литъ диткамы любуются; а ты все бурлакуешъ, та, мовъ, загубывъ що, ходышъ... Хиба мало дивчатъ у сели? Сподобай яку, та покы пылыпивка не зайшла,—одружыся сыну... И самъ не будешъ свитомъ нудыты, и мени помичъ буде!

— Шкода, мамо! Нема по мени дивчатъ на сели.

— Чому нема, сыну? Онъ, Хрыстя Бондаривна, Мотря Кнышивна, або Катря Остапійчына? Чымъ не дивчата?.. Що не багати? Та багата и не пиде, сыну, на таки злыдни, якъ у насъ... А все жъ воны дивчата, якъ слидъ: хорошого, чесного роду, робочи, слухняни... Оженыся, сыну; оженыся, мій голубе! Хай хоть на старисть доведется мени тебе въ пари побачыты...

— Шкода, мамо!

— Чого шкода. Шкода, кажуть, лыхый чоловикъ! Докы жъ ёго отакъ волочытыся? покы й голова посывіе?!..

— Прыйде пора,—прыйде сама.

— Хиба яка городянська повія... А вже доброи не дождешъ, щобъ прыйшла сама.

— Уже яка буде, така и буде.

Замовкла Мотря: бачыть—не переможе сына. Замовкъ и Чипка, думаючы свое про себе.

Писля ціеи розмовы, диждалы недили. Хмурне небо розгодынылось; блыснуло сонечко ясне; повинувъ витерець—стряхла трохы земля.

— Я, мамо, каже Чипка, пиду въ Омельныкъ на ярмарокъ: чы не куплю конякы?

— Боже тоби поможы, сыну! Тилькы—навищо ты на зиму іи купышъ? Чымъ іи прогодуемо?

— Та вже знайдемо чымъ-сь.

Знявся Чипка писля раннёго обиду, пишовъ,—тилькы не въ Омельныкъ, а прямисенько до Гудзя на хутиръ.

Прыйшовъ до двору,—всюды позачыняно, позапырано. Почавъ Чипка дергаты хвирткою; хвиртка була заперта. Дви собакы кынулысь до воритъ, брязкаючы цепамы.

— Хто тамъ?—гукае голосъ зъ двору.

— Це я. Одчынить!

— Хто—я?

— Чы дядько Максымъ дома?

— Ни, нема.

— А де жъ?

— Пойихалы въ Омельныкъ на ярмарокъ.

— А титка Явдоха?

— Та и маты жъ зъ ными.

— То це ты, Галю?—пизнавъ іи Чипка по голосу.

— А ты хто?

— Та видчыняй уже,—тоди побачышъ!

Пизнала и Галя Чипка; хутенько побигла до хвирткы, одщепнула.

— Чого це ты прыйшовъ?

— Тебе одвидаты,—якъ пожываешъ, моя горлычко?

Галя мовчала. Глянувъ на неи Чипка, та й здывовався: пожовкла, зъ лыця спала, зморщылась ..

— Що зъ тобою, Галю?—ажъ скрыкнувъ.—На тоби лыця не знать... Ты недужа?

— Та иды вже въ двиръ,—сердыто одказала вона, зъ нетерплячкою.—Стану я пидъ дворомъ розмовляты...

— Чипка ввійшовъ у двиръ. Галя зачыныла хвиртку, защепнула, и повела въ свою хатыну.

Хатыночка—якъ чашечка: невелычка, чыста, ясна, весела. На покути стоялы образы въ срибныхъ шатахъ, заквичани васылькамы, гвоздыкамы, безсмертныкамы; передъ образамы на срибному ретязьку высила срибна лампадка. У тому жъ такы кутку—стилъ столярнои роботы; въ другому—лижко, заслане мнякымъ шовковымъ коцемъ; по-пидъ стиною—невелычки стульци.

Всюды такъ хороше, чысто; пахощи одъ васылькивъ та мняты окрывалы всю хату, лоскоталы чуття... Чипци здалося, що винъ у рай вступывъ.. Усе гараздъ, якъ бы не така сумна Галя!

— Чы не здужаешъ, Галю?—знову пыта іи Чипка, пыльно дывлячысь у вичи.

— Ни, здорова,—тилькы невесело чогось,—такъ щось за серце ссе...

— А я тоби и не дякую за кесетъ,—мовыть, здумавшы Чипка.—Спасыби тоби! Чы не сама бува и гаптувала?

— Якый кесетъ?—пытае Галя, звившы на ёго свои задумани очи.

— А той, що ты въ мій вложыла, якъ забувъ свого...

— Колы? Що це ты,—збожеволивъ, чы що?

— А хто жъ то вложывъ?

— Та колы?

— Та тоди жъ, якъ мій вертала.

— А я почимъ знаю?—стала бъ я такому... кесетъ даруваты!! Отъ, ще не выдано!—веселище защебетала вона.

По голосу пизнавъ Чипка свою недавню Галю, жартовлыву и веселу. Серце ёго зрадило, очи заблыщалы.

— Галочко,—почавъ винъ.

Галя дывылася прямо ёму въ вичи гостро-гостро... Чипци стало ніяково.

— Та чого це ты справди сёгодни така, мовъ не на той бикъ устала?

— А тоби що за дило?

— Галочко!

— Геть къ бису! Все бъ тилькы дурыты,—зъ ума зводыты...

— Галочко!..

— Геть, одчепысь!...

Устала вона одъ ёго; одійшла; сила край викна, що выходыло прямо на поле, та и послала очи далеко-далеко, де сходылысь туманы зъ туманамы, де сывило небо, спускаючы краи свои на землю. По лычку іи, сумному та жовтому, разъ-по-разъ пробигалы якись смужкы. Чипка дывывся на неи, та дывувався,

що зъ нею сталося... А вона не спускала очей зъ викна. Чипка бачывъ, якъ вона поблидла, якъ заблыщалы въ неи очи—якъ дви гарячи слёзы скотылыся по лычку, до-долу. Винъ дывывся на все це, а серце ёго, неначе хто давывъ, у лещатахъ,—такъ ёму було боляче и трудно...

— Галю! рыбонько моя! чого ты плачешъ?—пытае винъ, пидступывшы до неи.—Чому ты не повидаешъ мени свого горя?

Галя закрыла очи рукамы, захытала головою... Чипка прысунувся до неи.

— Галочко!—любая моя!

Вона схылыла на косякъ голову и стыха плакала.

— А я думавъ,—каже Чипка, стыха доторкнувшысь до головы іи.—А я думавъ: пиду до неи,—провидаю ій... Маты скребе голову: женысь, та й женысь!—дивчатъ мени рае... (Галя прытыхла, наче заснула). Та не прыймае ихъ мое серце... Пиду, думаю, до своеи голубонькы,—скажу іи... Та тыхо схылывшысь, злегенька поцилувавъ винъ Галю въ незакрыту щичку. Галя здригнула, пидвелася... Очи заплакани; лычко одъ натовпу почуття та видъ слизъ горило. Глянула вона на ёго та якось жалисно запытала:

— Чому жъ ты батькови та матери не сказавъ?..

— Я хотивъ, моя горлычко, тебе попереду спытаты... Чы пидешъ за мене?—чы вподобала мене, мое кохання?..

Галя,—мовъ ожыла. Выпрямылась, довго и пыльно дывылася на Чипку,—немовъ вывидувала правды. А це зразу, якъ заломыть свои рукы—ажъ пальци захрущалы... Въ очахъ у неи заграла одрада не одрада, зло не зло,—щось добре, любе, а разомъ хыже и лыхе.

— Чому жъ ты мени давно цёго не сказавъ?—скрыкнула вона.—Чому ты мени не сказавъ цёго тоди, якъ я вильна була?—якъ винокъ плела?—якъ по шырокому полю, по лугахъ квиткы збирала? Гуляла по свиту,—нема впыну, нема забороны... А теперъ?—теперъ...

Вона знову заламала рукы,—знову якъ поламани, захрущалы пальци; на очи навернулыся слёзы,—отъ-отъ брызнуть...

Чипка—самъ не свій. Зблидъ на выду, опустывъ голову,—та не швыдко вже стыха боязко запытавъ:

— Що жъ теперъ, Галю? що?.. Скажи мени,—все, все!..

— Шкода,—засватана вже я!..

Зъ очей хлынулы слёзы въ неи, облылы лычко. Закрыла вона ёго рукавомъ, знову спустылася коло викна на стулець, схылыла на руку голову, та нерозважно плакала...

Якъ хто гострый нижъ угородывъ Чипци въ серце,—такъ невелычки ти тры слова. Якъ хто обухомъ гамселывъ у ёго голову, такъ одзывалось въ ній гирке рыдання Галыне... Винъ хапався за думку,—що теперъ робыты,—та голова и памьять уже не служылы ёму... Думкы рвалыся на шматочкы; винъ сылкувався звесты ихъ до купы, напрягавъ розумъ... та, здается, и розумъ ёго покынувъ... Ничого не прыгадае... Чувъ тилькы, якъ у голови гуде, шумыть, дзвоныть;—якъ серце разъ-по-разъ типается, наче збирается выскочыты... Не знаючы якъ, зъ чого початы, винъ схопывся за першу думку, насылу вымовывъ:—Колы жъ це?.. за кого?..

— Тоди жъ... того самого дня, якъ ты пишовъ... Москаль Сыдиръ зоставсь въ насъ, та въ вечери попылыся зъ батькомъ, та и...

— Та и що,—батько?—перервавъ Чипка.

— Иды, каже... не викъ дивуваты... И маты раютъ: иды!.. Сыдиръ, кажуть, чоловикъ хорошый, тыхый...

— А ты—що?—ажъ крычыть Чипка.

— А я?..—не любый винъ мени,—кажу имъ.

— Що жъ воны?

— Годи, кажуть, усе любого, та мылого дожыдаты... и то гидкый, и то не гарный, не любый... Пожывете,—полюбытесь...

— Со-бакы!—гримнувъ Чипка на всю хату. Галя на ёго гостро глянула.

— Де винъ жыве?—гризно одрубуючы кожне слово, запытавъ Чипка, а въ ёго очахъ засвитыло щось страшне.

— Не знаю...

— Убью... зарижу... задавлю!.. Скочывшы зъ мисця, крычыть винъ, бигаючы, якъ несамовытый, по хати та скрегочучы зубамы.

— Тю-тю!.. тю-тю!.. одмовляе Галя, пидвившы голову.—Що це ты: здуривъ, чы що?.. Тилькы хочь пальцемъ займы ёго... то не бачыты тоби мене, якъ свого уха!

Чипко схаменувся. Опустывся на стулець; звисывъ на груды важку голову.

— Бачъ... якый ты!—каже ёму Галя.—Бачъ якый?!.. Якъ же мени за такого йты, колы винъ такъ безневынно визьме та й зариже чоловика?.. Якъ я за такого пиду?.. Прыйде така годына, що и жинку задавыть... кынется и на неи, якъ скаженный...

— Галочко!.. побійся Бога... що це ты кажешъ?.. Що бъ я?.. мене марижъ... мене задавы...

— А Сыдора?.. га? Сыдора?..

— О-охъ!.. Ты не знаешъ, Галю, якъ мене завійна вхопыла... Пече мене... отутъ пече... мовъ хто жару насыпавъ...—показуе на груды.

Галя мовчала. Замовкъ и Чипка. Пидвився зъ мисця, ставъ ходыты вподовжъ хаты, та блукавъ страшнымы очыма по стинахъ... Зробылося тыхо, важко. По задуманому лычку выдко було, що Галя думала якусь крипку думку,—та зразу не зважувалась сказаты...

— Ажъ-ось—загорилыся въ неи щокы; заискрылы одрадою очи, роздалысь, побильшалы, одкрылыся уста видъ напору спертого въ грудяхъ духу,—ажъ пашыть Галя, якъ у вогни горыть...

— Знаешь що, Чипка?.. Може, ще не все пропало... Я скажу матери... може вона батька вмовыть... Тилькы ось що...

Чипка, насторочывъ уха, пыльно дывывся на Галю.

— Кынь ты жыття таке!—скрыкнула, та ажъ поблидла...

— Яке?

— Чуже добро грабуваты, людей убываты!

— Галочко!—Нихто на свити не скаже, щобъ я кого вбывъ... Хиба обороняючысь, рукы не здержавъ...

Засовалась Галя на мисци; очи знову засвитылы хыжо; лыце затипалось.

— Проклятый!—каторжный!—загукала вона на всю хату.— Обороняючысь?!—видъ кого обороняючысь? Лизешъ у чужу хату красты, та хочешъ, щобъ хазяинъ не ловывъ тебе?.. Злодюго!

— А воны?.. воны хиба кращи?—нажылыся зъ нашои праци, та и панують... А тутъ... хата валытся; маты стара; самъ копы не заробышъ у день... Треба йисты; треба и одягтыся... Якъ же його жыты, Галю?.. Та хиба мы крадемо? Мы свое одбыраемо... Панъ—наробывъ намы: жыдъ—надурывъ зъ насъ... А намъ хиба зъ голоду пропадаты? середъ шляху погыбаты?....

— Чипка... голубе мій!—кынь!—Не буде счастя, не буде добра... Ты прыйдешъ у ночи зъ побоища... ляжешъ коло жинкы... та тымы рукамы, що недавно людей давылы, въ крови грилыся... будешъ жинку прыгортаты... Тымы вустамы, що неслы тилькы лайку та проклёны всёму свиту—станешъ ій про свое кохання шептаты, будешъ цилуваты... у-ухъ!..

Вона затряслася вся, якъ лыстъ на осычыни.

— А жыты зъ чого?—напира Чипка.

— Робыты чесно... працюваты щыро...

— А товарыство?.. А батько?..

— Зйидемо въ другый край... де бъ насъ нихто не знавъ, не видавъ...

— О-охъ Галю! Не знаю, що буде. Я—отаманъ... Якъ почуе товарыство, що кынувъ,—не жывотиты тоди. Поклялыся такъ мы одынъ одному...

— Чортъ чортови клявся!..

Галя зареготалась болизно; божевильный смихъ іи роскотывсь на всю хату.

Чипка глянувъ на неи, замовкъ, та, якъ пидстреленный, опустывся на стулець...

— Ты думаешъ,—перегодя трохы, знову почала Галя;—ты думаешъ—легко мени дывытысь на жыття батькове по бикъ зъ

жыттямъ добрыхъ людей?.. Бачышъ: воны щыро працюють, чесно хлибъ заробляють, зъ людьмы поводятся... и встають и лягають тыхи, спокійни... А тутъ?.. Сыды, якъ у тюрми, на запори... Страшно и очей показаты мижъ люде... Настане вечиръ,—цила юрба пьяныхъ людоризивъ валыть у хату... Шушу́каются, тыхо перемовляются, покы пидуть на всю ничъ... Вертаются вже передъ свитомъ,—та якъ гробовыкы, ховаются по горыщахъ, по погребахъ... переховують чуже, награблене добро... Це все, що на мени,—все грабоване! Ты думаешъ: не давыть воно мене? Мовъ хто рукою за горло душыть, выпирае духъ зъ мене... Ты не дывыся, що я весела и жартовлыва... То веселыть мене лыха моя годына!.. Ще день—сякъ-такъ переможешъ... А въ ночи ляжешъ спаты, то и прывыджуется тоби: буцимъ лизе хто, крычыть: «оддай мій платокъ!».. Ты думаешъ, легко воно мени носыты ёго—оце рамя?.. легко?!..

Та якъ ухопыть зо зла шовкову спидныцю, — такъ и рознызала одъ полу ажъ до самого стану...

— Галю! Галю!..—скрыкнувъ Чипка, хватаючы іи за рукы,— Не робы цёго!

— Геть! Пусты... пусты!

Очи въ неи, якъ вугилля, запалалы... ажъ затремтила вся.

— Ты знаешъ—може, та, що цю спидныцю носыла, лежыть пидъ землею—тліе, тилькы кровъ іи, марно розлыта, встае... А я... доношую це рамя... мучуся... беру грихъ на себе... завищо?.. За те, що я—розбышацька дочка?.. Краще бъ я гола, якъ маты породыла, по полю носылася; якъ навижена, ганяла по степахъ шырокыхъ,—нижъ мени въ цій тюрми мучытыся, въ цёму пекли склиты!.. У-у, прокляти!

Та—хипъ! за добре намысто. Намысто пороснуло зъ шыи до долу.

— Схаменысь бо, Галю! Тебе жъ за це бытымуть...

— Хай краще вбьють, нижъ чужымъ добромъ задушать!..

И знову вона сила пидъ викномъ, пидперла голову рукою— и задывылася въ пусте та ниме поле, що геть-геть чорнило та сывило передъ іи очыма... Николы вона не здавалася Чипци

такою гарною, якъ тоди... Винъ перекыдавъ поглядъ то на розидрану спидныцю, то на намысто, що роскотылося по всій хати. . Ёму жаль було своеи любои Гали; сумно одъ такого гиркого жыття; а въ души закрадався острахъ: не було сылы—разомъ всёго покынуты

Галя не довго мовчала. Поглянула вона на зниеченого словамы Чипку, що сыдивъ, мовъ у воду опущеный, боявся пидвесты на неи очи, и жаль пронявъ люблящe дивоцьке серце.

— Чипко! любый мій!—молыла вона.—Покынь!.. Завищо жъ я тебе покохала?.. покынь, мій голубе!..

Та пидійшовшы до его, любо заглянула въ вичи.

— Побачу, Галю... може покыну... Подывлюся... А якъ не можна буде?!..

— Ни, покынь! Чуешъ: покынь!!.. А то я сама задавлю тебе своимы рукамы...—нестямно белькоче вона, обвывшы його шыю, та обдаючы гарячымы поцилункамы.

— Добре, Галю!.. добре, моя рыбонько!—шепче, нестямывшысь, Чипка прыгортаючы Галю.

— Ну, а теперъ—зъ хаты—на выступци!—весело загомонила вона.—Незабаромъ батько зъ матирью буде!

Чипка хотивъ щось сказаты, та Галя не дала.

— Иды, иды! иды, иды!

Та взявшы шапку въ одну руку, а за Чипчыну схопывшы другою,—поволокла его зъ хаты. Нехотя потягся Чипка. Ничого робыты—треба йты!

Провела его Галя за хвиртку; зачынылася и защипнулася. Поволикся Чипка видъ двору тыхо—по-малу, ледве переступае ногамы... У похылій голови борюкалысь весели надіи зъ невымовною тугою. Якъ здумае винъ, що Галя не переможе батькаматери, не вдастся іи ихъ умовыты,—то серце его наче хто въ жмени здавыть; колы жъ нагадае, якъ воны поберутся, жытымуть у пари,—одъ серця одійде важкый гнитъ, и легко-легко воно затипается... «А якъ же зъ ными розвязатысь?.. якъ ихъ зрадыты?.. прысягу паламаты?»... Одъ такои думкы знову обхопыть его сумъ; серце знову заные... Отакъ минылыся его думкы: то веселылы

одрадою, то пеклы огнемъ тугы,—и знемогавъ винъ одъ натовпу ихъ. Винъ раднишый бы ихъ забуты, покынуты,—та сами воны лизлы, якъ мара, въ ёго голову... Щобъ розирваты ихъ чымъ-небудь, винъ почавъ обдывлятысь навкругы... Нигде ни душечкы, ни лялечкы. Ниме та буре поле розстылалося передъ нымъ и за нымъ. День выпавъ хмурый, невеселый. Дощу не було, а тилькы хмары, якъ дымчати кылымци, заступалы свитъ сонця, пересувалыся зъ мисця на мисце, плавалы по высокому неби, одна одну доганяючы, одна другу переганяючы, и кыдалы свою сиру тинь на чорновату землю... Витеръ тягъ маленькый зъ полудня... Чипка пидвивъ голову... Ёму стало немовъ легче одъ такои прохолоды; веселиши гадкы сталы закрадатысь у ёго душу, а журба впряма все такы не кыдаля серця... И Чипка затягъ:

Зеленый байраче, на яръ похылывся;
Молодый козаче, чого зажурывся?..

Спершу тыхо, протяжно вылывалася писня, и чутно въ ній було тугу невымовну, плачъ гиркый—задавленный; дали голосъ усе дужчавъ, мицнишавъ, розвертався на вси бокы, и, якъ зимни заводы витру, розлягався журлыво по пустельному полю...

Тилькы мени и пары,—що очыци кари...

лунала писня; а поле, мовъ ще дужче почорнило, ажъ насупылося...

III.

Козакъ—не безъ счастя, дивка—не безъ доли.

Вернувся Чипка до дому, та заразъ кынувся по хазяйству,—не заглянувъ и въ хату. Маты тилькы бачыла, якъ винъ овечатамъ пидкладавъ просянои соломы.

Наставъ вечиръ. Маты роспалыла пичъ, поставыла вечерю варыты. Уже и вечеря поспила, а Чипка не входывъ у хату. Маты засунула въ жаръ страву, прынялась перемываты посудыну,

пидмитаты хату. Уже и коло посуды упоралась, и хату пидмела—не йде Чипка.

— Що це винъ тамъ забарывся?—промовыла Мотря сама до себе, та й выйшла погукаты. Гукала-гукала,—не чутно. Увійшла вона въ хату, пидождала ще трохы,—немае. Матерыне серце стало розбираты досада.

Якъ бы знала, не захожувалася бъ и коло вечери... хочъ бы бувъ у хату наплювавъ, сказавъ,—чы дома ночуватыме, чы знову повіется на всю ничь... Побыла мене лыха годына, та несчаслыва зъ тымы побиганкамы! Та то жъ—день у день, ничъ у ничъ! Мабуть, назнавъ десь повію всесвитню,—та й віется... Зъ досады высунула вона галушкы зъ печи, всыпала трохы въ мыску, сама сила вечеряты. Настромыла одну галушку на спычку; вкусыла разъ, у друге—та й удавылася... Сербнула ложку, щербы,—та й загадалася... Галушка на спычци захолола; щерба въ мысци застыгла—заволоклася зверху сирою пливкою... Якъ здумала Мотря знову йисты, то все вже загусло, захололо. Вона пидвелась, поставыла вечерю на прыпичку, обмыла ложку и мыску, та й полизла на пичъ спаты... Думкы про сына обступылы іи и не пидпускалы сну...

А Чипка тымъ часомъ справлявъ свое дило въ Крутому Яру. Тамъ на пывныци, въ жыда, служывъ Лушня. Чипка пишовъ до ёго. Прогулявшы передъ тымъ цилый день, Лушня на вечиръ знемигся, та, завалывшысь на солому въ стодоли, захрипъ мертвецькымъ сномъ. Не швыдко Чипка знайшовъ ёго,—задутого, сонного.

— Тымофію! Тымофію!—гукавъ винъ, качаючы Лушню зъ боку на бикъ. Чувъ? Тымофію!.. Тымофій тилькы мукавъ та бывавъ. Чипка довго вовтузывся: перекыдавъ ёго, пидводывъ... на останку, розсердывшысь, штовхнувъ Лушню пидъ бикъ ногою. Той скрыкнувъ—и роскрывъ очи.

— Якого ты чортового батька?—гукнувъ винъ, та не глядя на Чипку, знову повалывся опукою на солому.

— Тымофію!—гукае Чипка, стоячы надъ нымъ.

— Чого?

— Устань...

— Лушня зыркнувъ, ледве пиднявшы въ гору верхни віи.

— Це ты, Чипка? чого ты?..

— Уставай!.. Треба.

— А що тамъ?—повернувшысь до Чипкы лыцемъ, пыта Лушня.

— Ты не знаешъ, де Сыдиръ жыве?

— Я й Сыдира не знаю... Якый це?

— Москаль... Той що... памьятаешъ?

— Не знаю!..—одказавъ Лушня, чухаючысь та зихаючы.

— Сыдора—москаля не знаешъ?

— Та самого знаю,—та не знаю, де жыве.

— Такъ, може, тутъ хто зъ вашихъ знае?

— Не знаю...—позихаючы, одказуе Лушня.

Чипка зо зла поскрибъ потылыцю.

— Тутъ йе въ васъ на пывныци пушкари,—мабуть, воны знають...

— И того не знаю...

— Що жъ ты знаешъ?—скрыкнувъ зъ серцемъ Чипка.

— Ничого не знаю,—одказавъ попуро Лушня, и перекынувся на бикъ.

— Божевильный!

Чипка плюнувъ и выйшовъ зъ клуни. Серце ёго пекла досада...—«Питы бъ до Петра та до Якыма?—подумавъ винъ.—Такъ же блызькый свитъ: треба ажъ на Побыванку телипатысь»... Винъ знову вернувся до Лушни.

— Тымофію! та скажы, Хрыста рады...

— Що я тоби скажу?.. И чого ёму такъ прыпало до того Сыдора?!..

— Ироде! Гаспыде!—закрычавъ Чипка: напывся, що и языка не повернешъ у роти—то ёму и байдуже, що тутъ зъ тебе жылы тягне...

— А-ай, го-спо-ды!—позихаючы, каже Лушня,—ходимо вже... та й устае.

Чипци трохы полегшало. Выйшлы воны зъ клуни; напрямылысь до хаты, де жылы рабочи зъ пывныци. Клуня стояла од-

далекы. Треба було переходыты до хаты черезъ пу́стыння. Тутъ воны стрилы метку москаливъ, котри йшлы до пывныци выпыты пыва. Въ той часъ уже добре смерклося. Воны поздоровкалысь зъ москалямы и швыденько помынулы ихъ. Колы це—щось ударыло Чипку зъ-заду по плечу.

— Здоровъ, Чипка.

— Чипка оглянувся—Сыдиръ.

-- А-а, здоровъ, Сыдоре!

— Куда ефто вы?—пыта Сыдиръ.

— Та тебе шукаемо,—одказавъ Чипка.

— Ну, вотъ и харашо. Пайдёмъ вмѣстѣ пива выпьемъ.

— Вы идить соби, а я пиду спаты,—каже, одризняючысь, Лушня.

Чипка пишовъ зъ москалямы.

— Сыдоре! я до тебе маю дило,—каже Чипка, колы вже пидпылы трохы.

— Какое? гавари!

-- Та... бачъ...—мнучысь, одказуе Чипка:—люде чужи...

-- Кгавари-кгавари: ето, братъ, сваи.

— Та хочъ и свои,—та неможна...

— Ну, пайдёмъ, паходимъ. Вы, братцы, абаждите. Я—сичасъ,—обернувся Сыдиръ до москаливъ. Выйшлы воны у двохъ зъ хаты, почалы ходыты по пустоши, кругомъ пывныци. Ничъ уже зовсимъ налягала на землю, а въ додатокъ ще й туманъ пидвився. Було темно и вохко. Чипка почувъ, що въ его якось страшно затипалось серце, мовъ ще николы такъ не былося; въ грудяхъ спирало духъ, важко було дыхаты... «Що—якъ не схоче»? думавъ винъ. Серце въ его хololo, винъ не знавъ, зъ якого боку пидступыты до Сыдора.

— Ну, што жъ ты?—не выдержавъ Сыдиръ.

— Та бачъ, Сыдоре... Я чувъ—ты женышся...

— Да, а что?

— Та, кажуть, лыбонь молода не хоче...

— Какъ не хочетъ?.. Да что малада, кали атецъ съ матерью слово дали!.. Чево ей ещо?

— Та воно, бачъ, ничого... Яке тилькы ваше жыття буде?.. Не зъ ными жъ тоби жыты, а зъ жинкою...

— А коли не будетъ слушаться—ефто на што?—и показуе кулака.

Чипку пронявъ наскризь и страхъ, и холодъ.

— Сыдоре!.. не губы душы!..—бовкнувъ Чипка зъ опалу, та и самъ схаменувся,—та було вже пизно.

— Какои души?—пытае здывованный Сыдиръ.

«Выручай, мылый Боже!»—подумавъ Чипка—и голосно промовывъ:

— Вона тебе не кохае... Мы зъ нею давно знаемось, та...

— Можетъ быть хочешь, чтобы я уступилъ тебѣ?—перебывъ ёго Сыдиръ. Не, братъ,—не бывать ефтому!

— Ты, якъ москаль, брате Сыдоре,—всюды вештаешся, всюды ходышъ зъ полкомъ,—ты соби знайдешъ десь кращу.

— Да что ты, братъ? Вѣдь, я издержался. Четвертную федьфебелю далъ, пятидесятирублёвую ротному, штобы только пазволилъ; да ещо пакупокъ сдѣлалъ рублёвъ на пятьдесятъ...

— Я тоби, колы хочъ, у-двое верну...

— Да какъ же, братецъ? Вѣдь меня спросятъ: почему не женился? тогда что?

— Скажы, що розійшлыся... Молода́, недужа, або що. Уважъ, Сыдоре! прошу тебе: уважъ! заразъ и гроши дамъ.

— Да ано, братъ, такъ. Только—какъ же быть то? ты развѣ съ нею—таво?

— Та кажу жъ тоби, мы зъ нею давно женыхалысь. Вона мени оце и каже: колы не виддадуть за тебе,—сама на себе руку наложу.

— Ишь ты! ещо атвѣчать придется.

— Эге жъ. Не губы, Сыдоре, души! Я знаю: ты чоловикъ добрый.

— А что же я ему то скажу, атцу?

— Сплеты що... Скажешъ: походу дожыдаюсь, черезъ те и не дозволено. А я вже, брате, вдобавокъ, замогорычу хочъ и всю вашу роту, щобъ мовчалы.

— Нешто такъ? Пожалуй, роздумуючы, згожуется Сыдиръ.

Чипка такъ и повысъ ёму на вязы:

— Сыдоре! братику! гуляй же теперъ! гуляй! Ходимъ,— заразъ гроши дамъ.

Вернулысь воны въ пывныцю, росквиталыся. Чипка напойивъ Сыдира и москаливъ, що зъ нымъ прыйшлы, та на радощахъ, и самъ такъ лызнувъ, що насылу вылизъ зъ хаты. Одначе подумавъ: чы йты до-дому, чы тутъ спаты? Такы поплився до клуни, де Лушня спавъ. «Ни, щобъ маты не лаяла, тутъ засну»,—подумавъ, уступывшы въ клуню. Незабаромъ винъ захрипъ коло Лушни, якъ задавленый.

Ничъ була сыра, холодна. Туманъ важкою парою врывався по-пидъ дверыма въ клуню; холодывъ гаряче тило, добырався до кистокъ. Чипка прокынувся, здригнувъ. Прокынувся и Лушня. Розсказавъ ёму Чипка, якымъ побытомъ забрався сюды спаты. На двори стало сириты. Кризь щылыны пробывався билуватый край схидъ-сонця. Чипка вставъ, та не вмытый, не росчисаный побрався прямо въ Пискы.

Уже розвыднялось, якъ винъ вернувся до-дому. Ще здалека побачывъ:—блыщавъ огонь у викнахъ його хаты. «Мабуть, маты пряде»,—подумавъ винъ, та й ставъ добыватысь у двери. Двери булы засунени. Винъ пидійшовъ, постукавъ.

— Хто тамъ?— одклыкнулася маты зъ середыны.

— Це я, мамо! Видчынить!

— Сыну! сыну!—почала выговорюваты Мотря, впускаючы въ хату.—Докы ты будешъ волочытыся що-ночи? Чы не за старе бува знову прынявся? Та то жъ—що ночи! Якъ вечиръ настане,— такъ и знявся и пишовъ. А онъ—всюды таки чуткы ходять. Ще на тебе, чого доброго скажуть...

Чипци хочъ и гирка була матерына догана, та недавня радисть тыхомырыла його серце.

— Не журиться, мамо!—зъ усмихомъ одказуе винъ:—Ось, незабаромъ, якъ Богъ поможе, не буду и зъ хаты выходыты.

— Выдно по тоби! Хиба бъ, може, жинка чы не вдержала; а вже матери не послухаешъ.

— Та може и жинка.

Маты вперше почула таку ричъ видъ сына. И здывувала вона іи, и зрадувала. Одначе Мотря не сказала на це ничого. Вона тилькы суворо глянула на сына, та й знову сила за гребинь.

Чипка, запалывшы люльку, выйшовъ до скотыны довидатысь,—та проблукавъ—уже геть сонце пидбылося. А тамъ—и майнувъ на хутиръ до Гудзя.

Галя тымъ часомъ не дримала. Якъ тилькы вернулыся стари до-дому, вона кынулась до матери и стала іи слёзамы благаты, щобъ не губылы іи красы, сылы, здоровья въ московськыхъ походахъ та переходахъ, на чужій сторони, далеко видъ роду, зъ нелюбымъ москалемъ.

Маты—якъ маты. Вона пронялась жалемъ риднои дытыны, зглянулась на іи слёзы, благання,—сказала про все Максымови. Максымъ хочъ и хотивъ бы маты зятемъ Сыдора, ще такого молодого, а вже унтеръ-охвыцера,—та прыгадавшы свое гирке московське жыття, непосыдяче та невильне,—самъ згожувався зъ дочкою. Взялы ёго смутни думкы. Винъ цилу ничъ не спавъ, усе думавъ.

На ранокъ радытся зъ Явдохою: якъ бы видъ Сыдора видсипатысь? Колы и Сыдиръ якъ разъ настыгъ на ту раду. Довго винъ терся та мнявся, покы зважывся сказаты про свое лыхо... Якъ ставъ винъ журлыво выводыты, що я бъ, мовъ, Боже, якый радый,—та походъ усе стратывъ! Стари слухалы та жалкувалы на ту лыху прычыну, а сами нышкомъ радилы. Найбильше жъ радила Галя, слухаючы таки речи зъ своеи хатыны. Вырядывшы Сыдора, батькы пойихалы чогось у Гетманське. Галя зосталася одна дома. Вона була весела, хочъ и тревожна, и зъ радощивъ сама не знала що робыты, зъ кимъ нымы подилытыся. Убравшысь въ найкраще убрання, вона бигала по хатахъ, спивала веселыхъ писень; дали здумала про обидъ, роспалыла пичъ, поставыла страву; знову спивала, бигала, выглядала въ викно: чы не йде, бува Чипка?

Чипка не йшовъ. Марно вона трудыла очи выглядаючы ёго. Иноди чорна пляма середъ поля здавалася ій нымъ; вона кыдала пичъ и, не памьятаючы сама себе видъ радосты, выбигала ажъ за хвиртку стричаты ёго. Розглядившы оману, верталася вона въ хату зъ жалемъ у серци, зъ слёзамы въ очахъ. «Винъ, мабуть, мене не любыть, що не йде. Якъ бы винъ любывъ мене, то не йшовъ бы—летивъ. А винъ? дурыть, зъ ума зводыть!» Таки думкы мутылы іи голову, ображалы серце и Галя сумовала.

На той саме часъ нахопывся Чипка. Якъ вона кынулась до ёго, якъ прывитала! Де дилася журба іи, смутокъ? Очи горилы коханнямъ, одрадою, выдъ осіявъ, якъ соняшный ранокъ весняного дня. И що за радисный бувъ день той! що за люба розмова!..

— Чипко, голобчыку. Прызнавайсь, любышъ?..

— Люблю, Галочко...

— А скажы: покынешъ? Покынешъ таке жыття?—допытувала вона Чипку, заглядаючы ёму въ вичи?

Чипка мовчавъ. Винъ любовався іи веселымъ голосомъ, налытымы радистю очыма. Вона жъ—не переставала щебетаты передъ нымъ, якъ та ластивочка.

— А якъ мы зажывемо зъ тобою! яки порядкы заведемо!.. Зъ ранку—ты будешъ хазяйнуваты коло худобы, а я въ господи. Адже ты будешъ кохатысь у скотыни? Я не люблю коней, волы кращи. Воны таки смырни, тыхи. А корова щобъ мени безпреминно була! Чуешъ? Я и не пиду за тебе, якъ тилькы коровы не купышъ, та щобъ зъ теляткомъ! Що я, бачъ, казала? Отъ уже и забула. Бачъ! Такъ ото ранкомъ мы будемъ поратыся; потимъ пообидаемо, спочынемо; потимъ упьять ты що-небудь зробышъ, покы вечиръ; а въ вечери я вечерю зварю: уже такыхъ мнякыхъ галушокъ зварю, що губамы можна буде йисты. И все въ насъ буде тыхо, мырно:—ни лайкы, ни сваркы николы. Ты не будешъ лаятысь?

Чипка осмихнувся.

— Чого ты сміешся? Ты, мабуть, и бытыся будешъ? Я, я, дурна, пытаю,—чы будешъ лаятысь. Гляды мени: тилькы будешъ мене зобижаты,—то я тебе покыну.

— Та годи тоби, Галю, про це думаты! Якъ можна таку зозулечку лаяты, або быты? Ты, якъ те сонечко, закрасышъ мою смутну хату, розвеселышъ матиръ.

— Ба! У тебе и маты йе? А я и забула.

Бровы въ Гали на хвылыну здвынулысь, буцимъ видъ тяжкои думкы. Одначе швыдко та думка промайнула: Галя знову веселенько зацокотала.

— А твоя маты—стара?

— Ни, не дуже. Лыхо тилькы іи зостарыло, та нужда молодого вику.

— А я, Чипко, не знаю, що то таке лыхо та нужда. Росла я въ доволи, не знаю того ничого. Хиба, може, ще мое видъ мене не втече, наздожене мене. Ни, я не хочу! Чувъ, Чипко? Не хочу я ни нужды, ни лыха. Хай ёму цуръ, хай ёму пекъ! Не хочу! Отъ, тилькы що: чы твоя маты сердыта? Чы не буде вона мене лаяты?

— Ни, Галю. Николы сёго не буде, щобъ хто сказавъ тоби и слово на-крыве,—не тилькы що. Та ты така, що маты моя, якъ побачыть тебе, то бильше вподобае, нижъ мене.

— Яка жъ я?—прядучысь веселымы очыма, допытувалась вона.

— Така,—жартувавъ Чипка.

— Яка—така?

Чипка кынувся іи обниматы.

— Гляды жъ мени! гляды! Тилькы одурышъ,—и сварылася на ёго своимъ маленькымъ, билымъ пальчыкомъ.

Довго це воны отакъ любовалыся та мыловалыся. Потимъ—обидалы. По обиди радылысь, якъ сказаты батькамъ. Та вже на вечиръ Чипка пишовъ до-дому.

Маты стрила ёго нз двори зъ серцемъ.

— Де ты ходышъ? де ты бродышъ цилый день? На кого ты покынувъ ту худобу дома? на мене стару? Господы, Твоя воля! То бувало, хочъ у день дома; а теперъ—понудывся до обиду, а тамъ и скрывся плечьма и очыма. Навищо жъ ты накохавъ того скоту, колы не хочешъ самъ глядиты?

— Не визьме ёго, мамо, бисъ!—весело одмовывъ Чипка

— Та и тебе бъ не взявъ, колы бъ навидався хочъ у полудень. Колы скотыны не шкода, то хочъ бы матиръ пошкодувавъ, що въ таку негоду гыбне на двори.

— Пидождить, мамо: ось якъ визьму жинку,—зажывете тоди: якъ у Бога за дверыма.

— Тоди то те и буде!—страчуючы гнивъ, журлыво вымовляе Мотря, увиходячы въ хату. За нею и Чипка увійшовъ.

— «Що це винъ мени все плеще: жинку та й жынку? И вчора жинку, и сёгодни жинку,—може справди надумався». И хочется ій попытаты ёго. Черезъ це вона, осившысь у хати, знову заводыть розмову.

— Невистку, кажешъ, визьмешъ, сыну? тоди зажыву, якъ у Бога за дверьмы? Такъ воно, мабуть, и буде! Може, невистку визьмешъ таку, що свекруси и сорочкы не выпере...

— Та може, сама такы и не буде праты,—одмовляе Чипка.

— А хто жъ?—ажъ зъ лякомъ спытала Мотря.

— Наймычка.

— Яку жъ ты тамъ грапыню задумавъ браты, що ще и наймычку до неи треба?

— Грапыню, мамо,—усмихаючысь, каже Чипка

— Не высоко лышень несыся, сыну, а то якъ прыйдется падаты...

— Ничого, мамо, высоко нестыся: я визьму жинку, яку мени треба.

— Та що це ты сміешся зъ матери, чы що? Чы справди, знайшовъ соби пару?

— Знайшовъ.

— Кого жъ ты вподобавъ? Чы не Мотрю, бува, Шрамченкову? То—багачка, та гордовыта, сыну. Не раю я тоби іи браты. Та своимъ багатствомъ що-дня тоби очи выбыватыме.

— Ни, мамо: не Мотрю, а Галю.

— Яку Галю?

— Знаете, мамо, москаля Гудзя.

— Того, що на хутори?

— Того самого.

— То що?

— Дочку його, мамо.

Мотря задумалась. Смутокъ заславъ іи поглядъ.

— Не знаю я, моя дытыно, тіеи дивчыны. Хто його зна;— що воно за люде, ти москали. Знаю тилькы, що замолоду винъ те тилькы и робывъ, шо пывъ та гулявъ, та волочывся. А якъ оддавъ батько въ москали, то про його и слухъ запавъ. Вернувся жонатымъ и багатымъ. Жинка його лыбонь не зъ нашыхъ: здалека видкилясь винъ вывизъ іи. Чы не така бува и дочка?

— Ни, мамо: дочка и трохы не схожа на матиръ.

— О-охъ, сыну, сыну! Хто його знае. У чужу душу, кажуть, не влизешъ—що тамъ у ній заводытся. Може вона зъ выду и добра здается, то це покы дивкою. Кожна дивка, покы не выйшла замижъ, то и добра; а якъ звьязалы рукы, то заразъ и почне вытребенькуваты. И те не такъ, и друге не по ній. А ще жъ, якъ багачка! Про мене, колы бъ ты, сыну, оженывся и на Олени Пидкивни. Дивка тыха, робоча. Знаю добре, що була бъ тоби жинка, а мени невистка. А колы вже и Гудзивну сподобавъ, то счасты Боже! Звисно,—не мени зъ нею жыты, а тоби, моя дытыно... Мій уже викъ не довгый; швыдко вмру, все покыну. Тоби зъ нею викъ викуваты, а не мени. Тилькы воно и на тимъ свити лежалось бы, колы бъ я знала, що ты будешъ счаслывый! А то, якъ у васъ тутъ буде що дня грызня та сварка; то яково тамъ и мени лежатыметься! И мои кисткы струснутся пидъ землею.

— Ни, мамо: Галя буде жинка якъ разъ по мени. Я вже іи давно знаю.

— Колы по тоби, то хай тебе, сыну, Господь на все добре благословляе! Я не забороняю. Не жалкуй тилькы дытына моя на матиръ, якъ—не прыведы Господы!—прыйдется викъ калататы. Знаешъ—багачокъ? Воны вси здатни на докоры. А немае, сыну, тяжчои докоры, якъ докора про твои злыдни. Злыдни—та чесно нажыти! А то—навезе видъ батька-матери дрантя та ган-

чырья всякого, та й не рушъ ты ёго. Вона тоби що дня буде вычытуваты та высукуваты: то те пропало, то те згайнувалы. Нема гирше, сыну, якъ докора багачкы! Черезъ те бъ я не раяла бъ тоби багачкы браты. Беры ты, сыну, ривню соби, то и усе буде въ васъ ривно: ни вона тоби не выбыватыме очей твоимы злыднямы, ни ты іи не докорятымешъ ничымъ,—бачывъ, на що бравъ! Та якъ я вже прожыла на свити та побачыла людей, то скажу тоби, що зъ убогыхъ и хазяйкы кращи бувають. Нужда ты злыдни навчають и свого берегты, и чужого глядиты. А колы воно выросте въ роскошахъ, та пры наймычкахъ, то ёму все ни по чому: такъ усе и гайнуватыме!

— Не така, мамо, Галя. Ничого вамъ турбуватыся. Хочъ вона и багачка, а все сама коло всёго. Всёму знае ладъ даты. А що вона мае лышне тамъ, то то ще краще. Буде объ вищо на першый разъ рукы зачепыты, та и повесты гаразденько хазяйство. Навищо жъ мени дано голову й рукы. Не клопочится, мамо: все гараздъ буде! А колы бъ вы зналы іи, або хочъ бачылы,—заразъ бы такъ уподобалы, що сказалы бъ: не беры, сыну другои жинкы,—беры Галю Гудзивну.

— Не дывысь, сыну, на образъ, а дывысь, яка вона до тебе йе! Иноди и вродлыва, та лыха годына... Своеи доли не вгадаешъ!

— Адже колы хочете, моя доля зъ нею выростала.

— То и Боже благословы, сыну, колы такъ! Шукай старостивъ, та и шлы, колы що виддадуть...

— Того жъ самого вечора побигъ Чипка до Грыцька.

— Грыцьку, братику! Чого це я прыйшовъ до тебе?

— Кажы.

— Прыйшовъ прохаты въ старосты.

— Хиба женытыся задумавъ?—умишалася Хрыстя.

— Эге жъ. Оце думаю: оженюся разъ, та й закаюся!—жартуе Чипка.

— Кого жъ думка браты?—пыта Грыцько.

А Хрыстя—ажъ вуха наставыла.

— Тоди побачышъ: кажы, чы пидешъ?

— Та Богъ же ёго знае. Може ты мене заведешъ у такый двиръ, що и колякы скоштую.

Уси засміялыся.

— Та въ такый же то и думка завесты,—жартуе Чипка,—бо однакъ тоби нихто бокивъ не мне. Хрысти бъ, якъ жинци, годылося... Та що жъ, колы вона така добра вдалася, що николы и слова насторчъ не скаже!

— Та годи вже тоби жартуваты. Кажы справди: кого задумавъ браты!—допытуется Хрыстя.

— А хочется знаты? хочется?

— А вже жъ хочется.

— Ну, хай же кортыть, колы хочется.

— Ну, бо, кажы; а то и Грыцька у старосты не пущу.

— Та я и самъ не пиду, колы не скаже.

— Ничого вже зъ вамы робыты, каже Чипка: треба прызнатыся. Знаете Гудзивну?

— Яку? Одарку?—пытае Хрыстя.

— Ни Галю.

— Яку це?—пытае Грыцько, роздумуючы.

— Москалеву дочку, того москаля, що на хутори жыве.

— Не знаю,—одмовляе зъ протягомъ Хрыстя.—Отъ, дывысь: и потелипався жъ на хутиръ шукаты, буцимъ у сели дивчатъ трохы! И чого ёго туды понесло?

— Понесло, усмихаючысь, каже Чипку.—Ты кажы, Грыцьку: пидешъ?

— На колы?

— На ту суботу,—гулящый день буде.

— На суботу—можна.

— Гляды жъ, Грыцьку. А покы що—прощавайте! Ще треба въ одне мисце бигты.

Чипка пишовъ, Грицько зъ Хрыстею завелы розмову про ёго.

— Отъ, дывысь, Хрысте: такы будуть люде зъ цёго Чипкы! Оце одружытся, а жонатому—звисно,—вже не те, що парубкови...

— Хиба ёго не выдно и спершу було, що винъ чоловикъ путящый? Чы до роботы, чы до мастерства—до всего вдався.

— А пывъ же та волочывся якъ?!—згадавъ Грыцько.

— Молодый бувъ—дурный, а постаришавъ—за розумъ узявся,—одказуе Хрыстя.

— Отъ теперъ и старій Мотри такы спочынокъ буде, а то сердешна маты не знала спокою ни въ день, ни въ ночи.

— Бо-зна ще яка невистка буде?

— Та що невистка? Хай яка вона соби тамъ не буде, а винъ, якъ сынъ, повыненъ не даты въ образу риднои матери.

— Та бувають, Грыцьку, таки, що ты ій хочъ килъ на голови тешы, а вона—якъ тіеи, та и тіеи.

— Ну, въ мене бъ вона пе тіеи заспивала.

— То жъ то въ тебе.

— А щожъ? Цебъ то попустыты, щобъ чортъ батька зна що моею ридною матирью верховодыло? Ни, мабуть бы прыкусыла вона языкъ, сципывшы зубы?!

— Що жъ, якъ бы оце въ тебе и справди маты була, то це бъ и мени такъ було?

— Такъ ты жъ, Хрысте, не така. Я знаю, що ты бъ се матери моій догодыла, якъ мени.

— То ще, яка бъ маты була.

— Та ты всякій матери догодышъ. А Чипчына маты чымъ не поважна людына?

— Та я за бабу Мотрю ничого не кажу. Спасыби ій, вона така добра до насъ, немовъ ридна. Я кажу за другыхъ. Онъ, у Васыленка: навищо невистку перевела? Якъ ишла—калына калыною була; теперъ—якъ зъ хреста знята! Онъ то яки бувають свекрухы! Такій самъ чортъ не вгодыть, не тилькы невистка.

Отакъ воны довго балакалы. Слово за слово чиплялося; одна думка нанызувалась на другу,—то зиходячы на людей, то звертаючы на Чипку.

— Ты жъ мени розскажы, яка тамъ молода,—вже лягаючы спаты,—каже до чоловика Хрыстя. И де винъ іи выдравъ?

— Та вже жъ побачымо, що тамъ за цяця така,—то и розскажу,—одмовывъ Грыцько и соби вкладаючысь.

Рано зъ вечора погасылы свитло сынъ зъ матирью. Рано зъ вечора воны полягалы спаты, натомлени деннымы прыгодамы. Адже сонъ не йшовъ обоимъ имъ на думку.

Ёму знай прывыджувалась Галя, весела, якъ ясочка,—якъ вона буде бигаты по хати та порядкуваты. Тилькы шкода: хата тисна; треба нову ставыты,—промыгнуло въ думци и выклыкало цилый рій. Ёму вже ввыжается, що винъ розвалывъ оцю хату, а заложывъ нову, зъ свитлыцею, зъ хатыною, зъ велыкымы викнамы. «У хатыни мы будемо жыты,—радытся винъ зъ Галею; маты, мабуть, не злазытыме и зъ печи; а свитлыця—чужого чоловика прыняты».—Добре, Галю?—Галя засылае ёму поглядъ згоды. Пересновуются ёго думкы зъ іи думкамы: выклыкають усмишку, радисть. Добра надія пестыть ёго серце. Чипка забувае давне жыття, забувае все, що було-мынуло: на легенькыхъ крылахъ прудкои думкы несется винъ упередъ, дали, въ рай тыхого счастя. Мотря думала тежъ про Галю. Тилькы невесели, а смутни думкы обхопылы матерыну голову. «Господь ёго знае,—думала вона, хочъ бы я іи бачыла колы, хочъ бы чула іи мову, голосъ. Може, тамъ така, що и не прыступайся; а може зъ тыхъ, що абы завьязаты свитъ парубкови, а то и кыне,—другого знайде. Мижъ багатыркамы и таки часомъ бувають. Звисно—зъ жыру! Выросте въ роскошы, та въ достаткахъ; само николы не гнуло свого стану; не кололо билыхъ рукъ объ колючу стерню,—все те наймычкы. А тутъ побаче, що все те треба своимы ручкамы та пучкамы, визьме, та й кыне,—хиба теперъ якъ на свити стало?!

Видъ такыхъ гадокъ сердешна маты знай перекыдалась зъ боку на бикъ, та важко зитхала.

— Вы не спыте, мамо?

— Ни, сыну.

— Чому жъ вы не спыте?

— Та такъ, усе думкы таки лизуть у голову.

— Не журиться, мамо!

IV.

На своимъ добри.

У суботу заславъ Чипка старостивъ до Максыма. У недилю булы оглядыны у Чипкы. Максымъ не забувавъ старосвитського звычаю: пойихавъ самъ и вблагавъ Явдоху пойихать на оглядыны.

Максымъ знавъ, за кого виддававъ дочку. Не дуже дерла ёму очи вбога Чипчына хата и старенька, бидно зодягнена маты. Не такъ на те глянула Явдоха: не такъ воно вразыло іи горду пыку. Про самого Чипку—грихъ слово сказаты! Та ёго хата, ызенька и тисна, ёго маты, згорблена, стара, высушена гиркою нуждою та лыхомъ,—роскорпысалы хыжу, падку на роскоши та на прыбутокъ натуру Явдошыну. Якъ вернулася зъ оглядынъ, вона накынулась мокрымъ рядномъ на чоловика. Максымъ, знаючы іи натуру гарячу, воркотлыву, выйшовъ за хаты та нарошне довго корпысався коло хазяйства. Тоди Явдоха прыскипалась до Гали:

— Ну, такъ! прыдбаешъ, дочко, свекруху,—на ввесь свитъ. Господы! На ній и облыччя людського не знать. Видъ злости ажъ скрывылася; высохла, якъ суха тараня.

— Та то, може, вона вамъ, мамо, такъ на першый поглядъ здалася,—одказуе Галя.

— Такъ куды!—кынулась Явдоха въ жаль та слёзы.

— Якъ бы знала, моя дытыно, таку лыху годыну,—якъ бы знала, що таке въ ёго застану: краще бъ тебе до вику зъ непокрытою косою водыла, тожъ таке бачыты!

Не вподобала и Мотря Явдохы. Вона здалась їй гордою, бундючною, недоступною. «Пани, пани!—шептала Мотря.—И чого встрявъ сюды Чипка? Уже яка маты, така и дочка: яблочко видъ яблонькы не далеко одкотытся. Утопыть винъ свою голову, та и мою разомъ! Чуе и вищуе мое серце».

Обыдви матери булы таки, що хочъ бы и назадъ,—та ничого робыты: дило прылюдно було зроблено. На другу недилю молодыхъ повинчалы.

На радощахъ Максымъ таке весилля справывъ, що ще нихто николы и не знае. Цилый тыждень музыкы гралы; ногы не спочывалы; варена та запикана ричкою лылыся, а що вже простои, то хочъ купайся. Людей найшло—выдымо-невыдымо: и прости, и москали, и Сыдиръ тамъ мижъ нымы; и старшына зъ пысаремъ, засидатель зъ своимы родычамы—полупанкамы. Сказано: нигде пальцемъ просунуты ни въ хати, ни на двори. Максымъ лыбонь ще и станового дожыдавъ,—та становый чомусь не прыйихавъ.

Грыцько,—пидстароста,—дывувався тому багатству, що такъ ни гадано, прыпало Чипци. Його ажъ заздристь розбирала. Дывувалыся и завыдувалы Чипци люде, не меньше Грыцька: «И якъ такы за такого ланця та выйшла така багачка, якъ Галя»?! Стари диды та бабы все те соби на уми малы, а молодыци нышкомъ помижъ себе рахувалы, що воно такы щось не певне: выдно чортяка и тутъ якогось кгедзыка вкынувъ! Та дывлячысь на Галю, що сыдила коло Чипкы, якъ макова квитка, знай перешептувалысь та хыталы головамы, моргалы бровамы. А чоловикы тымъ часомъ одъ Максыма по повній выпывалы: «Дай же, Боже, щобъ наши молоди жылы та здорови булы,—въ счасти кохалыся, въ роскоши купалыся, до самого вику ничого лыхого не зналы»!—Щобъ знай багатилы та съ переду горбатилы!—додавъ староста Якивъ Кабанець, такый удатный до тыхъ прыказокъ. Бесида залылася протяжнымъ смихомъ, а жинкы, жартуючы, давай штовхаты старосту кулакамы межи плечи, прымовляючы: «О, щобъ тебе! щобъ тебе»! А староста, не вважаючы на духопелыкы, ухопывъ вареныка въ зубы, розипхавъ танцюрысту молодижъ, крыкнувъ: «Грай, музыко»! та й пишовъ навпрысядкы—ажъ земля загула. Музыка ризала, пыляла—ажъ струны лопалысь; скрыпкы вгыналыся; бубонъ, якъ гримъ середъ лита, бугтивъ; мидяни тарилкы бряжчялы та цокалы, немовъ сто паръ цыганськыхъ коней зъ бубончыкамы перло селомъ.

Гуляды-гулялы на хутори, та такъ цилою юрбою перейихалы въ Пискы до Чипкы.

Тутъ Мотря вперше побачыла свою невистку. У пари зъ сыномъ вона кланялась ій нызенько, до нигъ, подаючы дороги подаркы. Мотря глянула на невистку—и дурни думкы зныклы, зразу збиглы зъ сумного облыччя. Якъ проминь ясного сонечка, пробывшысь мижъ зелену густу лыству, въ затышку та въ холодочку, горыть и звеселяе и гущовыну,—такъ искорка одрады зажеврила въ старыхъ Мотрыныхъ очахъ, разлылася радистю по всёму сухому выду! Мотря кынулась обниматы невистку, якъ ридну дытыну, а, цилуючы іи, плакала. Галя соби обнимала Мотрю, якъ матиръ: цилувала іи зашкарубли сухи щокы, рукы. Дали—Мотря обнимала сына и тежъ плакала. Потимъ того цилувалася зъ сватамы, и трохы не зъ усима людьмы, шо найихалы и найшлы до неи въ двиръ. Зъ радости стара, якъ опьянила. Ій уперше на вику довелося побачыты таку повагу до себе видъ людей. Вона не знала, якъ ихъ дякуваты, чымъ ихъ витаты. Ось загралы музыкы; заспивалы свашкы; поклонылыся молоди—и пишлы въ хату. Пиднялыся знову гулянкы та танци. Максымъ зъ Явдохою въ пари пишлы выкрутасомъ та выхылясомъ, а за нымы и Мотря тупала своимы старымы ногамы.

Якъ вихоръ, якъ буря страшенна мчытся, трощыть и ломыть усе по своему слиду,—такъ те весилля промчалося надъ Чипчынымъ дворомъ и наробыло не трохы шкоды въ господарстви. Тыны повалени и поломани; ворота побыти лежалы середъ двору: викна безъ шыбокъ чорнилы диркамы, дывлячысь на вулыцю. Та якъ писля бури, дощу та граду, ясне сонечко ще мовъ прывитнише сяе, ще дужче гріе, та облывае своимъ тепломъ ти руины, що наробыла буря,—такъ Галя рожевила зъ двору своимъ румянымъ лычкомъ и веселыла все своимъ добрымъ поглядомъ. А Чипка правывся коло шкоды. Тамъ тынъ пиднявъ та набывъ, нови ворота прыробывъ; тамъ другу яку шкоду налагодывъ; клыкнувъ шкляра—викна повставлявъ. Черезъ тыждень не знать було розруйнованого двору: все стояло на своимъ мисци, якъ ёму и слидъ було, тилькы ще мовъ краще, доладнище выглядало.

Багато добра всякого та худобы навезла Галя зъ собою: чотыри паровыци везлы іи посагъ у Пискы. Мотря якъ стрила

все те, то ажъ злякалася. У неи ничого того и у думци не було, а тутъ—якъ снигъ на гололову. Вона не знала де ёго поставыты, куды подиты. Що нужнище—розмистыла въ хати; друге—поставыла въ синяхъ, а що зосталося—Галя просыла Явдоху взяты до себе въ хутиръ. Максымъ подарувавъ Чипци троянъ добрыхъ коней. Такъ ихъ Чипка просывъ тестя подержаты въ себе до весны. Максымъ та Явдоха, дывлячысь на таку тисноту, раялы молодымъ перейихаты на зиму жыты на хутиръ—та ни Чипка, ни Галя не згодылысь. Стари пойихалы назадъ, а молоди зосталысь на своимъ господарстви. Доля прыкрыла ихъ своимъ затышнымъ крыломъ.

Гарно, весело теперъ у ихъ хати. Сама хата, хочъ заставлена всячыною, а наче роздалася, повеселишала. Стины Галя вбрала шпалерамы, пообвишувала вышыванымы рушныкамы. Зъ божнычка выглядалы дороги образы зъ-за лису васылькивъ, мняты, ласкавыци, гвоздыкивъ, та мовъ усмихалыся, дывлячысь на хату. Передъ образамы гойдалыся на пыточкахъ роблени голубы. Крыла въ ныхъ сызи, груды червони, хвостыки чорни, носыкы—немовъ зъ тила—било-румяни, а очи, зъ червоного намыста, свитылы на всю хату, колы вдарявъ у ныхъ соняшный проминь або стяжка одъ свитла. Голубы ти булы на вдывовыжу кожному, хто тилькы бачывъ ихъ. Ростопырывшы крыла и попрыгынавшы нижкы, воны безъ перестанку гойдалыся, немовъ жыви, та зачаровани. Пичъ Галя розмалювала самымы квиткамы по билому; лавы вышарувала—чысти та били, а пилъ, якъ зъ воску, чыстый. Де тилькы рукы іи доторкалыся, або де око зырнуло,—все те зъ хмурого, сумного, прояснялося, билило, нибы всмихалося.

Коло свекрухы Галя, якъ коло риднои матери, ходыть, годыть ій у всячыни. Нашыла ій очипкивъ; платкивъ падарувала, сорочокъ надавала. Ни свитыло теперъ дрантя на старыхъ плечахъ: воно пишло на ганчиркы, а Мотря въ усёму новому ходыла. Булы теперъ у неи и чоботы добри чорноголовци, плахты и дергы дороги, хочъ и старечи, и сукня била, якъ снигъ, и ко-

жупанка, крыта демыкотономъ, про зиму. Защытна теперь Мотря видъ голоду, видъ холоду: заспокоена въ роботи. Галя сама коло хазяйства ходыла: коло коривъ та овечатъ, и биля печи—всюды сама: Мотри и не пидпускала.

— Вы, кажете, мамо, на своёму вику не трохы здоровья стратылы, сылы збавылы.—Спочыньте хочь на старисть. Хай я, молода, теперь буду працюваты, а вамъ треба спочываты на щось инче!

— И, вже, дочко!—одказуе Мотря: не зажалiешъ батька въ наймахъ,—такъ и мене. Колы замолоду нихто не жалкувавъ, то на старисть—и того бильше. Прывыкне, кажуть, собака за возомъ бигаты, то и за саньмы побижыть! Я звыкла замолоду робыты—и теперь не влежу, хочъ часомъ кисткы болять, якъ переломани, въ грудяхъ холоне та ные.

Та й сяде Мотря на гребинь за вовну, та и пряде помалу.

А коло Чипкы Галя не знае вже, якъ и прыпадае, чымъ ёму догожае. У сорочкахъ уси груды повышывала, квиткамы унызала; каптаны пообшывала шнуркамы. Тилькы и робыть, що, впоравшысь коло печи та худобы, корпысае голкою та выгадуе зразкы всяки.

— Дывиться, мамо: чы такъ гарно буде?—пытае вона свекрухы, показуючы шытво.

— Та гарно, моя дытыно,—одказуе Мотря радо.

— Мени здается, якъ бы ще сюды вкынуты сынёго, а сюды—зеленого; то тоди бъ саме добре було.

— На що ты, дочко, надъ тымъ голову морочышъ, та очи збавляешъ? Помережала бъ якъ-небудь, та й годи! Адже жъ ходывъ до сёго не тилькы въ шытыхъ, а часомъ у такыхъ, що рубъ руба позывае. Та й байдуже було!

— Яка жъ я, мамо, буду добра жинка, колы сорочкы свому чоловикови не вышыю? Я бъ ёму, яки найкращи зразкы йе, вси бъ, здается, вымережала. Та горенько,—не знаю всихъ!

— Спасыби тоби, дочко, за твою ласку якъ до ёго, такъ и до мене! Якъ ты ввiйшла до насъ, то мовъ праведне сонце вступыло въ хату,—немовъ намъ очи розвьязала, свитъ повыла

рожевымъ квитомъ. А якъ бы ты знала, якъ то спершу було? Якъ ни хлиба, ни одежыны, та треба що дня на роботу йты. А винъ ще малый бувъ,—и ёго иноди зъ собою несешъ. А колы кынешъ дома, хочъ и на бабу,—царство ій небесне,—то за думкамы свита билого не бачышъ. Чы не сталося що ёму? чы не наробывъ чого винъ?? Настане вечоръ,—якъ Бога, мовъ викамы, дожыдаешъ ёго,—та кынувшы працю, мерщій до-дому поспишаешь. Добигаешъ, бачышъ—винъ грается коло хаты. Слава Тоби, Господы, що счаслыво все! Або зимою, застукають трискучы морозы, зниметця заверюха, хуртовына, а ни одягнутыся, а ни обутыся! А тутъ у хати—хочъ вовкивъ гоны, и топлыва кать-мае. Охъ, выпыла и я за свій викъ гирку, та ще и повну. А теперъ дяка господеви, хочъ на старисть заспокоена. Може пошле Господь и вмерты въ такому. Щобъ вамъ, мои ридни, счаслыво викъ звикуваты, та своихъ дитокъ до розуму довесты!

Галя слуха-слуха таку смутну прыповистку, про таке гирке та злыденне жыття,—та ажъ страхъ іи визьме. Вона не тилькы ничого того не бачыла и не знала, а навить николы и не думала. Жаль давывъ іи серце за свекруху. «Не даромъ вона така стара, слаба, выморена, высушена!»—думала Галя.

— Вы мени, якъ ридна маты!—обертается вона зъ щырымъ серцемъ до свекрухы; скилькы то вы горя на своимъ вику звидалы! Чы то жъ и Чипка все те терпивъ, мамо?

— А вже жъ, дочко! Ёго оцимы рукамы и выносыла, и выгодувала, и винъ дознавъ, почимъ кившъ лыха!

— Черезъ те винъ и смутный такый; того и не радисный завжде. Отъ я: зросла въ доволи та въ роскоши,—ничого того не знала, завжде весела, спивуча.

— Дай, Господы, спиваты, не дай тилькы плакаты!—одказуе радо Мотря. И не налюбуется, не навтишается невисткою.

Тилькы иноди, темнои ночи, колы буря на двори вые та плаче, въ дымари, якъ сова, квылыть та стогне,—въ викна стукаючы кимъямы снигу, мовъ пизній подорожній, колы все спыть пидъ заводы лыхои годыны, тилькы старимъ людямъ не спытся,—ворочаются воны зъ боку на бикъ, стогнучы та охаючы,—бо-

лять у ныхъ стари кисткы, натружени замолоду непосыльною працею, а сумни думкы, якъ чорна галычъ, окрываютъ старечи головы,—тилькы въ таку добу закрадався сумъ у Мотрыну душу и, якъ у жмени, зжымавъ гиркымъ життямъ поточене серце.

— Що воно за знакъ!—думала вона: така багачка, вродлыва, а покохала такого убогого? Хай и покохала,—молода кровъ шпарка, серце гаряче;—западае дивци парубокъ у воко,—не встережется, якъ и покохае. Та куды жъ батько та маты дывылыся? А тутъ батько и маты не сперечалыся. Мабуть, шкода стало дытыны, якъ вона зъ кохання побывается? Ридни забороняють, колы спизнается зъ неривнею. А тутъ и ридни ничого. Правда, Чипка мій моторный, удатный, золоти въ ёго рукы и голова не абы-яка. Та що жъ? все жъ такы неривня? Перши, кажуть, любощи—дурныци. А прохолоне серце—пидуть докоры та перекоры: ланець, голодрабець! А може вона не така. Здается, Галя добра. Отъ мене и не кохае, а якъ жалуе? Охъ, Боже, Боже! пошлы имъ счастя, Господы! Мени що, старій? абы воны не нарикалы на долю. Я вмру; имъ жыты. . Хочъ бы жъ хочъ умерты спокійно!—Отаки думкы, якъ легеньки хмары середъ ясного дня, переплывалы въ голови старои матери. Адже якъ тамъ: сонце тепле та ясне,—пидплылы хмаркы въ гору, пронявъ ихъ гарячый ёго свитъ, побилывъ ихъ, ростопывъ, повинувъ теплый витрець—розвіявъ. Такъ и тутъ: доля свитыла та грила, и не давала простору та воли смутній думци кынуты темну тинь на ихъ счастя. Мотря бильше радила, нижъ журылася, и весело поглядала на дитей, якъ воны голубылысь.

А воны справди, якъ ти голубы: де одно, тамъ и друге. Чы винъ робыть що, а въ неи вильна хвылына,—вже вона коло ёго,—колы не помагае, пиддержуе що, то такъ стоить та дывытся; чы вона робыть,—винъ зъ рукъ хапае, щобъ ій легше було.

— Галю! наймы наймычку,—каже винъ, якъ вона втомылась коло печи, золинныкы вергаючы. Невже все те тоби своимы рукамы ворочаты? Ты и коло коровы, и коло печи, и коло пытва,—та все одна, все сама.

— Наймычку?—пытае, здывўвавшысь, Галя.—Навищо? Щобъ вона своимы нечыстымы рукамы тоби страву готувала? Хай іи!

— Пожалкуй себе, Галю—свого здоровья.

— А що мое здоровья? хиба ще не выкохала та не выростыла, въ матери гуляючы? За для тебе, мій голубе, хочъ и рукы натужу, то не шкода. Ты замолоду натерпився всёго,—пожывы хочъ зо мною въ доволи. И яке воно тоби те счастя, здается, колы до всёго своихъ рукъ не доложу, не поклопочуся биля всячыны. Ни, не треба. Не хочу я наймычкы!

Чипка слухавъ ту любу мову жинчыну, а серце ёго пройма радисть счастя.

— Доле моя! счастя мое!—прыгортаючы мицно до себе Галю, шептавъ винъ у вечери.—Ты жъ мени радисть у двиръ прынесла; ты зъ моихъ очей полуду зняла, що ихъ цилый мій викъ закрывала! Кругомъ мене крывда облягала, неправда обступала; якъ важкый каминь, давыла вона мени плечи, груды, опускалыся въ мене дужыи рукы, закрывалыся очи, я не знавъ ничого, не бачывъ—куды мени вылизты зъ того гниту, якъ ёго выскочыты. Ты—якъ зирочка зійшла надъ моею задуреною головою и освитыла мени стежку, мій невтертый шляхъ!

— Галю!—трохы згодомъ, не швыдко, нибы роздумуючы, обизвався голосно Чипка. Колы бъ уси люде булы таки счаслыви, якъ мы зъ тобою,—тоди бъ намъ ще краще жылося, ще веселише!

— Колы бъ же то, мій голубе. Що жъ, колы ихъ доля такъ помежувала: одному дала багато, а другому—ничого.

— Доля?—гляды лышень, Галю, чы доля то! чы не сами люде, бува, и вынни?

— Та може, и воны трошкы. Якъ бы можна, Чипко, то я бъ имъ свого удилыла. Знаешъ: якъ розказала мени твоя маты, яку вы нужду, яке лышенько замолоду терпилы, то мене то въ огонь укыне, то морозомъ обсыпле. Колы бъ знала, то въ той бы часъ усе свое виддала, що мала.

— Ты, Галю, добра. Ты—жалислыва, казавъ Чипка, обнимаючы іи, а въ самого по сумному выду мышка бигала и голосъ

дрыжавъ видъ спомыну. Та чы то жъ одна моя маты така? Хиба одни мы? Сотни, тысячы, тысячы тысячъ отакъ тяглы и тягнуть свое злыденне життя. И нихто на те не вважае; никому не мае дила до того; нихто на те не дывытся; нихто того не бачыть, усимъ воно чуже, не ридне. Кому воно свое? кому не байдуже? Отымъ хиба беззахысным людямъ, що зъ голоду мруть? Не дывуй же, Галю, що мы свое одбиралы сылою.

— Не нагадуй, не нагадуй! Хрыстомъ Богомъ молю, не нагадуй мени про те, Чипка!—молыла Галя, ще дужче горнучысь до ёго.—Якъ я здумаю про те, то въ мене розумъ мутытся, въ вичахъ червони плямы замріють. Хиба не можна було безъ того обійтыся? Працею, хочъ тяжкою, кривавою працею, та чесною—свого добуты?

— Працею? Г-мъ. Ничого, Галю, працею не вдіешъ. Одынъ зъ неи выскочыть, а десятокъ вона задавыть!

— Адже отъ—Грыцько. Зъ бидносты выйшовъ у люде. И спокійный, и счаслывый, а все черезъ працю.

— Та праци, Галю, нигде прыложыты! И те—чуже, и того—не можна, и того—не робы. Ніякъ рукъ зачепыты. Крывда кругомъ, скрызь неправда.

— Ты думаешъ, Чипко, що справди у всихъ такы думкы? Ій-Богу, ни! Лушня такый чоловикъ, що купыть и продасть; Пацюкъ—абы ёму погуляты та поспиваты, наробыты дешпоту; а Матня—щобъ налызатыся отъ по сю!.. Хиба имъ у голови праця? Хиба воны думають, де свое, де чуже? Або москали? Цилый викъ ёго вчать не дывытысь не тилькы на чуже добро, а и на життя! Хиба воны таке думають, якъ ты? Винъ соби иде прямо за для того, щобъ порабуваты, щобъ чужымъ добромъ пожыты.. Такъ у ныхъ, у москаляхъ, було: такъ винъ и звыкъ до того, и тепереньки не хоче за чесну працю взятысь!

— Може, и такъ. Може, и твоя правда. Може.

— Ни, Чипко: краще тыхо, мырно жыты; чесно заробляты. А дасть Господь дитокъ диждаты,—выгодуемо, выростымо ихъ на добро, до школы виддамо, хай зъ малечку вчатся. Може воны

въ кныжкахъ тыхъ вычытають, якъ ще краще жыты, нижъ мы зъ тобою!

Такою тыхою мовою та розумною радою Чипка бувъ якъ сповывачемъ сповытый. Одъ щырыхъ сливъ любои жинкы серце ёго впокоювалось; сувора натура, загартована давнимъ злыденнымъ жыттямъ, мнякшала: винъ теперъ соромывся свого давнёго безпуття, тіеи крывои стежкы, якою винъ думавъ дійты до счастя. Шкода ёму було свого безталанного товарыства; жаль ёго погыбели: а сказаты имъ Галыну правду—не ставало духу, сылы. И винъ теперъ ховався, тикавъ видъ своихъ давнихъ братчыкивъ.

— Шкода! не ждаты вже намъ теперъ добра зъ нашого отамана,—казавъ Лушня товарыству.—Пропавъ чоловикъ! Жинка коло спидныци прышыла.

— Сказано: медовый мисяцъ—солодче видъ усёго на свити,— пояснявъ Пацюкъ.

— А горилка—ще солодча!—додавъ Матня.—Хочъ бы жъ до себе прыймавъ, бисивъ сынъ? Адже за жинкою яку худобу затягъ?

— Справди. Ходимъ до ёго,—пидбывае Лушня.

— Ходимъ! ходимъ! заговорять уси разомъ, та й пидуть.

Чипка побачыть, выбижыть зъ хаты.

— Такъ и такъ,—братця,—таке и таке лыхо. Жинка занедужала, маты насылу сновыкгае; а хата—сами знаете—одна. Де я васъ прыйму?

— То дай намъ хочъ рубля грошей!—прыстае Лушня: дожылыся до того, що и копійкы за душею немае.

Отъ мы и выпьемъ за здоровья жинкы, щобъ Господь іи помылувавъ.

Чипка радый такому дешевому выкупови. Тыче имъ рубля увъ ркы—и повертае назадъ у хату. Товарыство—до шынку. Якъ нерадо стричався теперъ Чипка зъ давнимы братчыкамы, такъ Грыцько зъ своею доброю Хрыстею прыпавъ ёму до души. Грыцько—невсыпущый хазяинъ. Винъ чесною працею, своимы мозолянымы рукамы надбавъ те, що мае въ господи. Винъ и те-

перъ не лежень: рано встае, пизно лягае. Винъ не паніе, якъ други, а самъ, зъ своею невтомною помишныцею-жинкою, веде до ладу свое хлиборобське дило, маючы думку на чесну працю и дитей напрямыты. Вподобавъ Грыцька Чипка и частенько ставъ навидуватысь до его. Не соромъ теперъ и Грыцькови водытысь зъ Чипкомъ,—и винъ ще частише ставъ завертаты до товарыша дытячыхъ литъ. Жинкы ихъ тежъ одна одну вподобалы.

Оце зберутся. Хазяины позаводять гостей за́ стилъ, понаставляють напыткивъ, пайидкивъ. Чипка зъ Грыцькомъ ведуть розмову про хазяйство, про свои втраты та корысти,—завсидни жытечни турботы.

— А що, Грыцьку, якъ твоя пшеныця?—пытае Чипка.

— Та що... плоха, Чипко! На зристъ то вона и добра, та на вмолотъ—не тее... Выдно доіци захопылы, якъ красувалася: стекла! Сказано: зерно, якъ мачына... хочъ бы насиння вернулося.

Грыцько завжды передъ Чипкою скаржывся. Чы добре що,—погане, чы поганеньке,—никчемне!—Грыцько лукавывъ. Винъ бачывъ, що хочъ Чипка и дукачемъ ставъ, а душею та серцемъ зоставcя давнимъ Чипкою. Такый же прыхыльный до чужого несчастя: такый же жалислывый на чужу втрату. Грыцько все те бачывъ—и ще бильше выставлявъ свои втраты та згубы, сподиваючысь, що Чипка, якъ товарышъ, зглянется на его бидкання и може колы, стане въ помочи.

Заможнисть Чипчына иноди розбурковувала заздристь Грыцькову. Вернувшысь одъ Чипкы, набидкавшысь передъ нымъ до схочу, Грыцько заводывъ таку розмову зъ Хрыстею.

— Отакъ теперъ зажывъ Чипка!.. Отъ, соби и удайся такымъ!.. Сказано: дука на всю губу! А чы сподивався хто бачыты его такымъ тоди, якъ винъ, пьяный, обирваный, якъ несамовытый, ганявъ по селу, та по шынкахъ волочывся? А теперъ... панюга, та й годи! И прыплело жъ таке несподиване счастя!.. Сказано: якъ багатство, то и счастя.

— Така вже выдно его доля!—одказуе Хрыстя.—Та и жинку жъ узявъ соби пидъ пару... То вже що багата та вродлыва, а

прывитна та ввичлыва до кожного! А до ёго!.. Сказано: могла бъ, свого серця влупыла, та ёму дала.

— И за що, спытай? - гирко вымовывъ Грыцько.

-- Якъ за що? Чипка, Грыцьку, чоловикъ хорошый...

— Що жъ у ёму хорошого?

— Усе. Звисно: другій жинци винъ бы, може, и не пидійшовъ пидъ пару; а до Гали,—то мовъ воны ридни... Якый винъ, така и вона... Жалислыви, добри... Що пара, то пара,—грихъ Бога гниваты.

Хрыстя завжды заступалася за Чипку. У Чипкы справди було багато чогось доброго, чого Грыцько своимъ, на прыбутокъ напрямленымъ, розумъ не мигъ зрозумиты. Хрыстя жъ чула те добре своимъ жиноцькымъ серцемъ, своею чуткою душею.

— Отже тебе, Чипко, мабуть, у любыстку купалы, що такъ уси жинкы лыпнуть до тебе,—шуткуе пидпывшы, Грыцько.

— Якъ саме?—пытае Чипка.

— Такъ... Моя Хрыстя, колы тебе довго не бачыть, то все згадуе? де це, мовъ, винъ? що це зъ нымъ?

-- Спасыби Хрысти за добру згадку,—радо одмовляе Чипка.

— А вамъ заздро па мого чоловика?--умишается Галя.

— Та ще бъ,—дывится,—не заздро було? Де жъ такы? чужу жинку зовсимъ видъ дому одбывъ!

— Та мы такы Хрыстю и одберемо одъ васъ,—сміется Галя.

— Навищо? Навищо вона вамъ здалася? Чы, може, не перелывкы?..

— Та воно такъ такы, мабуть, чоловиче и буде,—жартуе Хрыстя, що я и тебе и дитей покыну, та й перейду до Гали та до бабуси Мотри...

— Про мене... Хай вона и вамъ,—тилькы я соби Чипку визьму затомисть,—одказуе Грыцько.

— Эге, спасыби вамъ. Мы Чипку не дамо... Чипка въ насъ буде,—обороняется Галя.

А тутъ и Мотря, слухаючы ихъ жартовлыву розмову, уверне сливце и одъ себе. Пидуть у ныхъ смихы, жарты, та веселощи.

— А ну лышень, Галю, почастуй насъ вареною за таку выгадку!—нажартувавшысь доволи, каже Чипка.

Галя швыденько метнется. Де не визьмется варена,—пахуча, чыста та смашна. Галя частуе. Уси выпывають по повній, прыцмакують губамы; выхваляють Галю, а ще бильше—варену, та пересыпають жартамы...

Це такъ у свято, або въ недилю. А въ будень—колы не Хрыстя въ Гали, то Галя въ Хрысти.

Одна другу такъ уподобалы, мовъ сестры ридни. Хочъ одна одній, якъ завжды водытся мижъ жинкамы, и не роскрывала своеи души до дна, не показувала, що діется на споди серця: оже одна въ одній чула щось соби ридне, прывитне и любе. Галя дали бачыла, шырше сягала своимъ розумомъ: винъ у неи кохався пры достаткахъ, у роскоши... Въ сторони одъ людей, одъ жыття, не знавшы ни нужды, ни клопоту,—вона сама пурынала въ свои думкы, прывыкла сама повертаты своимъ розумомъ. Не таки молоди лита выпалы Хрысти. Тяжке сыритство зъ самого малку, гирка неволя въ чужій роботи—прыборкалы іи гостру думку. Недостачи, нужда добре далыся ій знаты,—щобъ вона не забувала про нажыву. Вона була въ жытти іи не останнёю гадкою. Оже якъ воны не ризнылысь, а все такы обыдви однаково чулы, що добре, що лыхе, и черезъ те завжды обыдви сходылысь у своихъ думокъ. До чого Хрыстя тилькы серцемъ прыхылылася, почуваючы добре, те Галя не тилькы серцемъ кохала, а и у речахъ вымовляла. Поридныдысь воны серцемъ, душею. Воны булы щыри товарышкы, якыхъ тилькы врядыгоды зводе жыття до купы.

Шануючы одна одну, кожна поклялася въ души, що якъ будуть у ныхъ диты, взяты одна другу кумою. Хрыстя вже и радила тому. Вона почувала себе матирью, а писля Риздва справди пославъ ій Богъ уже другого сына. Галя була хрещеною матирью. Грыцько не тилькы згодывся,—зрадивъ, якъ почувъ, що Галя буде кумою. Винъ сподивався, що хрещеныкови добре буде видъ такои хрещенои матери. Хрыстя жъ дывылася на покумання, якъ на звязокъ до вичнёго товарыства зъ Галею.

И справди, писля того, воны ще дужче затоварышувалы. Почалыся таемнычи сповиди важкыхъ думокъ та гадокъ, пестощи та голубиння веселыхъ надій. Не проходыло дня, щобъ або Хрыстя не завернула до Гали, або Галя не побигла до Хрысти. Галя полюбыла свого хрещеныка, якъ ридну дытыну. Сорочечкы ёму шыла и мережала; шапочкы вышывала. А на рукы визьме,— носытся, любуется, якъ своимъ. Иноди зупынытся іи поглядъ на любому погляди дытыны... довго вона дывытся на ёго, прыдывляется ёму въ вичи, мовъ своимы очыма хоче зъисты... То дывысь: блыснула въ неи въ очахъ якась искра,—слёза не слёза, радисть не радисть засвитыла,—и прыгортае вона дытыну до свого лоня и обдае ёго поцилункамы...

Хрыстя дывытся, та и зитхне важко. Вона бачыть и чуе,— чого Гали треба, та чого Богъ не дае ій...

— Що якъ у васъ будуть диты,—стороною заходыть Хрыстя: якъ вы уже ихъ глядитымете? Ажъ ось—чуже, та якъ вы втишаетесь!..

— Якъ у мене буде дытына, Хрысте, то я,—здается,— зъимъ або задавлю, цилуючы та мылуючы... Я не дамъ на ёго пылынци впасты, кому-небудь подывытыся... Могла бъ я, ёго въ своимъ серци носыла! Вы тилькы гляньте: отаке манюсиньке-манюсиньке, безъ речи, безъ мовы,—тилькы оченятамы свитыть... Ты до ёго обзываешся, а воно нымы поводыть, мукае, рученята выпручае, мовъ тебе прыгорнуты хоче... А ты знаешъ: це твое тило, твое нарождення... «Рыбонько!.. серденько!».. оберталася вона до хрещеныка, окрываючы ёго гарячымы поцилункамы.

Мынае зима. Ясне сонечко любо свитыть та гріе: снигы тають; бижать зъ гиръ долынамы прудки протичкы сниговои воды; ранни чумакы коло возивъ лаштуются; а тамъ и хлиборобы заворушылыся... Настае весна. Все ожывае, радіе. Ось велыкодни святкы прыйшлы и пройшлы; зазеленилы поля; зацвилы садкы; защебеталы соловейкы... Писля довгого зимнёго сну все прокыдается, продырае заспани очи и, озырнувшысь кругомъ, любуе на землю, що, якъ та пысанка, красуется пидъ золотымъ проминнямъ ясного

сонця; а сонце, гледючи на неи, усмихается... Тилькы диждавъ Чипка тепла, заразъ накупывъ дерева, нанявъ майстривъ и заложывъ надъ самымъ шляхомъ не хату, а цилый невелычкый будынокъ.

— Покы люде налагодылысь зъ жнывамы, то на ёго двори, замисть похылои хатыны, стоявъ веселый будынокъ и гордо позыравъ на вулыцю велыкымы викнамы зъ зеленымы виконныцямы. Давня Чипчына гадка справдылась. Теперъ уже не одна тисна хата зъ синьмы, а цилыхъ тры: одна—для матери, друга—для себе, а черезъ сины—свитлыця про гостей. Не далеко одъ будынку складалы рублену комору. Трохы дали, якъ поставылы комору, заходылысь коло сараю зъ конюшнею; а тамъ—и загороду заплелы нову, кругомъ обгородылы новою лозовою лисою зъ остришкомъ... Стари ворота поламавъ Чипка, а прыробывъ дощани, паньски, растворчати, а надъ ворптьмы, якъ разъ посередыни—на кружали вырызана була чоловича пыка: ротъ—якъ у сома, очи кругли—якъ у совы, нисъ—якъ у кота, а волосся, зъ продиломъ посередыни—якъ у жинкы... Зъ усёго села збигалыся диты дывытысь на те прычудо —и велыкымъ дывомъ дывувалыся...

Въ одно лито непевне колысь дворыще, видоме кожному за пустку, зовсимъ переминылося. Страшне и прокляте, стало воно теперъ на вдывовыжу всимъ людямъ, лоскотало ихъ заздри очи, а ще заздрищи думкы... Якъ гляне иноди Мотря на свій плецъ, то и сама дывуется. Колысь пустка-хата—теперъ будынокъ; пустыня-горóдъ—грядка квитокъ; гноище-двиръ—теперъ зеленый та чыстый, кругомъ облямованый коморамы, загородамы, сараемъ, хливцямы... Ажъ заплаче Мотря зъ радощивъ.

— Колысь якъ жылось... А теперъ?.. Слава тоби, Господы!

Чипка переставъ хлиба робыты, ставъ по ярмаркахъ йиздыты, полотна скуповуваты, та перепродуваты. Одъ ёго и пишлы въ Пискахъ полотенщыкы. До ёго нихто и не думавъ про це: винъ першый початокъ зробывъ.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.[1]

III.

Черноморскій курортъ безъ будущаго.

(г. Новороссійскъ съ окрестностями).

Причины, обусловливающія особый интересъ къ Новороссійску. Путь къ нему по желѣзной дорогѣ. Окрестности со стороны суши. Видъ на городъ и бухту. Внѣшній видъ порта и города; гостинницы, купальни. Исторія Новороссійска-города и черноморской губерніи. Положеніе г. Новороссійска по отношенію къ его губерніи. Исторія Новороссійска-порта. Вѣроятное будущее. Побережная желѣзная дорога. Минеральныя грязи. Климатическія условія. Нордъ-остъ или бора. Новороссійскъ и его окрестности, какъ климатическая станція. Причины и исторія распространенія виноградарства и винодѣлія и важное ихъ значеніе. Причины перемѣщенія центра виноградарства съ юга Побережья къ Новороссійску; даблари и маглари. Съѣзды виноградарей и винодѣловъ 1899 и 1900 г.; ихъ значеніе и результаты. Приморскія окрестности Новороссійска: дачный районъ Пеная и Кабардинка.

На Черноморское побережье Кавказа можно добраться изъ «Россіи» двумя путями: моремъ или по желѣзной дорогѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ путникъ, желающій посѣтить Кавказское Черноморье, не можетъ миновать Новороссійска. Ѣдучи по желѣзной дорогѣ, онъ сворачиваетъ на Новороссійскъ отъ станціи Тихорѣцкой, чтобы оттуда двинуться въ Черноморье на лошадяхъ или пароходомъ. Направляясь туда же изъ Россіи мо-

[1]) См. Кіев. Стар. № 7—8.

ремъ, никто не минуетъ Новороссійска потому, что онъ является неизбѣжнымъ пунктомъ остановокъ всѣхъ пароходовъ,—все равно идутъ ли они круговымъ или даже прямымъ рейсомъ.

Такимъ образомъ для всѣхъ, пріѣзжающихъ на Черноморское побережье Кавказа, Новороссійскъ интересенъ уже, какъ неизбѣжный остановочный пунктъ, въ которомъ приходится провести кому нѣсколько дней, кому нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда или парохода, или же ради отдыха послѣ долгаго, утомительнаго пути, ради закупокъ въ дальнѣйшій путь, ради собранія необходимыхъ оріентировочныхъ свѣдѣній о болѣе интересныхъ поселеніяхъ кавказскаго Черноморья, о предстоящемъ пути по побережью.

Если, наконецъ, вы провели время въ одномъ изъ курортовъ минеральной группы и вамъ необходимо послѣ этого покупаться въ морѣ, ближайшее морское купанье вы найдете въ томъ же Новороссійскѣ, откуда вамъ ближайшій путь въ «Россію» пароходомъ на Крымъ или Одессу.

Изъ путеводителей по Кавказу вы прежде всего узнаете о Новороссійскѣ, что онъ извѣстенъ, какъ недавно устроенный, но уже выдающійся и соперничающій съ Одессою портъ, имѣющій чрезвычайно важное торговое значеніе и обладающій первоклассною бухтою (уступающею по значительному углубленію въ материкъ развѣ одной только севастопольской бухтѣ). Вы узнаете также, что климатъ его сравнительно теплый (лѣтомъ даже жаркій), что въ немъ имѣются хорошія морскія купальни, что окружающія его горы могутъ похвалиться замѣчательною чистотою воздуха, что вблизи его есть лиманъ съ цѣлебными грязями, а въ окрестностяхъ города имѣются многочисленныя хорошенькія усадьбы —даже въ красивой мѣстности надъ самымъ моремъ! Мало того, каждый путеводитель скажетъ вамъ о Новороссійскѣ, что это центръ винодарства и винодѣлія, достигшихъ уже значительнаго развитія и славящихся весьма высокими сортами воздѣлываемыхъ винъ, что Новороссійскъ почти сплошь окруженъ прекрасными виноградниками и почти всѣ берега его обширной бухты покрыты многочисленными участками, занятыми подъ

высшія сельскохозяйственныя культуры. Словомъ, относительно Новороссійска выяснятся такія данныя, которыя дадутъ вамъ полное право смотрѣть на него, какъ на курортъ, гдѣ не только можно остановиться на короткое время, но и провести лѣто, полечиться и покупаться, а для желающихъ осѣсться на побережьѣ—обзавестись здѣсь культурнымъ участкомъ.

Таковъ интересъ, возбуждаемый Новороссійскомъ съ прилегающими къ нему окрестностями и дающій намъ право удѣлить нѣсколько страницъ описанію этого перваго этапа туристовъ кавказской ривьеры.

Морской путь къ нему уже описанъ неоднократно въ очеркахъ и путевыхъ замѣткахъ лицъ, совершавшихъ поѣздки на пароходахъ въ Сочи, Туапсе, Батумъ и другіе пункты Черноморскаго побережья Кавказа.

Скажемъ поэтому нѣсколько словъ о пути по желѣзной дорогѣ,—главнымъ образомъ для того, чтобы познакомить читателя съ окрестностями Новороссійска и внѣшнимъ видомъ его со стороны суши.

Желѣзнодорожный путь отъ станціи Тихорѣцкой къ Новороссійску не представляетъ особеннаго интереса. Только съ приближеніемъ къ его концу начинаютъ появляться холмистые отроги кавказскихъ горъ, въ значительной части покрытые уже вырубками и всякимъ молоднякомъ, вмѣсто прежняго вѣкового лѣса.

Мѣстами, на пологихъ склонахъ и въ долинахъ видны хлѣбныя нивы, около рѣчекъ зеленѣютъ сѣнокосы. Кое-гдѣ мелькнетъ козацкая станица съ маленькою церковью, запестрѣетъ пасущимся станичнымъ скотомъ оголенный отъ лѣса склонъ съ разставленными на немъ полѣнницами свѣжихъ дровъ и затѣмъ окрестные виды внезапно скроются за пустою зеленою стѣною придорожныхъ кустовъ. Но кусты кончаются вскорѣ—и опять холмы, пригорки, горы, и взоръ снова пытливо обращается вдоль въ тщетной надеждѣ увидать хотя начало главнаго кавказскаго хребта съ его снѣжными горами, хотя сознаніе и говоритъ, что, вѣроятно, до него еще далеко. А затѣмъ снова густая при-

дорожная поросль неожиданно и иногда надолго скрываетъ окрестности.

Вотъ горы стали какъ будто выше, горизонтъ сузился къ полотну дороги; вмѣсто прежнихъ зеленыхъ, взлохмоченныхъ древесною порослью, горъ, стали подступать каменистые отроги и обрывы. Они уже совсѣмъ близко и, вмѣсто прежнихъ кустовъ, по обѣ стороны поѣзда высятся стѣнами слоистыя громады, могучіе слои которыхъ иногда стоятъ почти вертикально. Онѣ параллельны дорогѣ, потому что проходъ для нея прорубленъ въ этой самой горѣ и изъ окна вагона видно, какъ въ одномъ мѣстѣ отвѣсныя каменныя громады соединяются надъ полотномъ въ непрерывную стѣну, внизу которой продѣлано сравнительно небольшое отверстіе для прохода поѣзда. Это—входъ въ тоннель. Этихъ тоннелей два на пути къ Новороссійску: въ одномъ поѣздъ проходитъ очень не долго, другимъ онъ идетъ нѣсколько минутъ.

При приближеніи къ первому изъ нихъ кондуктора уже зажгли вагонные фонари. Изъ окна вагона видно, какъ голова поѣзда какъ бы ныряетъ подъ нависшую надъ полотномъ дороги скалу и исчезаетъ въ сѣромъ мракѣ тоннельнаго отверстія. Тоннель быстро надвигается на нашъ вагонъ; изъ невольной боязни толкнуться обо что-нибудь головою, отодвигаешься отъ окна, и въ тотъ же моментъ темный мракъ охватываетъ васъ почти разомъ. Послѣ яркаго свѣта въ вагонѣ такъ темно, что видѣнъ только тусклый огонь фонаря; говоръ притихъ, и слышно лишь глухое, точно сдавленное, громыханіе непрерывно двигающагося поѣзда... Но вотъ онъ опять загромыхалъ впереди; вслѣдъ затѣмъ мы выскользнули изъ объятій мрака на свѣтъ Божій и всѣмъ какъ будто становится легче.

Еще нѣсколько верстъ, еще нѣсколько минутъ ожиданія—и изъ-за окрестъ толпящихся холмовъ и горъ показываются, наконецъ, вдали синія-синія, сверкающія подъ яркимъ солнцемъ воды огромной Новороссійской бухты въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сливается съ такимъ же синимъ, такимъ же сверкающимъ, уходящимъ до горизонта моремъ. Новороссійскъ еще скрытъ за бли-

жайшими холмами, но вскорѣ, вмѣстѣ съ красивѣйшимъ видомъ на бухту, открываются и отдѣльные куски все еще отчасти скрытаго города въ видѣ разныхъ желѣзнодорожныхъ построекъ и нестройныхъ группъ неособенно взрачныхъ домовъ по склонамъ ближайшихъ холмовъ.

Небольшое зданіе вокзала, мизерный видъ прилегающихъ къ нему построекъ и въ особенности нанятая мною извощичья одноконная линейка сразу напоминають мнѣ отдаленный, тоже приморскій Архангельскъ, производящій однако много лучшее впечатлѣніе своею внѣшностью, чистотою и шириною улицъ.

Чрезъ такъ называемый новый, или французскій городъ, минуя портъ, мы ѣдемъ по низменной набережной съ примыкающими къ ней огромными и многочисленными пристанями, эстокадою и конторами пароходныхъ обществъ, мимо огромнаго Цемесскаго болота, главнаго источника новороссійскихъ лихорадокъ. Съ набережной открывается видъ на старый городъ и на бухту. Воздвигнутый на оголенномъ западномъ берегу бухты, на почвахъ мѣлового отложенія, совершенно почти лишенный зелени, онъ весь залитъ горячими лучами солнца и издали производитъ первое впечатлѣніе почти безлюднаго города африканскихъ песчаныхъ пустынь, томящагося подъ зноемъ жаркаго солнца юга.

Въ городѣ душно, пыльно и жарко; термометръ въ тѣни показываетъ 31. Но за то изъ города—изъ гостиницы, гдѣ мы остановились, взоръ, минуя несчастныя мелкія лавчонки по ту сторону улицы, наслаждается прекраснымъ видомъ оживленной разнообразными судами бухты съ разбросанными подъ тѣмъ берегомъ на нижнемъ зеленомъ склонѣ Мархотхскаго хребта заводами, пирамидами клепки и разными постройками. Уходящій въ даль западнаго берега бухты прихотливо изгибающеюся зубчатою стѣною Мархотхскій хребетъ служитъ хорошимъ фономъ для картины бухты; но самъ онъ, увы, почти лишенъ лѣсной растительности, а травяная зелень его, несмотря на половину іюня, уже пожелтѣла отъ солнца! Только тамъ—вдали, за водами, у такъ называемаго Пеная, гдѣ по-надъ берегомъ и по

нижнимъ склонамъ хребта ютятся помѣщичьи усадьбы и дачи и зеленые виноградники, густая кайма зелени красиво выдѣляется надъ бѣлою каймою отвѣснаго берега бухты. Вдали за длинными бѣлыми молами синѣетъ и сверкаетъ на солнцѣ море, надъ которымъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ видѣнъ дымокъ пароходовъ. По бухтѣ, блестя бѣлоснѣжными парусами, шныряютъ фелюги; отъ мола къ порту величаво размѣреннымъ ходомъ приближается къ такимъ же, стоящимъ у пристани, океанскій двухтрубный гигантъ, а ему на встрѣчу несется небольшой паровой катеръ.

Попавъ въ одну изъ рекомендованныхъ путеводителями гостинницъ, мы нашли, съ одной стороны, удобства, которыхъ уже не ожидали найти въ этомъ пыльномъ и непредставительномъ старомъ городѣ, а съ другой—и дороговизну, которой тоже не ожидали. Обѣдъ довольно вкусный, но порціи по размѣрамъ—не для хорошаго аппетита; за добавочный приборъ приплата въ 20 к.; всякіе напитки, покупаемые извнѣ, помимо гостинницы, облагаются пошлиною въ пользу послѣдней въ размѣрѣ добавочной доплаты до той цѣны, которая обозначена въ гостинничномъ прейсъ-курантѣ. Полубутылка нарзана, которую мы покупали въ Ростовѣ на Дону, въ клубѣ, за 20 коп. и которая такъ кстати въ этой жарѣ, здѣсь въ гостинницѣ оплачивается 25 к. по таксѣ, а въ нижнемъ этажѣ того же дома въ аптекарскомъ магазинѣ цѣна ея всегда 10 копѣекъ.

Въ воздухѣ душно, и каменныя стѣны домовъ накалены; жаръ стоитъ, какъ въ пеклѣ. Не успѣвъ разложиться, мы тотчасъ же надумали купаться. Ближайшія купальни—въ портѣ, гдѣ вода сильно загрязнена нечистотами, нефтяными остатками и т. п. отбросами. Кромѣ того она отчасти разбавлена тутъ и прѣсною водою рѣчки Цемесъ, протекающей черезъ Цемесское болото. Это купальни, въ которыхъ и раздѣваться и купаться приходится на виду публики, снующей по пристанямъ, такъ какъ раздѣвальни скрываютъ сидящихъ въ нихъ только со стороны набережной. При томъ мужская и женская купальня въ нѣсколькихъ

саженяхъ другъ отъ друга, и вблизи этихъ же мѣстъ купаютъ лошадей.

Намъ посовѣтовали отправиться въ купальни за молъ, гдѣ вода чище, купальни много благоустроеннѣе и одна изъ нихъ (г. Серафимовича), которую называли лучшею, даже съ номерами, душами, теплыми ваннами и рестораномъ.

Но надъ Мархотхскимъ хребетомъ гремитъ громъ и заходитъ туча. Мы рѣшаемъ остаться, но насъ увѣряютъ, что это не страшно: дожди въ лѣтнюю пору рѣдки; и хотя теперь тучи собираются часто и громъ слышенъ нерѣдко, но это, къ общему сожалѣнію, «только стращаетъ»: Новороссійскъ въ лѣтнее время подолгу и тщетно ждетъ дождя. До купаленъ неизбѣжно нанять извозчика, потому что, не говоря уже о новомъ городѣ, даже отъ центра стараго города до купаленъ за молами довольно далеко, и въ такую невыносимую жару идти по ничѣмъ незатѣненнымъ улицамъ города не только утомительно, но почти невыносимо. Купальни оказываются устроенными хорошо, и ресторанъ при нихъ не плохъ и съ красивымъ видомъ на бухту, но дно бухты здѣсь крайне неудобное, благодаря изобилію большихъ и осклизлыхъ камней. Здѣсь освѣжающій нарзанъ уже 20 копѣекъ и, подавая его, лакей конфиденціальнымъ тономъ сообщаетъ, что это послѣдній «настоящій» нарзанъ въ городѣ: «по случаю сильныхъ жаровъ» нарзанъ вездѣ вышелъ и подъ видомъ нарзана продаютъ обыкновенную зельтерскую воду за повышенную цѣну.

Скажемъ однако нѣсколько словъ о Новороссійскѣ-городѣ и Новороссійскѣ-портѣ и объ исторіи ихъ происхожденія.

Новороссійскъ расположенъ на мѣстѣ бывшей турецкой крѣпости и порта Суджукъ-Кале, по берегамъ обширной Цемесской (прежде Суджукской) бухты. Въ тридцатыхъ годахъ только что истекшаго столѣтія, когда возникъ вопросъ о заселеніи казаками черноморскаго побережья въ стратегическихъ цѣляхъ, на берегахъ Суджукской бухты русскими впервые заложено было здѣсь такъ наз. Новороссійское укрѣпленіе. Высказывая свои соображенія по вопросу о необходимости заселенія черноморскаго побережья, командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-

адьютантъ бар. Розенъ, въ донесеніи тогдашнему военному министру графу Чернышеву 22 января 1832 г., писалъ между прочамъ, что «бухты Суджукъ-Кальская и Геленджикская, при благопріятномъ для здоровья климатѣ, изобилуютъ хорошею водою, лѣсомъ и мѣстами для огородовъ, но при оныхъ и вообще по всему восточному берегу Чернаго моря на югъ отъ Анапы весьма мало пространствъ, удобныхъ для хлѣбопашества и даже сѣнокошенія; для людей же торговыхъ Суджукъ-Кале и Геленджикъ имѣютъ рѣшительное преимущество передъ Анапою по удобности портовъ своихъ, къ коимъ стекаются горцы даже изъ Кабарды».

Цѣль созданія этого укрѣпленія заключалась, какъ видно изъ другого донесенія того же бар. Розена, въ томъ, чтобы занятіемъ Суджукской бухты прекратить въ ней турецкую торговлю и тѣмъ произвести полезное для насъ вліяніе на ближайшихъ горцевъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть станцію на имѣющемъ впослѣдствіи устроиться береговомъ сообщеніи между Анапою и укрѣпленіемъ Геледжикскимъ (основаннымъ въ 1831 г.).

Основаніе этому новому укрѣпленію положено было въ 1838 г., непосредственно на мѣстѣ бывшаго турецкаго укрѣпленія, лежавшаго по срединѣ западнаго берега бухты (гдѣ расположенъ теперь старый городъ) «на безлѣсной равнинѣ, имѣющей небольшую покатость къ морю» [1]) и состоявшую «изъ четвероугольника, коего валъ сохранилъ *достаточную высоту для укрѣпленія гарнизона отъ вѣтровъ*» (!!) и съ довольно глубокимъ рвомъ вокругъ.

Превратившійся затѣмъ изъ укрѣпленія въ небольшой городокъ Новороссійскъ-городъ былъ упраздненъ указомъ сената 31 марта 1860 года и вновь учрежденъ Положеніемъ 10 марта 1866 г. съ назначеніемъ его резиденціею управленія новообразованнымъ черноморскимъ округомъ. Наконецъ съ 23 мая 1896 г. Новороссійскъ является уже губернскимъ городомъ, центромъ административнаго управленія новообразованной черноморской губерніи.

---

[1]) Изъ рапорта того же бар. Розена 25 іюля 1835 г. графу Милорадовичу.

Губернія эта—самая оригинальная изъ всѣхъ губерній Россіи, какъ оригинально и положеніе ея административнаго центра—города Новороссійска. Представляя собою и по пространству (6426 квадр. верстъ) и по населенію (всего около 30 тысячъ городскихъ и сельскихъ жителей, кромѣ г. Новороссійска, въ которомъ столько же жителей, сколько во всей губерніи безъ него) самую маленькую изъ всѣхъ губерній, она, благодаря топографическимъ условіямъ даннаго района [1]) имѣетъ крайне растянутую фигуру. Ея длина 300 верстъ при ширинѣ въ самомъ широкомъ мѣстѣ— 50 верстъ, а въ наиболѣе узкомъ всего только три версты! И эти три версты ширины губерніи, какъ разъ около своего административнаго «центра», который и расположенъ какъ разъ на самомъ сѣверномъ *концѣ* ея, такъ что сама губернія лежитъ, такъ сказать, вдали отъ своего центра. Такое исключительное положеніе Новороссійска, какъ административнаго центра удаленной отъ него губерніи, при самомъ ея образованіи, осложнялось еще отсутствіемъ сухопутныхъ путей сообщенія по линіи главнаго протяженія губерніи: побережное, такъ наз. голодное шоссе, начатое генераломъ Анненковымъ въ 1891 г., хотя имѣлось уже, но безъ мостовъ на многихъ пересѣкающихъ его рѣкахъ. Оставалось сообщаться только моремъ. Но въ зимнее время Черное море такъ сильно бурлитъ, что, при отсутствіи удобныхъ стоянокъ, курсирующіе пароходы подолгу не могутъ высадить на берегъ своихъ пассажировъ. При такихъ условіяхъ чиновникъ, спѣшно командировавнный изъ центра въ дальній конецъ губерніи, могъ иногда прибыть на мѣсто назначенія лишь черезъ 2—3 недѣли по выѣздѣ изъ Новороссійска [2]).

---

[1]) Тянущійся параллельно берегу моря горный хребетъ изолируетъ побережье отъ прилегающихъ къ хребту населенныхъ мѣстностей.

[2]) И теперь шоссе съ мостами, черезъ многочисленныя рѣчки, впадающія въ море, доведено только до Макопсе (35 в. южнѣе Туапсе), далѣе на значительномъ пространствѣ совсѣмъ нѣтъ мостовъ, да и самое шоссе мѣстами прерывается (Русск. Вѣд. 1901 г. №№ 342. 344).

Меня очень, конечно, интересовали мотивы учрежденія такой оригинальной губерніи, при образованіи которой въ ней, какъ извѣстно, не было даже ни одного города, кромѣ Новороссійска, такъ что два посада (Сочи и Туапсе) пришлось тогда же переименовать въ города.

Вопросъ этотъ разъясняется вышедшею въ 1899 г. «Справочною книгою Черноморской губерніи», составленной по порученію черноморскаго губернатора старшимъ помощникомъ правителя его канцеляріи П. С. Леонтьевымъ и интересной въ томъ отношеніи, что она составляетъ первое общее описаніе названной губерніи — по оффиціальнымъ преимущественно источникамъ.

Внѣшняя, бумажно-канцелярская, такъ сказать, исторія этого вопроса выражается въ родѣ превращеній, которымъ подвергался интересующій насъ край въ отношеніи своего административнаго устройства,—превращеній, имѣвшихъ цѣлью скорѣйшее его «заселеніе и оживленіе». Превращенія быстро слѣдовали другъ за другомъ, но, къ сожалѣнію, положеніе края отъ этого весьма слабо улучшилось и сознаніе каждой такой неудачи вызывало къ жизни новый проектъ новаго превращенія, новой реорганизаціи административнаго устройства края, пока, наконецъ, онъ не былъ преобразованъ въ губернію.

Оказывается, что съ 1866 года г. Новороссійскъ считался административнымъ центромъ особаго черноморскаго округа, имѣя во главѣ управленія начальника округа съ правами и обязанностями губернаторовъ Закавказскаго края и опредѣленнымъ штатомъ служащихъ. При этомъ «сельское населеніе поручено было надзору «попечителей прибрежныхъ поселеній», число которыхъ штатомъ опредѣлено не было и зависѣло вполнѣ отъ успѣховъ заселенія края и усмотрѣнія намѣстника Кавказа.

Первый начальникъ округа, очевидно, придавалъ большое значеніе своей административной роли, потому что началъ устроять край путемъ предписаній,—таково, напр., его «*предписаніе* командиру тапсугскаго берегового баталіона *о принятіи мѣръ къ развитію въ округѣ промышленной дѣятельности*» [1]).

[1]) См. Кубанскія Войсковыя Вѣдомости 1867 г., № 28.

Вѣроятно такое бумажное отношеніе къ дѣлу составляло основную черту тогдашняго управленія краемъ, такъ какъ уже черезъ 8 лѣтъ, т. е. въ 1874 г., организація 1866 г. признана была неудовлетворяющей своей цѣли, составъ администраціи округа недостаточнымъ для его управленія и значительно поэтому увеличенъ. При этомъ для управленія на мѣстахъ Новороссійскимъ, Вельяминовскимъ и Сочинскимъ «отдѣлами» было опредѣлено по штату три «попечителя прибрежнихъ поселеній»,—по одному на каждый отдѣлъ. Затѣмъ въ 1888 г. самостоятельное управленіе Черноморскимъ округомъ признано было неотвѣчающимъ своей цѣли, и округъ переименованъ въ уѣздъ «съ присоединеніемъ его въ порядкѣ управленія къ Кубанской области», а начальнику его присвоены лишь права уѣзднаго исправника, при чемъ, конечно, сокращены и штаты служащихъ, а попечители поселеній замѣнены участковыми начальниками съ правами становыхъ приставовъ.

«Такая перемѣна въ административномъ устройствѣ края»— говорится въ помянутомъ оффиціальномъ изданіи—вызывалась, какъ надо думать, желаніемъ правительства поставить дѣло заселенія и оживленія Черноморскаго побережья на надлежащую высоту, каковое стремленіе замѣчается еще съ тѣхъ поръ, когда переселенцамъ въ Черноморскій округъ были даны первыя крупныя льготы».

И вотъ съ этою же цѣлью «заселенія и оживленія» края въ 1896 г. несамостоятельное уже управленіе уѣзда по иниціативѣ «особой коммиссіи по принятію мѣръ къ скорѣйшему заселенію побережья», состоявшей подъ предсѣдательствомъ «близко знакомаго съ побережьемъ» гофмейстера Н. С. Абазы, вновь преобразовано въ самостоятельное, подъ именемъ черноморской губерніи, съ соотвѣтственнымъ этому новому званію края штатомъ служащихъ, съ раздѣленіемъ ея на три округа съ уѣздными начальниками во главѣ. Содержаніе «личнаго состава новой губерніи исчислено по штату 23 мая 1896 г. (не считая содержанія чиновъ судебнаго вѣдомства) въ 72645 р. въ годъ», а размѣръ

вносимыхъ населеніемъ податей и земскихъ повинностей [1]) опредѣляется приблизительно въ 15000 р., изъ которыхъ въ 1898 г. въ недоимкѣ за населеніемъ было 18000 р. Съ послѣдующимъ увеличеніемъ населенія количество взимаемыхъ въ губерніи сборовъ должно, конечно, увеличиться.

«Такимъ образомъ 23 мая 1896 г.—говорится въ цитируемомъ изданіи—надо считать новой эрой Черноморскаго побережья, вступившаго въ такой фазисъ, какого она еще не переживала.

На сколько практична будетъ эта новая мѣра, «на сколько благопріятнымъ для края будетъ выдѣленіе его въ самостоятельную губернію»—говорится въ цитируемомъ оффиціальномъ изданіи—покажетъ будущее и сказать что-либо по данному вопросу теперь было бы слишкомъ преждевременно»... тѣмъ болѣе, что пока «опыты измѣненія штатовъ управленія округомъ не приводили къ желаннымъ результатамъ» [2]).

Пока же въ томъ самомъ оффиціальномъ изданіи констатируется, что, несмотря на выгодное географическое положеніе, богатую растительность, хорошій климатъ и удобство для разнообразныхъ высшихъ культуръ, черноморская губернія «въ тоже время представляетъ изъ себя край мало устроенный во многихъ отношеніяхъ»...

Но возвратимся къ Новороссійску. Еще въ 1887 г., когда Реклю выпустилъ въ свѣтъ VI томъ послѣдняго изъ изданій своего обширнаго труда «Земля и Люди», заключающій въ себѣ описаніе Кавказа, Новороссійскъ не вошелъ въ составленный имъ списокъ городовъ, имѣющихъ не менѣе 5000 душъ жителей; а въ 1899 г. въ немъ было уже около 30.000 населенія об. пола. Въ 1887 г. отпускъ хлѣбныхъ грузовъ достигалъ въ немъ только 7500 пуд., а въ 1895 г. возросъ уже до 37 милліоновъ пудовъ.

Чрезвычайный ростъ Новороссійска, какъ порта, начинается со времени проведенія къ нему Тихорѣцкой вѣтви Владикавказ-

---

[1]) Судя по даннымъ стр. 90—91 того же изданія

[2]) П. С. Леонтьевъ, Справ. кн. черн. губ., стр. 52.

ской желѣзной дороги, построившей здѣсь знаменитый новороссійскій элеваторъ съ электрическими двигателями, громадныя зернохранилища, амбары, склады, вмѣстимость которыхъ позволяетъ единовременно принимать свыше 10 милліоновъ пудовъ зерна. На средства той же дороги сооружено (кромѣ пристаней Русскаго Пароходнаго Общества) еще пять огромныхъ пристаней для причала судовъ и громадная эстокада для быстрой нагрузки зерна на приходящіе въ портъ суда, гдѣ, благодаря электрическому освѣщенію, нагрузка можетъ идти круглые сутки. Для храненія нефти и керосина желѣзная дорога устроила огромные резервуары почти на четыре милліона пудовъ и всѣ необходимыя приспособленія для эксплоатаціи этихъ продуктовъ. Большая часть этихъ огромныхъ сооруженій возведена въ періодъ между 1886 и 1892 г.г.; движеніе по Тихорѣцкой вѣтви Владикавказской желѣзной дороги открыто въ 1888 году. Предполагается, что при данномъ состояніи и объемѣ всѣхъ названныхъ сооруженій вывозъ грузовъ изъ порта можетъ быть доведенъ до 100 милліоновъ пудовъ въ годъ. Проведеніе желѣзнодорожной вѣтви отъ ст. Тихорѣцкой связало Новороссійскій портъ съ общею сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ и оттянуло такимъ образомъ отъ Одессы и другихъ черноморскихъ портовъ значительную часть хлѣбныхъ грузовъ изъ восточной части Евр. Россіи. Устройство громадныхъ зернохранилищъ и эстокады дало возможность не только принимать и удобно хранить эти грузы неограниченное время до прибытія иностранныхъ пароходовъ, но и быстро нагружать послѣдніе, задерживая ихъ въ портѣ лишь на самое короткое время, что значительно облегчало и ускоряло торговый обмѣнъ и сношенія съ заграницей. Все это въ совокупности—въ связи, конечно, съ наличностью обширной бухты и оборудованіемъ порта (огромныхъ моловъ и набережной)—и было причиною необыкновеннаго роста торговаго значенія Новороссійска—порта.

Пока строилась желѣзнодорожная линія, пока возводились всѣ эти по истинѣ гигантскія сооруженія, всѣ эти элеваторы, амбары, эстокады, цистерны и молы, Новороссійскъ привлекалъ

массу самаго разнообразнаго люда; онъ былъ полонъ жизни и движенія. И Новороссійскъ-городъ тоже росъ не по днямъ, а по часамъ. Все увеличивавшіеся въ числѣ, прибывавшіе изъ-за границы, суда, не пользуясь еще сполна услугами устроивавшихся элеваторныхъ башенъ и эстокадъ, грузились по просту при помощи ручного труда, требовавшаго наличности значительнаго количества рабочихъ. Поэтому суда задерживались здѣсь сравнительно подолгу и иностранные моряки сравнительно подолгу же засиживались въ Новороссійскѣ, тоже оставляя свои сбереженія въ его ресторанахъ и магазинахъ. Торговля шла бойко. Новороссійскъ привлекалъ все новыхъ и новыхъ засельщиковъ и самъ тоже застраивался и увеличивался въ размѣрахъ, мечтая о еще болѣе свѣтломъ будущемъ.

Но съ окончаніемъ устройства желѣзной дороги и порта, со всѣми его многочисленными и огромными сооруженіями, значительная часть пришлаго люда отхлынула изъ него въ разныя стороны, и осталось его теперь приблизительно ровно столько, сколько вызывается нуждами города-порта при наличности всѣхъ этихъ новыхъ приспособленій. Правда, иностранныхъ судовъ стало приходить еще болѣе, чѣмъ прежде, но они остаются въ портѣ лишь на самое короткое время—до окончанія нагрузки— и потому приходъ ихъ уже пересталъ веселить сердца новороссійскихъ рестораторовъ и торговцевъ. И вотъ въ то время, какъ значеніе Новороссійска-порта на Черномъ морѣ продолжало идти въ гору, быстро возникшій почти изъ ничего Новороссійскъ-городъ остановился въ своемъ быстромъ развитіи и даже впалъ въ нѣкоторое уныніе. Съ устройствомъ порта, между нимъ и вокзаломъ желѣзной дороги возникъ, такъ наз., «новый городъ». Это—вторая половина Новороссійска, примыкающая и къ порту, и къ вокзалу и къ району расположенія большого мѣстнаго цементнаго завода и обширныхъ учрежденій общества «Русскій Стандартъ», производящаго эксплоатацію нефти и выдѣлку изъ нея минеральныхъ маслъ въ широкихъ размѣрахъ. Этотъ новый городъ, болѣе при томъ благоустроенный сравнительно съ старымъ, въ торговомъ отношеніи, очевидно, расположенъ много

выгоднѣе перваго и является поэтому опаснымъ ему конкуррентомъ, несмотря на то, что за старымъ осталось значеніе административнаго центра, какъ средоточія главнѣйшихъ изъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій.

Теперь будущее Новороссійска-города находится въ большой зависимости отъ рѣшенія вопроса о направленіи «черноморской» желѣзной дороги. Существуетъ нѣсколько проектовъ таковой, и самое выгодное изъ нихъ для Новороссійска—побережное, соединяющее Новороссійскъ съ уѣздными городами губерніи и далѣе съ Сухумомъ и Поти. Но бѣда для Новороссійска въ томъ, что проектируемая дорога должна обслуживать далеко не одинъ Новороссійскъ и что въ прилегающей части Кавказа есть мѣстности, гораздо болѣе нуждающіяся въ желѣзной дорогѣ, чѣмъ Новороссійскъ, и безъ того являющійся станціею одной изъ желѣзныхъ дорогъ,—хотя и конечною. Благодаря этому, существуетъ нѣсколько проектовъ различныхъ направленій новой дороги, изъ которыхъ только одинъ (побережный) имѣетъ въ виду проведеніе ея отъ Новороссійска. Это направленія: Армавиръ—Майкопъ—Туапсе; Станичная—Майкопъ—Туапсе; Екатеринодаръ—Ключевая—Туапсе, или Джубга; Абинская—Геленджикъ—Сухумъ и наконецъ: Энемъ (у Екатеринодара)—Туапсе—Сочи—Сухумъ—Очемчиры—Новонесаки, Закавк. ж. дороги. Одни изъ этихъ направленій выдвигаетъ, какъ болѣе ей выгодныя, владикавказская желѣзная дорога; другія выдвигаются въ интересахъ населенія прилегающей части Кавказа, напр., той части Кубанской области, которая, будучи отдѣлена отъ сообщенія съ моремъ побережными хребтами (Мархотхскимъ и др.) и вмѣстѣ съ тѣмъ удалена и отъ Тихорѣцкой вѣтви жел. дор., крайне затруднительна въ сбытѣ продуктовъ своей богатой природы. Ея населеніе нуждается въ улучшеніи условій сбыта продуктовъ его хозяйства, а это улучшеніе лучше всего можетъ быть достигнуто проведеніемъ линіи, соединяющей Тихорѣцкую вѣтвь съ моремъ чрезъ горный хребетъ съ выходомъ къ морю, хотя бы у одного изъ вышепоименованныхъ пунктовъ: у Туапсе или Джубги. Правда, что сами прибрежные жители, фактическіе и фиктивные владѣльцы знамени-

тыхъ культурныхъ участковъ, хозяева побережныхъ кокетливыхъ дачъ, наконецъ, всѣ вообще защитники идеи устройства «собственной русской Ривьеры» съ комфортабельными виллами и курзалами—а имъ нельзя отказать въ силѣ и вліяніи—горячо стоятъ за необходимость проведенія побережной линіи (отъ Новороссійска на Геленджикъ, Туапсе, Сочи, Сухумъ и до скрещенія съ Закавказской жел. дорогой). Но если признать, что затрата многихъ милліоновъ на устройство желѣзнодорожнаго сообщенія между курзалами и виллами «собственной Ривьеры», предназначенной исключительно для людей богатыхъ, является въ настоящую минуту большою роскошью, и если считаться съ нуждами населенія, болѣе значительнаго по численности и еще болѣе страдающаго отъ недостатка путей, чѣмъ побережное (имѣющее все-таки сообщеніе моремъ и могущее достроить и устроить хорошее шоссе берегомъ), то, разумѣется, Новороссійску не сдобровать. Не сдобровать потому, что всякое иное направленіе желѣзной дороги, кромѣ чисто побережнаго, нанесетъ тяжелый ударъ его нынѣшнему положенію. Вполнѣ понятно поэтому, почему одни только проникшіе въ Новороссійскъ въ началѣ прошлаго 1902 года слухи о томъ, что въ Петербургѣ состоялось рѣшеніе за проведеніе черноморской дороги съ Энема на Новосеноки произвели въ немъ настоящую панику, вслѣдствіе чего и безъ того уже начавшія понижаться цѣны на городскія имущества пали до крайняго минимума; а что будетъ, когда направленіе будетъ избрано, дѣйствительно минуя Новороссійскъ?

Но все это—вопросъ будущаго; скажемъ теперь о его настоящемъ.

Въ 3-хъ верстахъ отъ стараго города, на томъ же западномъ берегу бухты, около Суджукской косы, имѣется озеро съ минеральною грязью. Это бывшій лиманъ, отдѣленный невысокою пересыпью отъ моря, которое, при значительномъ прибоѣ, постоянно пополняетъ его морскою водою. Содержащаяся въ немъ грязь, перемѣшанная съ значительнымъ количествомъ песка, при средней толщинѣ около $^1/_4$ арш., залегаетъ неравномѣрно, содержитъ массу растеній и издаетъ сильный запахъ сѣроводорода.

Хотя Новороссійскъ и гордится до нѣкоторой степени обладаніемъ собственнымъ грязелѣчебнымъ лиманомъ, который стремятся въ настоящее время эксплоатировать съ лѣчебными цѣлями, но новѣйшіе изслѣдователи Черноморья—г.г. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ—сильно развинчиваютъ лѣчебное его значеніе. По ихъ изслѣдованію, и съ точки зрѣнія гидрохимической, можно сказать, что въ данномъ мѣстѣ имѣются всѣ условія для образованія грязи, но только въ отдаленномъ будущемъ»[1]), и стремленіе эксплоатировать эти грязи съ лѣчебною цѣлью «едва ли осуществимо по причинѣ открытости мѣста нордъ-осту». По той же причинѣ, мѣшающей правильному и цѣлесообразному примѣненію грязевыхъ ваннъ, примѣненіе этого способа лѣченія въ Новороссійскѣ можетъ имѣть лишь мѣстное значеніе, но не для пріѣзжихъ больныхъ».

Упомянувъ о новороссійскомъ нордъ-остѣ, нельзя не остановиться на немъ съ нѣкоторою подробностью. Въ предыдущемъ изложеніи внимательный читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что одинъ изъ военныхъ людей тридцатыхъ годовъ, настаивая на устройствѣ Новороссійскаго укрѣпленія на мѣстѣ турецкой крѣпости Суджукъ-Кале, характеризовалъ высоту ея крѣпостного вала съ точки зрѣнія способности укрыть гарнизонъ не отъ вооруженнаго непріятеля, а отъ вѣтровъ! Это очень характерно именно для Новороссійска.

Когда вы пріѣдете въ Новороссійскъ, «вамъ надоѣдятъ разсказами о нордъ-остѣ», совершенно справедливо замѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей черноморскаго побережья. Но нельзя и винить новороссійцевъ въ такой надоѣдливости, потому что вѣтры съ направленіемъ нордъ-остъ, извѣстные у ученыхъ подъ именемъ боры, составляютъ главный и тяжелый бичъ Новороссійска. А что у кого болитъ, тотъ вѣдь о томъ и говоритъ[2])!

---

[1]) «Черноморское побережье» Спб. 1899 г. Отдѣльн. оттискъ изъ «Трудовъ Всеросс. съѣзда дѣятелей по климатол., гидрол. и бальнеологіи», т. I, стр. 17.

[2]) Если и мнѣ мѣстами приходится повторить здѣсь о нордъ-остѣ то, что говорилось о немъ въ предыдущей главѣ, то единственно по-

Настоящая сильная бора, обыкновенно бывающая зимою, дуетъ со скоростью не менѣе 20 метровъ въ секунду, но достигаетъ иногда даже до 40 и—что еще хуже—дуетъ порывами, при чемъ сила отдѣльныхъ ударовъ вѣтра бываетъ еще выше приведенныхъ показаній анемометра, представляющихъ собственно среднюю за нѣсколько минутъ [1]). Съ появленіемъ сильной боры, «жизнь въ городѣ какъ бы замираетъ, движеніе по улицамъ прекращается, магазины и дома запираются» [2]); при сильныхъ морозахъ, нерѣдко сопровождающихъ бору зимою, летящіе въ воздухѣ брызги въ нѣсколько минутъ обледеняютъ платье, которое быстро примерзаетъ къ тѣлу. «При очень сильной борѣ, суда [3]) не могутъ заходить въ портъ противъ вѣтра; двигаться по улицамъ невозможно иначе, какъ на четверинкахъ; вѣтеръ подымаетъ и несетъ крупную гальку». Въ Тріестѣ, гдѣ бора бываетъ еще сильнѣе, по нѣкоторымъ улицамъ протянуты веревки, за которыя во время боры держатся, проходя по нимъ, но новороссійцы, очевидно, считаютъ это излишнею роскошью. Мнѣ разсказывали, будто-бы въ нѣкоторыхъ открытыхъ нордъ-осту каменныхъ домахъ съ недостаточно толстыми стѣнами сильная бора зимою врывается въ комнату чрезъ эти стѣны такою холодной струею, что у человѣка сидящаго, близъ топящагося камина зябнетъ спина сквозь надѣтую шубу въ то время, какъ лицо и руки «горятъ» отъ жары камина.

Сильный нордъ-остъ, такъ сказ., взрываетъ поверхность бухты, превращая ее въ непрерывно движущуюся подъ его давленіемъ цѣлую стѣну брызгъ въ сажени двѣ и болѣе высоты. И брызги эти, замерзая въ воздухѣ, «несутся версты на двѣ до города», при чемъ въ буквальномъ смыслѣ облѣпляютъ дома, покрывая ихъ и стоящія въ бухтѣ суда толстымъ ледянымъ слоемъ, что

тому, что сила ихъ въ Геленджикѣ и Новороссійскѣ (а слѣдовательно и значеніе) неодинаковы.

[1]) Черном. побережье, стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 130.

[3]) Подразумѣвается—даже паровыя!

нерѣдко было причиною гибели судовъ въ самой бухтѣ. Всѣмъ памятенъ, конечно, произведенный борою въ декабрѣ 1899 г. ледяной штормъ, о которомъ тогда писали во всѣхъ газетахъ и отъ котораго потерпѣло аварію нѣсколько судовъ въ Новороссійской бухтѣ и въ томъ числѣ «громадный» пароходъ Русскаго Общества «Игорь». Во время шторма онъ стоялъ на двухъ якоряхъ подъ парами; когда вѣтеръ сорвалъ его съ якорей, то несмотря на тотчасъ же данный пароходу полный ходъ впередъ, онъ «на полномъ ходу» былъ отнесенъ вѣтромъ назадъ и выброшенъ на мель у набережной. Брызги, цѣлыми тучами срываемыя вѣтромъ съ поверхности моря, попадая на снасти парохода и превращаясь въ ледъ подъ вліяніемъ температуры—14 по Реомюру, быстро образовали на немъ толстую ледяную кору, превратившую огромный пароходъ съ трубами и мачтами въ гигантскую безформенную массу льда. Команда съ пассажирами около 35 чел. спаслась только благодаря энергіи капитана и подоспѣвшей энергичной помощи съ берега.

Но это не первый случай столь сильной боры. Бывали и раньше случаи столь сильнаго нордъ-оста, что стоящіе въ бухтѣ суда выбрасывало на берегъ, какъ это было, напр., съ четырьмя изъ 7 судовъ эскадры адмирала Юрьева въ знаменитую бурю 13 января 1848 г. Тогда, между прочимъ, военный тендеръ «Струя», покрытый ледяною корою отъ морскихъ брызгъ, потонулъ въ бухтѣ со всѣмъ экипажемъ, несмотря на всѣ усилія команды очищать накопляющійся ледъ отъ корпуса судна. Всѣ попытки подать помощь съ берега были тщетны: команды, посланныя къ берегу, *не могли идти противъ вѣтра; людей несло вѣтромъ и кто не падалъ на землю, могъ быть разбитъ, наброшенный на дерево или строеніе*[1]).

---

[1]) Интересныя подробности о борѣ и ея происхожденіи можно найти въ энциклоп. словарѣ Брокгауза (т. IV); въ «Живописной Россіи», т. IX, статья Г. Радде; въ книгѣ Карльгофа: «Военностатистич. Обозрѣніе Вост. берега Чернаго моря» и въ помянутой работѣ г.г. Воейкова и др., стр. 45—49 и 130.

Такимъ образомъ эта красивая, глубокая, обширная и, казалось бы, такъ хорошо защищенная отъ вѣтровъ горами бухта является далеко не безопасною, а иногда и безусловно опасною для судовъ въ зимнее время. И причиною этого являются, въ извѣстной степени, эти самыя, повидимому защищающія ее, горы! Дѣло въ томъ, что бора появляется тогда, когда на сѣверѣ отъ Кавказа давленіе выше, чѣмъ на Черномъ морѣ. В. и СВ. вѣтры усиливаются въ степяхъ Кубанской области, затѣмъ на гребняхъ горъ, отдѣляющихъ отъ нея Новороссійскъ, и наконецъ уже на склонахъ къ Черному морю, гдѣ какъ разъ они достигаютъ наибольшей скорости и силы. И это потому, что на склонахъ къ морю между гребнями горъ и берегомъ бухты устанавливается неустойчивое равновѣсіе воздуха въ вертикальномъ направленіи, такъ какъ воздухъ надъ моремъ значительно теплѣе, чѣмъ на горахъ (вслѣдствіе чего нижній—болѣе теплый воздухъ имѣетъ стремленіе подыматься вверхъ—и наоборотъ). Благодаря этому достигшій гребня горъ и безъ того уже сильный вѣтеръ спускается съ нихъ въ бухту съ силою настоящаго урагана, или, какъ говорятъ моряки, «воздушнаго водопада». Слѣдовательно, не будь этихъ горъ, сила боры была бы вѣроятно нѣсколько меньше и бухта безопаснѣе для зимнихъ остановокъ судовъ.

Для изученія боры въ Новороссійскѣ, на берегу бухты и на гребнѣ Мархотхскаго хребта возведены особыя станціи, снабженныя необходимыми инструментами, самопишущими приборами и т. п. При первомъ же осмотрѣ Новороссійска съ его окрестностями, не зная еще о существованіи станцій, я невольно обратилъ вниманіе на одиноко стоящее зданіе на голомъ гребнѣ хребта. Изъ города оно представлялось совсѣмъ маленькимъ и было замѣтно только потому, что одиноко вырисовывалось на лазури неба. Казалось страннымъ, что нашелся человѣкъ, пожелавшій поселиться вдали отъ города на такой доступной всѣмъ вѣтрамъ выси. Но это и была верхняя станція. И впослѣдствіи для меня выяснилось, что избранное для нея мѣсто, кромѣ пригодности для наблюденій, къ удивленію, отличается еще особенно здоровыми климатическими условіями, сравнительно съ климатомъ

окрестностей Новороссійска, не говоря уже о самомъ городѣ. И это несмотря даже на то, что тамъ на гребнѣ. крупный дождь, приносимый сильнымъ вѣтромъ съ моря (въ общемъ однако менѣе сильнымъ, чѣмъ бора) пробиваетъ иногда насквозь деревянную стѣну станціи, которую пришлось даже поэтому обить желѣзомъ [1]).

Другая—нижняя станція восточнаго берега тоже видна изъ города. Наличность двухъ станцій, расположенныхъ на разныхъ высотахъ, даетъ возможность наблюдать, при помощи расположенныхъ на нихъ самопишущихъ приборовъ, разницу въ силѣ и быстротѣ вѣтра въ моментъ спуска его съ высотъ и въ моментъ, когда онъ почти достигаетъ уровня моря.

Весьма оригинально истолковано было мнѣ однимъ изъ мѣстныхъ простолюдиновъ это на первый взглядъ столь странное по своей близости сосѣдство двухъ метеорологическихъ станцій. Съ своей чисто практической точки зрѣнія, онъ понялъ это такъ, что «станціи эти—отъ вѣтра, что нордъ-остомъ называется». Верхняя караулитъ нордъ-остъ и какъ онъ начнетъ подходить, сейчасъ она и даетъ нижней знать по телефону. А въ нижней сейчасъ же барышня и печатаетъ объявленіе на весь городъ, чтобы жители знали и опасались»...

Я догадался спросить, читалъ ли онъ самъ подобныя объявленія, но оказалось, что разсказчикъ неграмотенъ и, по его словамъ, читать ему ихъ «небыло надобности: объявленіе она напечатаетъ и пошлетъ въ городъ къ начальству, а оно ужъ тамъ само и безъ насъ знаетъ, какъ надо на счетъ этого распорядиться».

Три упомянутые выше ученые изслѣдователя Черноморья находятъ климатъ на Мархотхскомъ перевалѣ, гдѣ стоитъ верхняя станція, настолько благопріятнымъ для здоровья человѣка въ лѣтніе и ранніе осенніе мѣсяцы, что прилегающая къ станціи мѣстность признается ими *весьма* пригодною для *лѣтней* климатической станціи. Положеніе такой станціи, еслибы она была устроена, облегчалось бы еще близостью къ шоссе на Екатери-

---

[1]) Черном. побережье, стр. 46.

нодаръ (всего двѣ версты) и къ сосѣдней Неберджаевской станицѣ, откуда можно сравнительно легко и недорого доставать пищевые продукты[1]). Наоборотъ, самъ городъ съ его остальными окрестностями, по мнѣнію тѣхъ же изслѣдователей, едва ли можетъ быть «когда нибудь» рекомендованъ, какъ климатическая станція, даже и въ случаѣ окончательной засыпки Цемесскаго болота. И это несмотря на то, что по своей природѣ и климату данная мѣстность считается сходною съ южною частью Крыма — окрестности Судака и Ѳеодосіи, Балаклавы и Севастополя. Главная причина (помимо, конечно, загрязненія самого города и порта) опять тотъ же злосчастный нордъ-остъ, могущій вредно повліять на состояніе здоровья людей слабогрудыхъ. Лишая больныхъ, нерѣдко надолго, возможности пользоваться воздухомъ, такъ какъ сильный нордъ-остъ иногда дуетъ зимою по недѣлѣ, онъ, кромѣ того, понижаетъ (зимою) температуру и способствуетъ такимъ образомъ простудѣ, появленію кровохарканія и т. п. На нервныхъ же людей наводитъ чувство уныпія, тоски и страха. Люди, страдающіе тяжкими сердечными недугами, иногда умираютъ во время нордъ-оста почти внезапно[2]).

Лѣтомъ нордъ-остъ дуетъ сравнительно рѣже, непродолжительно и далеко не бываетъ такъ силенъ, какъ зимою. Но за то онъ отличается сухостью и дѣйствуетъ на растительность изсушающимъ образомъ: «тамъ, гдѣ прошла бора, растительность рѣзко измѣняется: завязи плодовъ сваливаются, листья свертываются и желтѣютъ, хлѣбныя поля засыхаютъ».

Кромѣ того, лѣтомъ бора бываетъ все-таки же настолько силенъ, что сбиваетъ съ деревьевъ не только цвѣтъ, но и спѣлые и недоспѣлые фрукты. Губительное вліяніе боры сказывается на растеніяхъ окрестностей Новороссійска въ ихъ низкорослости, корявости, изогнутости къ землѣ, недостаточности развитія вѣтвей и т. п. уродствахъ, появленію которыхъ отчасти способствуютъ однако и почвы мѣловыхъ образованій.

---

[1]) Черноморское побережье, стр. 46.

[2]) Тамъ же, стр. 30.

Бора не приноситъ вреда только винограду, разводимому здѣсь такою же низкой подрѣзкой, какъ и въ Крыму; остальныя же климатическія условія, какъ и почвенныя, только въ высшей мѣрѣ благопріятствуютъ разведенію лучшихъ его сортовъ. Окрестности Новороссійска извѣстны изобиліемъ виноградниковъ, но, благодаря тому же нордъ-осту, «мѣста эти при чахлой древесной растительности совершенно не пригодны для леченія въ нихъ виноградомъ» [1]). На упомянутомъ уже Пенаѣ—по шоссе на Сухумъ—подъ виноградники заняты почти всѣ нижніе склоны горъ верстъ на 20 отъ Новороссійска—почти до с. Кабардинки.

Говоря о Новороссійскѣ съ его окрестностями, нельзя не удѣлить мѣста виноградарству,—иначе это было бы все равно, что умолчать о его первоклассной бухтѣ съ знаменитымъ портомъ и крупнѣйшимъ въ Россіи элеваторомъ, или же позабыть о нордъ-остѣ. О значеніи виноградарства въ данномъ районѣ можно судить хотя бы по тому, что подъ такъ называемые культурные участки, которые и занимаются здѣсь съ преимущественною цѣлью разведенія винограда, казною роздано здѣсь свыше 900 десятинъ [2]) (и вблизи, кажется, не осталось уже болѣе казенныхъ земель, пригодныхъ для этой цѣли). А весною 1899 г. проектировалась еще раздача исключительно подъ виноградники шестисотъ десятинъ [3]) выгонныхъ земель отъ города Новороссійска, какъ мѣстнымъ обывателямъ, такъ и всѣмъ, кто пожелаетъ, въ потомственное владѣніе небольшими участками и за самую небольшую плату [4]) на условіяхъ, выработанныхъ городскою думою г. Новороссійска [5]).

---

[1]) Черн. побер., стр. 129.

[2]) Капгеръ С. П. „Объ учрежденіи Общества виноградарей и винодѣловъ Новороссійскаго округа"—Труды съѣзда виноградовладѣльцевъ и виноградарей черноморской губ. въ Новороссійскѣ въ 1899 г. Культурные участки эти раздавались по закону 1866 г. на основаніи устава о сельск. хоз. и затѣмъ по особому закону 1896 г.

[3]) Тамъ же.

[4]) С. Е. Кривошеевъ: «Объ учрежденіи въ Новороссійскѣ правительственнаго подвала»—труды того же съѣзда 1899 г.

[5]) См. Труды того же съѣзда 1899 г. докладъ Л. Л. Быча и приложенный къ нему проектъ думской коммиссіи по этому вопросу.

Разведеніе на кавказскомъ берегу Чернаго моря виноградниковъ по мѣстнымъ преданіямъ приписывается генуэзцамъ и грекамъ, имѣвшимъ здѣсь свои торговыя факторіи до половины XV вѣка[1]). По изслѣдованію И. Н. Клингена[2]) «всѣ древніе культурные народы, населявшіе морской берегъ восточнаго побережья, воздѣлывали виноградную лозу и приготовляли изъ нея вино». Горцы, по всей вѣроятности, заимствовали это искусство отъ генуэзцевъ и грековъ и продолжали потреблять виноградное вино до 16 столѣтія, когда между ними постепенно стало распространяться магометанство. Это нѣсколько уменьшило, но не уничтожило воздѣлываніе ими виноградной лозы, благодаря тому, что у новыхъ магометанъ остались еще многіе старые христіанскіе обычаи. Въ послѣдніе 30—40 лѣтъ, передъ окончаніемъ кавказской войны, горцы употребляли уже только неперебродившій виноградный сокъ и бузу (родъ пива изъ проса съ медомъ), а въ самое послѣднее время стали разводить столовые сорта виноградной лозы.

Полоса горскихъ виноградниковъ съ перерывами тянулась почти по всему побережью и, главнымъ образомъ, именно въ приморской полосѣ на нѣсколько верстъ отъ берега. Однако, распространеніе этой виноградной полосы не шло у горцевъ сѣвернѣе окрестностей Аше (близъ Туапсе), при чемъ наибольшимъ распространеніемъ виноградарства извѣстенъ былъ нынѣшній Сочинскій округъ. Такимъ образомъ нынѣшній Новороссійскій округъ лежалъ внѣ сферы горскаго виноградарства и винодѣлія, которыя получили здѣсь начало лишь въ позднѣйшее время и успѣли тѣмъ не менѣе достигнуть количественно гораздо большого рас-

---

Началась ли эта раздача городскихъ земель подъ виноградники, я, къ сожалѣнію, не знаю. Труды съѣзда изданы Департаментомъ земледѣлія, а пріобрѣсть ихъ, кажется всего удобнѣе обратившись въ Новороссійскъ къ правит. агроному Сергѣю Ив. Кангеру.

[1]) См. „Очерки винодѣлія Кавказа“ въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ“ т. III, 1875 г.

[2]) Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ, стр. 55.

пространенія, чѣмъ теперь въ томъ же Сочинскомъ округѣ. По послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ [1]) въ Новороссійскомъ округѣ занято уже было къ 1899 г. подъ виноградники 730 дес., въ Сочинскомъ же—283 и въ Туапсинскомъ—60. Таково количественное распространеніе виноградарства теперь, спустя 30 лѣтъ по занятіи русскими Кавказскаго края, когда центромъ виноградарства былъ наиболѣе южный Сочинскій округъ, славившійся своими прекрасными виноградными винами. Съ тѣхъ поръ тамъ «всѣ вновь заведенные виноградники. даже въ самыхъ передовыхъ хозяйствахъ, руководимые опытными и несомнѣнно знающими виноградарями, или погибли, или, какъ у Хлудова (около Сочи), даютъ вина весьма слабыя и самаго сомнительнаго достоинства» [2]). Тѣмъ же временемъ сталъ входить въ славу своими винами сравнительно болѣе сѣверный районъ отъ Аше до Туапсе (вина бар. Штейнгеля, также Сибирякова и др.) и «превосходныя винодѣльческія хозяйства» окрестностей Новороссійска съ удѣльнымъ имѣніемъ Абрау во главѣ.

Такое сравнительно быстрое и на первый взглядъ трудно объяснимое перемѣщеніе центра тяжести виноградарства и винодѣлія изъ теплыхъ субтропическихъ и почти субтропическихъ странъ въ сравнительно болѣе холодныя, изъ исконной страны греческаго, генуэзскаго и горскаго виноградарства туда, гдѣ его раньше и совсѣмъ, повидимому, не было, весьма правдоподобно объясняется И. Н. Клингеномъ въ цитированной уже выше брошюрѣ его. Система культуры винограда горцами (маглари), при которой позволялось лозѣ свободно виться вокругъ живой растущей подставы (ближайшихъ)деревьевъ на глубокихъ черноземноглинистыхъ почвахъ, при самой неглубокой посадкѣ, давали прекрасные результаты, какихъ она никогда не могла бы дать на сѣверныхъ каменистыхъ грунтахъ съ весьма мелкой и вязкой мергелистой почвой, да еще при засушливомъ климатѣ въ лѣтнее время, гдѣ лѣтній нордъ-остъ ожи-

---

[1]) П. С. Леонтьевъ. Справочн. книга черн. губ. на 1899 г., стр. 146.

[2]) Клингенъ И. Н. Основы хозяйства въ Сочинск. окр., стр. 107.

гаетъ виноградники. Этимъ и можно объяснить отсутствіе виноградарства у горцевъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ округѣ, почвенныя и климатическія условія котораго требовали непривычнаго горцамъ разведенія винограда по способу Даблари— съ глубокой посадкой и низкой обрѣзкой.—Пришлые же русскіе люди, игнорируя драгоцѣнные опыты вѣковой горской культуры (несмотря на то, что они мѣстами застали горскіе виноградники нетронутыми и неразоренными), стали разводить виноградъ и на сѣверѣ и на югѣ (съ предпочтеніемъ при томъ непригодныхъ европейскихъ скороспѣлыхъ сортовъ) по одной и той же системѣ Даблари, которая, естественно, дала отрицательные результаты на югѣ и прекрасно привилась на сѣверѣ [1]).

Въ первое время однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій развитію виноградарства являлась, при недостаткѣ въ краѣ людей со средствами,дороговизна подготовки мѣстной почвы и гадательность пользы отъ виноградныхъ насажденій. Съ цѣлью содѣйствія виноградарству и плодоводству, администраціею округа выработаны были (одобренныя намѣстникомъ Кавказа въ 1874 г.) особыя правила для отвода городскихъ и поселенскихъ земель подъ сады и виноградники въ потомственное пользованіе съ уплатою по 3 р. съ дес. ежегоднаго оброка. Большинство виноградниковъ, изъ числа имѣющихся нынѣ на городской землѣ, и были заложены въ первое десятилѣтіе существованія Черноморскаго округа, но затѣмъ дальнѣйшее развитіе виноградарства на городскихъ земляхъ было пріостановлено. Произошло это вслѣдствіе того, что администрація округа нашла выработанныя ею же правила раздачи земель непригодными и впредь до ихъ пересмотра прекратила раздачу участковъ. Городскія дѣла вѣдались въ то время полиціею (городского самоуправленія не было) при участіи двухъ депутатовъ, избираемыхъ собраніемъ горожанъ. Такого рода городское управленіе «находилось подъ самой полной административной опекой и было лишено всякой самостоятельности и иниціативы. Поло-

---

[1]) Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ, стр. 72—73, стр. 107—112.

женіе бывшаго городского управленія особенно ухудшилось съ упраздненіемъ Черноморскаго округа, какъ самостоятельной единицы, и присоединенія его въ административномъ отношеніи къ Кубанской области. Въ дѣлѣ развитія виноградарства опека областной администраціи имѣла результатомъ то, что съ 1887 г. по 1896 г.г. изъ городской земли не было отведено подъ виноградники ни одной десятины»[1]). Наконецъ въ 1896 г. въ Новороссійскѣ открываетъ свои дѣйствія образованное по городовому положенію 1892 г. городское управленіе, а въ 1899 г. имъ вырабатывается извѣстный уже читателю проектъ раздачи подъ виноградники 600 дес. городской земли.

Но виноградники могли устраиваться не только на городскихъ земляхъ. «Положеніемъ» 1866 г. «о заселеніи Черноморскаго округа и управленіи онымъ» предоставлено было тѣмъ изъ переселенцевъ, которые пожелаютъ получить земли для разведенія на нихъ виноградныхъ садовъ, тутовыхъ рощъ, разныхъ сельскохозяйственныхъ, мануфактурныхъ и торговыхъ растеній, или же пріобрѣсти въ собственность участки,—въ первомъ случаѣ получать земли на основаніи правилъ, существующихъ для закавказскаго края, а въ послѣднемъ—они должны были «подчиняться общимъ законамъ». При этомъ право пріобрѣтать земли въ частную собственность или въ пользованіе для разведенія сельскохозяйственныхъ и др. растеній предоставлено было и тѣмъ лицамъ, которыя даже не водворились въ Черноморскихъ побережьяхъ. При распредѣленіи земель, предназначенныхъ къ продажѣ[2]), допускалось въ сущности только одно существенное, но крайне неопредѣленно выраженное ограниченіе о недопущеніи «перехода оныхъ чрезмѣрно большими пространствами въ однѣ руки» и по возможности съ недопущеніемъ черезполосицы. Часть этихъ зе-

---

[1]) См. помянутый докладъ Л. Л. Быча.

[2]) Само собою разумѣется, казенныхъ, такъ какъ послѣ завоеванія Кавказа всѣ завоеванныя земли стали собственностью государства и иныхъ земель, кромѣ казенныхъ,—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ черноморской губ., не было.

мель, конечно, поступила тоже подъ виноградники. Затѣмъ въ 1896 г. издано было особое Положеніе «объ основаніяхъ отвода частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ окрестностяхъ г. Новороссійска», распространенное затѣмъ въ томъ же 1896 г. и на казенныя земли въ окрестностяхъ городовъ Сочи и Туапсе, «въ пользованіе, для разведенія виноградниковъ, фруктовыхъ, тутовыхъ рощъ и иныхъ цѣнныхъ насажденій, на пятилѣтній срокъ съ правомъ пріобрѣтенія участка въ собственность [1]). Само собою понятно, что эта мѣра тоже до извѣстной степени способствовала расширенію пространствъ, занятыхъ подъ виноградники.

Піонерами разведенія виноградниковъ въ окрестностяхъ Новороссійска явились: бывшій попечитель прибрежныхъ поселеній М. Ф. Пенчулъ, насадившій виноградный садъ въ 1869 г. въ урочищѣ Мысхако, агрономъ Ѳ. И. Гейдукъ и новороссійскіе мѣщане г.г. Генжа, Ткаченко, Петровъ и др. Въ 1874 г. было насаждено около 2 дес. виноградника удѣльнымъ вѣдомствомъ въ имѣніи Абрау недалеко отъ Новороссійска, въ которомъ теперь подъ виноградниками 170 дес. и которое съ 1882 г. по 1898 г. отпустило въ сосѣднія губерніи 3 милліона чубуковъ.

Первоначально виноградарство двигалось очень тихими шагами — до начала девятидесятыхъ годовъ, пока здѣсь процвѣтало требовавшее сравнительно весьма мало затратъ табаководство, приносившее при томъ же доходъ въ первый же годъ разведенія табака. Первымъ замѣтнымъ толчкомъ къ поступательному его движенію впередъ была Ялтинская выставка 1881 г., на которой ясно опредѣлились прекрасныя качества лишь съ мѣстныхъ виноградниковъ. А затѣмъ, когда сократился сбытъ табаку и послѣдовало паденіе табаководства, виноградарство двинулось впередъ уже весьма замѣтными шагами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно неизбѣжно обратило на себя и вниманіе крестьянскаго населенія, занимавшагося

---

[1]) Подлинный полный текстъ обоихъ положеній приведенъ въ цитиров. книгѣ П. С. Леонтьева, гдѣ и можно познакомиться съ условіями пріобрѣтенія культурныхъ участковъ, правилами пользованія на нихъ водою и производства посадокъ.

до этого времени табаководствомъ. Этому подъему помогло, конечно, и общее развитіе торговопромышленной жизни, съ проведеніемъ къ Новороссійску желѣзной дороги, и связанный съ этимъ явленіемъ наплывъ новыхъ людей, средствъ и рабочихъ рукъ [1]). При этомъ, параллельно подъему виноградарства въ этой мѣстности, происходило въ окрестностяхъ Новороссійска обратное движеніе въ садоводствѣ, такъ какъ къ этому времени окончательно выяснилось, что садоводство, которое, какъ и табаководство, на первыхъ порахъ предпочли виноградарству, по мѣстнымъ условіямъ далеко не имѣетъ такихъ шансовъ на успѣхъ, какъ послѣднее.

Теперь виноградарствомъ занимаются уже и въ крестьянской средѣ (т. е. бывшіе кубанцы и вольные засельщики), но далеко и далеко не всѣ, конечно. Главнымъ тормазомъ этому служитъ прежде всего дороговизна обзаведенія виноградникомъ; стоимость десятины плантаціи колеблется въ новороссійско-туапсинскомъ районѣ [2]) между 850—1500 р., въ общемъ же стоимость одной десятины виноградника до полнаго плодоношенія обходится отъ 150 до 3000 р., конечно, при употребленіи наемнаго труда. Правда, разрабатывая землю подъ виноградникъ постепенно собственными руками, крестьянинъ можетъ обзавестись имъ, хотя и не безъ большого труда, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ сокращеніемъ расходовъ противъ показаннаго. Но другимъ важнымъ препятствіемъ является тутъ невозможность скораго полученія дохода, такъ какъ виноградникъ не даетъ его такъ скоро, какъ табакъ; а до этого времени необходимо имѣть какіе-нибудь другіе, достаточные для существованія доходы [3]).

---

[1]) Подробности по исторіи виноградарства въ черном. губ. см. между проч. въ цитиров. работахъ П. С. Леонтьева, И. Н. Клингена, а также въ Трудахъ по виноградному съѣзду 1899 г.—въ докладахъ Л. Л. Быча, С. П. Крамаренка, Я. Г. Сиповича и др.

[2]) Труды виногр. съѣзда 1899 г., стр. 44—48.

[3]) Третьимъ тормазомъ нѣкоторые (см. тѣ же труды съѣзда) считаютъ общинное владѣніе, недопускающее возможности крупныхъ затратъ при непрочности пользованія землею. Не смѣю спорить, ибо

Отсюда понятно, почему средній размѣръ частновладѣльческаго виноградника (считая и удѣльные) равняется въ губерніи почти 10 десятинамъ (9,5) [1], а крестьянскаго только полудесятинѣ (0,6) и изъ частновладѣльческихъ имѣній виноградарствомъ занимается свыше чѣмъ 80%, а изъ крестьянскихъ семей менѣе 15%.

Препятствіемъ развитію виноградарства въ крестьянской средѣ служатъ также и отсутствіе подваловъ для храненія вина, и неблагопріятныя условія сбыта, и многое другое, о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться и съ чѣмъ интересующійся этими вопросами читатель отлично можетъ познакомиться изъ помянутыхъ трудовъ виноградного съѣзда и другихъ уже цитированныхъ изданій.

Я и безъ того уже слишкомъ надолго остановился на виноградномъ вопросѣ, который не для каждаго, конечно, одинаково интересенъ. Однако оправданіемъ мнѣ можетъ до нѣкототорой степени служить то значеніе, которое онъ здѣсь, дѣйствительно, имѣетъ. Если пріѣхавшему въ Новороссійскъ «надоѣдятъ здѣсь разсказами о нордъ-остъ», какъ о злѣйшемъ врагѣ населенія, то, пожалуй, не въ меньшей мѣрѣ вы наслушаетесь и разсказовъ о виноградарствѣ и винодѣліи, какъ самомъ подходящемъ и выгодномъ занятіи, не безъ прибавленія однако кое-какихъ сѣтованій на современные недуги этого производства.

Виноградарство, по мнѣнію многихъ, здѣсь должно имѣть первенствующее значеніе вообще для всего населенія новороссійскаго округа и, при высокомъ качествѣ и прочности получае-

---

мѣстнымъ людямъ лучше знать мѣстныя условія, но знаю факты существованія интенсивной, напр., садовой культуры на общинныхъ земляхъ—см. мою статью «интенсивная культура и общинное владѣніе» въ Русск. Мысль, 1887 № 6.

[1]) Но и при этомъ изъ приблизительно 790 дес. подъ частновладѣльческими виноградниками черном. губ. около 180 дес. къ 1899 г. принадлежало только 5 владѣльцамъ: удѣльному имѣнію Абрау, г.г. Пенчулу, бар. Штейнгелю, Голубеву и Хлудову; за исключеніемъ ихъ, величина средняго частновладѣльческаго виноградника 3 съ небольшимъ десятины.

мыхъ винъ, при постоянной урожайности виноградниковъ и организаціи правильнаго сбыта, должно явиться «единственною прибыльною отраслью сельскаго хозяйства» [1]). Такая точка зрѣнія обусловливается многими причинами. Климатическія и почвенныя условія, какъ я уже говорилъ, для воздѣлыванія винограда здѣсь, въ общемъ, безусловно благопріятны. Подъ виноградники требуется сравнительно очень немного земли, да и та, которая подъ нихъ идетъ, часто ни на что болѣе не пригодна, какъ благодаря тѣмъ же почвеннымъ условіямъ, такъ и рельефу мѣстности. Вслѣдствіе ограниченности здѣсь количества земель, пригодныхъ для хлѣбопашества, оно здѣсь не можетъ занять выдающагося значенія (на 30-ти десятинный крестьянскій надѣлъ приходится въ среднемъ около 2—4 дес. пашни, хлѣба съ которой еле хватаетъ на прокормленіе крестьянской семьи и то при урожаѣ, такъ какъ климатическія условія даннаго района дѣлаютъ при данныхъ условіяхъ довольно рискованною самую культуру хлѣбныхъ растеній [2]). Недостатокъ воды, сухое жаркое лѣто и нордъ-остъ представляютъ въ тоже время условія неблагопріятныя и для развитія огородной культуры, а развитію садоводства препятствуетъ и нордъ-остъ, и морскіе туманы. Оттого и выходитъ, что первенство должно принадлежать винограду. При этомъ крестьяне, въ силу дороговизны разведенія винограда по способу Даблари съ посадкою на большую глубину, могли бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, значительно облегчить себѣ занятіе этимъ дѣломъ перенесенія винограднаго хозяйства съ горныхъ покатостей на низины [3]) и заняться имъ по способу Маглари [4]).

Крупное значеніе виноградарства въ этомъ краѣ какъ нельзя болѣе подтверждается и упоминавшимися мною съѣздами виноградовладѣльцевъ и виноградарей, бывшими въ Новороссійскѣ въ 1899 и 1900 годахъ. По обычно вялому и слабому темпу ум-

---

[1]) Труды виногр. съѣзда 1898 г., докладъ С. П. Крамаренко.

[2]) Труды виногр. съѣзда 1898 г. докладъ С. И. Капгера.

[3]) Тамъ же, докладъ С. П. Крамаренко.

[4]) И. Н. Клингенъ. Осн. хоз. въ соч. окр., стр. 112.

ственной жизни Новороссійска, нельзя было, повидимому, и мечтать о томъ оживленіи и возбужденномъ интересѣ, которые вызовутъ эти съѣзды. Все это было бы невозможно, еслибы объединившее всѣхъ этихъ, до сихъ поръ разрозненно жившихъ и изолированно работавшихъ, людей дѣло не было имъ всѣмъ дѣйствительно близко и дорого. Этотъ губернскій съѣздъ собралъ въ 1898 году 104 члена, изъ которыхъ 18% составили крестьяне черноморской губерніи; второй съѣздъ—1900 года—собралъ 74 члена, въ средѣ которыхъ крестьяне составили уже 37%. Но однѣ количественныя указанія въ этомъ отношеніи еще не достаточно характерны. Нужно просмотрѣть самые «Труды» съѣзда, чтобы судить по нимъ, съ какимъ дѣйствительно живымъ интересомъ отнеслись члены съѣзда къ интересовавшему ихъ дѣлу. Надо, наконецъ, обратить вниманіе и на то, что 74 члена перваго съѣзда представили на него 36 докладовъ, т. е. въ среднемъ по одному на 28 членовъ! Это уже совсѣмъ необычное явленіе среди всякихъ нашихъ съѣздовъ, гдѣ докладчики тонутъ въ морѣ «записавшихся для счета» или только слушающихъ чужіе доклады членовъ. Характерно еще и то, что изъ 36 докладовъ 7 оказались «изложенными въ неудачной формѣ» и «малопонятны по содержанію», почему и не были напечатаны въ «Трудахъ» съѣзда.

Это тоже значительное указаніе—и совсѣмъ не въ отрицательномъ смыслѣ. Не всякій обладаетъ способностью ясно формулировать свои мысли на бумагѣ, особенно, если по условіямъ среды онъ принадлежитъ, или болѣе или менѣе близко стоитъ къ тѣмъ 18 или 28%, о которыхъ было упомянуто выше. А съ другой стороны, далеко не всякій съѣздъ возбуждаетъ такой интересъ, чтобы заставить писать непишущаго!

Послѣ всего этого вполнѣ естественно, что гг. «виноградовладѣльцы и виноградари» возлагали на свой съѣздъ большіе надежды, ожидая отъ него большихъ и скорыхъ практическихъ результатовъ. Но не всѣмъ надеждамъ суждено осуществляться. Дѣло въ томъ, что первое засѣданіе второго съѣзда началось съ доклада, что о судьбѣ представленныхъ въ подлежащія вѣдомства полтора года назадъ многочисленныхъ и важныхъ ходатайствъ

перваго съѣзда, никому и ничего неизвѣстно. Закончился же второй съѣздъ успокоительною рѣчью назначеннаго предсѣдателя сего по поводу слышанныхъ имъ во время засѣданій съѣзда «сѣтованій на то, что значеніе обоихъ съѣздовъ парализовано отсутствіемъ отвѣтовъ отъ различныхъ вѣдомствъ на адресованныя имъ ходатайства перваго съѣзда». «Не умаляя значенія этого факта», предсѣдатель успокаивалъ взволнованныхъ членовъ тѣмъ, что исполненныя ими работы на пользу интересующаго ихъ дѣла «представляютъ такія заслуги обоихъ съѣздовъ, которыя будутъ съ благодарностью *отмѣчены въ исторіи* сельскохозяйственнаго развитія черноморской губерніи». Затѣмъ, въ виду истеченія срока, разрѣшеннаго для занятій съѣзда, второй съѣздъ закрылся, не окончивъ обсужденія всѣхъ возбужденныхъ на немъ вопросовъ, но единодушно выразивъ глубокую благодарность черноморскому губернатору «за заботливое отношеніе къ успѣхамъ занятій съѣзда и къ судьбѣ его постановленій». Здѣсь надо замѣтить кстати, что занятія второго съѣзда были уже не такъ оживленны, а доклады не столь многочисленны, какъ на первомъ, когда интенсивная дружная работа членовъ окрылялась надеждами. Вселяя неувѣренность въ результатности ихъ занятій, неосуществленіе этихъ надеждъ вносило неизбѣжную апатію въ работы второго съѣзда.

Возбудивъ на второмъ съѣздѣ ходатайство объ удовлетвореніи ходатайствъ перваго съѣзда, члены съѣзда рѣшили все-таки просить о разрѣшеніи открытія третьяго съѣзда.

Однако третьяго съѣзда еще не было, а вопросъ объ удовлетвореніи многихъ ходатайствъ перваго и второго съѣздовъ очень заботитъ мѣстныхъ виноградовладѣльцевъ, такъ какъ возможно скорѣйшее разрѣшеніе ихъ имѣетъ существенное значеніе для дѣла. Въ судьбѣ этихъ ходатайствъ заинтересованы не одни только новороссійцы, но всѣ хозяева Побережья, начиная отъ Сухума и на сѣверъ до Мысхако и Пеная.

Возвратимся однако къ послѣднему. Расположенный среди виноградниковъ, изобилующій барскими усадьбами-дачами, распо-

ложенными преимущественно между шоссе и моремъ, Пенай, по сравненію съ страдающимъ отсутствіемъ зелени Новороссійскомъ, кажется издали оазисомъ, утопающимъ въ роскошной зелени. Послѣ пыльнаго и жаркаго города, онъ и вблизи, когда ѣдешь по шоссе, веселитъ взоръ разбросанными среди зелени усадьбами, припертыми къ берегу бухты. Вотъ здѣсь бы, кажется, и можно было найти тихое пристанище въ уютной усадьбѣ, въ тѣни зелени, съ прекраснымъ видомъ на бухту и море, съ хорошимъ купаньемъ. Но, увы, нордъ-остъ здѣсь почти такъ-же силенъ, какъ и въ Новороссійскѣ, а купанье неудобно и далеко не вездѣ возможно вслѣдствіе большой высоты и крутизны берега!

Надо ѣхать дальше—тамъ вблизи выхода бухты въ открытое море, у подножья высокой горы, выступающей въ море мысомъ Дообъ, на которой стоитъ высокій бѣлый маякъ, такъ красиво выдѣляющійся на зеленомъ фонѣ горы, пріютилась упоминавшаяся уже въ предыдущей главѣ Кабардинка. Она ютится въ пространствѣ между Дообскимъ и Пенайскимъ маяками у небольшого залива Новороссійской же бухты. Въ ея заливчикѣ, по общимъ отзывамъ, купанье гораздо удобнѣе, чѣмъ на Пенаѣ. Сила же нордъ-оста, благодаря чисто мѣстнымъ условіямъ, въ окрестностяхъ Кабардинки настолько слабѣетъ, что допускаетъ уже и разведеніе хлѣбныхъ злаковъ, о чемъ неопровержимо свидѣтельствуютъ при приближеніи къ ней разбросанные на склонахъ горы небольшія полоски желтѣющихъ нивъ.

По своему происхожденію Кабардинка,—это бывшее русское укрѣпленіе, основанное въ 1836 г. генераломъ Вельяминовымъ, который «съ особенною заботливостью дефилировалъ внутреннее пространство его отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Отъ этого оно получило форму наименѣе пригодную для такого военнаго учрежденія»... и въ 1838 г., когда эта форма возбудила удивленіе осматривавшаго укрѣпленіе генерала Головина, преемникъ Вельяминова, ген. Гроббе сказалъ: «Я узнаю моего умнаго предмѣстника. Если человѣкъ большого ума задумаетъ сдѣлать глупость, то сдѣлаетъ такую, какой всѣ дураки не выдумаютъ» [1].

---

[1]) Филипсонъ «Воспоминанія».

Путь изъ Новороссійска въ Кабардинку—по тому же самому прибрежному шоссе мимо всѣхъ этихъ небольшихъ, такъ назыв., «культурныхъ участковъ» съ ихъ миніатюрными усадьбами. Усадебки эти на людей, пріѣзжихъ изъ Россіи и привыкшихъ къ имѣніямъ, измѣряемымъ сотнями и тысячами десятинъ и обладающихъ многочисленными и обыкновенно широко разбросанными хозяйственными постройками, производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе своими претенціозными надписями надъ воротами почти каждой изъ нихъ: «*Имѣніе* такого то», «*Имѣніе* такого то», къ которымъ такъ и хочется прибавить; «просятъ не смѣшивать съ *настоящимъ* имѣніемъ»!..

Однако справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ «имѣній» даютъ, благодаря виноградникамъ, какъ это вполнѣ понятно, хорошіе доходы, значительно, и даже несравненно, превосходящіе средній подесятинный доходъ «настоящихъ» имѣній..

Миновавъ эти имѣнія-дачи, шоссе идетъ по узкимъ карнизамъ Мархотхскаго хребта на значительной высотѣ надъ моремъ. Налѣво—крутая стѣна песчаниковъ и известняковъ, по мѣстному «трескуновъ», на бѣломъ фонѣ которыхъ красиво вырисовываются подъ яркими лучами солнца большія пушистыя туи въ перемежку съ кизилемъ, кустарниковыми дубами, rhus cotinus, и другими представителями мѣстной флоры, покрывающими уходящую въ высь гору. Направо—слегка опушенный на верхнемъ карнизѣ кустарникомъ крутой обрывъ прямо въ море, которое передъ вами, какъ на ладони, необъятное, слегка волнующееся и переливающееся тонами отъ нѣжно голубого до синяго. Воздухъ наполненъ неумолкаемымъ мелодичнымъ стрекотаніемъ безчисленныхъ цикадъ, скрывающихся въ покрывающей горы и ущелья зелени. Ущелья чередуются съ выступами берега въ море, и потому шоссе, идя все время по карнизу, то какъ бы удаляется отъ него, то опять къ нему возвращается, вновь давая возможность видѣть и красивый Дообъ, и всю бухту, и оставшійся назади Новороссійскъ. Теперь въ эти ущелья почти не доходитъ вѣтерокъ съ моря; въ нихъ тихо и душно. Зимой же здѣсь по этимъ самымъ ущельямъ нерѣдко срывается съ горъ леденящій

нордъ-остъ и срывается иногда съ такою силою, что опрокидываетъ съ шоссе ѣдущіе фаэтоны и даже слишкомъ высоко нагруженныя фуры!

Но съ Кабардинкою, кромѣ сообщенія по шоссе, Новороссійскъ имѣетъ еще удобное сообщеніе паровымъ катеромъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что, при удобствѣ въ Кабардинкѣ морского купанья—въ отношеніи пологости морского дна, покрытаго пескомъ и мелкою галькой, и при меньшей сравнительно силѣ нордъ-оста, послѣдній все-таки препятствуетъ непрерывности морского купанья; кромѣ того кабардинскій заливъ открытъ и морскому вѣтру. Вслѣдствіе этого, хотя Кабардинка и можетъ, конечно, служить какъ дачное мѣсто для городскихъ жителей Новороссійска и извѣстнаго своими лихорадками Екатеринодара, но для лицъ, пріѣзжающихъ лѣчиться морскими купаньями, рекомендовать ее нельзя.

Дальше—за Кабардинкой—идетъ уже другой приморскій курортъ—Геленджикъ; но ему уже была посвящена особая глава.

Л. С. Личковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

БИЛЯ ОГНЫЩА.

Вже смеркло. Кругомъ огныща, що палало середъ глыбокои лисовои долыны, сыдило й лежало чоловикъ бильшъ десятка бондаривъ. Потомылысь неборакы за тыждень. Коженъ ждавъ суботы, якъ Бога, щобъ выпыть чарку горилкы у хазяина (хоча й за свою грывню), повечерять у смакъ и видпочыть по воли, не маючы гадкы завтра, до схидъ сонця, вставаты, браты важку сокыру и, облываючысь потомъ, яко мога поспишаты за товарышомъ, або тикаты видъ нёго, боячысь, щобъ товарышъ не перегнавъ у роботи. Дуже прыкро стае на серци, колы бачышъ, якъ товарышъ выпередыть! Мигъ бы, порвавъ и себе и все, що йе на соби, абы тилькы «не пáсты заднихъ!» Иншый — зранку и до вечера якъ скупаный: сорочка хочъ выкруты, груды важко пидіймаются, а дило не геть-то якъ подается напередъ. А той — мовъ грается! И сорочка тилькы що вохка, и самъ не геть-то якъ задыхается, а у рукахъ дило ажъ горыть... Кого якымъ спихомъ та таланомъ надилено!

Працюючы отакъ цилый тыждень, видома ричъ, коженъ жде суботнёго вечора, якъ найбильшого свята, жде вильного спочывку.

Ще сонечко не зовсимъ ховается за гору, ще проминь пробигае помижъ кущамы хворосту, а хлопци вже зносять у «складъ» свою роботу, личать думкою заробитокъ, а потимъ почынають прыбирать пидъ повиткою: трискы зносять до купы,

на бикъ, а трусокъ выгортають геть дали, на пызъ, за для того, щобъ писля вечéри запалыть. Не геть-то яка мудра й штука, а мае багато вартосты: першъ усёго—щобъ не заводыть смитныка пидъ ногамы, а у друге те, що писля важкои праци, простягтыся биля огныща, на сырій земельци, далеко краще, нижъ пидъ повиткою на прымостци, де и не безъ «кузекъ».

Отъ и на сей вечиръ: выпылы трудовныкы у хазяйській кватыри по половынчыку, заплатылы по грывни (хазяинъ возывъ горилку у лисъ и продававъ по грывни чарку, це-бъ то, щобъ не вныкалы до села), повечерялы и зибралысь биля огныща. Видома ричъ, хто не жонатый, той пишовъ до села, якъ тамъ кажуть: «дило молодецьке», а жонати зостались у лиси, полягалы биля огню и почалась розмова на всяки лады. Звисно: не зъ однiеи хаты, не зъ одного села зiйшлыся на роботу, побраталыся, и у кожного мается своя новына й старовына.

Той прыгадавъ парубоцьтво, що якый то винъ бувъ жвавый та меткый; потимъ—другый розсказуе про видьму, що, перекынувшысь собакою, гналась за нымъ; третiй звивъ розмову ще на иншый ладъ, и балачка йшла гуртова.

Не встрявавъ у балачку тилькы Иванъ, невелыкого зросту чоловичокъ, рокивъ за трыдцять. Пидклавшы рукы пидъ голову, винъ лежавъ на спыни, уставывшы очи на зори. Тяжка думка опанувала козака, и винъ тяжко зитхавъ: знавъ сердега, що дома не геть-то бенкетують на ту пьятерычку, що пославъ винъ ще одъ Тройци. «Ни, треба ще послать!—трохы не въ голосъ думае Иванъ.—Завтра визьму й пошлю... Неодминно пошлю ще рубливъ съ пьять!.. А якъ бува хазяинъ и завтра заспивае такои, якъ и въ ту недилю, що тоди робыть? Жды, каже, покы будуть у мене зайви гроши, а теперъ ще не наторгувавъ!.. И винъ правый! Що ты подiешъ, колы увесь у ёго рукахъ?.. А дома жинка, диткы... Эхъ!»...

А навкругы тыхо, якъ у вуси! Темно-блакитне небо видъ огныща выдае мовъ чорне шатро, десь высоко-высоко надъ землею, мовъ золотымы цвяшкамы утыкане зорямы. Кущи хворосту повишалы лыстя, мовъ поснулы холодкомъ писля пекучого дня.

Били березы нызько-нызько посхылялы свое тоненьке гилля и наче журлыво прыслухаются до розмовы биля огныща. А тамъ геть дали, по-пидъ горою, стари высоки дубы, мовъ страшни, велычезни вартови надъ лисомъ, выразно, але сумно вызначаются на чорнимъ поли ночи. Нищо навкругы а ни шерхне! Тилькы инколы якыйсь птахъ зъ просоння зашелестыть по лысти, та огныще затрищыть, якъ пидкынуть свижого топлыва: спалахне шырокымъ сяйвомъ, и впьять навкругы тыхо.

А тамъ далеко, край лиса, высокый теноръ жалибно лунае зъ горы по лисовій долыни:

«... Стоить козакъ на могыли
Та й витра пытае»...

Мовъ на перешкоду ёму зъ долыны грубый басъ нызькою октавою, переходячы на дебелого баритона:

«Реве та стогне Днипръ шырокый,
Сердытый витеръ завыва»...

Теноръ замовкъ. Пидождавшы, колы басъ передыхавъ, винъ гукнувъ дзвинкымъ голосомъ: «А ну, хутчій, Кар-по!»... И черезъ якый ментъ писня лунала по взгирью на два голосы. Теноръ зновъ почавъ ту-жъ такы писню зъ краю, и вже басъ, не школячы ёму, зъ смуткомъ, забиравъ нызомъ:

«... Скажы витре, скажы брате,
Де козацька доля?»..

То хлопци пишлы въ село.

Охъ, молодіи лита! Чы можна васъ забуть? Чы оти два хлопци, що пишлы спиваючы, мають на серци що таке, котре бъ перешкоджувало ихній веселости? Ни! Парубокъ—якъ витеръ вильный.

А пидтоптанымъ, пошарпанымъ симьянынамъ на село стежка переорана: сыды биля вогню, куры люльку, балакай, або гото-

вого слухай. Жинка, диты за полы держуть. Я—батько... А чы не радиснійше це видъ парубоцькои веселосты?

По тилови пробигае втома, але втома не тяжка, давуча, а легка, вильна. Писля духоты та спекы, котра у глыбокій лисовій долыни не освижается витромъ, свижа тыша ночи обгортае прыгнобленого чоловика раевымъ повитрямъ.

А балачка вже звернула на ту стежку, на яку збигае нарешти кожну суботу: «гирко жыть на свити!»

— Чы повирыте мени, братикы—озвавсь до гурту Иванъ: есть же й таки люде на свити, що мають заздристь и на нашу долю!

— А есть!—мовывъ Остапъ.—А попытай ихъ: чого имъ заздро?

— Того, що воны дурни!—протягъ густымъ басомъ Опанасъ.

— Ни, Опанасе, не вси дурни зъ ныхъ, есть и розумни! Не дыво, якъ хто дали свого села нигде не бувъ и кримъ носа свого ничого не бачывъ; а отъ жаль хоча й на нашого хазяина, винъ и не дурный, а про те, каже: «отъ кому, каже, роскишъ! Ни печали, ни воздыхання! заробывъ, пропывъ, и... ни собака въ двиръ! А тутъ, мовлявъ, якъ почнешъ миркуваты, якъ те дило повернуты краще, то ажъ мозокъ тоби подеревьяніе!»...

— А, бодай винъ луснувъ!—бухтыть, мовъ зъ бочкы, Опанасъ.—Хиба жъ такы мы вси й пропываемъ? Ще жъ йе въ насъ жинкы й диты! Хто жъ йихъ годуе?... га!..

— А хазяинови чы не миркування жъ то—розрахуваты, якъ зъ нашои кривавыци бильшъ корысты вытягты?!—мовыть гаряче Борысъ.

— Та нехай вамъ абы-що!—прыпыняе молодчыхъ пидтоптаный дидъ Омелько:—пиднялы таке, що ажъ ổстрахъ бере: немовъ почуе, то тоди й сподивайся!..

— Не згода, диду, слухаты, то йды спаты, а я казавъ и казатыму, хоча и въ вичи тежъ скажу, не боюсь!—лютуе Борысъ.

— А я!.. Та я по викъ не забуду, покы ёго пупъ лусне, жалкуватыму на нёго за ти пьятакы, котри винъ не додававъ мени торикъ за сотню дижокъ! Каже: готови обручы! А хиба не

краще бъ я самъ соби настругавъ, та коженъ у дило повернувъ бы, нижъ сточувать кинци та половынкы! Десять сточы, а одынъ набый. У мене сорочка поприла видъ поту надъ тымы гемоньськымы обручамы! Думавъ—прыбавыть, а винъ ще збавывъ!—прыдавлюе Опанасъ.

— А чого жъ ты й на сей рикъ прыйшовъ до нёго?—дратуе дидъ Омелько.

— Чого? Того, що нигде дитысь, ни завищо рукъ зачепыть!

— А якого бъ я биса й кистрычывся? Робы, покы рукы здужають, и не базикай!—мовыть встаючы видъ огню дидъ Омелько.—Молоде та зелене!.. Тьфу!..

И дидъ Омелько, плюнувшы на бикъ, пишовъ пидъ повитку. Вси замовклы. Дидъ Омелько всихъ вразывъ, але нихто ёму ничого не видповивъ. Опанасъ та Борысъ уперто дывылысь на вогонь, зъ запаломъ курылы люлькы, що ажъ шкварчалы, якъ и въ ныхъ биля серця. Иванъ все дывывся на зори и мовъ що зъ ныхъ вычытувавъ. Винъ вперше перервавъ мовчанку.

— И якъ то гирко жыть на свити! И чого воно такъ? Той мае, другый не мае, а у третёго й решту сусида одіймае! Хоча бъ оце й я: цилый тыждень сорочка не высыхала, а чы багато заробывъ?

— Правда, правда,—каже Остапъ.—Найкраще, якъ бы дома жыть, та самому хазяйнувать! Чы выгравъ, чы програвъ, а вильный якъ птахъ!

— Кый-чортъ!—озвавсь Мыкыта: робывъ я й дома—одынъ бисивъ батько! Якъ на позычени грошы хазяйнуваты, то краще у наймыты йты...

— Та заробля́ть хазяинови—не втерпивъ Борысъ.—Ты знаешъ, що зъ кожного зъ насъ винъ потягне по пивъ-карбованця на штуци—отъ у нёго й йе! Оце ёго праця, оце ёго миркування! А чы облывався винъ колы по́томъ? А ты—быйся, быйся, якъ рыба объ лидь, а ни втикъ, ни піймавъ! Якъ у нёго языкъ може повернутысь казаты намъ: «отъ кому роскишъ!» Чы диты ёго колы сыдилы голодни, якъ наши?..

— Та що тутъ казать! И прысливья йе: «сытый не йме виры!»

-- А не йме!

— А Омелькови, бачте, хазяйська ласка подобается!

— Та що Омелько!

Упьять затыхло. Ще де-хто мавъ щось казать, та такъ и не доказавъ.

Упьять люлькы шкварчалы, носы соплы, а загорили, чорни, волосати груды важко пидiймалысь. Перекынулы по слову—и впьять замовклы, якъ кажуть—на слызьке.

— Та ще й такъ бувае,—Иванъ упьять своеи: ты його годуешъ, напуваешъ, видрываешъ останню крыхту видъ дитей и за те тилькы годышъ ёму, що винъ багачъ, що винъ поситывъ твою обидрану хату; а винъ за твою хлибъ-силь подякуе такъ, що ажъ у серци въ тебе защемыть! Эхъ, бодай не казаты! Хиба цёго мало трапляется? Мени самому це блызько знаёме, и я вамъ розскажу де-що.

Иванъ повернувся на бикъ и почавъ:

— Було мени рокивъ симнадцять. Купывъ мiй батько тры дубы у Велыкому Лиси, що видъ нашого села верстовъ за двадцять. Дубы гинкы та товсти: два по шистьнадцять, а одынъ висимнадцять четвертей, а цивка до гилёкъ—аршынъ двадцять. Якъ свичкы, стоялы дубы, та тепера видъ ныхъ зосталыся одни тилькы пенькы! Якъ купывъ ти дубы кременчуцькый купець, на зрубъ, то за два рокы... мовъ пожаромъ перейшло: ни одного дуба не зосталось! А чы довивъ до ума? Ажъ жывый жаль, що таке добро и перевивъ гемонськый чоловикъ на брусы...

— Якъ! На брусы?!..—перебылы Иванове оповидання декилькы голосивъ.

— А на брусы... Тилькы ти дубы й зазналы кращои доли, котри мiй старый купывъ ще у самого пана хазяина. Купля та була й поцинна, та якъ на позычени грошы, то выйшла дуже дорогá.

У Пылыпивку выпало чы-мало снигу, ударылы морозы и дорóга санна справылась—хочь котысь! Зибралысь мы зъ струмен-

томъ, набралы харчивъ и пойихалы у лисъ. Чужого намъ було не треба: надія була удвохъ довесты до ума ти дубы.

Прыйихалы у лисъ, натопылы до-ладу землянку, що була збудована для вартового, обигрилысь и захазяйнувалы!

Пораемось биля дубивъ день, другый, третій. На двори морозы люти та витры. Воно, якъ сказать, у роботи, то й не геть-то морозъ дошкуляе, але й не помага, а найпаче, якъ зъ витромъ. Ты хочешъ деревыну звалыть на сей бикъ, а витеръ пхае на другый. А у такому рази—то вже й не безъ шкоды! Земля мерзла, дубъ гинкый, старый—якъ упаде, то не тилькы гилькы потрощатся на цуркы, але й зъ пидсишкивъ стають дрова.

Трапывся знаёмый чоловикъ, договорывся перевезты дубы, та тилькы зъ тымъ, що якъ зъ гиллямъ, то далеко дорожче. Видома ричъ: пидводы гнать однаково, чы пидъ дубы, чы пидъ гилля. Ну, та дарма, хай и такъ, а все-такы—пидводы йе!

Зовсимъ дило йшло якъ треба, та трапылась одна прытычына: хлиба не стало. Та не тилькы й хлиба, а й до хлиба. Хоча й дила зосталось днивъ на два, але й того часу не йившы не пережывешъ! Що тутъ казать? У лиси нихто зъ хлибомъ не трапляется, а до найблыжчого села—верстовъ зъ пьять. Помиркувалы мы зъ старымъ ще зъ вечора и поклалы: питы раненько до села, купыть паляныць зо-дви, пшона—и все лыхо пò боку.

На другый день тилькы що зибрався я йты за харчамы, якъ ось мовъ зъ-пидъ земли вырисъ Кузьма Ивановычъ—чоловикъ намъ знаёмый, багатый: мае свій шынкъ и крамныцю, а намъ доводывся родычемъ, хоча й далекымъ. Кожного базарю двичи на тыждень винъ прыйиздывъ до нашого села купувать якого-небудь краму у нашыхъ крамаривъ. Навкругы, верстовъ за двадцять, не було такыхъ крамныць, якъ у нашому сели: що тоби треба, все йе, те-жъ, якъ и въ городи. Такъ ото жъ Кузьма Ивановычъ йиздывъ до нашого базарю: продававъ, що прывозывъ, и купововъ, що було ёму потрибне. Писля базарю, по знаёмосты, зайиздывъ до насъ. Батько мій, якъ и всякый майстерный, любывъ гарно пообидать, а якъ траплявся якый знаёмець—то й не безъ чаркы горилкы.

Обидае Кузьма разъ, обидае другый разъ, пьятый, десятый. Чарка горилкы, оселедци, та ще й борщъ зъ яловычыною: звисно, якъ слидъ витаты дорогого гостя. Розсмакувавъ родычъ, що обидаты на дурныцю за-для кышени полегкисть—и николы насъ не мынавъ. Пройшовъ рикъ, другый, третій. Кузьма обидае, а про плату й заикатысь почыталося грихомъ: видома ричъ—чоловикъ свій!

Побачывшы його у лиси, саме тоди, якъ не було хлиба, раптомъ прыйшло у голову прысливья: «гора зъ горою не зходятся!..» Почоломкалысь. Мій старый пытае про здоровья, а Кузьма якъ не лусне! Ажъ очи попидпухалы, а на выду червоный, якъ бурякъ. Слово за словомъ, згадалы и про гроши. Старый мій бидкается, що грошей не выстачыть возіямъ заплатыть, а выручытысь гараздъ ни за вищо.

— Чого жъ не за вищо? А зъ дубивъ гилля!—прыкыдае совита Кузьма.

— Та якъ бы хто купывъ,—каже мій старый—то я ще й спасыби бъ сказавъ!

— А ходимте, подывлюсь, чы не будемо сватамы!

Прывьязавъ Кузьма свого коня до деревыны, и пишлы мы вси трое до зваленыхъ дубивъ. Де-бильши дрова булы вже зложени у велыку купу, а трусокъ валявся непозбиранымъ. Походылы кругомъ, подывылысь, якъ звычайно пидъ торгъ.

— Ну, таки скилькы хочете?

— Та скилькы зъ васъ, по знаёмосты?.. Дрова хороши...

— Бачу й самъ, що хороши.

— Якъ зъ кого, то треба бъ узять десятку...

— Ни, якъ бы вамъ не треба грошей, то вы бъ узялы пидъ часъ и бильше: якъ бы перевезлы ци дрова до-дому, та зклалы у сажни, то була бъ десятка не одна; а, якъ кажете, у вашій кышени віють витры, то... визьмить безъ клопоту троячку!

— Троячку?—перепытавъ батько.

— Ну да, да, троячку.

— Це бъ то, хочете сказать: зъ десяткы вамъ здачи дать троячку?

— Гм... розумно... А не буде це дуже мало за-для васъ?.. Якъ що хочете выручыться хочъ скилькы-небудь, то берить троячку.

— Кузьма Ивановычъ! Це жарты?

— Чого жарты? Я чоловикъ не абы-якый: вы вже мене добре та гараздъ знаете.

— Та вже за скилькы рокивъ и можна бъ узнать—каже мій старый не безъ заднёи думкы,—та отъ, бачте, и не взнавъ.

— Якъ се такъ?

— Такъ, що за ци дрова троячку можна даваты тилькы на смихъ!

— На смихъ? Гм... Якъ що мое не въ ладъ, я зъ своимъ назадъ! До прыятного свыданія! Бажаю вамъ щедрійшого покупця.—И Кузьма повернувся йты до своеи конякы.—Берить, якъ маете взять, за дрова хочъ троячку, а то злыдота даремно пороскрадае. Теперъ, самы знаете, хлибець у цини, то бисови голодранци зъ рукъ рвуть; а якъ у лиси, та ще безъ догляду... пышы пропало! До свыданія!

— Прощавайте. Выбачайте, що не будемо сватамы...

— А вы бъ краще не церемонылысь, та бралы гроши, колы даю, а то й...

— Та се такъ... Такъ и за троячку жъ виддать не прыстае!

— Дило ваше. Не сыльне—вильне. Не продасте—сылою не заберу.

Обое замовклы. Кузьма почавъ крутыть цыгарку, а батько все дывывся на снигъ, мовъ шукавъ чого.

— А колы жъ вы будете забирать?—пытае батько.

— Та хочъ й сёгодня хуры прыжену.

— Гм... замыслывся впьять старый...—Та хочъ пятерычку вже дайте, бо й самы жъ вы знаете, якъ мени прыкро прыйшлося. Якъ позычать, та за перевозку дровъ платыть, то хай краще добрый чоловикъ спасыби скаже.

— Да, да. Пры случаи, розуміется!..

— Пьятерычка жъ?

— Троячка.

— Мало... Не обижайте й мене, Бога рады... Тилькы й выручкы, що дрова!

— Та се такъ!.. Але й мени, якъ казавъ Берко Дунъ: «пользовайся случаемъ»... До прыятного свыданія!

— Та нуте бо, Кузьма Ивановычъ...

— Ни копійкы бильшъ!—И Кузьма пишовъ до своихъ саней.

— Ну, що ты подіешъ у свити Божому? Хай буде й такъ!..—тяжко зитхнувшы каже батько, и пидтюпцемъ побигъ до Кузьмы, що вже сидавъ у сани.—Не гайтесь же, Кузьма Ивановычъ, та прывезить же хлибъ, бо мы якъ разъ добылысь до краю...

— Добре, добре, черезъ годыну прывезу!

Пойихавъ нашъ купець до села, а мы почалы пылять дубы. Збентеженый мій старый гарячывся и лаявся; не було на кому злисть зигнаты, и винъ чиплявся до мене, що я не такъ пылку держу: «не затягай!.. не давы!.. давы дужче!.. не сипай!..» А пылка ажъ свыстыть!

Пройшла годына, друга—Кузьма не йиде. Вже сонечко пиднялось надъ лисомъ и стало объ обидній пори, а Кузьмы немае. Рукы почалы слабиты, ногы трусылысь, а жывитъ до спыны прытягло. Йисты такъ хотилось, що ажъ кышкы кавчалы! Вже й батько переставъ лютуваты и тилькы тяжко зитхавъ, а дали й каже мени: «чы ты не вмрешъ не йившы, покы я повернуся зъ села?»

— Хиба вы пидете?—пытаю.

— А треба йты: зъ голоду не пропадаты!

Не встыгъ я одповисты старому, якъ зъ-за кущивъ пидйихалы пидводы и Кузьма Ивановычъ зъ нымы. Мы ожылы. Прывизъ Кузьма хлибъ и подаючы батькови промовывъ «закусуйте»! Возіи почалы накладать на сани дрова, а я, не маючы змогы бильшъ терпиты, видкраявъ сокырою окраець хлиба и почавъ йисты. Батько те жъ зробывъ.

Вынявъ Кузьма гроши, одличывъ два карбованци и симдесятъ тры копійкы и подае батькови: «оце—каже—я беру соби за хлибъ двадцять симъ копіёкъ, а ваши вамъ,—получайте!»

Глянувъ старый на Кузьму, а у самого слёзы на очахъ! Подывывсь пыльно на нёго, а дали й каже: «чого жъ такъ дорого за хлибъ»?

— Того, що винъ затягъ девъять хунтивъ, а теперъ слава Богу, хлибъ у цини: рубъ двадцять пудъ.

— Такъ оце, Кузьма Ивановычъ, мы квыти?

— Квыти. А хиба що?

— И це вашъ хлибъ за мою хлибъ-силь?

— О, ще й не згода?!

— Не згода!—голосно прыдавывъ батько и вынявъ зъ кышени двадцять симъ копіёкъ.—Нате вамъ, добродію за хлибъ, а дрова нехай краще голодранци безъ копійкы заберуть! А за таки гроши й такому чоловикови не виддамъ! Скыдай зъ саней!

— Ого-го!.. Чы ты бачъ! А по пивъ-карбованця за пидводу не мусышъ ты заплатыть, якъ до судди прытягну? Симъ пидвидъ даремно пройиздятся, чы що? Розумный!.. Беры ото гроши, а то у снигъ затопчешъ!—И Кузьма положывъ гроши на пеньку, а самъ почавъ класты на сани де-бильши голякы.

— Берить,—ледве промовывъ батько и махнувъ рукою.—Ходимъ, сыну, у землянку—обернувся винъ до мене—та пообидаемо дешевого хлиба... А вамъ, добродію, Кузьма Ивановычъ, спасыби, що вы не цуралыся мого хлиба-соли! Не мавъ я гадкы, що йе таки люде на свити!..

— Якъ що дякуете, то я й не цуратымусь, а якъ що не тее, то...—байдужно махнувъ рукою Кузьма—на мій викъ дурнивъ выстачыть!..

Мижъ слухачамы пиднявся лементъ, и Иванъ замовкъ. Вси балакалы разомъ, що кому траплялось на языкъ. Де-яки казалы, що дурный Иванивъ батько: чомъ винъ обухомъ головы не розбывъ такому кровопыйцеви; други казалы, що краще було бъ тоди змовчать, а якъ прыйиде колы Кузьма обидаты, то взяты зъ його за обидъ пьять карбованцивъ; де-хто ще краще раявъ, та вси ти совиты, все те, що гомонилы въ голосъ збентежени слухачи, не помогло йимъ *ришыты* пытання: колы прыйде

кара на тыхъ заклятыхъ кровопыйцивъ, що свого жъ брата мають за собаку, и за те тилькы, що винъ не багачъ, що винъ не вельможный!? Та такъ и не додумалысь. Уже кризь сонъ де-хто мурмотивъ, ховаючы люльку: «найкраще—зъ багачамы не братайся, бо сытый голодного не розуміе. .»

М. Непыйвода.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи [1].

VI.

Ученая командировка О. М. Бодянскаго заграницу. Начало профессорской дѣятельности О. М. Бодянскаго. Отзывы слушателей объ О. М. Бодянскомъ, какъ профессорѣ.

Несомнѣнно, еще когда О. М. Бодянскій былъ студентомъ, Каченовскій и Погодинъ предназначали его къ профессурѣ. Все, по крайней мѣрѣ, говоритъ за это. Погодинъ отмѣтилъ Бодянскаго въ своей рѣчи, сказанной студентамъ при окончаніи ими университета и рекомендовалъ его Шафарику, какъ человѣка посвятившаго себя наукѣ; у Каченовскаго Бодянскій написалъ, какъ мы уже знаемъ, нѣсколько работъ, появившихся въ печати еще до магистерскаго экзамена Бодянскаго. Понятенъ станетъ, поэтому, тотъ интересъ, который отзывчивый попечитель московскаго учебнаго округа того времени графъ Строгановъ обнаружилъ къ Бодянскому. Онъ, мы знаемъ, присутствовалъ даже на магистерскомъ экзаменѣ послѣдняго. Не статья, поэтому, противъ Булгарина выдвинула Бодянскаго и доставила ему каѳедру въ московскомъ университетѣ, а его научныя занятія и тотъ упорный трудъ, которымъ всегда, всю свою жизнь отличался О. М. Бодянскій [2]).

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 5.

2) Жизнь и Труды Погодина т. V, стр. 99 Вѣст. Евр. 1896 г. іюль, стр. 190—193.

Послѣ защиты Бодянскимъ диссертаціи на степень магистра, былъ поставленъ вопросъ объ его командировкѣ заграницу. Гр. Строгановъ предложилъ О. М. Бодянскому составить предварительно планъ своего путешествія, и Бодянскій представилъ по этому поводу обширную записку, которая сдѣлалась потомъ чуть ли не руководствомъ при отправленіи молодыхъ людей заграницу для подготовленія къ профессорскому званію. Основныя положенія ея министерство, по крайней мѣрѣ, сообщило два руководства попечителямъ учебныхъ округовъ [1]).

Бодянскій намѣтилъ для себя широкій планъ путешествія, который собирался выполнить въ два года. Онъ задумалъ посѣтить нѣкоторыя мѣста Австріи, Германіи, Турціи, Италіи и затѣмъ Варшаву [2]). Строгановъ поддержалъ его намѣреніе и исходатайствовалъ ему по 4 тыс. рублей въ годъ, на томъ основаніи, что «Бодянскій, какъ видно изъ плана, долженъ будетъ дѣлать излишніе издержки на переѣзды изъ одного мѣста въ другое, для полученія свѣдѣній, для которыхъ отправляется» [3]). Непремѣннымъ условіемъ командировки Бодянскаго министерство народнаго просвѣщенія поставило, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, чрезъ каждые 4 мѣсяца давалъ отчетъ министру о ходѣ своихъ занятій. Изъ этихъ отчетовъ два было помѣщено впослѣдствіи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, одинъ отъ 23 марта 1838 года въ XVIII томѣ и другой отъ 1-го февраля 1839 года въ XXIII томѣ.

14 октября 1837 года Бодянскій выѣхалъ изъ Москвы заграницу. Но онъ не спѣшилъ туда, а по дорогѣ заѣхалъ въ Переяславль, затѣмъ остановился въ Кіевѣ. Съ разрѣшенія полтавскаго архіерея Гедеона Бодянскій осмотрѣлъ переяславскую семинарскую библіотеку. Онъ зналъ ее хорошо еще за время своего

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1896 г. іюль, стр. 194—195. Славянское Обозрѣніе 1892 г. ноябрь-декабрь, стр. 296.

[2]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго унив. ч. I, стр. 92—93.

[3]) Подробности объ этомъ см. Вѣстникъ Европы 1896 г., іюль, стр. 192—194.

ученія и не думалъ ничего найти въ ней замѣчательнаго, какъ вдругъ нежданно-негаданно открылъ въ ней два евангелія XVI вѣка. Одно изъ нихъ—была извѣстная пересопницкая рукопись, позже довольно подробно описанная П. И. Житецкимъ [1]). Вотъ что писалъ Бодянскій Погодину изъ Кіева отъ 3 ноября подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ своей интересной находки: «оба памятника на прекраснѣйшемъ пергаментѣ и писаны прекраснѣйшимъ уставомъ; послѣднее (евангеліе), по языку и по другимъ палеографическимъ и археологическимъ примѣтамъ, писано на языкѣ болгарскомъ и находилось прежде въ Сучавѣ: съ Остромировымъ евангеліемъ, судя по напечатаннымъ изъ него отрывкамъ, самое разительное сходство. Но что всего важнѣе, что должно обрадовать не только васъ, но и всѣхъ прочихъ славянофиловъ, что, наконецъ, рѣшаетъ окончательно и, кажется, навсегда положительно вопросъ: на какой языкъ переведено было Св. Писаніе Кирилломъ и Мефодіемъ? Это первое евангеліе, замѣчательно еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ! Въ послѣсловіи сказано, что это евангеліе, **«выложено изъ языка Блъгарского на мовь Роускоую»**. Итакъ, вотъ вамъ слова переводчика, на какомъ славянскомъ языкѣ прежде всего хвалили наши праотцы Бога. Подъ языкомъ русскимъ здѣсь должно разумѣть языкъ южнорусскій (малороссійскій), какъ видно изъ самаго перевода: вотъ второй пунктъ важности этого евангелія. До сихъ поръ мы не знали, что Св. Писаніе, по крайней мѣрѣ, евангеліе было переведено также и на малорусскій языкъ: въ этомъ уже одномъ отношеніи, если бы не было даже перваго пункта, евангеліе это драгоцѣнно, какъ единственный по сю пору памятникъ перевода св. писанія на южно-русскій языкъ, памятникъ южно-русскаго языка XVI столѣтія, времени образованія козачества и московскаго государства и пр. и проч. и проч.: тутъ бездна соображеній! Въ 3-хъ: въ этомъ евангеліи находятся изображенія четырехъ евангелистовъ, весьма хорошія и важныя для исторіи художества въ Южной Россіи и вообще. Наконецъ, въ 4-хъ: изъ подписи на первыхъ ли-

---

[1]) Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ, 1876.

стахъ видно, что храмъ, въ которомъ это евангеліе прежде находилось, построенъ Мазепой, а храмъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ въ Южной Россіи» [1]). Эти мысли, набросанные наскоро, были потомъ нѣсколько подробнѣе развиты Бодянскимъ въ письмѣ къ Погодину отъ 12—24 апрѣля 1838 года [2]) и въ «Донесеніи г. министру народнаго просвѣщенія отъ 23 марта 1838 года», напечатанномъ въ 18 томѣ «Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія» за 1838 годъ [3]).

Въ Кіевѣ Бодянскій пробылъ нѣсколько дней, осмотрѣлъ библіотеку Михайловскаго монастыря, но не успѣлъ ничего тамъ списать и занятія въ ней отложилъ до своего возвращенія изъ заграницы. Тогда же онъ надѣялся осмотрѣть Печерскую библіотеку «и многія другія, писалъ онъ Погодину, особенно частныя, книгохранилища на Волыни, Подолѣ и Украинѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, равно какъ и бѣлорусскія, гдѣ думаю найти для себя большую поживу: въ этомъ я увѣренъ до нельзя» [4]). Замысламъ Бодянскаго не суждено было, однако, осуществиться.

Изъ Кіева Бодянскій выѣхалъ 3 ноября 1837 г. и безъ остановки направился въ Прагу. Перваго декабря 1837 года въ 6 ч. вечера онъ былъ въ чешской столицѣ. Остановившись въ гостинницѣ, Бодянскій не отдохнулъ даже, а чрезъ полчаса былъ уже у Шафарика. Мы знаемъ, что литературныя отношенія между ними начались еще раньше, поэтому неудивительно, что знаменитый чешскій ученый принялъ Бодянскаго съ распростертыми объятіями, какъ своего стараго знакомаго [5])...

Въ задачу нашу не входитъ подробная біографія О. М. Бодянскаго. Мы, поэтому, не будемъ подробно останавливаться на его заграничномъ путешествіи и его работахъ по изученію сла-

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1879 г. кн. I. Письма О. М. Бодянскаго къ Погодину, стр. 1—2.

[2]) Тамъ-же, стр. 37—40.

[3]) Стр. 282- 404.

[4]) Письма къ Погодину (Чтенія 1879 г., кн. I) стр. 39-41.

[5]) Тамъ же стр. 6 и слѣд.

вянъ. Чрезвычайно интересный матеріалъ для этого представляютъ, помимо оффиціальныхъ донесеній Бодянскаго министру народнаго просвѣщенія, о которыхъ мы уже упоминали, еще и письма Бодянскаго къ Погодину. Въ нихъ почти шагъ за шагомъ описывались научныя занятія и работы Бодянскаго, высказывались различныя мнѣнія, соображенія, ставились вопросы о разныхъ событіяхъ научнаго значенія въ Россіи. Бодянскій чрезвычайно любилъ переписку. Письма его часто такъ обширны и обстоятельны, что напоминаютъ собой реляціи или являются настоящими научными трактатами.

Въ Прагѣ Бодянскій пробылъ около 10 мѣсяцевъ и здѣсь близко сошелся съ Шафарикомъ и подчинился его научному вліянію и авторитету. «Шафарикъ для меня, писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Погодину—цѣлая Академія; ему я болѣе всего обязанъ, и сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ. Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины; это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ» [1]. Такъ смотрѣлъ О. М. Бодянскій на Шафарика до конца своихъ дней. Сдѣлавшись профессоромъ, Бодянскій труды Шафарика положилъ въ основу своихъ лекцій и требовалъ отъ студентовъ изученія его сочиненій [2].

Заграницей О. М. Бодянскій пробылъ около пяти лѣтъ, но выполнить намѣченнаго плана далеко не успѣлъ. Причиной этому была болѣзнь, едва не сведшая его въ могилу. Ревматизмомъ Бодянскій началъ страдать еще въ семинаріи, проболѣлъ года три, затѣмъ совсѣмъ исцѣлился, такъ что во время семилѣтняго пребыванія въ Москвѣ болѣзнь не давала себя чувствовать. Въ Чехіи же обнаружился ея бурный приступъ [3]. Бодянскій долженъ былъ лѣчиться водами, что надолго приковывало его къ одному мѣсту и мѣшало его работамъ. Ревматизмъ сдѣлалъ изъ Бодянскаго калѣку на всю жизнь...

[1]) Письма къ Погодину, стр. 24.

[2]) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь, томъ V, стр. 61—62. Н. Ф. Сумцовъ. Изъ исторіи славянскаго общенія. Славянское Обозрѣніе 1892 г. іюль-августъ стр. 345.

[3]) Письма къ Погодину, стр. 67.

Если, несмотря на болѣзнь, Бодянскій все-таки многое сдѣлалъ изъ того, что онъ намѣчалъ, этимъ онъ былъ всецѣло обязанъ своему удивительному трудолюбію и работоспособности. Уже подъ конецъ путешествія Бодянскаго по славянскимъ землямъ, когда онъ былъ на пути въ Россію, съ нимъ въ апрѣлѣ 1842 г. встрѣтился въ Бреславлѣ И. И. Срезневскій. Они отправились вмѣстѣ въ Познань, жили въ одной комнатѣ и работали вмѣстѣ, затѣмъ вмѣстѣ переѣхали въ Варшаву и въ Вильну, и отсюда же разъѣхались: Бодянскій—въ Москву, Срезневскій—на югъ, знакомиться съ бѣлоруссами. Въ Варшавѣ и Вильнѣ оба слависта жили въ сосѣднихъ комнатахъ и видѣлись часто. Это дало возможность И. И. Срезневскому близко наблюдать работу О. М. Бодянскаго. «Всюду, говоритъ онъ, гдѣ мы останавливались, Бодянскій находилъ себѣ работу, и работалъ изо дня въ день цѣлый день, вставая рано и ложась поздно. Особенно онъ занимался выписками изъ рукописей, которыя мы получали на домъ: что онъ выписывалъ, я, большею частію, не зналъ, но выписывалъ онъ цѣлыми тетрадями. Позже оказалось—для чего онъ дѣлаетъ выписки, хотя едва ли и доселѣ не осталось многое имъ выписанное безъ употребленія» [1]).

Подъ руководствомъ Шафарика, Бодянскій въ первые четыре мѣсяца своего пребыванія въ Прагѣ занимался изученіемъ стараго и новаго чешскаго языка, верхне- и нижне-лужицкаго, исторіи ихъ литературъ и народовъ; затѣмъ занятія его сосредоточились на изученіи въ подлинникахъ древнечешскихъ литературныхъ памятниковъ. Проведши лѣто на водахъ въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, сентябрь Бодянскій употребилъ на переѣзды по Чехіи для наблюденія надъ живымъ чешскимъ языкомъ въ устахъ народа, а въ октябрѣ переѣхалъ въ Моравію, гдѣ посѣтилъ Ольмюцъ, Брно и Райградъ, знакомясь съ научными и обществен-

---

[1]) *И. И. Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи Спб. 1878 (Сборникъ Отдѣленія рус. яз. и словес. Императ. Академіи Наукъ т. XVIII, № 6, стр. 35).

ными дѣятелями славянъ и съ нѣкоторыми изъ памятниковъ. Изъ Райграда Бодянскій переѣхалъ въ Вѣну, затѣмъ въ Венгрію, остановился на нѣкототорое время въ Пресбургѣ, затѣмъ чрезъ сѣверные комитаты прибылъ въ Пештъ, гдѣ провелъ зиму и начало весны. Судя по письму Бодянскаго къ Погодину отъ 29 апрѣля 1839 года дальнѣйшій планъ его былъ такой [1]). Въ срединѣ мая Бодянскій собирался проѣхать въ южную Венгрію и въ Сербію и пробыть тамъ до конца іюня, затѣмъ осмотрѣть Славонію и чрезъ Хорватію и Штирію пріѣхать въ Вѣну для свиданія съ Погодинымъ. Съ Погодинымъ Бодянскій предполагалъ снова проѣхать въ Пресбургъ и Пештъ, августъ и сентябрь посвятить путешествію по сѣверной и восточной Венгріи, т. е. посѣтить словаковъ и прикарпатскихъ русиновъ, затѣмъ Галицію, и чрезъ Краковъ и Вѣну пробраться на осень въ Каринтію, Крайну, Фіуме, Далмацію и Черногорію, а на зиму въ Римъ... Но обстоятельства сложились иначе. Въ началѣ мая снова повторился тяжелый приступъ ревматизма, и Бодянскій вмѣсто предположеннаго путешествія долженъ былъ надолго, на цѣлый годъ, засѣсть въ австрійской Силезіи въ Фрельвальдау близъ Грефенберга [2]).

Это кореннымъ образомъ измѣнило первоначальные планы Бодянскаго. Къ южнымъ славянамъ онъ уже не поѣхалъ [3]), а долженъ былъ подумать о скорѣйшемъ возвращеніи на родину. По

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 100.

[2]) Письма Бодянскаго къ Погодину въ Чтеніяхъ Общ. ист. и древностей. 1879 г. кн. I стр. 104 и слѣд.

[3]) Въ біографіи Бодянскаго, написанной проф. Н. Ф. Сумцовымъ и помѣщенной въ Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова (кн. V стр. 54) сказано, что Бодянскій посѣтилъ земли южныхъ славянъ, Сербію и Болгарію. Это невѣрно. Къ сожалѣнію, мы должны вообще сказать, что, несмотря на почтенное имя автора, біографія Бодянскаго, составленная проф. Н. Ф. Сумцовымъ, изобилуетъ довольно большимъ числомъ фактическихъ ошибокъ и невѣрностей. Отзывъ Бодянскаго о сборникѣ Коллара отнесенъ, напримѣръ, ко времени пребыванія Бодянскаго въ семинаріи, указанъ подъ 1831 годомъ (стр. 65) и т. д.

пути въ Россію Бодянскій посѣтилъ земли лужицкихъ славянъ, занимался въ Бреславлѣ, Познани, Варшавѣ и Вильнѣ. Въ началѣ сентября 1842 г. Бодянскій былъ въ Москвѣ. Каченовскій въ то время уже умеръ, и Бодянскій долженъ былъ занять его каѳедру.

9 сентября 1842 года Бодянскій вступилъ на каѳедру исторіи и литературы славянскихъ народовъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній объ его вступительной лекціи и объ его первоначальномъ курсѣ, хотя Бодянскій, по своему обыкновенію, все подробно описалъ въ своемъ письмѣ къ Шафарику. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ Погодину, путешествовавшему въ то время по Европѣ. «Другъ Бодянскій написалъ мнѣ письмо о началѣ своего учебнаго курса: о ходѣ литературы и проч., что меня очень порадовало. Только мнѣ показалось, что его воображеніе нѣсколько поразгорячилось, что я приписалъ его молодости. Онъ говоритъ тамъ о видахъ, о которыхъ я ничего не знаю и знать не желаю. Вы знаете, что я простой, сухой грамматикъ, антикварій и филологъ, и почти о другомъ не знаю и ничего знать не хочу. Хотя я ему въ вину не ставлю подобныя экстравагантности и модныя мечтанія и фантазію ради его молодости, но другіе, читая его письма, могутъ понять иначе ихъ и дать имъ иное толкованіе. Если бы я стоялъ къ нему ближе и былъ съ нимъ довѣрчивѣе, то сказалъ бы ему по сербски: da ne luduje!» [1]).

Вступленіе Бодянскаго на каѳедру Погодинъ, какъ мы уже знаемъ, встрѣтилъ съ большой радостью. Когда онъ возвратился изъ путешествія и въ первый разъ увидѣлъ Бодянскаго на каѳедрѣ, онъ обнялъ его, поцѣловалъ въ присутствіи всей аудиторіи и сказалъ: «Слава Богу! Цѣль наша достигнута. Славяновѣдѣніе водворено въ Первопрестольной, а чрезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи» [2])...

О профессорской дѣятельности Бодянскаго, равно какъ и о дѣятельности въ университеской коллегіи извѣстно очень мало [3]).

---

1) и 2) Жизнь и труды Погодина т. VI стр. 373.

3) О содержаніи отдѣльныхъ курсовъ Бодянскаго по славяновѣдѣнію даетъ краткія свѣдѣнія И. И. Срезневскій (На память о Бодянскомъ и пр. стр. 36—37).

Среди студентовъ Бодянскій, кажется, первоначально не пользовался популярностью. Онъ принадлежалъ къ кружку Погодина, «Москвитянина», славянофиловъ и, конечно, не могъ находить сочувствія среди западниковъ, которые являлись въ то время проводниками новыхъ, свѣжихъ идей въ русское интеллигентное общество. Особенно много повредило Бодянскому въ глазахъ передовой молодежи его участіе въ диспутѣ Грановского въ качествѣ оппонента. Бодянскій былъ противникомъ допущенія къ защитѣ диссертаціи Грановскаго о древнихъ городахъ: «Волинѣ, Іомсбургѣ и Винетѣ» и на диспутѣ довольно рѣзко и необычайно, по общему отзыву, грубо высказывалъ свои возраженія. Это вызвало сочувственную демонстрацію къ пользовавшемуся большою популярностью въ обществѣ Грановскому, и враждебную—Бодянскому. Кругомъ послышалось шипѣніе и, наконецъ, свистъ. Бодянскій съ Шевыревымъ попробовалъ обратиться къ студентамъ словами: «это не театръ!», но на это имъ отвѣтили такимъ свистомъ и шипѣніемъ, что нельзя было ничего разслышать [1]). По этому поводу Герценъ, являвшійся выразителемъ настроенія тогдашней молодежи, писалъ, что диспутъ Грановскаго «былъ публичнымъ и торжественнымъ пораженіемъ славянофиловъ и публичной оваціей Грановскому. Нападки были дѣланы съ невѣроятною дерзостью, съ цинизмомъ грубымъ до отвратительности. Грановскій отвѣчалъ тихо, спокойно, кротко, вѣжливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены имъ. Но толстая шкура ихъ не поняла бы этого. Другой голосъ посильнѣе осудилъ ихъ. Грановскій былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, каждое слово Бодянскаго награждалось всеобщимъ шиканьемъ. Изъявленія эти были такъ сильны и энергичны, что никто и не думалъ останавливать ихъ. Сверхъ дерзости въ выраженіяхъ, гнусныя продѣлки Шевырева, Бодянскаго и другихъ были извѣстны всей публикѣ, на нихъ смотрѣли съ омерзѣніемъ» [2]) Погодинъ также

---

[1]) Русская Старина 1886 г. августъ (Воспоминанія А. Н. Афанасьева) стр. 381—382.

[2]) Сочиненія А. И. Герцена т. I стр. 267—268.

находилъ рѣчь Бодянскаго неприличной, по формѣ [1]), а Хомяковъ писалъ Ю. Ф. Самарину въ Петербугъ, что Шевыревъ и Бодянскій попались въ просакъ [2]). Словомъ, мнѣніе было общее, и мнѣніе далеко не въ пользу Бодянскаго. Не мудрено, поэтому, что человѣкъ, бывшій въ то время студентомъ, извѣстный авторъ «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу» А. Н. Афанасьевъ далъ въ 1855 году довольно рѣзкую и неблагопріятную характеристику О. М. Бодянскаго какъ профессора: «Филологъ онъ весьма не дорогой, говоритъ Афанасьевъ о Бодянскомъ; съ позднѣйшими учеными пріемами вовсе не знакомъ, и лекціи его никогда не отличались большими достоинствами. Славянскія нарѣчія онъ, конечно, знаетъ, но знанія эти не ведутъ ни къ чему; самъ же онъ говоритъ такимъ страннымъ и неправильнымъ языкомъ, что въ немъ какъ будто слышишь отголоски всѣхъ славянскихъ нарѣчій, слившихся воедино ради вавилонскаго смѣшенія. Упрямый, нѣсколько грубый, онъ вдобавокъ еще сильно косъ, весьма необтесанъ и фигурою своею живо напоминаетъ Собакевича, который непремѣнно на что-нибудь наступитъ или что-нибудь зацѣпитъ; входя въ комнату, онъ страшно топаетъ своими аляповатыми сапогами, подбитыми желѣзными гвоздями. Эти сапоги, кажется, работаетъ ему не сапожникъ, а развѣ плотникъ. Людей угадывать и опредѣлять ихъ талантливость онъ далеко не мастеръ» [3]).

Зато совсѣмъ другую, почти восторженную характеристику даетъ одинъ изъ послѣднихъ, по времени, учениковъ Бодянскаго одесскій профессоръ-славистъ А. А. Кочубинскій [4]).

Характеристика эта относится къ болѣе позднему времени, къ срединѣ 60-хъ годовъ. Старое въ это время было уже позабыто. Полное достоинства поведеніе Бодянскаго въ 1848 году, когда надъ нимъ стряслась бѣда по поводу изданія сочиненія Флетчера, затѣмъ борьба съ Катковымъ и Леонтьевымъ не могли, ко-

---

[1]) Жизнь и труды Погодина т. VIII стр. 45.

[2]) Рус. Архивъ 1879 г. № 11 стр. 317.

[3]) Рус. Старина. 1886 г. августъ стр. 390—391.

[4]) Славянское Обозрѣніе 1892 (ноябрь—декабрь) стр. 291—293.

нечно, не вызывать сочувствія и симпатій къ Бодянскому у молодежи...

«Кто изъ студентовъ верховнаго нашего университета, московскаго, 50-хъ и 60-хъ годовъ, говоритъ А. А. Кочубинскій, не сохранилъ въ своей памяти любезное воспоминаніе о профессорѣ Бодянскомъ—проще—объ «Осипѣ Максимовичѣ», какъ онъ обыкновенно титуловался въ сношеніяхъ товарищей между собою при соблюденіи его собственнаго малорусскаго произношенія его имени—изъ постоянныхъ или случайныхъ посѣтителей исторической «Словесной малой» аудиторіи, на первомъ мѣстѣ изъ присяжныхъ словесниковъ, на второмъ--любителей юристовъ?...

Въ понедѣльникъ, среду и субботу, съ ударомъ двѣнадцати часовъ подъѣзжалъ къ крыльцу Новаго Университета извощикъ но не «ванька», и изъ дрожекъ, не безъ большихъ усилій, выкарабкивался грузный небольшой человѣкъ, а если дѣло было зимою, то съ цѣлою серіей шубъ и «епанчей» вокругъ своего туловища и подпоясанный поверхъ всего простымъ ямщичьимъ кушакомъ, съ красными и зелеными полосками. Проходило нѣсколько минутъ, пока старикъ швейцаръ распоясывалъ и освобождалъ прибывшаго отъ его тяжелыхъ пеленъ, въ которыхъ онъ былъ словно младенецъ въ колыбели. Это былъ Бодянскій, прибывшій на свои двухчасовые, безъ перерыва, славянскія лекціи то славянскихъ нарѣчій, то сравнительной грамматики ихъ, то славянскихъ древностей, шедшія въ теченіи четверти вѣка почти безъ перемѣны въ одномъ и томъ же порядкѣ: отъ языка къ исторіи, и также въ теченіе четверти вѣка—обязательно для цѣлаго состава студентовъ словеснаго факультета, за исключеніемъ еще недозрѣлыхъ—перваго курса. Освобожденный отъ своихъ многочисленныхъ покрововъ (обязательное ношеніе которыхъ для студентовъ, конечно, было непонятно и скорѣе всего разсматривалось какъ одно изъ профессорскихъ чудачествъ южанина, попавшаго на сѣверъ), Бодянскій только изрѣдка заходилъ въ профессорскую, а прямо сворачивалъ изъ прихожей направо-кругомъ въ корридоръ, сначала широкій, потомъ узкій, полутемный, съ асфальтовыми полами, ведшій его въ его святилище славян-

ское—«Словесную малую». Медленное, неповоротливое, неправильное движеніе большого, широкого туловища на крупныхъ ногахъ съ особенными ступнями въ видѣ колодокъ, съ значительными покачиваніями налѣво и направо, громко раздавалось по асфальтовому полу, студенты заботливо сторонились. Случалось, что профессоръ шелъ въ сопровожденіи спутника, съ такими же неизящными и медленными движеніями ногъ и съ такой же особенной формой самихъ ногъ: это былъ профессоръ Бѣляевъ. Тогда каждый шагъ еще звучнѣе разносился подъ звонкими арками корридоровъ, причемъ звукъ отъ тяжелой походки временами мѣшался съ хихиканьемъ сладко ухмыляющагося или говорящаго Бодянскаго. Слушатели тихо слѣдовали сзади, но нельзя сказать, чтобы особенно охотно: съ особеннымъ чувствомъ взирали они за захлопнувшеюся дверью, словно захлопнувшеюся на цѣлую вѣчность.

Но вотъ профессоръ на каѳедрѣ, съ нѣкоторымъ усиліемъ взобравшись на нее. Изъ-за высокой каѳедры предъ слушателями немногочисленными, выдвинулась громадная голова на небольшой широкой шеѣ, заботливо повязанной чернымъ шелковымъ платкомъ большихъ размѣровъ или широкой атласной полосой, съ негустою растительностью на головѣ, по серединѣ съ зачесанными на вискахъ волосами впередъ гребнемъ, съ большими, но расходящимися, добрыми глазами, причемъ одинъ былъ поврежденъ, съ широкимъ большимъ хохлацкимъ носомъ, бритое лицо, но съ щетинистыми, топырящимися въ разныя стороны большими усами. Предъ слушателями былъ настоящій «запорожській козакъ» на каѳедрѣ.

И свой, словесникъ, и чужакъ, юристъ или натуралистъ, знали Бодянскаго, т. е. слыхали объ его необыкновенной учености, что онъ столбъ науки на факультетѣ, объ его семинарской страсти къ диспутаціи; знали, что ни одинъ почти университетскій диспутъ, ниже медицинскаго характера, не обходился безъ участія Бодянскаго, безъ выпускаемой имъ въ дѣло кучи, какъ изъ рога изобилія, прибаутокъ, пословицъ, поговорокъ на всевозможныхъ языкахъ міра, нерѣдко мѣткихъ, какъ бритва,—Бодянскаго, счастливаго, довольнаго тогда; объ его рѣдкомъ добродушіи, незлобивости,

мягкомъ украинскомъ сердцѣ, неподкупной честности, прямотѣ и рѣдкой твердости характера, не дозволявшаго никогда, ни при какихъ условіяхъ, ни малѣйшаго компромисса; заставлявшаго его непоколебимо, упрямо, по-хохлацки стоять на своемъ, если что разъ признано было имъ справедливымъ. Можно спорить смѣло. безъ опасенія впасть въ преувеличеніе, что едва ли кто когда-либо былъ изъ студентовъ московскаго университета, кто объ ученомъ, добромъ, хотя и угрюмомъ на видъ, благородномъ Бодянскомъ думалъ худо. Это былъ крупный, типичный профессоръ, характерный, типичный человѣкъ. Но также можно утверждать. что едва ли кто изъ нихъ зналъ, что Бодянскій, кромѣ этой симпатичной, такъ сказать, своей наличности, имѣлъ за собою еще одну историческую черту—что при оффиціальномъ признаніи славянской науки въ Россіи университетскимъ уставомъ 1835 года онъ явился, какъ первый магистръ новой славянской каѳедры въ русскихъ университетахъ, первый съ новою ученою степенью «камнемъ, егоже зиждущеи не вреду положиша», что его энергіи, его рѣшимости новая славянская каѳедра обязана своимъ быстрымъ осуществленіемъ. Да, не будь Бодянскаго, этого семинариста изъ переяславской на Днѣпру бурсы, потомъ замѣченнаго ученика Погодина и Каченовскаго въ московскомъ университетѣ первой половины тридцатыхъ годовъ, погнаннаго въ Москву жаждою знанія съ мѣднымъ грошемъ въ карманѣ, кто скажетъ, какая бы судьба ожидала новоизданную университетскую каѳедру, хотя она и была предметомъ завѣтныхъ думъ уже довольно давно, дорогихъ думъ нашего историческаго министра просвѣщенія, благороднаго адмирала Шишкова».

Ник. Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи открытія памятника И. П. Котляревскому въ г. Полтавѣ.

Надлежащее отношеніе потомства къ памяти и заслугамъ общественныхъ дѣятелей, несомнѣнно, указываетъ на степень развитія общества, на его сознательное отношеніе къ своему прошлому. Условія развитія украинской литературы въ 19 вѣкѣ мало способствовали тому, чтобы современники, а затѣмъ и потомство, воздавали должное труженикамъ украинскаго слова. Какъ результатъ такого положенія, мы можемъ констатировать такой печальный фактъ: прошло цѣлое столѣтіе существованія малорусской литературы, и на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ раскинулось 23 милліона малорусскаго населенія, ни одинъ писатель не былъ почтенъ столь обычнымъ, всемірно принятымъ способомъ—постановкой памятника.

Несомнѣнно, суммой многихъ причинъ надо объяснить такое грустное положеніе. Внѣшнія условія, конечно, играли первенствующее значеніе среди этихъ причинъ, но не мало къ тому было причинъ, явившихся совершенно самостоятельно, въ связи съ направленіями даже болѣе прогрессивной общерусской литературы, зачастую совершенно игнорировавшей духовную жизнь и запросы южно-русскаго народа. Изслѣдовать психологическій процессъ пробужденія сознательнаго отношенія къ заслугамъ Котляревскаго, какъ начинателя украинской литературы—будетъ интересной и поучительной задачей. Надлежащее выполненіе ея

должно быть поставлено въ связи съ общей характеристикой современнаго общества; наша же задача гораздо скромнѣе: мы хотимъ только отмѣтить нѣкоторые болѣе характерные моменты въ исторіи созданія памятника Котляревскому, въ которыхъ отразилось то или другое отношеніе общества къ идеѣ постановки памятника или ея осуществленію. Все это можетъ впослѣдствіи послужить нѣкоторымъ матеріаломъ для выполненія болѣе широкой задачи, указанной выше. Самый же фактъ открытія памятника въ Полтавѣ 30 августа сего года даетъ основаніе именно теперь использовать данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи.

Зарожденіе идеи постановки памятника Котляревскому въ Полтавѣ, на родинѣ писателя, тѣсно связано съ заботой о могилѣ его и о возобновленіи памятника на этой могилѣ. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ смерти И. П. Котляревскаго (1838 г.), погребеннаго на старомъ городскомъ кладбищѣ, въ южной части его, у самой дороги на г. Кобеляки, друзьями усопшаго былъ поставленъ скромный памятникъ изъ мѣстнаго кирпича. Ко времени столѣтія со дня рожденія поэта (1768 года), почитателями его памятникъ былъ нѣсколько ремонтированъ, но обветшалая кирпичная кладка быстро шла къ разрушенію, и въ концѣ 70-хъ годовъ памятникъ имѣлъ уже самый печальный видъ.—10-го января 1881 г. въ Полтавскую Городскую Управу было подано заявленіе гласнаго А. Алексенка, гдѣ онъ, указавъ печальное положеніе полуразрушившагося памятника съ едва уцѣлѣвшей мѣдной доской, говоритъ: «*всякій*, кому извѣстны труды Котляревскаго, *долженъ* сочувственно отнестись къ тому, чтобы привести памятникъ въ порядокъ и тѣмъ увѣковѣчить память достойнаго писателя». Обратившись оффиціально къ городскому самоуправленію, гласный Алексенко и въ своей мотивировкѣ, и въ дальнѣйшемъ практическомъ предложеніи расширяетъ кругъ лицъ, которыя должны позаботиться объ увѣковѣченіи памятника писателю. По вопросу о средствахъ въ заявленіи говорится, что деньги могутъ быть получены отъ постановки въ театрѣ произведеній самого же Котляревскаго. При этомъ Алексенко надѣется на полное сочувствіе, какъ со стороны любителей сценическаго

искусства, такъ и со стороны публики вообще, могущей внести свою матеріальную лепту.

Этимъ заявленіемъ въ неясныхъ контурахъ намѣтилась та программа заботъ общества о памятникѣ поэту, которая, постепенно развиваясь, привела къ открытію памятника 30-го августа сего года.

Предложеніе г. Алексенка встрѣтило полное сочувствіе среди гласныхъ, и въ засѣданіи 26 марта того же 1881 г. состоялось постановленіе Думы о немедленномъ ассигнованіи 100 рублей на исправленіе памятника. Ремонтъ былъ произведенъ лѣтомъ того же года однимъ изъ гласныхъ хозяйственнымъ способомъ: «памятникъ оштукатуренъ, и вокругъ него поставлена прочная деревянная ограда, окрашенная бѣлой краской»,—такъ значится въ отзывѣ городского архитектора.

Такимъ образомъ, за утвержденіемъ Думой произведеннаго расхода на 53 рубля, 47 р. остались на тотъ же предметъ неизрасходованными, перечисляясь изъ года въ годъ и являясь первоначальнымъ фондомъ для увѣковѣченія памяти Котляревскаго.

Въ августѣ того же 1881 г. въ Управу было подано заявленіе антрепренера—артиста С. Н. Новикова, предложившаго устроить 2 народныхъ гулянья въ городскомъ саду съ тѣмъ, чтобы $^1/_2$ сбора пошло на исправленіе и ремонтъ памятника Котляревскому. «Принадлежа къ числу почитателей незабвеннаго творца образцовыхъ драматическихъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ,—писалъ онъ въ заявленіи,—«я желалъ бы съ своей стороны, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать тому, чтобы памятникъ на могилѣ Котляревскаго былъ возобновленъ и чтобы такимъ образомъ напоминаніе о великомъ поэтѣ и гражданинѣ Полтавы (чѣмъ она имѣетъ право гордиться) не стерлось бы временемъ для глазъ, какъ по его безсмертнымъ твореніямъ ни во вѣки не сотрется память о немъ и поклоненіе его таланту въ сердцахъ и душахъ всего образованнаго міра».

Надо полагать, что успѣхъ этихъ народныхъ гуляній съ постановкой пьесъ Котляревскаго былъ значительный, такъ какъ, при небольшой платѣ за входъ (по 25 к.), половина чистаго сбора

выразилась въ суммѣ 350 р. 11 коп. Но и эта сумма, въ виду произведеннаго ремонта на городскую ассигновку, такъ и осталась неизрасходованной, переходя изъ года въ годъ и оставаясь запаснымъ фондомъ.

Случайно заѣзжій артистъ, внесшій и свою лепту, уѣхалъ изъ Полтавы; сами же полтавцы временно были удовлетворены произведеннымъ ремонтомъ памятника, дожидая, пока новое разрушеніе его вновь не поставитъ вопроса о болѣе прочномъ и достойномъ увѣковѣченіи памяти поэта. Проходили года. Текущіе интересы дня всецѣло поглощали вниманіе даже лучшихъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, и вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Котляревскаго былъ временно забытъ.

Въ то же время незамѣтно шелъ ростъ общественнаго сознанія, подготовляя почву для болѣе широкой постановки вопроса о памятникѣ Котляревскому. И вотъ, когда въ 1891 г. въ мѣстныхъ газетахъ, а затѣмъ въ «Елисаветградскомъ Вѣстникѣ» (№ 104) появилось извѣстіе о крайне печальномъ положеніи могилы поэта, полтавское общество и вообще южно-русская интеллигенція съ разныхъ концовъ отозвались съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Былъ выдвинутъ вопросъ не только о ремонтѣ стараго, обветшалаго памятника на могилѣ и о замѣнѣ его новымъ, но на ряду съ этимъ и о постановкѣ памятника въ самомъ городѣ, на одной изъ площадей Полтавы.

Сочувствіе въ различныхъ уголкахъ края выразилось, между прочимъ, въ устройствѣ спектаклей со сборами на памятникъ поэту. Первая сумма поступила черезъ г. Климовича изъ Одессы (отъ почитателей Котляревскаго) 80 руб.; изъ Миргорода 35 р.—отъ распорядителя любительскаго спектакля, г. Далматова. Однако до 1894 г. вопросъ двигается очень медленно. Городская Управа поручила произвести осмотръ памятника городскому архитектору и собирала вообще свѣдѣнія о стоимости новаго.

Тѣмъ временемъ вопросъ этотъ проникъ и въ земскія сферы. Одному изъ ближайшихъ губернскихъ земскихъ собраній былъ предложенъ на обсужденіе докладъ о необходимости позаботиться о могилѣ малорусскаго писателя, мѣстнаго дѣятеля, уроженца

Полтавы. Земство ассигновало 1000 р. на постановку надмогильнаго памятника. При такихъ условіяхъ, естественно было городскому управленію сосредоточить все свое вниманіе и заботу на постановкѣ памятника въ городѣ. И вотъ, въ мартѣ 1894 г. Городской Управой изготовляется подробный мотивированный докладъ очередному засѣданію Думы о постановкѣ памятника Котляревскому.

Этотъ докладъ является краеугольнымъ камнемъ надлежащей постановки вопроса о памятникѣ и о способахъ осуществленія проекта. Сдѣлавъ оцѣнку заслугъ Котляревскаго, какъ родоначальника украинской литературы новаго періода, указавъ на то міровое значеніе, которое занимаетъ Котляревскій въ исторіи развитія и возрожденія славянскихъ литературъ, какъ начинатель малорусской литературы, а также отмѣтивъ его заслуги, какъ мѣстнаго дѣятеля, докладъ говоритъ: «относясь съ участіемъ къ памяти своего гражданина, общественнаго дѣятеля и родоначальника малорусской сцены и народной литературы, Управа не сомнѣвается, что Городская Дума вмѣстѣ съ нею, въ качествѣ представителя населенія, признаетъ своимъ долгомъ положить начало сооруженію памятника Котляревскому въ самомъ городѣ».

Въ концѣ доклада Управа вносила слѣдующія предложенія: 1) ходатайствовать о разрѣшеніи подписки въ предѣлахъ полтавской и черниговской губерній; 2) мѣстомъ для устройства памятника избрать Петровскую площадь, противъ дома губернскаго земства; 3) войти въ соглашеніе съ Губернской Земской Управой объ употребленіи ассигнованныхъ 1000 р. на устройство памятника въ городѣ и просить ее принять участіе въ обсужденіи проекта совмѣстно съ Городской Управой; 4) исправить пришедшій въ ветхость памятникъ на могилѣ; 5) отчислить изъ городскихъ суммъ въ видѣ пожертвованія извѣстную сумму на памятникъ, каковую и внести въ дополнительную смѣту. Въ засѣданіи 31-го марта того же года Дума единогласно приняла всѣ предложенія доклада.

Ходатайство, направленное къ губернатору въ маѣ того же года, не имѣло дальнѣйшаго движенія почти годъ, и въ засѣданіи Думы

16 мая 1895 г. по этому же вопросу состоялось дополнительное постановленіе. Въ этомъ засѣданіи городской голова доложилъ, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ходатайство объ открытіи подписки можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, если районъ подписки будетъ ограниченъ только предѣлами полтавской губерніи. Предложеніе такого ограниченія было принято Думой, и 2 августа того же года Управой было получено увѣдомленіе г. губернатора, что Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшена просимая подписка на сооруженіе памятника Котляревскому.

Умѣстнымъ будетъ упомянуть, что Черниговская Городская Управа, въ виду сказаннаго ограниченія района оффиціальной подписки, сама возбуждала ходатайство о разрѣшеніи ей подписки съ той же цѣлью въ предѣлахъ Черниговской губерніи, но ходатайство это было отклонено.

Съ этого времени все вниманіе Управы сосредоточивается на разсылкѣ подписныхъ листовъ и на приглашеніи принять участіе въ сборѣ пожертвованій, обращаясь какъ къ цѣлымъ учрежденіямъ, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ въ губерніи. Одновременно съ этимъ въ газетахъ появились статьи и замѣтки о предстоящей постановкѣ памятника.

Къ 1-му октября 1896 г. Управой былъ составленъ первый отчетъ о сборахъ. Результаты 1-го года подписки далеко превзошли ожиданія многихъ пессимистовъ, которые, при сказанномъ ограниченіи района разсылки подписныхъ листовъ, никакъ не надѣялись получить въ кассу Управы болѣе 3—4 тысячъ руб. Къ октябрю 1896 г. всего поступило 6418 р. 12 к. Къ 1-му января 1898 г. былъ опубликованъ 2-ой отчетъ, при чемъ оказалось, что сборъ достигъ 9145 р. 91 к.

Сосредоточивъ свое вниманіе, какъ сказано, на сборахъ пожертвованій, Управа всѣ остальные вопросы о деталяхъ памятника, размѣрахъ его и стоимости оставила совершенно открытыми, и только послѣ опубликованія 1-го отчета, когда степень сочувствія и матеріальная поддержка со стороны почитателей были хотя отчасти выяснены и сооруженіе памятника обезпечено, тогда только приступила къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ,

связанныхъ съ постановкой памятника. Вопросы эти и были предложены на обсужденіе Думы уже 27 апрѣля 1897 г.

Здѣсь необходимо остановиться на одномъ эпизодѣ, создавшемъ очень серьезный моментъ въ исторіи сооруженія памятника.

Въ № 62 «Подт. Вѣд.» появилась замѣтка за подписью И. Ф. П., въ которой авторъ, воздавъ должную похвалу сочувствію публики, собравшей на памятникъ за первый же годъ болѣе 6 тысячъ р.,—предлагалъ, *не ставя памятника писателю*, почтитъ память такого дѣятеля, какимъ былъ К—ій, другимъ какимъ-либо способомъ. Далѣе, авторъ проектируетъ обратить собранный капиталъ на постройку зданія имени К—ого, въ которомъ сосредоточить различныя, уже существующія, просвѣтительныя учрежденія Полтавы, какъ напримѣръ: коммиссія народныхъ чтеній и другія. Несомнѣнно, такая мысль могла найти сторонниковъ среди нашей интеллигенціи, стоящей близко къ различнымъ учрежденіямъ Полтавы, для которыхъ эти 6 тысячъ р. и дальнѣйшія поступленія были-бы совершенной находкой. Но какъ бы ни были милы и полезны уже существующія учрежденія г. Полтавы, цѣль и задачи ихъ далеко не совпадаютъ съ памятью К—ого и съ исключительными заслугами его, какъ начинателя украинской литературы; вотъ почему такимъ предложеніемъ рѣзко нарушалась первоначальная идея увѣковѣченія памяти малорусскаго писателя. Я уже не говорю о чисто формальной сторонѣ такого предложенія, извращающаго цѣль, о которой говорила Управа, обращаясь къ жертвователямъ и предлагая внести свою лепту на *постановку „памятника" К—му* въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Оказывалось, что И. Ф. П. не такъ уразумѣлъ то значеніе К—ого и тѣ его заслуги, которыя вызвали сочувствіе общества и успѣхъ сборовъ. Непониманіе это было такъ велико, что въ своей статьѣ, обращенной главнымъ образомъ къ Городскому Управленію, но вспомнившей и о жертвователяхъ, авторъ говоритъ: «я глубоко убѣжденъ въ томъ, что ни одинъ изъ подписавшихся не только не возразитъ, но вполнѣ сочувственно отнесется къ этому предложенію». Однако авторъ, какъ оказалось, ошибся: и въ

мѣстной прессѣ, и въ цѣломъ рядѣ письменныхъ заявленій отъ жертвователей были представлены возраженія этому проекту и просьбы—присланныя Управѣ деньги употребить только на постановку перваго памятника первому украинскому писателю.

Тѣмъ не менѣе вопросъ, возбужденный съ такой увѣренностью г. И. Ф. П., настолько сталъ предметомъ обсужденія, настолько затронулъ разнообразные круги мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, заинтересованныхъ судьбой собранныхъ денегъ, что городской голова счелъ долгомъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Думы, а именно 27 апрѣля 1897 г., поставить этотъ вопросъ на обсужденіе Думы, изложивъ фактическую сторону дѣла. Послѣ незначительныхъ преній, гласный г. Полѣвецъ просилъ точно возстановить передъ Думой прежнее ея постановленіе и указалъ затѣмъ, что одна формальная сторона дѣла разрѣшаетъ этотъ вопросъ безповоротно—въ смыслѣ прежняго же постановленія, уже вошедшаго въ законную силу, приводимаго въ исполненіе и опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе. Гласный Маркевичъ отмѣтилъ полную невозможность перерѣшенія вопроса и по чисто принципіальнымъ соображеніямъ, указавъ на совершенное извращеніе первоначальной идеи постановки памятника — предложеніемъ, сдѣланнымъ въ печати И. Ф. П. Дума, въ виду всего этого, постановила остаться при прежнемъ рѣшеніи и довершить начатое дѣло постановки именно „*памятника*“ поэту. Тогда же была избрана коммиссія для дальнѣйшихъ заботъ о постановкѣ памятника. Избраніе коммиссіи мало измѣнило общій медленный ходъ всего дѣла. Не получивъ надлежащихъ инструкцій и полномочій, быстро измѣнившаяся въ своемъ составѣ, за отъѣздомъ нѣкоторыхъ членовъ ея изъ Полтавы, коммиссія собиралась рѣдко, когда Управа признавала необходимымъ подвергнуть обсужденію тотъ или другой вопросъ. Такъ, первое собраніе ея состоялось 12 октября того же 1897 г.; слѣдующее собраніе было созвано только въ февралѣ 1898 г. Къ этому же времени вполнѣ выяснилось, что извѣстный скульпторъ Л. В. Позенъ, уроженецъ и землевладѣлецъ полтавской губ., изъявилъ согласіе и полную готовность вылѣпить для памятника

бюсть писателя. При даль[redacted]мъ обсужденіи деталей [redacted]екта, было предложено украсить по[redacted]нтъ его барельефами, [redacted]о-изведя отдѣльные моменты изъ 3[redacted]роизведеній К—го: иды», «Наталки-Полтавки» и «Моск[redacted]аривныка».

Помимо общаго наблюденія за ход[redacted]одписки и сборам Управѣ, совмѣстно съ коммиссіей, пришло[redacted]обенно сосредоточить вниманіе на разрѣшеніи вопросовъ о [redacted]орѣ мѣста, о надписяхъ на памятникѣ и о времени открытія е[redacted].

Въ двухъ печатныхъ отчетахъ о поступленіи по[redacted]ованій за періоды на 1 октября 1896 г. и на 1-ое января [redacted] г., Управа сообщала, что ею «принимаются всѣ мѣры къ тому, [redacted] открытіе памятника пріурочить къ 1898 г., къ столѣтію перваго печатнаго произведенія К--го, знаменитой Энеиды, представляющей собой исходный пунктъ возникшей затѣмъ украинской народной литературы на ряду съ возрожденіемъ народныхъ литературъ въ другихъ славянскихъ земляхъ». Однако въ засѣданіи коммиссіи 12 октября 1898 г. лично присутствовавшимъ скульпторомъ Л. В. Позеномъ было сообщено, что бюстъ К—го законченъ въ исполненіи ґипсомъ, а къ работѣ барельефовъ, задуманныхъ гораздо позже, уже приступлено; при этомъ была представлена модель одного барельефа: встрѣчи Наталки съ Возным. При такомъ положеніи вещей ясно было, что открытіе памятника въ 1898 г. состояться не можетъ.

Между тѣмъ, разосланный второй отчетъ, опредѣленно намѣтившій время открытія, а также появившіяся вскорѣ газетныя сообщенія по поводу этого отчета, обратили общее вниманіе жертвователей, и послѣдніе, очевидно, были преисполнены ожиданія предстоящаго торжества, предполагая таковое 29 октября, въ день смерти поэта. Однако, объ ожиданіи, какъ сказано, не могло быть и рѣчи. Городское самоуправленіе въ этотъ день почтило память К—го панихидой въ каѳедральномъ соборѣ; почитателями же его былъ устроенъ въ 2-мъ общественномъ собраніи вокально-музыкальный вечеръ, посвященный памяти К-го. Мѣстная газета помѣстила статью, соотвѣтствующую юбилейному дню. Этимъ и ограничились Полтавскіе поминки К-го.

Однако, нѣкоторые иногородніе почитатели поэта сочли своимъ долгомъ выразить свои сердечныя привѣтствія Городскому Управленію, взявшему на себя заботы по постановкѣ памятника К—му, пріурочивъ эти привѣтствія ко дню смерти его и ко дню устройства юбилейнаго литературнаго вечера. Особенно сердечно откликнулись наши зарубежные австрійскіе братья, русины: 29 октября городскимъ управленіемъ было получено отъ нихъ 18 телеграммъ съ выраженіемъ самыхъ сердечныхъ пожеланій культурнаго процвѣтанія края. Можно съ увѣренностью сказать, что далеко немногіе изъ полтавцевъ ясно представляютъ себѣ, насколько близко сердцу зарубежныхъ братьевъ открытіе памятника. Вотъ почему и для городского самоуправленія такая отзывчивость, повидимому, была въ значительной степени неожиданностью: понявъ, что эти привѣтствія относятся исключительно къ открытію памятника, Управа тогда же не выразила надлежащей благодарности зарубежнымъ сосѣдямъ, и только теперь, въ дни минувшихъ торжествъ она вновь получила возможность исполнить лежащій на ней долгъ...

По минованіи юбилейнаго года, вопросъ о времени открытія самъ собой былъ отложенъ на неопредѣленное время, какъ впослѣдствіи оказалось—ровно на пять лѣтъ...

Столь простой вопросъ, какъ выборъ мѣста для памятника К—му, осложнился до небывалыхъ размѣровъ. Если вспомнить первоначальное постановленіе Думы 31 марта 1894 г., то и тогда категорически мѣстомъ памятника назначалась Петровская площадь. Впослѣдствіи, отчасти подъ вліяніемъ слуховъ (источники которыхъ невозможно было уловить), что на этой площади предполагаютъ ставить памятникъ Петру I, Управа сочла нужнымъ вновь обсудить вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Вопросъ этотъ Думѣ пришлось не только многократно обсуждать въ своихъ засѣданіяхъ, но дѣлать цѣлый рядъ постановленій и трижды рѣшать его, полагая каждый разъ, что это рѣшеніе окончательное.

Среди почитателей поэта вопросъ этотъ возбудилъ не только многократные дебаты, но породилъ цѣлую полемику въ мѣстныхъ органахъ. Нѣкоторыя корреспонденціи въ иногороднихъ газетахъ даже высмѣивали этотъ споръ о мѣстѣ, предлагая памятникъ сдѣлать подвижнымъ, чтобы удовлетворить спорящія стороны.

Но вопросъ этотъ не комичный, а очень серьезный, и потому заставляетъ меня остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Гласными и лицами, заинтересованными судьбой памятника, разновременно предлагалось Управѣ 11 мѣстъ. Въ этихъ предложеніяхъ можно различить два противоположныхъ взгляда, которыми руководились отдѣльныя лица, предлагавшія то или другое мѣсто. Одни находили, что памятникъ надлежитъ поставить въ центрѣ города, въ возможно людномъ пунктѣ, на показъ публикѣ. Такія условія, какъ тѣснота предлагаемаго пункта, несимметрія направленія улицъ, скученность и даже грязь квартала,—все это отходило на 2-й планъ. Другіе говорили наоборотъ: памятникъ народному поэту, муза котораго впервые запѣла *свою родную пѣсню* на родномъ языкѣ, проявила жизнь несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ окружающей родной стихіи, чудной природы; такой памятникъ долженъ стоять какъ можно ближе къ этой природѣ, въ обстановкѣ, вдохновлявшей поэта.

Несомнѣнно, что оба эти направленія не чужды были крайностей: нельзя руководствоваться только бойкостью мѣста; нельзя ставить памятникъ среди, или правильнѣе—въ виду чудной природы, игнорируя совершенно «публичность» такого памятника и забывая условія, съ которыми связано посѣщеніе этого мѣста, когда просто приходится искать памятника. Удовлетвореніе по возможности обоимъ этимъ требованіямъ было бы наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса.

Когда вполнѣ выяснились эти два крайнихъ теченія, члены коммиссіи не изъ числа гласныхъ, г.г. Рудченко и Дмитріевъ, подали подробныя, мотивированныя заявленія, въ которыхъ, охарактеризовавъ эти два направленія, доказывали, что несомнѣнно мѣстомъ, наиболѣе удовлетворяющимъ двумъ этимъ требованіямъ, должна быть признана намѣченная Думой Петровская площадь:

мѣсто это довольно центральное, людное; изъ разводимаго сквера возможно всегда выдѣлить площадь, пропорціональную размѣрамъ памятника, а въ отношеніи посадокъ, декорировки, цвѣтовъ и проч. легко создать уголокъ, стильно воспроизводящій украинскую природу, вдохновлявшую поэта и пробуждавшую въ немъ силу южно-русскаго народнаго творчества, проявивъ которое, К--ій и сталъ первымъ выразителемъ этого народа. Въ такомъ же смыслѣ были заявленія и въ мѣстной прессѣ, правда, имѣвшей въ своей средѣ и горячихъ поклонниковъ площадки за соборомъ. Что касается коммиссіи, то въ засѣданіи 10-го февраля 1898 г., она единогласно признала, что «лучшее мѣсто для памятника—на Петровской площади, даже въ томъ случаѣ, если зданіе для просвѣтительныхъ учрежденій имени Гоголя было бы устроено не на этой площади». Въ засѣданіи же 12 октября того же года, обсуждая выдвинутый вопросъ о площадкѣ за соборомъ, коммиссія высказалась противъ этого мѣста.

За Петровскую площадь были поданы мнѣнія отдѣльными жертвователями, къ которымъ присоединялась и редакція «Кіевской Старины». Въ заявленіи своемъ редакція «Кіевской Старины»: писала: «взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, редакція пришла къ мысли, что лучшимъ мѣстомъ для памятника нужно считать Петровскую площадь. Заявляя объ этомъ въ дополненіе къ ряду статей, редакція, живо интересуясь разрѣшеніемъ этого вопроса, льститъ себя надеждой, что Полтавская Управа и даже Дума примутъ во вниманіе, въ ряду другихъ заявленій, мнѣніе тѣхъ людей, которые, любя родину и всячески заботясь о благѣ ея, желали бы, не имѣя юридическихъ на то правъ, подать свой голосъ хотя бы въ формѣ совѣщательной, если нельзя въ формѣ рѣшающей».

Повидимому вопросъ о Петровской площади имѣлъ очень много шансовъ разрѣшиться въ положительномъ смыслѣ; но Дума въ засѣданіи 1-го ноября 1899 г. 18-ю голосами противъ 13 избрала Протопоповскій бульваръ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что скульпторъ Позенъ высказался противъ Петровской площади, находя, что она слишкомъ велика въ сравненіи съ памятниомъ,

съ чѣмъ пишущій эти строки никакъ не можетъ согласиться, такъ какъ и въ громадномъ паркѣ можетъ быть выбрана или образована поляна—мѣсто, пропорціональное размѣрамъ монумента.

Несмотря на окончательность этого рѣшенія, въ извѣстной части общественное мнѣніе далеко не было удовлетворено такимъ выборомъ, и время отъ времени раздавались протестующіе голоса, какъ въ заявленіяхъ Управѣ, такъ и въ печати. При этомъ указывалось на узость самого бульвара, чрезвычайную скученность кварталовъ, въ которые попадалъ памятникъ; отмѣчалось, что съ одной стороны его будутъ торговые ряды, отчасти пустые, а съ другой стороны—гостинница, цѣлый рядъ ремесленниковъ, съ 5-ю дамскими портными во главѣ, разукрасившими всю улицу соотвѣтствующими вывѣсками, объявленіями и выставками. Такая обстановка едва ли могла соотвѣтствовать характеру памятника малорусскому поэту, да еще въ Полтавѣ, вообще утопающей въ зелени и разбросавшейся на большое пространство.

Выборъ Протопоповскаго бульвара на столько составлялъ злобу дня для обывателей, что впослѣдствіи, какъ протестъ противъ этого мѣста, стали циркулировать въ большомъ количествѣ писаныхъ экземпляровъ 2 сатирическихъ стихотворенія: одно изъ нихъ «Жалибна суплика на той свитъ К—му» отъ гласныхъ, подавшихъ голосъ за Протопоповскій бульваръ. Затѣмъ второе «Отклыкъ съ того свиту видъ Ивана Петровыча сына Котляревського».

Въ концѣ 1901 года вопросу о мѣстѣ, повидимому навсегда сданному въ архивъ, суждено было еще разъ всплыть и быть предметомъ самыхъ горячихъ обсужденій. Къ этому времени закончилась постройка просвѣтительнаго зданія имени Н. В. Гоголя. Совершенно измѣнившійся видъ Ивановской улицы или площади, на которую выходитъ это зданіе, побудило нѣкоторыхъ гласныхъ подать заявленіе въ Управу о пересмотрѣ вопроса о мѣстѣ для памятника, при чемъ, какъ на лучшее, указывалось на площадь передъ просвѣтительнымъ зданіемъ-театромъ. Въ засѣданіи 13 декабря 1901 года, Дума, обсудивъ заявленіе 5-ти

гласныхъ, послѣ долгихъ преній, постановила: передать этотъ вопросъ на обсужденіе коммиссіи, избравъ таковую изъ 8-ми гласныхъ и 6 лицъ, не принадлежащихъ къ составу таковыхъ. Обсуждая главнымъ образомъ замѣну Протопоповскаго бульвара Ивановской улицей, члены коммиссіи значительнымъ большинствомъ высказались за послѣднюю, видя въ ней, во-первыхъ, возможность въ общемъ удовлетворить два указанныхъ раньше теченія; во-вторыхъ—близость театра, библіотеки, музея дѣлали мѣсто это болѣе подобающимъ для памятника писателю. Но на слѣдующій же день, 20 декабря, при новой баллотировкѣ вопроса, совершенно неожиданно, большинствомъ *одного* голоса (14 противъ 13), Дума избрала забракованную раньше *площадку возлѣ гостинницы Воробьева.*

Это было вторичное и повидимому окончательное рѣшеніе!

Но обыватель, близко принимающій къ сердцу судьбу памятника, не могъ остаться покойнымъ наблюдателемъ такихъ метаморфозъ. Взволнованное общественное мнѣніе вскорѣ представило въ результатѣ протестъ 15-ти гласныхъ, просившихъ новаго пересмотра вопроса. Въ особомъ мнѣніи этихъ гласныхъ, при сопоставленіи двухъ названныхъ мѣстъ, между прочимъ говорится: «здѣсь только (на Ивановской ул.) имѣется та полнота обстановки, какая обезпечиваетъ для памятника больше вниманія къ нему, т. к. именно здѣсь, въ театрѣ, ставятся произведенія Котляревскаго, и вся обстановка—Гоголевское зданіе, библіотека и музей—создаетъ тотъ уголокъ города, гдѣ концентрируется духовная жизнь, въ созданіе элементовъ которой сдѣлалъ свой вкладъ и родной писатель»... «Здѣсь является возможнымъ имѣть вокругъ памятника скверъ, гдѣ могли бы посидѣть и порѣзвиться дѣти, въ воспитаніи которыхъ образъ родного писателя могъ-бы съиграть культурную роль, какою дорожать всѣ народы, помнящіе свою исторію, любящіе свой край и твердо знающіе, что нѣтъ прочнаго общества безъ любви къ своему краю и безъ памяти о лучшихъ его людяхъ».

Такъ говорила совѣсть 15 гласныхъ, искренно желавшихъ лучшаго мѣста для памятника. Къ этому мнѣнію присоединились

нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи, не состоящіе гласными, о чемъ ими было подано особое заявленіе Управѣ. При этомъ надо упомянуть, что еще до перваго рѣшенія Думы, въ августѣ 1899 г., городской голова просилъ артистовъ бывшей тогда малорусской труппы высказаться по вопросу о мѣстѣ, и представители труппы, гг. Карпенко-Карый и Садовскій, и лично, и въ письменномъ заявленіи Управѣ, подробно мотивируя, указывали именно на мѣсто по Ивановской улицѣ, противъ театра—Просвѣтительнаго зданія.

Два раза—въ засѣданіяхъ 4 февраля и 11 марта 1902 года вопросъ этотъ откладывался окончательнымъ рѣшеніемъ, и наконецъ 21-го марта того-же года избранъ вновь *Протопоповскій бульваръ*.

По поводу всей этой исторіи невольно вспоминаются послѣднія строки «Жалибнои суплики» Котляревському:

«Прыймы-жъ видъ насъ це мисце друже,
Не лай-же насъ за ёго дуже
И головы намъ не морочъ!
Бо въ насъ теперъ такого дила—
Ій Богу, вси ажъ побилилы!
Водопроводъ та той трамвай
Ни йисты не дають, ни спаты;
Мы збылысь съ паптелыку, брате,
То вже хочъ ты насъ не збывай»...

Н. Дмитріевъ.

Праздникъ украинской интеллигенціи.

Давно съ нетерпѣніемъ ожидавшееся всѣми любителями украинскаго слова открытіе перваго памятника первому дѣятелю этого слова стало наконецъ совершившимся фактомъ. Дни 30 и 31 августа настоящаго года, когда сорвано было покрывало, окутывавшее до того времени этотъ памятникъ, надолго останутся въ памяти какъ полтавскихъ жителей, такъ и многочисленной украинской интеллигенціи, собравшейся здѣсь со всѣхъ концовъ Украины—отъ ближайшихъ къ Полтавѣ мѣстностей и до закордонной ея части, которая въ первый разъ выслала и своихъ представителей на это торжество единаго національнаго организма, живущаго общею жизнью и пульсирующаго однимъ чувствомъ любви и привязанности къ общей родинѣ. При настоящемъ положеніи украинскаго слова и литературы въ Россіи, фактъ открытія памятника *украинскому* писателю имѣетъ не одно только литературное значеніе, какъ праздникъ литературы. Значеніе его разростается до размѣровъ историческаго событія, которое уже тѣмъ пріобрѣтаетъ громадный культурно-общественный смыслъ, что оно служитъ лучшимъ и нагляднѣйшимъ доказательствомъ какъ жизненности и необходимости этой литературы, такъ и той симпатіи къ ней, которая несомнѣнно существуетъ въ самыхъ широкихъ кругахъ общества и при удобныхъ обстоятельствахъ проявляется довольно недвусмысленно. Всевозможнымъ литературнымъ хулиганамъ, не находящимъ лучшаго при-

мѣненія для печатнаго слова, какъ сѣять племенную и національную рознь, взывая при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ о недостаткѣ бичей и скорпіоновъ и выставляя украинское національное движеніе единственно результатомъ дѣятельности незначительной кучки недальновидныхъ людей,—этимъ ничего не стѣсняющимся господамъ, можетъ быть, хоть разъ въ жизни прилипнетъ развязный языкъ къ гортани и не привыкшая церемониться рука дрогнетъ и не посмѣетъ написать своихъ часто гнусныхъ и клеветническихъ выдумокъ. Но оставимъ ихъ въ покоѣ,—этотъ праздникъ, конечно, главнымъ образомъ не для нихъ, а для украинской интеллигенціи, которая на этотъ разъ очевиднымъ и явнымъ способомъ обнаружила свое существованіе, свою любовь къ родинѣ и родному слову, свою культурную и гражданскую зрѣлость, выразившуюся въ достойномъ чествованіи одного изъ столповъ своей литературы...

Изъ историческаго очерка г. Дмитріева, напечатаннаго въ этой же книжкѣ нашего журнала, читатели познакомятся съ ходомъ дѣла постановки памятника, не безъ основанія называемаго иногда многострадальнымъ; они узнаютъ, кому принадлежитъ первая мысль о постановкѣ памятника первому украинскому писателю, какъ мысль эта отъ словъ переходила къ дѣлу, въ какихъ формахъ выражалась, какія сопутствующія и противодѣйствующія вліянія и воздѣйствія она встрѣчала на пути своего развитія и осуществленія. Наша задача другая, хотя и непосредственно примыкающая къ предыдущей,—дать отчетъ о самомъ торжествѣ открытія, касаясь исторіи постановки лишь постольку, поскольку это необходимо будетъ для правильнаго уразумѣнія излагаемыхъ событій, и предложить надлежащую оцѣнку какъ самого торжества, такъ и тѣхъ сопровождавшихъ его явленій, свидѣтелями которыхъ сдѣлались Полтава и ея многочисленные гости на исходѣ августа текущаго года. Обратимся сначала къ фактической обстановкѣ событія.

Еще до открытія памятника, въ дни, предшествовавшіе этому торжеству, чувствовалось, что Полтава переживаетъ не какіе-нибудь заурядные будни, каждый день которыхъ, какъ двѣ капли

воды, похожъ на другой, а всѣ вмѣстѣ тянутся мучительно-долго и тоскливо и сейчасъ же забываются; видно было, напротивъ, что это время—какое то особенное, въ другой разъ не переживаемое и потому надолго остающееся въ памяти. На бывшемъ Протопоповскомъ бульварѣ горделиво высится герой дня—пока еще таинственно окутанный бѣлымъ покрываломъ памятникъ, останавливая на себѣ вниманіе проходящихъ, собирая вокругъ цѣлыя толпы, вызывая замѣчанія, толки и разговоры о Котляревскомъ и о поставленномъ ему памятникѣ. 30 августа съ утра городъ принарядился и пріукрасился, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить гостей и вмѣстѣ съ ними отпраздновать національное торжество. Рѣшетки вокругъ памятника украшены флагами и красивыми гирляндами изъ зеленыхъ дубовыхъ листьевъ; ближайшія улицы и дома также декорированы; слышится вездѣ украинская рѣчь, видна масса пріѣзжихъ, къ которымъ съ любопытствомъ присматриваются мѣстные жители; замѣтно общее оживленіе и какое-то повышенное, торжественное настроеніе, достигшее высшей напряженности въ день открытія памятника.

Оффиціальное торжество открытія памятника 30 августа началось панихидой на могилѣ поэта, на Кобелякскомъ кладбищѣ. Вокругъ красиваго гранитнаго могильнаго памятника, также украшеннаго вѣнками и гирляндами, около полудня собралась масса народа, не помѣстившаяся въ оградѣ и тѣсною толпою запрудившая прилегающія улицы. Около часу дня началась панихида по поэтѣ, совершенная преосвящ. Иларіономъ, епископомъ полтавскимъ, въ сослуженіи городского духовенства. Произнесенная послѣ панихиды преосвященнымъ небольшая рѣчь, звучавшая, правда, оффиціальными нотками, заключила эту часть торжества, и присутствующая здѣсь публика направилась въ городъ, къ памятнику. Многотысячная толпа запрудила всѣ улицы, прилегающія къ памятнику, покрыла окна и крыши ближайшихъ домовъ, густою волною наполнила пространство внутри цѣпи, которой окруженъ памятникъ. Послѣ молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ постановкѣ памятника, и вѣчной памяти Ивану Котляревскому, по-

крывало упало, и красивый, изящный памятникъ, изображающій бюстъ поэта на высокомъ постаментѣ, предсталъ предъ глазами многочисленной толпы [1]). Бурные аплодисменты и крики «слава» сопровождали этотъ актъ, не смолкая долгое время и заглушая все вокругъ. Замелькали развѣваемыя вѣтромъ разноцвѣтныя ленты на многочисленныхъ вѣнкахъ, привезенныхъ депутатами для возложенія къ подножію перваго памятника, воздвигнутаго украинскому писателю. Послѣ освященія памятника началось возложеніе вѣнковъ, совершенно закрывшихъ постаментъ. По настоянію публики, г. Гринченкомъ были прочитаны надписи на вѣнкахъ, вызывавшія громъ рукоплесканій и продолжительные крики: «слава». Немного спустя было устроено импровизированное шествіе съ вѣнками отъ памятника къ Гоголевскому зданію для просвѣтительныхъ цѣлей, гдѣ они послужили для декорированія театральнаго зала къ предстоящему думскому засѣданію, концерту и спектаклю [2]). Между тѣмъ вокругъ памятника до

---

[1]) Памятникъ представляетъ собою высокій постаментъ изъ днѣпровскаго гранита, въ видѣ колонны, увѣнчанной бронзовымъ бюстомъ поэта. Въ первомъ ярусѣ постамента вдѣланы извѣстные горельефы г. Позена: съ лицевой стороны—сцена изъ „Енеіди“, съ правой - изъ «Наталки-Полтавки», съ лѣвой—изъ «Москаля-Чарівника»; на задней сторонѣ на одномъ уровнѣ съ горельефами—дѣловая надпись о времени сооруженія и лицахъ, принимавшихъ въ немъ участіе (на русскомъ языкѣ). Выше надписи: съ лицевой стороны—годы: «1798—1898», и извѣстныя слова изъ «Наталки-Полтавки»—«Де згода въ симействи»... На задней сторонѣ: «На вичну память Котляревському. Слава сонцемъ засіяла. Не вмре кобзарь, бо на викы Его прывитала. Т. Шевченко».

[2]) Всѣхъ вѣнковъ возложено около сорока, изъ нихъ нѣсколько серебряныхъ. Приводимъ надписи на вѣнкахъ и лентахъ: а) *серебряные вѣнки*: 1) І. П. Котляревському—Українсько-руське Наукове Товариство імени Шевченка у Львові. 2) Ти до нового всесвітнього життя збудив рідне слово. Іванові Котляревському—українські письменники з Київа. 30. VIII. 1903. 3) І. П. Котляревському. 30. VIII. 1903. Отъ городского харьковскаго общественнаго управленія. 4) Отцу новой украинской литературы, знаменитому автору «Наталки-Полтавки». Одесское литературно-артистическое Общество. Одесса, 30 августа 1903 года. 5) Лубенська Дума Іванові Котляревському (на вѣнкѣ выгравированы

поздняго вечера можно было видѣть густую толпу, которая осматривала памятникъ, перечитывала надписи, дѣлясь впечатлѣніями и замѣчаніями, особенно по поводу сценъ изъ произведеній Ко-

---

имена всѣхъ гласныхъ). б) *Вѣнки металлическіе и изъ живыхъ цвѣтовъ:* 6) Народному просвітникови—Товариство «Просьвіта» у Львові (металлическій). 7) Львівський Боян—Іванови Петровичу Котляревському (пальмовый). 8) Українсько-руське Товариство «Руська Бесіда» у Львові. Іванови Котляревському, творцеви народноі драми. 30. VIII. 1903 (лавровый). 9) Українсько-руське драматичне Товариство імени Котляревського у Львові. Основателеви народного драматичного письменства (метал.). 10) Українська трупа з Галичини—Своему батькови-атаманови Іванови Котляревському (лавр.). 11) Редакція «Руслана» у Львові—Котляревському (лавр.). 12) Редакція «Діла» у Львові—Первоначальнику українського відродження (лавр.). 13) Редакція «Поступу» в Коломиі (Галичина)—Котляревському (метал.). 14) Від Академічноі Громади з Галичини. Будеш, батьку, панувати, поки живуть люде, поки сонце з неба сяє, тебе не забудуть (пальмовый). 15) Від «Товариства Українських дівчат» у Львові (лавр.). 16) Слава не вмре, не поляже. Від земляків з Катеринослава (метал.). 17) Від редакціі „Волыни“ славній памяті Івана Котляревського (метал.). 18) Черніговське українське театральне Товариство памяти Івана Котляревського (металлич.). 19) Батькові культурного відродження Украіни Іванові Котляревському від Одеських украінців (метал.). 20) Від Хотинськоі земськоі Управи—Народному поетові Іванові Котляревському (метал.). 21) Памяти И. П. Котляревскаго 30 авг. 1903 г. Отъ Общества изслѣдователей Волыни (метал.). 22) Отъ Черниговской губернской ученой архивной Коммиссіи. 30 авг. 1903 г. (метал.). 23) „Полтавскій Вѣстникъ“—И. П. Котляревскому (метал.). 24) Незабвенному отцу новой малорусской литературы И. П. Котляревскому. Отъ редакціи газеты «Одесскій Листокъ» (метал.). 25) Отъ редакціи «Одесскихъ Новостей» (метал.). 26) Отцу южно-русской словесности И. П. Котляревскому—Полтавское губернское земство (метал.). 27) Поэту Котляревскому—Полтавское дворянство (изъ живыхъ цвѣтовъ). 28) Отъ русскаго театральнаго общества И. П. Котляревскому (метал.). 29) Одесское городское общественное управленіе 30 авг. 1903 г. Памяти славнаго украинскаго поэта И. П. Котляревскаго (изъ безсмертни-

тляревскаго, мѣтко схваченныхъ и живо переданныхъ извѣстными горельефами г. Позена.

Въ восьмомъ часу вечера въ Гоголевскомъ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей открылось торжественное засѣданіе думы, посвященное памяти Котляревскаго. Въ глубинѣ сцены, на возвышеніи, стоялъ большой, сдѣланный тушью портретъ писателя, послужившій между прочимъ для изготовленія модели бюста на памятникѣ; портретъ утопалъ въ массѣ зелени, цвѣтовъ и «рушників». Надъ главнымъ входомъ въ залъ, противъ сцены, висѣлъ другой портретъ, писанный красками на полотнѣ; фойе второго яруса украшено портретами украинскихъ писателей, явившихся продолжателями безсмертнаго дѣла Котляревскаго,—Гребинки, Квитки-Основяненка, Гулака-Артемовскаго, Костомарова, Кулиша и Шевченка. На авансценѣ помѣстились гласные Полтавской городской думы, подъ предсѣдательствомъ городского головы г. Трегубова, депутаты, прибывшіе на торжество открытія памятника съ привѣтствіями, и представители печати [1]). Зрительный залъ, сверху до низу декорированный щитами и вѣнками съ надписями на длинныхъ лентахъ, былъ переполненъ публи-

ковъ). 30) Отъ города Прилукъ И. П. Котляревскому (метал.). 31) Отъ Миргорода 30 авг. 1903 г. Родному поэту И. П. Котляревскому (металлич.). 32) Отъ Лубенскаго Общества взаимопомощи народныхъ учителей незабвенному Котляревскому (метал.). Кромѣ того, пять вѣнковъ безъ надписей; вѣнки изъ Галичины перевиты лентами національныхъ украинскихъ цвѣтовъ—синяго съ желтымъ. Всѣ вѣнки поступятъ въ Полтавскій городской музей, въ отдѣлъ имени Котляревскаго.

[1]) Кромѣ мѣстныхъ газетъ («Полтавскій Вѣстникъ» и „Полтавскія губ. Вѣдомости"), на Полтавскія торжества выслали своихъ представителей слѣдующіе органы печати: «Діло», „Руслан", „Поступ", „Л.-Н. Вістник", (Галичина), «Кіевская Старина», «Биржевыя Вѣдомости», „Русское Слово", „Курьеръ", „Новое Время", «Кіевская Газета», «Одесскій Листокъ», «Одесскія Новости», «Южный Край», „Вѣстникъ Юга",- «Баку», «Южная Россія», «Приднѣпровскій Край», «Крымскій Вѣстникъ», «Бессарабецъ» и др.

кой, пріѣзжей и мѣстной. Думское засѣданіе открылось рѣчью г. городского головы, который, отмѣтивъ важность и значеніе настоящаго момента—чествованія перваго украинскаго поэта, родоначальника и творца новой украинской литературы,—какъ показателя культурнаго уровня украинскаго общества, кратко коснулся исторіи сооруженія памятника и заслугъ лицъ, принимавшихъ въ этомъ сооруженіи болѣе или менѣе видное участіе, и закончилъ свою рѣчь привѣтствіемъ и благодарностью отъ имени города по адресу гостей, собравшихся на это торжество. По окончаніи рѣчи г. городского головы, гл. Маркевичемъ была прочитана историческая записка о сооруженіи памятника; авторъ записки подробно остановился на ходѣ всего дѣла по постановкѣ памятника и особенно подчеркнулъ въ самомъ дѣлѣ интересный фактъ участія народа въ созиданіи памятника своему первому поэту: наибольшее число жертвователей (3800 изъ 7000) дала среда козаковъ и крестьянъ Полтавской губерніи. Открытый памятникъ, по мнѣнію г. Маркевича, является, такимъ образомъ, вполнѣ народнымъ памятникомъ народному поэту, потому что хотя и «не велика сумма пожертвованій этой чисто народной среды, поддержавшей созиданіе памятника буквально «мѣдью», но качественное значеніе этой народной лепты, безъ сомнѣнія, огромно», какъ признакъ пробуждающагося среди народа интереса къ дѣятелямъ литературы и культуры [1]). «Какова бы ни

---

[1]) Общая сумма пожертвованій на памятникъ, выразившаяся въ цифрѣ 11.798 р. 67 к., составилась изъ 7.558 р. 39 к., собранныхъ въ предѣлахъ Полтавской губерніи, и 4.240 р. 28 к., поступившихъ, какъ доброхотныя пожертвованія изъ разныхъ мѣстъ Россіи (первое мѣсто занимаютъ Кіевъ и Петербургъ), а также изъ Галичины, отъ почитателей памяти родоначальника украинской литературы. Проценты на означенную сумму пожертвованій составили 2308 руб. 34 коп. Вся сумма поступленій на сооруженіе памятника къ 1 іюля 1903 г. выразилась, такимъ образомъ, въ суммѣ 14.107 руб. 01 коп. Расходъ на сооруженіе памятника выразился суммой свыше 15 тыс. руб., въ томъ числѣ: на изготовленіе бюста поэта и горельефовъ для

была оцѣнка сооруженнаго памятника,—закончилъ свою рѣчь г. Маркевичъ,—и къ какимъ бы выводамъ ни пришелъ будущій историкъ въ своемъ сужденіи о ходѣ дѣла по сооруженію памятника И. П. Котляревскому, во всякомъ случаѣ современнымъ украинскимъ обществомъ осуществлено дѣло, имѣющее высокое культурно-національное значеніе. Воздвигнутъ первый памятникъ украинскому поэту, явившемуся первымъ народнымъ писателемъ на своемъ родномъ языкѣ, этомъ главномъ орудіи духовныхъ творческихъ силъ, открывающемъ наиболѣе широкій путь къ культурному развитію народовъ... Слава писателю-поэту, давшему украинскому народу право на признаніе его однимъ изъ участниковъ въ общемъ поступательномъ культурномъ движеніи человѣчества! Слава! Да будетъ вѣчнымъ наряду съ поставленнымъ Ивану Котляревскому памятникомъ и связанное съ его славнымъ именемъ дѣло развитія украинской литературы. Слава! («Полт. Вѣстникъ», № 213).

Произнесенная вслѣдъ затѣмъ г. Стешенкомъ научная рѣчь «О художественно-литературномъ значеніи произведеній И. П. Котляревскаго и его заслугахъ» [1]), составленная, главнымъ образомъ, по извѣстнымъ изслѣдованіямъ П. И. Житецкаго, довольно полно и подробно представила образъ и заслуги поэта на фонѣ современной ему литературы, жизни и общественныхъ условій. Главная мысль лектора сводилась къ тому, что Котляревскій вывелъ творенія своихъ предшественниковъ, безыменныхъ «мандрованих дяків-пиворизів» въ усовершенствованномъ видѣ на «широкое поле міровой литературы», «ввелъ родную литературу въ пантеонъ безсмертія» и, такимъ образомъ, «сталъ литературнымъ реформаторомъ своей родины, ввелъ ее въ кругъ культурныхъ

памятника 5.150 р., на изготовленіе пьедестала памятника съ перевозкой его частей 8.382 р. 25 к., на устройство ограды и другіе мелкіе расходы 872 р. 37 к. Еще не подведенный расходъ на завершеніе работъ по сооруженію памятника превышаетъ тысячу рублей («Полтавскій Вѣстникъ», № 212).

[1]) Напечатана полностью въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» №№ 215 и 216.

наукъ (націй?) и потому занялъ въ Украинѣ такое мѣсто, какъ Данте въ Италіи, а Пушкинъ въ Россіи». Этимъ Котляревскій положилъ начало самостоятельной и самобытной украинской литературы, которая цѣлымъ столѣтіемъ своего существованія вполнѣ доказала свою жизнеспособность и сдѣлалась уже «органомъ не только художественнаго, но и научнаго творчества, привлекая вниманіе интеллигентныхъ представителей другихъ націй».

Послѣ перерыва, каѳедру заняла г-жа Косачъ, отчасти дополнившая въ пространной рѣчи выводы своего предшественника указаніями на высокіе нравственные принципы, проведенные въ произведеніяхъ Котляревскаго, и на значеніе въ современной литературѣ и общественной жизни національной идеи, первыми сѣменами которой украинское общество обязано Котляревскому. Блестящую, оригинальную рѣчь произнесла вслѣдъ затѣмъ извѣстная изслѣдовательница украинской старины А. Я. Ефименко. Кажущійся съ перваго взгляда страннымъ фактъ жизненности произведеній писателя, не отмѣченнаго печатью геніальности,—а такимъ, по мнѣнію лекторши, несомнѣнно былъ Котляревскій,—оставившаго, кромѣ того, весьма скромное въ количественномъ отношеніи литературное наслѣдіе, объясняется тѣмъ великимъ гражданскимъ подвигомъ, который совершилъ Котляревскій. Къ дѣятельности послѣдняго г-жа Ефименко очень удачно примѣнила извѣстное глубокое изреченіе Шевченка «на сторожі коло іх *поставлю слово*»: живое народное, тогда презираемое, слово украинскій поэтъ поставилъ на стражѣ народныхъ интересовъ и этимъ обнаружилъ громадное для того времени гражданское мужество. Даже оставляя въ сторонѣ литературныя достоинства произведеній Котляревскаго, признанныя уже самимъ авторитетнымъ, строгимъ и нелицепріятнымъ судьею—временемъ, можно преклониться предъ величіемъ гражданскаго подвига писателя, выразившимся въ томъ, что презираемое слово угнетеннаго, закрѣпощеннаго народа онъ, вопреки господствовавшему тогда теченію, осмѣлился возвести въ перлъ художественнаго созданія. Этотъ гражданскій подвигъ и служитъ источникомъ неувядаемости

славы Котляревскаго и обезпечиваетъ ему вѣчную память въ потомствѣ.

Рѣчью г-жи Ефименко закончилась, такъ сказать, оффиціальная и научная части торжества; далѣе слѣдуетъ чтеніе многочисленныхъ привѣтствій и адресовъ. Первое мѣсто было предоставлено закордоннымъ гостямъ—галичанамъ, прибывшимъ делегатами отъ различныхъ обществъ и учрежденій австрійской части Украины. Первымъ произнесъ свое привѣтствіе встрѣченный громомъ рукоплесканій депутатъ австрійскаго рейхсрата г. Романчукъ отъ имени народно-просвѣтительнаго общества «Просьвіта», головою котораго уважаемый дѣятель состоитъ. Г. Романчукъ указалъ на значеніе для Украины литературы вообще, какъ единственнаго пока средства проявленія національной жизни и самосознанія, остановившись въ частности на Котляревскомъ, сыгравшимъ громадную роль въ дѣлѣ національнаго возрожденія не только россійскихъ, но и австрійскихъ украинцевъ. Профессоръ Львовскаго университета по кафедрѣ древней украинской литетуры г. Студинскій, делегатъ львовскаго «Наукового Товариства імени Шевченка», произнесъ сильную, въ поэтическихъ выраженіяхъ составленную рѣчь, въ которой образно призывалъ украинскихъ «орлів і орлиць» стремиться къ свѣту знанія, науки и прогресса, не поддаваясь и не отступая предъ жизненными невзгодами. Послѣ рѣчи г. Студинскаго продолжалось чтеніе адресовъ отъ галицко-украинскихъ обществъ и учрежденій: отъ «драматичного товариства імени Котляревського у Львові»—докторомъ Грушкевичемъ; отъ «українських товариств у Коломиі» [1]—докторомъ Кульчицкимъ; «Гимнастичного товариства «Сокіл» у Львові»—г. Лопатинскимъ; отъ «українсько-руського товариства «Руська Бесіда» у Львові»—директоромъ украинскаго театра въ Галичинѣ г. Губчакомъ; отъ «українських товариств у Стрию» [2]—редакторомъ газеты «Діло» докторомъ Левицкимъ; отъ «україньскої Академічної молодіжі»—г. Симовичемъ; отъ «редакції Літературно-Наукового Вістника»—извѣстнымъ беллетристомъ г.

[1] и [2]) Города въ Галичинѣ.

Стефаныкомъ; отъ «украінськиx товариств у Черновцях» [1])—доктором Кордубой, и, наконецъ, отъ «зеленоі Буковини»—докторомъ Немоловскимъ, закончившимъ свою въ высшей степени живую и энергичную рѣчь четверостишіемъ изъ стихотворенія недавно почившаго украинскаго поэта Павла Грабовскаго:

Мусить наше серце щиро
За народ свій биться:
Грім чи пекло—будь що буде,—
Не будем журиться...

Всѣ эти привѣтствія, произнесенныя на украинскомъ языкѣ, были восторженно встрѣчены публикой, устроившей дорогимъ гостямъ изъ родной Галичины шумныя оваціи [2]).

Послѣ этого началось чтеніе адресовъ и привѣтствій отъ русскихъ учрежденій; пользуясь тѣмъ, что въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» (№-ра 213, 218—221) они напечатаны полностью, мы приводимъ въ извлеченіи болѣе интересные изъ нихъ.

Изъ представителей русскихъ учрежденій первымъ выступилъ профессоръ Сумцовъ, прочитавшій отъ имени харьковскаго университета адресъ слѣдующаго содержанія:

«Императорскій харьковскій университетъ приноситъ полтавскому городскому общественному управленію свои сердечныя поздравленія по случаю симпатичнаго торжества—открытія памятника Ивану Петровичу Котляревскому. Не бѣдна та народная почва, на которой могутъ выростать такіе наблюдательные и отзывчивые писатели, какъ И. П. Котляревскій, равно какъ не бѣдна и та общественная среда, которая умѣетъ цѣнить свое историческое прошлое и закрѣплять вещественными памятниками свои лучшія культурныя традиціи. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась перелицованная „Енеіда“, почти

1) Столица Буковины.

2) Къ сожалѣнію, адреса эти не были опубликованы и потому мы лишены возможности привести ихъ полностью.

столѣтіе протекло, какъ вышла въ свѣтъ „Наталка-Полтавка“ и „Москаль-Чарівник“, и, однако, произведенія эти живутъ до сихъ поръ, охотно читаются, идутъ на сценѣ и часто переиздаются. Такая прочная устойчивость сочиненій Котляревскаго свидѣтельствуетъ объ ихъ жизненности; она ясно говоритъ о томъ, что писатель вполнѣ удачно отвѣтилъ на литературныя и просвѣтительныя стремленія общества. Главными проводниками въ Харьковѣ вліянія Котляревскаго были Костомаровъ, Срезневскій, Метлинскій, Квитка—почетные дѣятели, оставившіе по себѣ въ лѣтописяхъ университета и города хорошую память. Независимо отъ тѣсныхъ литературныхъ связей, сближавшихъ нѣкогда Харьковъ съ Полтавой, произведенія Котляревскаго имѣютъ въ настоящее время немаловажное значеніе для археологіи стариннаго малорусскаго быта по обилію въ свое время живыхъ, а нынѣ уже вымершихъ, характерныхъ бытовыхъ подробностей, напримѣръ, относительно украшенія жилища, пищи, одежды, нравовъ, пѣсенъ. Но не въ однѣхъ заслугахъ для археологіи состоитъ значеніе И. П. Котляревскаго. Императорскій харьковскій университетъ также высоко цѣнитъ въ немъ живого общественнаго дѣятеля, стремившагося къ широкому удовлетворенію мѣстныхъ культурныхъ интересовъ. Благодарное потомство поставило И. П. Котляревскому памятникъ, который служитъ, съ одной стороны, нагляднымъ свидѣтельствомъ заслугъ этого писателя, съ другой—доказательствомъ живыхъ общественныхъ стремленій полтавскаго городского общественнаго управленія и всего мѣстнаго полтавскаго образованнаго общества. Да послужитъ же память о заслугахъ И. П. Котляревскаго какъ для современнаго общества, такъ и для будущихъ поколѣній новымъ побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію гуманизма и просвѣщенія!“.

Одинъ изъ двухъ представителей кіевскаго городского управленія сказалъ, что древній Кіевъ, мать городовъ русскихъ, принося поздравленія г. Полтавѣ по поводу устройства памятника И. П. Котляревскому, вдохновившему Шевченка и Гоголя, выражаетъ искреннее пожеланіе, чтобы полтавская нива и впредь имѣла подобныхъ общественныхъ дѣятелей, и чтобы и впредь она украшалась памятниками своихъ великихъ земляковъ.

Отъ г. Харькова депутатомъ его поднесенъ былъ адресъ:

«Городъ Харьковъ, привѣтствуя своего ближайшаго сосѣда, городъ Полтаву, проситъ принять поздравленіе съ только-что совершившимся радостнымъ событіемъ: въ стѣнахъ Полтавы состоялось открытіе памятника первому и любимому малорусскому писателю Ивану Петровичу Котляревскому.

Много времени протекло, пока долго лелѣянная мечта—увѣковѣчить память дорогого поэта, наконецъ, осуществилась.

Много трудовъ затрачено, чтобы имѣть удовольствіе видѣть любимыя черты его въ реальномъ изображеніи.

За то, при воспоминаніи объ этомъ, тѣмъ болѣе восторженное состояніе охватываетъ насъ, и тѣмъ ярче воскресаютъ образы литературныхъ памятниковъ украинской народности, созданные незабвеннымъ Иваномъ Петровичемъ: «Наталка-Полтавка» съ самоотверженною и нѣжно любящей героиней, такъ прекрасно передающей основныя особенности малорусской женщины, и „Москаль-Чарівник" съ своею проповѣдью строго нравственныхъ началъ, лежащихъ въ основѣ малорусской жизни, и вѣчно веселая Виргиліева „Енеіда" съ прекрасно выраженными бытовыми картинами, проникнутыми тонкимъ малорусскимъ юморомъ.

Старые, но милые образы, какъ-бы вновь возрожденные, длинною вереницею толпятся въ нашихъ воспоминаніяхъ и, одаренные жизненными свойствами, вложенными въ нихъ талантомъ, переносятся къ намъ въ настоящее, чтобы въ немъ многое объяснить и украсить.

Харьковцы приносятъ благодарность полтавцамъ за всѣ эти пріятныя воспоминанія и выражаютъ пожеланіе, чтобы всегда въ будущемъ вновь открытый памятникъ вызывалъ у всѣхъ возвышенныя чувства и идеальныя мысли, воодушевлявшія героевъ произведеній Котляревскаго".

Папка харьковскаго адреса украшена надписью: «Привѣтствіе полтавскому городскому общественному управленію—отъ харьковскаго, по случаю открытія памятника Ивану Петровичу Котляревскому».

Далѣе слѣдовало привѣтствіе черниговскаго городского управленія слѣдующаго содержанія

«Черниговскую губернію соединяетъ съ полтавскою общность культурнаго населенія прежнихъ вѣковъ, языка и доисторическихъ преданій. И когда въ новое время нашли себѣ выраженіе въ литературѣ духовныя богатства, хранившіяся въ народныхъ массахъ, то населеніе обѣихъ сосѣднихъ губерній, составляющихъ старую Малороссію, равно сочувственно привѣтствовало это возрожденіе мѣстной народной литературы, и имя полтавскаго гражданина Ивана Котляревскаго, славнаго дѣятеля нашего возрожденія, стало одинаково почетнымъ и любимымъ также и въ Черниговѣ, и по всей Украинѣ.

Появленіе сто лѣтъ назадъ произведеній Котляревскаго, а затѣмъ и другихъ авторовъ на народномъ языкѣ, служа выраженіемъ духовной жизни народа, имѣло не малое общественное значеніе: литература эта, равно доступная и близкая богачу и бѣдняку, пану и наймиту, сближая сословія, вызвала въ господствующемъ классѣ вниманіе и уваженіе къ «меньшему брату». Выражая желаніе мѣстнаго общества, черниговская городская дума почитаетъ долгомъ привѣтствовать полтавское городское общественное управленіе въ день открытія памятника незабвенному первому народному украинскому поэту И. П. Котляревскому, и выражаетъ увѣренность въ томъ, что заслуга въ этомъ дѣлѣ полтавскаго городского общественнаго управленія будетъ оцѣнена во всей Украинѣ.

Представителемъ одесскаго городского управленія, членомъ управы г. Бѣлоусовымъ, было засвидѣтельствовано, что Одесса весьма чутко относится ко всему, что происходитъ въ Украинѣ, и привѣтствуетъ послѣднюю, какъ родную мать. Свою прочувствованную рѣчь г. Бѣлоусовъ закончилъ восклицаніями: слава «Котляревскому, слава Украинѣ, слава г. Полтавѣ!»

Отъ имени г. Кременчуга членомъ городской управы г. Роговскимъ былъ прочитанъ адресъ:

«Милостивые государи! Сто тридцать четыре года тому назадъ въ историческомъ центрѣ Малороссіи—Полтавѣ родился Иванъ Петровичъ Котляревскій, будущій создатель новаго направленія въ малорусской литературѣ, одинъ изъ тѣхъ сыновъ Украины, значеніе котораго, какъ писателя, не только ярко от-

разилось въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, но и въ настоящее время своими живыми, художественно созданными образами способнаго будить лучшія чувства человѣчества.

Не великихъ дѣятелей и героевъ своей горячо любимой многострадальной родины воспѣлъ Котляревскій:—новыя вѣянія, новыя условія, въ которыя ставилась Малороссія, не могли пройти незамѣченными чуткимъ писателемъ и не могли не вызывать отклика въ его произведеніяхъ.

То было время, когда нежелательные чувства и инстинкты находили сильную поддержку своему развитію въ водворявшемся крѣпостномъ правѣ, накладывая характерный отпечатокъ на весь жизненный строй тогдашняго малороссійскаго общества, и велика заслуга передъ родиной Котляревскаго, перваго открыто ставшаго всей силой своей ѣдкой сатиры на сторону слабыхъ и угнетенныхъ, смѣло поднявшаго голосъ противъ всякаго насилія и эксплоатаціи.

Благодарное потомство не забыло своего одареннаго талантомъ земляка.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію и почину полтавскаго городского общественнаго управленія, нынѣ Полтава украсилась прекраснымъ памятникомъ тому, чей стихъ, безсмертно сохранивъ юношескую свѣжесть сотню лѣтъ, сохранитъ ее и въ будущемъ на долгія времена.

Привѣтствуя и поздравляя Полтаву, въ лицѣ ея представителей, въ день открытія памятника незабвенному, дорогому писателю нашему Ивану Петровичу Котляревскому, кременчугское городское общественное управленіе шлетъ свои искреннія пожеланія дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія историческому и культурному центру старой Малороссіи, ближайшему сосѣду своему—Полтавѣ».

Адресъ вложенъ въ изящную бѣлую бархатную папку.

Отъ Лубенъ:

„Рѣшающій культурно-историческій моментъ переживали во второй половинѣ XVIII в. украинскій народъ и его литература. Давно окончилась былая завзятая борьба за вѣру и волю, замолкли „гаківниці та пістолі“, не слышно стало лязга козацкихъ сабель «на степах-облогах». Окончилась и борьба вдохновен-

нымъ словомъ за свободу совѣсти, которую вела тогдашняя украинская литература. Сыграла свою роль въ жизни народной и кіево-могилянская академія, этотъ очагъ украинской культуры, пріютъ науки и литературы славянско-украинской. Исчезла вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя связь съ народной массой, которая раньше, несмотря на мертвую схоластику и малопонятный славянскій языкъ, все-таки придавала жизненности и силы академической наукѣ и литературѣ.

А тамъ, на западѣ, у культурныхъ европейскихъ народовъ уже загоралась борьба новыхъ формъ духовной жизни, тамъ вступали въ борьбу двѣ разныя культурныя системы, два противоположныя міровоззрѣнія; открывались новые пути, новыя направленія духовнаго развитія европейскихъ народовъ. Вѣкъ абстрактнаго мышленія, вѣкъ нетерпящихъ противорѣчія логическихъ системъ, вѣкъ, не признававшій живой дѣятельности, отступалъ передъ побѣдоноснымъ натискомъ новаго духовнаго фактора, черпавшаго свою силу изъ глубины живой человѣческой души и ихъ окружающей живой дѣятельности Эта волна новой жизни съ новымъ содержаніемъ и новыми формами надвигалась и на украинскій народъ. Чѣмъ же могла встрѣтить и привѣтствовать ее тогдашняя украинская литература? Средневѣковыя интермедіи, рождественскія и пасхальныя вирши, схоластическія трагедокодеміи да нѣсколько лѣтописныхъ хроникъ — таково было все его богатство.

А волна подступала все ближе и ближе... Исторія, этотъ неумолимый судья народовъ, который ничего не признаетъ, кромѣ движенія впередъ и совершенствованія, поставила тогда передъ украинскимъ народомъ послѣдній рѣшительный вопросъ: быть или не быть ему, какъ культурной націи; способенъ-ли онъ войти въ семью другихъ культурныхъ народовъ, использовать и свои духовныя богатства на благо человѣчества, сдѣлать и свой вкладъ въ сокровищницу общечеловѣческихъ культурныхъ произведеній, или долженъ погибнуть навсегда, умереть должникомъ передъ человѣчествомъ, не исполнивъ своего святого долга, не возвративъ ему того богатства, которымъ такъ щедро на общее благо надѣлила его природа. Отвѣтить на этотъ вопросъ, отвѣтить съ твердою вѣрою въ лучшее будущее и въ то-же время родною рѣчью, подъ роднымъ кровомъ, привѣтствовать эту волну

новой жизни было суждено сыну бѣднаго полтавскаго канцеляриста—Ивану Петровичу Котляревскому. Здоровая, не искалѣченная натура его, большой талантъ, широкое образованіе подсказали ему, что и какъ долженъ онъ дѣлать. Богатая психологія родного народа и свѣжій, чистый источникъ его, родная рѣчь, послужили ему матеріаломъ для великой творческой работы на общее благо Таково національное и общечеловѣческое значеніе литературной дѣятельности Котляревскаго. Потому и торжество открытія памятника ему должно быть торжествомъ національнымъ и общекультурнымъ. «Чолом низьким уклоном» памяти славнаго сына Полтавы, творца «Енеіди» и «Наталки-Полтавки»! Искренняя признательность его славнымъ землякамъ, полтавской городской думѣ, которая въ дѣло увѣковѣченія памяти поэта вложила свою иниціативу, столько труда, столько матеріальныхъ жертвъ. «Не единымъ бо хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ»—этотъ великій принципъ положила она въ основаніе своей дѣятельности на зарѣ XX вѣка. Пусть же на праздникѣ 100-лѣтняго юбилея спокойнаго, но тяжелаго духовнаго труда вмѣстѣ съ другими голосами признательности полтавской городской думѣ будетъ услышанъ благодарный голосъ съ береговъ воспѣтой вѣщимъ Баяномъ Сулы, голосъ одного изъ древнѣйшихъ городовъ Полтавщины.

Искренно привѣтствуя свою старшую сестру, полтавскую городскую думу, лубенская городская дума вѣритъ, что нѣтъ такой истинно культурной дѣятельности, которая не оставила бы своего слѣда въ исторіи развитія народнаго: «не вважай на врожай: сій жито—хліб буде»,—такъ говоритъ народная мудрость.

Депутація отъ Миргородскаго городского управленія привѣтствовала думу въ такихъ выраженіяхъ:

„Отъ города Миргорода привѣтствуемъ Васъ съ торжествомъ открытія памятника славному земляку, піонеру украинской литературы, Ивану Петровичу Котляревскому. Позвольте выразить Вамъ сердечныя пожеланія! Да процвѣтаетъ Полтава, да здравствуютъ на пользу родины просвѣщенные иниціаторы настоящаго культурнаго праздника, да здравствуютъ всѣ, принимавшіе участіе въ сооруженіи памятника родному поэту!“.

На этомъ закончились привѣтствія городовъ, а затѣмъ выступили представители земскихъ учрежденій.

Отъ Харьковскаго губернскаго земства прочитанъ былъ адресъ:

„Сегодня въ сердцѣ старой Украины открытъ памятникъ знаменитому малорусскому писателю Ивану Петровичу Котляревскому. Впервые увѣковѣчена память создателя новой малороссійской литературы, въ произведеніяхъ которой нашли себѣ талантливое выраженіе лучшія стороны малорусскаго народнаго генія: его спокойный, незлобивый умъ, тонкая наблюдательность, мѣткій и въ то же время добродушный юморъ. Знаменательно и отрадно, что память Котляревскаго чествуется въ домѣ, носящемъ имя другого, уже мірового писателя, также уроженца полтавской губерніи, Н. В. Гоголя: его безсмертныя творенія проникнуты тѣмъ же духомъ и тѣми же особенностями, которые впервые выразились въ музѣ Котляревскаго. Мы, представители харьковскаго губернскаго земства, прибывшіе изъ центра новой Слободской Украины, приносимъ поздравленіе полтавскому городскому управленію съ окончаніемъ дѣла, имѣющаго важное культурно-просвѣтительное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражаемъ увѣренность, что имя Котляревскаго навсегда останется въ памяти малорусскаго народа и что къ памятнику славнаго писателя, по выраженію поэта, «не заростетъ народная тропа».

Затѣмъ слѣдовалъ адресъ отъ Харьковскаго уѣзднаго земства:

„Мы только что присутствовали при открытіи памятника Ивану Петровичу Котляревскому... Кто изъ грамотныхъ малороссовъ не знаетъ произведеній этого знаменитаго украинскаго писателя. Въ немъ наилучшимъ образомъ воплотился малорусскій народный геній: безобидный юморъ, тонкій наблюдательный умъ блещутъ въ каждой строчкѣ его сочиненій. Полтавская губернія счастлива на великихъ художниковъ слова: геніальный Гоголь, сдѣлавшійся міровымъ писателемъ, также уроженецъ ея. И Полтава умѣетъ чтить великихъ людей, чему яркимъ доказательствомъ служитъ сегодняшнее торжество. Да здравствуетъ Полтавское городское управленіе, трудами котораго такъ увѣковѣ-

чивается память славныхъ ея сыновъ! Харьковское уѣздное земство, представителемъ котораго я имѣю честь быть, будучи увѣрено, что И. П. Котляревскій не исчезнетъ никогда изъ памяти малорусскаго народа, почитающаго въ немъ великаго выразителя своихъ характерныхъ чертъ ума и сердца, поручило мнѣ принести поздравленія городскому управленію съ окончаніемъ задачи, достойной культурнаго города».

Предсѣдатель Полтавской уѣздной земской управы прочиталъ привѣтствіе отъ имени управы:

«День открытія памятника славному уроженцу Полтавы, Ивану Петровичу Котляревскому, займетъ свѣтлую страницу въ исторіи мѣстнаго края и въ частности общественнаго управленія г. Полтавы. Мы имѣемъ удовольствіе присутствовать на столь рѣдкомъ у насъ чисто-культурномъ торжествѣ, посвященномъ памяти родоначальника малорусской литературы.

Не здѣсь, не въ этомъ засѣданіи умѣстно доказывать, насколько высоко и цѣнно служеніе обществу представителей литературы, насколько велики ихъ заслуги передъ роднымъ краемъ. Въ данномъ случаѣ особенно дорого то, что чествуемый писатель—писатель по преимуществу народный. Съ своеобразнымъ юморомъ, въ яркихъ краскахъ Котляревскій изобразилъ жизнь и нравы дорогой всѣмъ намъ Украины. Его пѣсни, полныя граціи и глубокаго чувства, уже давно сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Котляревскій положилъ начало малорусской поэзіи и имѣлъ славныхъ преемниковъ, но литература, какъ и всякая общественная дѣятельность, для своего развитія требуетъ извѣстнаго простора. Сегодняшнее чествованіе не только справедливая дань прошлому, но и залогъ лучшаго будущаго. Воодушевленная этими надеждами, Полтавская уѣздная земская управа счастлива, что имѣетъ возможность привѣтствовать общественное управленіе города Полтавы въ этотъ торжественный и знаменательный день».

Предсѣдатель Полтавской губернской управы г. Лизогубъ въ своемъ привѣтствіи отмѣтилъ, что городское управленіе, поставивъ памятникъ Котляревскому, сняло упрекъ, который обы-

кновенно намъ бросаютъ, что мы не умѣемъ цѣнить своихъ выдающихся представителей.

Въ пространномъ адресѣ Черниговской губернской земской управы, прочитанномъ членомъ послѣдней, г. Солониной, сдѣлана такая оцѣнка значенія И. П. Котляревскаго и его литературныхъ трудовъ:

«Котляревскій жилъ во времена полнаго расцвѣта «кріпацтва», въ то жестокое время, когда личность нѣсколькихъ милліоновъ людей попиралась самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, а человѣческое достоинство представлялось пустымъ звукомъ, не имѣющимъ никакого реальнаго содержанія. Неоцѣнимая заслуга Котляревскаго состояла именно въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ, отнесшихся любовно къ своему народу, однимъ изъ тѣхъ немногихъ въ его время людей, которые нашли въ себѣ достаточное мужество вмѣстѣ съ необходимымъ дарованіемъ, чтобы заглянуть въ самую душу народа, въ неисчерпаемый родникъ его чувствъ, мыслей, желаній и стремленій. Котляревскому удалось поколебать высокомѣрное пренебреженіе къ народу... Это былъ уже большой шагъ впередъ на пути сближенія интеллигенціи съ народомъ, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается главнѣйшее признаніе и заслуга чествуемаго нами писателя».

Далѣе въ адресѣ отмѣчено, что

„возбуждая чувства добрыя въ сердцахъ ко всему обиженному и угнетенному, ко всякому «безталанню», произведенія Котляревскаго всегда имѣли, и продолжаютъ сохранять до нашихъ дней, извѣстное воспитательное вліяніе не только на малороссовъ благодаря ихъ духовному родству съ изображаемой жизнью, но и на людей другой національности. Цѣлое поколѣніе выросло и воспиталось подъ вліяніемъ чудныхъ образовъ, созданныхъ талантливымъ перомъ нашего родного драматурга; многія изъ пѣсенъ его и до сихъ поръ еще, несмотря на многочисленные сборники, вышедшіе послѣ того, украинскихъ народныхъ произведеній, не утратили своей чарующей прелести, а нѣкоторые проникли даже въ народъ. Извѣстныя его выраженія, облюбованныя публикой, сдѣлались пословицами и поговорками... Котляревскаго, по спра-

ведливости, считають родоначальникомъ украинской оперетты: благодаря ему наша дивная малорусская мелодія завоевала себѣ общія симпатіи не только среди родственныхъ славянъ, но даже и болѣе чуждыхъ по духу народностей, воспитавшихся на совершенно иныхъ музыкальныхъ образцахъ. Въ этомъ заключается еще одна культурная заслуга чествуемаго писателя».

Въ ряду другихъ привѣтствій особенно сильное впечатлѣніе на присутствовавшую публику произвелъ адресъ Черниговской уѣздной земской управы:

„Черниговская уѣздная земская управа горячо привѣтствуетъ полтавцевъ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому, славному украинскому поэту, родоначальнику новой украинской литературы. Открытіе памятника этому выдающемуся дѣятелю въ области родного слова дѣйствительно является выдающимся событіемъ въ жизни украинскаго народа, коимъ чествуется дѣятель, который въ тяжелое время закрѣпощенья массъ этого народа, презрительнаго отношенія къ его жизни, учрежденіямъ, языку и обычаямъ, въ то время, когда чуждыя народу начала дѣятельно проводились въ жизнь его, силою своего таланта заставилъ читать произведенія, писанныя на языкѣ этого народа, восхищаться ими. Котляревскій показалъ красоту, силу и богатство украинскаго языка, привлекъ къ плодотворной работѣ въ дѣлѣ его развитія другихъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ стремился вызвать любовь къ народу, уваженіе къ нему; онъ смѣло выступалъ противъ отрицательныхъ явленій современнаго ему быта, противъ крѣпостного права, противъ господства неправды въ судахъ и въ жизни. Живыми красками рисовалъ онъ и прошлое, и современную ему народную жизнь; вызывая любовь къ народу, онъ заинтересовалъ читателей его прошлымъ и обращалъ вниманіе на его тяжелое настоящее. Котляревскій былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ истинно гуманныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, которые подготовили культурное народолюбивое движеніе, достигшее высшаго развитія въ 40-хъ и 60-хъ годахъ, а безъ этого плодотворнаго движенія немыслимы были бы, между прочимъ, существованіе и дѣятельность всесословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, въ которыхъ соединяются для общей работы

представители разныхъ сословій, которыя объединяютъ народъ и интеллигенцію, сближая ихъ между собой. Черниговская уѣздная земская управа вѣритъ, что тѣ высокія начала, которыми была проникнута дѣятельность Котляревскаго, положенныя въ основу дѣятельности общественныхъ учрежденій и силъ, сдѣлаютъ эту дѣятельность плодотворной для развитія поступательнаго движенія нашего народа, освѣтя жизнь тою любовью къ народу, которая такъ ярко выразилась въ произведеніяхъ и дѣятельности того земляка нашего, которому поставленъ памятникъ въ славной Полтавѣ".

Отъ лица Полтавскаго Петровскаго кадетскаго корпуса принесъ привѣтствіе инспекторъ корпуса г. Липеровскій, сказавшій слѣдующее:

«Мысль человѣческая, выраженная-ли словомъ, музыкальнымъ-ли звукомъ, кистью, лѣпкой или рѣзцомъ, всегда оставляетъ слѣдъ впечатлѣній въ душѣ воспринимающаго ее. Но память людская имѣетъ свои предѣлы и потому многія и многія дорогія всѣмъ намъ мысли лежатъ въ душѣ нашей забытыми. Всякій разъ, когда кто-либо сумѣетъ извлечь изъ глубины сердца нашего добрую мысль, мы схватываемъ ее какъ родную и долго, долго радуемся ей. Вызвать радостное чувство воспоминаніемъ о думахъ, высказанныхъ почти сто лѣтъ тому назадъ и порядочно забытыхъ (?) даже на мѣстѣ родины пѣвца русской (?) лиры Ивана Петровича Котляревскаго, дѣлаетъ честь и славу горожанамъ Полтавы и ея представителямъ. Пусть памятникъ ея поэту, это видимое выраженіе его думъ, служитъ постояннымъ намъ и будущимъ поколѣніямъ напоминаніемъ, что добрыя мысли надо беречь во времени: они дороги намъ, потому, что вызываютъ радостное чувство».

Затѣмъ было прочитано привѣтствіе отъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца:

„Историческое Общество Нестора-лѣтописца при университетѣ св. Владиміра шлетъ свой искренній привѣтъ славной Полтавѣ въ торжественный день открытія памятника ея великому гражданину. Сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда исчезали

послѣдніе слѣды самобытнаго общественнаго строя Малороссіи, когда жизнь ея складывалась на иныхъ началахъ и по инымъ формамъ, когда культурные классы малорусскаго общества забывали языкъ отцовъ и дѣдовъ, стали относиться къ нему съ пренебреженіемъ, считая его достояніемъ одного лишь простонародья,—Котляревскій написалъ свою «Енеіду». Въ ней въ первый разъ живой народный языкъ Украины сдѣлался языкомъ художественно-литературнаго произведенія, сразу затмившаго собою все, что было писано южнорусскими писателями предшествовавшихъ вѣковъ,

И тайна этого безпримѣрнаго успѣха заключалась не столько въ личныхъ дарованіяхъ поэта, сколько въ геніальномъ уразумѣніи той великой истины, что духъ народа можетъ найти полное для себя выраженіе единственно въ живой народной рѣчи.

Добромъ пусть будутъ помянуты на этомъ торжествѣ и тѣ многочисленные, нерѣдко весьма талантливые южнорусскіе писатели, которые трудились на литературномъ поприщѣ въ XVII—XVIII ст., но ихъ ошибка заключалась въ томъ, что они, согласно понятіямъ своего вѣка, стремились къ созданію искусственнаго книжнаго языка, намѣренно удаленнаго отъ живой стихіи народной рѣчи, и потому обреченнаго на вымираніе. Въ этомъ и разгадка того, почему имена предшественниковъ Котляревскаго забыты, а его славное имя живетъ и будетъ жить.

Памятникъ Котляревскому—это памятникъ не ему одному, но и тому живому народному слову, которое въ его произведеніяхъ получило впервые литературную обработку и стало выраженіемъ высшихъ духовныхъ интересовъ многомилліоннаго племени. Въ этомъ—безсмертная заслуга Котляревскаго. Честь и слава Полтавѣ, сумѣвшей оцѣнить эту заслугу и почтить ее достойнымъ образомъ.

Краткія привѣтствія произнесены были затѣмъ проф. Данилевичемъ, по уполномочію историко-филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ, и преподавателемъ корпуса г. Люсинымъ отъ кружка любителей физико-математическихъ наукъ.

Гласнымъ думы Ф. О. Коваржикомъ выражено было привѣтствіе отъ славянскаго клуба въ Прагѣ:

«Общество чешскихъ патріотовъ «Славянскій клубъ» въ Прагѣ—сказалъ онъ,—въ короткое время уже второй разъ возлагаетъ на меня почетное порученіе передать его привѣтъ милой Полтавѣ.

Сегодняшнее празднество есть актъ благодарности потомства выдающемуся писателю, заслуги котораго здѣсь уже оцѣнены... Впрочемъ, наилучшей оцѣнкою служитъ самый фактъ устройства столь блестящаго памятника И. П. Котляревскому. Для насъ чеховъ достаточно, что вы радуетесь, и мы, какъ родные братья, радуемся вмѣстѣ съ вами.

Сочувствуя прославленію знаменитыхъ людей вообще, чешскій народъ особенно симпатизируетъ прославленію великихъ сыновей нашей общей матери Славіи.

Поступая такъ, мы дѣйствуемъ согласно завѣщанію нашего поэта Яна Коллара, выраженному словами: «Slavme slavne slau Slavian slavnich» (Славимте славно славу славянъ славныхъ)!

Депутаціей Черниговской губернской ученой архивной коммиссіи поднесенъ былъ прочитанный однимъ изъ представителей адресъ такого содержанія:

«Посвятивъ свою дѣятельность изученію мѣстной старины и народныхъ преданій, Черниговская губернская ученая архивная коммиссія пришла къ необходимости изученія памятниковъ украинскаго художественнаго творчества, въ ихъ исторической связи и преемственности.

Ивану Петровичу Котляревскому—одному изъ первыхъ коммиссія должна была удѣлить особое вниманіе, въ виду важной роли его въ исторіи украинской литературы и самосознанія.

Иванъ Петровичъ Котляревскій, стоявшій на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ, прежней гетманской и новой обще-имперской, отразилъ въ своей литературной дѣятельности вліянія переходного времени. Произведенія его являются яркими иллюстраціями тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Родоначальникъ новой украинской литературы и одинъ изъ первыхъ собирателей народныхъ пѣсенъ и обычаевъ, онъ далъ толчекъ для дальнѣйшихъ работъ по изученію нашей народности. Сооруженіе памятника столь славному историческому дѣятелю

Украины достойно глубокаго уваженія всѣхъ любящихъ родную старину и дорожащихъ культурными интересами народа. Въ настоящій торжественный день открытія памятника, привѣтствуя Полтавское общество, Черниговская архивная коммиссія считаетъ долгомъ свидѣтельствовать ему глубокую признательность за понесенные имъ труды и жертвы».

Одинъ изъ членовъ Черниговской архивной коммиссіи просилъ также принять привѣтствіе и отъ музея Тарновскаго въ Черниговѣ.

Отъ Харьковскаго Общества грамотности и Харьковской общественной библіотеки привѣтствовалъ думу проф. Багалѣй. Исходя изъ той точки зрѣнія, что общественная цѣнность культурныхъ дѣятелей опредѣляется степенью жизненности ихъ начинаній, проф. Багалѣй отмѣтилъ, что И. П. Котляревскій является огромной величиной, разъ его произведенія, несмотря на цѣлое столѣтіе, продолжаютъ еще жить въ народѣ. Въ заключеніе проф. Багалѣй выразилъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ измѣнились къ лучшему какъ внутреннія, такъ и внѣшнія условія развитія и распространенія украинской литературы.

Отъ Нѣжинской городской думы однимъ изъ трехъ депутатовъ прочитанъ былъ привѣтственный адресъ:

«Откликаясь на призывъ Полтавской городской думы почтить торжество открытія памятника славному Полтавскому поэту-кобзарю, какъ назвалъ Котляревскаго даровитѣйшій изъ позднѣйшихъ украинскихъ поэтовъ Т. Г. Шевченко, Нѣжинская городская дума тѣмъ охотнѣе приняла это предложеніе, что въ Нѣжинѣ получили воспитаніе и образованіе многіе даровитые полтавцы, въ томъ числѣ незабвенный Н. В. Гоголь, стяжавшій безсмертную славу художественнымъ сочетаніемъ интересовъ двухъ родственныхъ разновидностей русскаго народа, какъ и широкимъ освѣженіемъ и обогащеніемъ общаго русскаго литературнаго языка изъ сокровищъ малороссійскаго духа и слова народнаго

Слава и значеніе Гоголя въ общерусской литературѣ извѣстнымъ образомъ отражатюся и на чествуемомъ нынѣ Пол-

тавой И. П. Котляревскомъ, какъ родоначальникѣ новѣйшей украинской литературы, повліявшемъ на языкъ, образность и тонъ поэтическихъ произведеній Гоголя, мѣстами замѣтно подражавшаго Котляревскому и видимо хорошо освоившагося съ важнѣйшими поэтическими произведеніями послѣдняго—«Энеидой», «Наталкой-Полтавкой» и «Москалемъ Чаривныкомъ».

Котляревскій—истинный поэтъ; въ произведеніяхъ его дышетъ неувядаемая прелесть вѣрнаго и картиннаго изображенія малороссійской жизни, неподражаемаго и захватывающаго юмора, съ которымъ онъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа, игриваго, непринужденнаго и въ высшей степени народнаго языка, какъ и народнаго быта и народной психики.

Какъ глубокій знатокъ малороссійскаго языка и быта, исторіи народа, его обычаевъ, пѣсенъ, преданій, пословицъ и всей народной жизни, Котляревскій сразу какъ-бы сталъ, по словамъ одного ученаго изслѣдователя (Н. П. Дашкевича) «общенароднымъ поэтомъ, возбудивъ интересъ къ своимъ произведеніямъ не только въ интеллигентномъ классѣ украинцевъ, но и въ простомъ народѣ». Не даромъ, значитъ въ 1841 г. Т. Г. Шевченко, человѣкъ съ широкимъ поэтическимъ міросозерцаніемъ, писалъ о Котляревскомъ:

Не вмре кобзарь бо на віки
    Его (слава) привітала
Будеш, батьку, панувати,
    Поки живуть люде;
Поки сонце з неба сяе
    Тебе не забудуть...

Да будетъ жизнь и дѣятельность этого славнаго Полтавскаго поэта-кобзаря путеводнымъ свѣточемъ и для воспитанія въ народномъ духѣ грядущихъ поколѣній на благо и славу родины и великаго общерусскаго отечества!

Честь и слава представителямъ Полтавскаго городского населенія за чествованіе памяти славнаго на литературномъ поприщѣ своего согражданина, родоначальника новѣйшей украинской литературы!»

По выслушаніи послѣдняго изъ приведенныхъ нами привѣтствій, на каѳедрѣ появился делегатъ Черниговскаго музыкально-драматическаго кружка, извѣстный украинскій писатель г. Коцюбинскій и прочелъ привѣтствіе отъ кружка, составленное на украинскомъ языкѣ. Громъ рукоплесканій отъ публики, утомленной было продолжительнымъ слушаніемъ предыдущихъ адресовъ и опять воспрянувшей при звукахъ родного слова, былъ наградой за теплое привѣтствіе. Но, къ сожалѣнію, далѣе произошелъ инцидентъ, которому трудно подыскать соотвѣтственное названіе, кромѣ самого грубаго надругательства надъ памятью чествуемаго поэта и насилія надъ чувствами собравшихся чествовать его память. Послѣ г. Коцюбинскаго взошла на каѳедру представительница Черниговскаго драматическаго Общества г-жа Андріевская и начала читать свой, также по-украински составленный, адресъ. Но лишь только она успѣла произнести нѣсколько словъ, какъ вдругъ раздался рѣзкій звонокъ предсѣдательствующаго собраніемъ и голосъ г. городского головы остановилъ г-жу Андріевскую заявленіемъ, что онъ, городской голова, не можетъ разрѣшить чтеніе привѣтствій по-малорусски. Такое заявленіе г. городского головы,—тѣмъ болѣе неожиданное, что оно послѣдовало уже *послѣ* того, какъ былъ выслушанъ цѣлый рядъ адресовъ и привѣтствій, между прочимъ и на украинскомъ языкѣ (отъ галичанъ и г. Коцюбинскаго), и въ каждомъ Котляревскому ставилось въ заслугу именно то самое, что сейчасъ г. городскимъ головою воспрещалось,—конечно глубоко изумило публику. Послышались голоса «просимо читати». Но г. городской голова продолжаетъ настаивать на своемъ, ссылаясь на какое-то распоряженіе, будто бы запрещающее чтеніе привѣтствій по-украински; публика въ зрительномъ залѣ, привставъ съ мѣстъ, съ волненіемъ и недоумѣніемъ слѣдитъ за происходящемъ на сценѣ; часть публики направляется къ выходу. Г-жа Андріевская, вручивъ молча свой адресъ г. городскому головѣ, сходитъ съ каѳедры; въ публикѣ сдерживаемое волненіе... На каѳедрѣ появляется харьковскій присяжный повѣренный г. Михновскій съ заявленіемъ, что такъ какъ порученный ему кружкомъ харьковской интеллигенціи адресъ напи-

санъ также на украинскомъ языкѣ, то въ виду неразрѣшенія г. городскимъ головой чтенія такихъ адресовъ, онъ готовъ подчиниться дискреціонной власти предсѣдателя и читать адреса не будетъ; но зная въ тоже время, что не существуетъ закона, который воспрещалъ бы «прирожденному малороссіянину» говорить на своемъ родномъ языкѣ, онъ, Михновскій, проситъ о случившемся занести въ протоколъ засѣданія и выписку изъ него выдать ему для обжалованія этого незаконнаго воспрещенія въ Сенатъ. Усмотрѣвъ затѣмъ въ поступкѣ г. городского головы нежеланіе принимать украинскіе адреса, г. Михновскій оставляетъ свой адресъ у себя и, передавъ одну лишь пустую папку, при аплодисментахъ публики, удаляется изъ зала. Требованіе о занесеніи случившагося въ протоколъ было поддержано и черниговскимъ присяжнымъ повѣреннымъ г. Шрагомъ. Когда г. городской голова обратился къ публикѣ съ угрозой закрыть засѣданіе, то возмущенная происшедшимъ публика окончательно начала оставлять залъ. Послѣ заявленій г.г. Михновскаго и Шрага поочередно подходили делегаты съ украинскими адресами и, вручая ихъ по принадлежности, каждый повторялъ заявленіе о своемъ протестѣ противъ происшедшаго насилія. Сотрудникъ и представитель «Орловскаго Вѣстника» г. Чеботаревъ, делегатъ Одесскаго Литературно-артистическаго Общества г. Иваненко и еще около десяти представителей различныхъ обществъ присоединяются къ протесту украинскихъ товарищей, заявивъ, что въ виду происшедшаго прискорбнаго инцидента они не находятъ возможнымъ читать свои привѣтствія, хотя послѣднія написаны на русскомъ языкѣ и потому воспрещеніе ихъ не касается[1]... Не оставалось

[1]) Изъ числа адресовъ и устныхъ привѣтствій, которые должны были произноситься присутствующими въ засѣданіи делегатами, остались по указанной причинѣ незаслушанными слѣдующіе: Кіевскаго Общества грамотности и редакціи «Кіевской Старины» (депутатъ—редакторъ «Кіевской Старины» г. Науменко), Кіевскаго литературно-артистическаго Общества (депутатъ г. Стешенко), отъ украинцевъ изъ Екатеринослава, Кіева, Харькова, Чернигова, Херсона, Умани, отъ земляковъ изъ Кубани, отъ *крестьянскаго сельскаго* Общества м. Вер-

ничего другого, какъ закрыть засѣданіе, что и было сдѣлано. Впрочемъ, это была лишь пустая формальность, такъ какъ залъ давно уже представлялъ собою подобіе пустыни аравійской, среди которой, подобно оазисамъ, виднѣлись лишь тамъ и сямъ одинокіе, растерянные люди: публика оставила залъ еще раньше, при первой попыткѣ г. предсѣдательствовавшаго въ собраніи городского головы наложить узду на то слово, которое употреблялъ въ своихъ произведеніяхъ чествуемый писатель...

Такъ закончилось это единственное даже въ лѣтописяхъ русской общественной жизни, такъ богатой всевозможными неожиданностями, случайностями и слишкомъ частымъ примѣненіемъ принципа «тащить и не пущать», это по-истинѣ историческое чествованіе, во время котораго вышеуказанный принципъ былъ съ успѣхомъ испробованъ на томъ самомъ языкѣ и словѣ, которымъ служилъ чествуемый писатель и которые, по прекрасному выраженію г-жи Ефименко, онъ поставилъ «на сторожі» родного народа [1])!.. Впро-

---

кіевки Нѣжинскаго у., Одесскаго литературно-артистическаго Общества, редакцій газетъ: «Орловскаго Вѣстника«, «Кіевской Газеты», «Приднѣпровскаго Края», (представитель-редакторъ г. Духовецкій), «Крымъ» (редакторъ г. Балабуха), Кіевскаго кружка украинскихъ писателей (делегатъ г. Гринченко) и драматическаго товарищества при Харьковскомъ народномъ домѣ («Полтавскій Вѣстникъ», № 214). Кромѣ перечисленныхъ, было еще около 300 привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ, присланныхъ по адресу Полтавской городской думы.

[1]) Странное, чтобы не сказать болѣе, отраженіе описанный инцидентъ нашелъ въ передачѣ нѣкоторыхъ газетъ («Приднѣпровскій Край» и «Крымъ»), представители которыхъ г.г. Духовецкій и Балабуха *лично были* на празднествѣ. Разсказы этихъ господъ, слышавшихъ «неописуемый хаосъ», свистки, стоны, крики, топанье и т п., видѣвшихъ, какъ г. Михновскій разрывалъ свой адресъ, а остальные украинскіе делегаты отдавали лишь пустыя папки, представляютъ наивную или злостную выдумку, ничего общаго съ правдой не имѣющую и изображающую все событіе въ совершенно искаженномъ видѣ. Неудивительно, впрочемъ, что г. Духовецкій, напр., видѣлъ и слышалъ то, чего никто не видѣлъ и не слышалъ, и наоборотъ—не видѣлъ и не слышалъ того, что всѣ видѣли и слышали: онъ, кажется, больше интересовался такими важными событіями, какъ напр.,—сколько времени

чемъ, финалъ этого историческаго засѣданія еще впереди, но, чтобы потомъ не отвлекаться въ сторону, мы изложимъ его сейчасъ. Какъ сообщаетъ «Полтавскій Вѣстникъ» (№ 221), 9 сентября состоялось особое чрезвычайное засѣданіе думы для прочтенія тѣхъ привѣтствій, которые остались не прочитанными вслѣдствіе изложеннаго инцидента; публика опять переполнила думскій залъ. Предсѣдательствовавшій въ собраніи г. городской голова объявилъ, что въ виду полученнаго имъ распоряженія онъ можетъ, какъ это было и на засѣданіи думы 30-го августа, допустить чтеніе привѣтствій только на русскомъ языкѣ. Въ оправданіе этого онъ доложилъ текстъ предложенія г. полтавскаго губернатора, что, согласно полученной отъ министерства внутреннихъ дѣлъ телеграммѣ, въ торжественномъ засѣданіи думы 30 августа всѣ привѣтствія и адресы должны читаться на русскомъ языкѣ. Гласные г.г. Черненко, Зиновьевъ, Казинъ и Сосновскій, считая указанное распоряженіе лишеннымъ законныхъ основаній, рекомендовали обжаловать его въ Правительствующій Сенатъ. Предложеніе это единогласно принято думой. Большинствомъ противъ одного собраніе постановило—до рѣшенія Сената не читать ни одного изъ оставшихся не прочитанными привѣтствій, сообщивъ объ этомъ постановленіи всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, отъ которыхъ таковыя получены. Послѣ этого рѣшено было закрыть засѣданіе, не переходя къ обсужденію другихъ, стоящихъ на очереди, вопросовъ...

Второй день празднествъ (31 августа) былъ посвященъ художественному, такъ сказать, чествованію Котляревскаго, носившему поэтому нѣсколько иной характеръ, чѣмъ наканунѣ. Предполагавшееся первоначально чтеніе для народа біографіи Котляревскаго было почему-то отмѣнено, а взамѣнъ этого состоялось «литературно-музыкальное утро», а вечеромъ—торжественный спектакль. «Утро» открылось чтеніемъ извѣстнаго стихотворенія Шевченка «На вічну память Котляревському», исполненнаго Н. К. Садовскимъ, и состояло изъ кантаты на то же стихотвореніе,

---

тому назадъ женился г. полтавскій вице-губернаторъ, въ какой шляпкѣ была та или другая делегатка, сколько разъ и гдѣ именно ему, г. Духовецкому, отдавали честь городовые,—о чемъ прелюбезно и доводитъ, «при сей вѣрной оказіи», до свѣдѣнія своихъ читателей...

написанной къ столѣтнему юбилею украинской литературы Н. В. Лисенкомъ, чтенія отрывковъ изъ «Енеіди» (читалъ г. Старицкій) и множества разнообразныхъ номеровъ пѣнія. Хоръ подъ управленіемъ г. Лисенка, прекрасно срепетованный, богатый по количеству и голосовымъ средствамъ пѣвцовъ, одѣтыхъ въ украинскіе народные костюмы, производилъ сильное впечатлѣніе и вызвалъ горячіе восторги среди публики, которой вообще не часто приходится слушать прекрасное пѣніе въ такомъ образцовомъ исполненіи. Нужно отмѣтить также свѣтовыя картины, поставленныя по рисункамъ извѣстнаго украинскаго художника и этнографа П. Д. Мартиновича, прекрасно иллюстрирующимъ важнѣйшіе эпизоды изъ «Енеіди»[1]).

Вечеромъ въ томъ же Гоголевскомъ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей состоялся торжественный спектакль («Наталка-Полтавка»), закончившійся кантатой г. Лисенка и апоѳеозомъ Котляревскаго. Въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» выступили корифеи украинскаго театра—М. Л. Кропивницкій, И. К. Карпенко-Карый, Н. К. Садовскій, и потому объ исполненіи безсмертной оперетты Котляревскаго долго говорить не приходится: оно извѣстно почти всѣмъ: съ артистами зрители еще разъ пережили всѣ перепетіи этой простой, но въ высшей степени трогательной драмы человѣческаго сердца. Апоѳеозъ, которымъ закончился спектакль, представлялъ сцену увѣнчанія славой поэта, окруженнаго живописно расположенными группами народа. Жаль только, что отсутствовали персонажи изъ «Наталки-Полтавки», которые своимъ присутствіемъ несомнѣнно придали бы апоѳеозу и больше внѣшней эффектности, и болѣе глубокій внутренній смыслъ... Товарище-

---

[1]) Нельзя обойти молчаніемъ функціонировавшую во время празднествъ художественную выставку въ память Котляревскаго, на которой особенное вниманіе обращали на себя рисунки карандашемъ и этюды того же г. Мартиновича, рядъ иллюстрацій его «до Енеіди» (изданы въ настоящее время Полтавской думой), прекрасныя сценки изъ украинской жизни и пейзажи художниковъ Васильковскаго, Сластіонова, Кричевскаго. Красицкаго и др., бронзовая группа г. Позена «Пастушка» и многое другое.

скимъ ужиномъ послѣ спектакля и общей снимкой участниковъ торжества на слѣдующій день закончился внѣшнимъ образомъ праздникъ украинской интеллигенціи.

Да, мы увѣрены, что это было лишь внѣшнее окончаніе незабвенныхъ «дней Котляревскаго»; внутреннее же, разумѣя подъ этимъ тотъ слѣдъ, который остался въ сердцахъ участниковъ перваго праздника украинской интеллигенціи, придется отодвинуть по крайней мѣрѣ на неопредѣленно продолжительное время. Можно съ увѣренностью сказать, что и для Полтавцевъ «дни Котляревскаго» на долгое время останутся предметомъ возвышающихъ, отрадныхъ воспоминаній [1]), и для ихъ случайныхъ гостей эти же дни станутъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточено что-то такое, что поднимаетъ душу надъ будничными заботами и стремленіями, сообщая ей ту душевную отраду и тѣ бодрящія впечатлѣнія, безъ которыхъ на бѣломъ свѣтѣ жить было бы слишкомъ тяжело. Вѣдь все наше сѣренькое существованьице превратилось бы тогда въ сплошную цѣпь мелочныхъ разсчетовъ и соображеній, не прерываясь ни однимъ свѣтлымъ лучемъ, не находя нигдѣ живительныхъ lucida intervalla... И разнесутъ, разъѣхавшись, гости эти бодрящія впечатлѣнія, ворвавшіяся въ ихъ жизнь свѣтлымъ лучемъ, во всѣ края, и долго еще, быть можетъ, гдѣ-нибудь въ глухомъ медвѣжьемъ углу, среди тяжелой, подавляющей обстановки, эти дни будутъ напоминать человѣку, что не все въ жизни сосредоточено на однѣхъ лишь матеріальныхъ заботахъ, а существуютъ и другія стремленія, которыя заставляютъ людей, глубоко проникнутыхъ какой-нибудь высшей идеей, забывать все на свѣтѣ...

---

[1]) «Памятникъ Котляревскому,—сообщаетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ,—продолжаетъ служить центромъ вниманія со стороны обывателей. Въ теченіе послѣднихъ дней еще не было, кажется, ни одного момента, кромѣ, конечно, ночи, чтобы возлѣ него не стояла группа «всестороннe» разсматривающихъ его людей. Ни о чемъ другомъ, кромѣ памятника, теперь, собственно говоря, и не бесѣдуютъ даже наши обыватели. Разговоры о Котляревскомъ слышатся даже тамъ, гдѣ раньше и не знали, кто такой былъ Котляревскій» («Полтавскій Вѣстникъ», 215).

Но этимъ нравственнымъ вліяніемъ не исчерпывается все значеніе «дней Котляревскаго». Суммируя всѣ впечатлѣнія этого праздника, который мы назвали праздникомъ украинской интеллигенціи, нельзя не отмѣтить на первомъ планѣ того всеобщаго подъема и напряженія духовныхъ силъ, которые онъ вызвалъ среди украинскаго общества, выславшаго на это время своихъ представителей въ Полтаву. Этотъ подъемъ, это напряженіе сказывались во всемъ, и хотя, быть можетъ, въ мелочахъ и были какіе-нибудь, говоря вообще, недочеты, то во всякомъ случаѣ передъ нашими глазами, прошелъ актъ величайшей для украинскаго общества важности, историческаго значенія. Если подобные праздники имѣютъ громадное значеніе для всякаго вообще общества, то для украинскаго, въ виду того особенного положенія, которое занимаетъ оно, этотъ актъ пріобрѣтаетъ прямо таки колоссальное значеніе. *Въ первый разъ* украинская интеллигенція заявила о своемъ существованіи и, при томъ, такимъ энергичнымъ способомъ, что для сомнѣній или ироническихъ экивоковъ уже болѣе нѣтъ мѣста; *въ первый разъ* эта интеллигенція показала свою культурную зрѣлость и стойкость въ отстаиваніи своихъ интересовъ; *въ первый разъ* она выступила солидарно, соединивъ у подножія памятника своему первому интеллигенту представителей всѣхъ возможныхъ направленій, литературныхъ и общественныхъ, и этой солидарностью доказала, что она представляетъ солидную общественную силу, съ которой необходимо серьезно считаться... *Въ первый разъ*, наконецъ, у насъ открыто проявилось братское участіе къ нашимъ дѣламъ нашихъ братьевъ изъ Австрійской Украины, и это отмѣченнымъ чертамъ сообщаетъ еще большую цѣну. И нужно только пожелать, чтобы урокъ, данный намъ этимъ праздникомъ, не прошелъ для насъ даромъ, а всегда и вездѣ служилъ нагляднымъ примѣромъ и напоминаніемъ того, что̀ значитъ культурная, сознающая себя и солидарно дѣйствующая общественная сила...

Еще два слова. Мы назвали дни Котляревскаго въ Полтавѣ праздникомъ украинской *интеллигенціи, но не народа*, и особенно на этомъ настаиваемъ, несмотря даже на то, что одинъ изъ ораторовъ въ думскомъ засѣданіи утверждалъ противное и

даже былъ награжденъ за это шумными рукоплесканіями. Мы можемъ конечно, цѣнить, благородныя побужденія и оратора, особенно подчеркнувшаго фактъ участія народа въ постановкѣ памятника своему писателю, и публики, сочувственно за это отнесшейся къ оратору; но, думаемъ, не должны заблуждаться на счетъ истиннаго значенія подчеркнутаго факта. Собственно говоря, участіе въ нашемъ національномъ торжествѣ *народа*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, проявилось крайне слабо. Число жертвователей изъ народа,—зная, какимъ образомъ пожертвованія у насъ очень часто собираются,—нельзя, по нашему мнѣнію, считать сколько-нибудь вѣрнымъ показателемъ настроенія народной среды. Съ другой стороны мы можемъ отмѣтить показатель, такъ сказать, отрицательнаго значенія: изъ привѣтствій, въ громадномъ количествѣ присланныхъ по поводу открытія памятника, *только одно* было отъ крестьянскаго общества; *только одно* село, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, на цѣлой необъятной шири нашей родной Украины *по собственной иниціативѣ*, безъ всякаго начальническаго внушенія и предписанія, сочло нужнымъ выслать своего представителя на праздникъ, который по своему внутреннему смыслу и значенію долженъ былъ бы быть чисто народнымъ, въ самомъ прямомъ значеніи этого слова. Всѣ же остальные жертвователи изъ народа даже не поинтересовались узнать, какимъ образомъ истрачены ихъ пожертвованія, и это обстоятельство въ значительной степени умаляетъ моральное значеніе той «народной лепты», о которой такъ восторженно отзывался г. Маркевичъ. Фактъ въ высокой степени печальный, хотя и не поражающій своею неожиданностью,—вѣдь и для поразительно громаднаго большинства великорусскихъ крестьянъ имя Пушкина—звукъ пустой, или въ крайнемъ случаѣ—фамилія браваго генерала, храбро разгромившаго какого-нибудь Турку!... Вотъ на этотъ то печальный, хотя, повторяемъ, при данныхъ условіяхъ и понятный фактъ наша интеллигенція, столь блистательно отпраздновавшая свой національный праздникъ, должна обратить самое серьезное вниманіе, поставивъ своей задачей—дѣйствовать на будущее время такъ, чтобы имена нашихъ тружениковъ на-

роднаго дѣла не оставались пустымъ звукомъ для народной массы. На очереди у насъ теперь стоитъ памятникъ величайшему изъ дѣятелей украинской литературы—Шевченку, и одной изъ важнѣйшихъ обязанностей украинской интеллигенціи пусть будетъ—приложить все стараніе, чтобы открытіе ему памятника было праздникомъ не только интеллигенціи, но и *дѣйствительно всенароднымъ.*

Сергій Ефремовъ.

21—22. IX. 03.

Ко дню столѣтней кончины послѣдняго кошевого войска запорожскаго Петра Кальнишевскаго.

Лѣтомъ текущаго (1903) года мнѣ пришлось посѣтить знаменитый въ исторіи Сѣверной Руси Соловецкій монастырь, расположенный на островахъ Бѣлаго моря и служившій в. XVIII в. мѣстомъ политической ссылки. Поклонившись мѣстнымъ святынямъ, я отправился обозрѣвать монастырскій дворъ и расположенныя въ немъ постройки. Дворъ монастыря, окруженный со всѣхъ сторонъ каменной стѣной съ башнями по угламъ, представляетъ изъ себя рядъ узкихъ переходовъ и небольшихъ площадей, раздѣляемыхъ постройками. Пройдя нѣсколько переходовъ, я вышелъ на площадь, расположенную съ южной стороны главнаго (Преображенскаго) монастырскаго храма; посреди ея возвышалась помпа колодца, въ разныхъ мѣстахъ зеленѣлъ кустарникъ. Открытая съ юга, она вся залита была солнцемъ. Стаи большихъ морскихъ чаекъ оглашали ее своимъ крикомъ; часть ихъ сидѣла подъ кустами съ выведенными птенцами—сѣрыми, неуклюжими на видъ; множество ихъ сновало между ногъ богомольцевъ, а еще больше носилось въ воздухѣ. Чайки чувствовали себя здѣсь хозяевами и не обращали никакого вниманія на людей, даже нападали на нихъ, если они тревожили ихъ птенцовъ. Возлѣ стѣны храма пріютилось нѣсколько могилъ, среди которыхъ, у самой стѣны, возвышалась черная мраморная гробница подъ металлическимъ балдахиномъ. Высѣченная на гробницѣ надпись

свидѣтельствовала, что она устроена 13 сентября 1901 г. архимандритомъ Іоанникіемъ съ братіей надъ прахомъ «достойнаго инока Авраамія Палицина», знаменитаго келаря Троицко-Сергіевой Лавры и извѣстнаго дѣятеля 1612 года, по случаю исполнившагося 275 лѣтія со дня его кончины. Рядомъ съ этой гробницей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, на небольшомъ возвышеніи лежитъ скромная каменная плита съ слѣдующей высѣченною надписью послѣ небольшого молитвеннаго вступленія: «Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошеваго бывшей нѣкогда Запорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Кольнышевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 г. [1]) на смиреніе. Онъ въ 1801 году, по Высочайшему повелѣнію, снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина и искренне познавшаго свои. вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня, въ субботу 112 лѣтъ [2]) отъ роду смертью благочестивою, доброю.—Блаженны мертвіи умирающіе о Господѣ. Аминь. 1865 г. А. А.» (т. е. Архимандритъ Александръ, бывшій потомъ епископъ Архангельскій и Полтавскій).

У изголовья могилы Кальнышевскаго одна изъ чаекъ вывела пару птенцовъ и ревниво оберегала ихъ отъ проходившихъ мимо могилы людей, отгоняя ихъ своимъ крикомъ, а если крикъ не помогалъ, то безцеремонно хватала проходившихъ за платье и за ноги и щипала. Досталось отъ нея и мнѣ...

Могила Кальнышевскаго навела меня на мысль о бывшей государственной тюрьмѣ въ Соловецкомъ монастырѣ, въ которой въ числѣ другихъ содержался и названый кошевой, и я отправился осматривать ее. Тюрьма эта занимала юговосточный уголъ монастырскаго двора, внутри его ограды, отдѣляясь отъ другихъ монастырскихъ построекъ каменной стѣной съ высокими воро-

---

[1]) Доставленъ былъ въ М—рь 29 іюля 1776 г. (см. К. Ст. 1902, дек., стр. 142).

[2]) Возрастъ очевидно преувеличенъ; Кальнышевскому въ 1803 г. не могло быть 112 лѣтъ.

тами. У самыхъ воротъ находился небольшой двухъэтажный каменный домъ, въ которомъ жилъ офицеръ, вѣдавшій караулъ. За воротами, въ глубинѣ небольшого дворика, стоялъ двухъэтажный каменный домъ побольше, который собственно и служилъ мѣстомъ заключенія содержавшихся въ монастырѣ. Однимъ угломъ своимъ домъ касается каменной ограды. Сзади дома, въ 2—3 шагахъ отъ него, въ стѣнѣ двухъэтажная башня, тоже служившая мѣстомъ заключенія. Окружавшія главный тюремный домъ постройки выше его, вслѣдствіе чего содержавшимся въ немъ виденъ былъ лишь узкій, шириной въ нѣсколько шаговъ, тюремный дворикъ да краюшекъ неба. Въ настоящее время бывшая тюрьма перестраивается для помѣщенія въ ней монастырской больницы съ церковью въ верхнемъ этажѣ; по этому случаю крыша ея увѣнчана пятью небольшими, но красивыми главками, такъ что съ внѣшней стороны она имѣетъ видъ не дома, а церкви. Внутренность бывшей тюрьмы передѣлана совершенно: нѣтъ въ ней теперь ни отдѣльныхъ комнатъ—келлій для одиночнаго заключенія, ни переходовъ для стражи. Отъ прежняго мѣста заключенія сохранилось пока одно углубленіе въ стѣну ограды, въ видѣ амбразуры съ сводчатымъ потолкомъ, совершенно темное, безъ признаковъ печи. Входъ въ это углубленіе въ видѣ дверей идетъ изъ передней нижняго этажа; надъ дверью прибита дощечка съ надписью: «караульной». Съ восточной стороны бывшей тюрьмы мы нашли на землѣ обломанную доску съ остатками бывшей на ней надписи: «*..рестный домъ. . строенъ 1841 год ...скимъ иждивеніемъ*». Прилегающая къ бывшей тюрьмѣ башня двухъэтажная; нижній этажъ ея, какъ и нижнія части монастырской ограды, сложенъ изъ валуновъ, связанныхъ цементомъ; помѣщеніе его пусто, входъ въ него открытъ. Верхній этажъ башни сложенъ изъ кирпича, въ стѣнахъ его устроены узкія окна, выходящія въ разныя стороны; входъ въ верхнее помѣщеніе башни оказался запертымъ на замокъ и осмотрѣть его внутри намъ не пришлось. Гдѣ Кальнишевскій просидѣлъ 25 лѣтъ въ заключеніи въ тюрьмѣ или въ примыкавшей къ ней башнѣ,—намъ не удалось узнать. Но гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, тяжело было ему

тамъ, ему, привыкшему въ простору, свободѣ, теплу и свѣту, если принять во вниманіе продолжительныя зимнія ночи на сѣверѣ,—въ особенности же на первыхъ порахъ, когда онъ былъ полонъ силъ и энергіи. Впрочемъ, подъ конецъ своего содержанія въ тюрьмѣ онъ смирился..., какъ аттествовало его монастырское начальство въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ ежегодно архангельскому губернатору съ 1794 г... [1]).

Судя по нѣкоторомъ даннымъ, можно думать, что монастырское начальство, по своей ли иниціативѣ или по внушенію свыше, довольно снисходительно относилось къ содержавшемуся въ монастырской тюрьмѣ послѣднему кошевому Сѣчи Запорожской.— На это указываетъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что Кальнышевскій послѣ освобожденія изъ заключенія остался доживать послѣдніе дни свои въ Соловецкомъ монастырѣ, а съ другой—тѣ цѣнныя пожертвованія, которыя онъ сдѣлалъ монастырю и которыя въ полной сохранности хранятся въ монастырской ризницѣ. Здѣсь имѣется, во первыхъ, парчевая, затканная шелкомъ цвѣтами въ турецкомъ или персидскомъ вкусѣ, священная риза, сдѣланная, по преданію, изъ кунтуша Кальнышевскаго, а во вторыхъ—сдѣланный имъ богатый окладъ на одномъ евангеліи.

Евангеліе это печати 1759 года; въ вышину около 1 аршина, а въ ширину около $^{3}/_{4}$ аршина. Судя по имѣющимся на послѣдней страницѣ подписямъ: «П. С. Іконниковъ», «Михайло Ивановъ», сдѣланнымъ ими собственноручно, слѣдуетъ думать, что евангеліе подарено монастырю названными Иконниковымъ и Ивановымъ, и лишь окладъ сдѣланъ Кальнышевскимъ. Обѣ доски евангелія обложены серебромъ 84 пробы, вызолочены и богато окрашены священными изображеніями—на лицевой сторонѣ финифтяными, а на задней подъ чернью; и тѣ и другія прекрасной художественной работы. На лицевой сторонѣ евангелія слѣдующія финифтяныя, сдѣланныя синей краской по бѣлому фону,

---

[1]) См. „Кіев Стар.“ 1902 г., декабрь, стр. 142.

изображенія: въ srединѣ—Воскресенія І. Хр., вверху св. Троицы, по угламъ 4 евангелиста, по сторонамъ центральнаго изображенія—преп. Зосима и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Сверхъ этихъ изображеній довольно крупной величины, имѣются еще слѣдующія по-менѣе, продолговатой формы: вверху центральнаго изображенія—моленіе о чашѣ, съ лѣвой стороны его Благовѣщеніе, съ правой Преображеніе и внизу изображеніе тайной вечери. Корешокъ переплета евангелія тоже серебряный вызолоченый и украшенный рисункомъ изъ цвѣтовъ. На внутренней сторонѣ корешка переплета сверху и внизу евангелія прикрѣплены серебряныя вызолоченныя дощечки съ слѣдующею выгравированною надписью: на верхней дощечкѣ.—«*Во славу Божію устроено сие евангеліе въ обитель святаго Преображенія преподобныхъ отецъ Зосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, что на море океана, при архимандритѣ Іонѣ*»; на нижней—«*а раденіемъ и коштомъ бывшаго запорожской сѣчи кошевого Петра Ивановича Кальнышевскаго 1801 года, а всего вѣсу* (очевидно оклада) *34 ф. 25 зол. всей сумы 2435. Проба серебра 84—1800 года.*» Судя по году пробы, окладъ евангелія заказанъ былъ еще тогда, когда Кальнышевскій содержался подъ стражей. Откуда онъ могъ раздобыть такую сумму (2435 р.) денегъ находясь въ заключеніи, не можемъ объяснить. По всей вѣроятности, она составляетъ остатокъ той суммы, которая ежегодно отпускалась монастырю на содержаніе Кальнышевскаго. Мѣсто изготовленія оклада неизвѣстно.

31 октября настоящаго года исполняется сто лѣтъ со дня кончины Кальнышевскаго... Миръ праху его!...

Г. В.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Въ «Полт. Вѣстн.», (№ 212) помѣщены подъ этимъ заглавіемъ свѣдѣнія о старухѣ Лелечихѣ, 110 лѣтъ отъ роду, бывшей нѣкоторое время въ услуженіи у И. П. Котляревскаго (въ 1828—29 г.г.) Ввиду интереса этихъ свѣдѣній, считаемъ умѣстнымъ перепечатать ихъ цѣликомъ.

„Въ Полтавѣ, на Подолѣ живетъ и здравствуетъ по сіе время вдова полтавскаго мѣщанина Варвара Федоровна Лелечиха (до замужества Красноштанова), которой въ настоящее время около 110 лѣтъ. До 1861 г. она была крѣпостной у помѣщика Бѣлухи-Кохановскаго, затѣмъ въ теченіе длиннаго періода времени служила у многихъ мѣстныхъ помѣщиковъ, давно овдовѣла и лишилась всѣхъ дѣтей и внуковъ, оставшись совершенно одинокою въ кругу чужихъ людей. Живетъ на свои скромныя средства и, отъ дряхлости, ничего не можетъ работать, а съ 1899 г. ей назначено отъ городской управы пособіе въ размѣрѣ 3 р. въ мѣсяцъ. Ходитъ Лелечиха безъ посторонней помощи; говоритъ и слышитъ хорошо. По ея словамъ, въ 1828 и 1829 г.г. она служила у Ивана Петровича Котляревскаго (помнитъ это потому, что тогда была война съ турками, о чемъ слышала отъ Ивана Петровича), занимаясь уборкой его комнатъ и бѣлья; ей тогда было болѣе 30 лѣтъ. При ней тогда также была у Котляревскаго экономкой вдова унтеръ-офицера Матрена Ефремова Веклевичева, которой, по духовному завѣщанію Котляревскаго, досталось все его скромное имущество. Въ то время И. П. былъ совсѣмъ сѣдой и казался «дуже старымъ и больнымъ чоловикомъ»; усовъ и бороды со-

всѣмъ не носилъ. Въ гостяхъ у него бывали немногіе изъ его друзей, чаще всѣхъ Бѣлуха-Кохановскій и Стеблинъ-Каменскій, съ семействами которыхъ И. П. былъ очень друженъ. До обѣда проводилъ время на службѣ, отдыхалъ немного, а вечеромъ бывалъ гдѣ-либо въ гостяхъ или же занимался самъ чтеніемъ книгъ и газетъ. Съ простыми людьми обращался радушно и привѣтливо, говорилъ съ ними по-малорусски, шутилъ, всегда улыбался всѣмъ,—все это всѣхъ знавшихъ его къ нему располагало. О дальнѣйшей жизни и смерти Котляревскаго ничего не знаетъ, такъ какъ очень долгое время была вдали отъ Полтавы.

Три указа конца XVIII вѣка. (*Изъ церковнаго архива*). Помѣщаемые ниже «указы» интересны въ томъ отношеніи, что связаны съ личностью такого глубоко просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ для своего времени былъ преосвященный Иларіонъ (Рогалевскій); но особенно любопытенъ третій указъ своимъ бытовымъ характеромъ. Случай, описанный въ немъ, надо думать, не исключительный, хотя и довольно рѣдкій. Не могу не припомнить по этому поводу комическаго разсказа сельскаго дьячка, 85-лѣтняго старика, о томъ, какъ въ 30-хъ г.г. священникъ одного изъ глухихъ уѣздовъ черниговской епархіи совершилъ вѣнчаніе въ своей избѣ вокругъ „пекелной дижи“ (кадки, въ которой мѣсятъ хлѣбъ). Любопытно, что и въ данномъ случаѣ виновный подвергся тому же наказанію, какое понесъ, согласно указу, и о. Курганскій: его перевели дьячкомъ въ сельцо, едва-ли не самое бѣднѣйшее во всей епархіи.

I. *Епископское взысканіе за неявку студентовъ семинаріи въ срокъ послѣ Рождественскихъ каникулъ.* Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ духовной новгородско-сѣверской консисторіи въ духовное новгородское правленіе, его высокопреосвященство господинъ иларіонъ, епископъ новгородско-сѣверскій и глуховскій, изволилъ приказать слѣдующее: 1) сискать въ сію консисторію священниковъ (перечисляется 24 лица изъ разныхъ селъ и мѣстечекъ), и оштрафовать тронеделномъ священно служеніемъ въ катедралной преображенской церкви, и поклонами за то, что дѣтей своихъ взявъ изъ училищъ семинаріи новгородско-сѣверской на свята рождественские въ домѣ свои и по 13 число сего генваря непредъставили,

нерадя о собственной ползѣ дѣтей своихъ. 2) отъ селѣ ʻсътудентовъ впредь непускать в доми нивкакие времена до окончанія обыкновенніхъ ученій, 3) оштрафованіи више прописанних священниковъ, и что студенти не будутъ отъпускаеми изъ училищъ до окончанія ученій для вѣдома во всѣ духовния правленіи послать укази, для того воисполненіе оной его високопреосвященства резолюціи опредѣлено послать во всѣ духовнія правленіи укази стѣмъ дабы всякое духовное правленіе вѣдомства своего священниковъ повишеписанному вислало в сію консисторію при рапортахъ непремѣнно, и о вишеписанномъ учинилобъ по протопопіи побликацію, 1786 года генваря 19 дня.

На подлѣнномъ тако петропавловскій архимандритъ мелхиседекъ.

Войсковый товарищъ андрей житковъ.

II. *Бракъ «по обману» и наказаніе за него священника.* Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержиды Всероссійскія из духовной новгородско-сѣверской консисторіи въ духовное новгородское правленіе сего года марта—7—поданнимъ Его Высокопреосвященству господину иларіону епископу новгородско-сѣверскому, и глуховскому, протопопіи новгородской села багриновки священникъ николай горбачевскій, доношеніемъ представилъ, заобвѣнчаніе де имъ дячка села собичь гавріила коваленка въ мѣсто козачой пообману съ мужичою дочерью дѣвицею ѳеодосіею, много онъ горбачевскій тѣмъ предъ Его Високопреосвященствомъ согрѣшилъ, и виновенъ находится, о чемъ и дѣло в сей консисторіи имѣется, закоторую его вину, въ обвѣнчаніи вишъ упомянутихъ лицъ, онъ горбачевскій его Високопреосвященствомъ, пока оное дѣло въ консисторіи будетъ рѣшено, опредѣленъ въ катедралномъ монастирѣ въ труда, которіе въ черней работѣ двѣ недѣлѣ несетъ итакъ онъ отомъ его учинку раскаевается силно съ сокрушеніемъ и болѣниемъ сердца оплакиваетъ и оплакиваетъ въ семъ согрѣшеніи себя столь что едва отъ печали живъ находится можетъ, и в такомъ онъ будучи бѣдственномъ состояніи, просилъ заучиненное имъ въ обвѣнчаніи више прописанныхъ лицъ, преступленіе, прощенія, на которомъ его Високопреосвященства послѣдовала резолюція такова: какъ иерей николай, в противно законномъ своемъ поступкѣ признаніе совершенное дѣлаетъ, то и хлопотатся далшимъ вислѣдованиемъ ни для чего, велѣть ему священника коего прихода дѣвица, удоволствовать дачею трехъ рублевъ, и оштрафить его за сіе обвѣнчаніе

совсѣмъ не доего принадлежащее: възыскать на семинарію пять рублевъ, и нагодъ послать въ монастиръ полгода въ монастирскіе труди, аполгода для вседневнаго служенія, но какъ многіе дѣла зачали въ ходить, что священники несвоихъ приходовъ и безсвидѣнія владѣлцовъ къ обидѣ ихъ вѣнчаютъ ихъ подданнихъ, то въ предъ обережность другимъ о оштрафованіи сего опубликовать во всей епархіи, и подписками всѣхъ обовязать другого прихода и безсвидѣнія владѣлцовъ отнюдъ никого невѣнчать по коей его Высокопреосвященства резолюціи для вѣдома и надлежащаго исполненія сімъ указомъ духовному новгородскому правленію и предлагается 1786 года марта 17 дня.

На подлѣнномъ ректоръ игуменъ варлаамъ.

Войсковый товарищъ андрей житковъ.

III. *Дѣло «о обвѣнчаніи въ пянѣ въ жилой избѣ въ ночное время»*. Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія; изъ новгородско-сѣверской духовной дикастеріи новгородскому духовному правленію по указу Ея Императорскаго Величества духовная новгородско-сѣверская дикастерія слушали указъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ его преосвященству господину илариону епископу новгородско-сѣверскому и глуховскому прошлаго августа 23-го состоявшійся а его преосвященствомъ прошлого сентября—11-го числѣ (?) полученіи которимъ по взнесенному въ святѣйшій правителствующій синодъ отъ его преосвященства репорту съ мнѣніемъ и сприложеніемъ при ономъ учиненнаго въ сей дикастеріи изъ дѣлъ сосницкой протопопіи села тихоновичъ о священникѣ стефанѣ курганскомъ экстракта въ коемъ обяснени обстоятелства преступленій его курганскаго. 1-е, о дерзновенномъ имъ въ тихоновичевской церкви неодиножды напившись какого-нибудь питья а иногда и самой горелки божественнихъ литургій служеніи и о страсти его пянственной, а 2-е о обвѣнчаніи имже въ пянѣ въ своей жилой избѣ въ ночное время самимъ однимъ безъ причетниковъ церковныхъ безъ всякого повелѣнного правилами и указами опита безъ вѣдома владѣлческаго безъ со гласія родителскаго и не по чиноположенію церковному владѣнія Господина генералъ фелдмаршала сенатора и кавалѣра графа кирилла григориевича разумовскаго села печенюгъ жителя тимофея мелниченка съ поданкою помѣщиковъ скоропадскихъ онаго села тихоновичъ жителкою дѣвкою натальею мисниковою велѣно какъ по таковомъ его

курганского безстрашію звращенним (?) поступкамъ болѣе онъ въ характорѣ священства терпимъ быть не можетъ то его курганского лишить священства вовся однако въ свѣтцкую команду въ разсужденіи того что тѣ преступленіи учинены имъ до состоянія все милостивѣйшаго ея императорскаго величества 1787 года июня 2 о дарованнихъ народу милостяхъ манифеста не отсилать, а опредѣлить въ церковно причетники съ тѣмъ что естли онъ курганскій и за симъ въ таковомъ же пянствѣ и непорядочнихъ поступкахъ окажется, то уже ево курганского исключа изъ церковного причта отослать на разсмотрѣніе по опредѣленію куда годнимъ окажется въ вѣдомство гражданское не представляя болѣе святѣйшему синоду означеннихъ же подданнихъ тимофея мелниченка и натальи аврамовой обвѣнчанними не почитать, а что слѣдуетъ до беззаконнаго ихъ сожитія то хотя сему болшею причиною состоитъ означеной курганской но поелику и они тимофей и наталья сколко нибудь могли понимать что такое ихъ якобы вѣнчаніе въ избѣ церковнимъ преданіямъ противное и необикновенное то для возчувствованія имъ своего прегрѣшенія о наложеніи имъ церковной епитеміи предоставить расмотрѣнію духовнихъ ихъ оцовъ (?) аестли они нинѣ въ супружескомъ между собою сожитіи быти согласни и изнихъ наталье какъ от владѣльца и отъ матерѣ еѣ дозволеніе нато послѣдуетъ то ихъ по церковному чинополош(?)енію обвѣнчать буде же в томъ какое со сторони владѣлца или матерѣ еѣ произойдетъ препятствіе въ такомъ случаи дозволить имъ тимофею и наталье вступить въ законные браки съ другими свободними лицами и воисполненіи онаго Ея Императорскаго величества указа духовною новгородско-сѣверскою дикастеріею опредѣлено которое опредѣленіе и его преосвященствомъ утверждено прописанного священника курганского позвавъ въ присудствіе дикастеріи и вичитавъ ему означенній святѣйшаго синода указъ лишить священства вовся и лишенъ и взнакъ такова лишенія по силѣ указа святѣйшаго правительствующаго синода 1732 года мая 20-го дня состоявшагось обрѣзавъ на головѣ и бородѣ его волоса и запретивъ носить платья по чину священническому за отобраніемъ ставилной священнической грамоти опредѣлить къ тихоновской же церкви вдолжность дячковскую (что самимъ курганскимъ и учинено): и отомъ послать въ духовное сосницкое правленіе а для вѣдома и чтобъ отъ подобныхъ худихъ поступковъ и протчіе воздерживались и во всю епархію указы съ таковимъ сосницкому правленію предписаніемъ дабы от оного духовного правленія

десятоначалнику въ коего десятоначалствѣ онъ курганскій находится будетъ строжайше притверждено занимъ курганскимъ имѣть прилѣжное смотрѣніе и естли онъ курганскій и засимъ обращатся будетъ въ пянствѣ или каковихъ либо непорядочныхъ поступкахъ и за собою вида исправленія въ состояніи неокажетъ то оной десятоначалникъ репортовалъ бы правленію а отъ правленія донесенобъ его преосвященству или дикастеріи для изъ ключенію его курганского изъ церковного причта икъ отдачи въ вѣдомство гражданского правителства ко определеіню тамо куда годнымъ окажется, чтобъ же означенныхъ подданныхъ тимофея мелниченка и натали авpамовой обвѣнчанными почитаемо не было и онихъ от купно жителства заразъ разведенобъ и наложенобъ имъ забеззаконное ихъ сожитіе епитемія, поусмотрѣнію духовнихъ ихъ отцовъ естлижъ нинѣ въ супружествѣ быть согласны и изнихъ наталіи какъ отъ владѣлца такъ и отъ метеры дозволеніе нато послѣдуетъ то ихъ по церковному чиноположенію обвѣнчанобъ буде же втомъ какое со стороны владѣлца или матере еи произойдетъ препятствіе въ такомъ случаи дозволенобъ имъ тимофѣю и наталіи вступить въ законные браки зъ другими свободними лицами о томъ по жителству ихъ нынѣ въ уѣздѣ новгородскомъ сѣверскомъ въ селѣ печенюгахъ ивъ духовное новгородское правленіе укази жъ предписать какъ же посемужъ о бракосочетаніи онихъ мелниченка и мѣсниковой дѣлу послѣдовавшимъ в сію дикастерію изъ новгородскосѣверского намѣстнического правленія сообщеніемъ требовано должно онимъ лицамъ оставатся въ супружествѣ или отъ оного быть разведеннымъ увѣдомленія то о вышеописанномъ дать знать изъ сей дикастеріи и оному намѣстническому правленію опредъозначенномъ вѣдая учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу а въ протчіе сей епархіи монастири и духовніи правленія указы посланы 1787 года октябра 5 дни.

На подлѣнномъ подпись Экономъ Ігуменъ Германъ.

Въ должности писаря иеродіаконъ викторъ подканцеляристъ степанъ базилевичъ съ подлиннымъ читалъ писарь семенъ ромаскевичъ.

Сообщ. **Сергѣй Рклицкій.**

Мелочи изъ архива юго-западнаго края. 1) *Незаурядные конокрады.* 26 сентября 1844 года, на ярмаркѣ въ Торчинѣ, управляющій сел. Блодавы, остр. у., обратился къ полиціи за содѣйствіемъ,

опознавъ у дьячковъ Заборольской и Серникской церквей уворованныхъ изъ Блодавской экономіи 3-хъ лошадей. Приставъ задержалъ обоихъ дьячковъ—родныхъ братьевъ. Отецъ ихъ, священникъ с. Забороля (луцк. у.), Н., попытался, было, уладить дѣло миромъ, но, потерпѣвъ неудачу, вызвался помочь доставить арестованныхъ въ Луцкъ, предоставивъ полиціи собственную повозку, на которой, подъ видомъ фурмана, сидѣлъ третій сынъ его. Близъ поворота къ Заборолю повозка эта свернула съ тракта; разсыльный попытался тому воспротивиться, но былъ избитъ и сброшенъ на землю. Когда подъѣхали слѣдовавшіе сзади приставъ и родитель задержанныхъ, послѣдній соскочилъ съ повозки и, подбѣжавъ къ поднимавшемуся разсыльному, нанесъ ему три удара въ лицо, послѣ чего съ сыновьями ускакалъ домой. Просьбы и увѣщанія пристава не подѣйствовали; самъ онъ елееле ускользнулъ со двора, оставивъ въ рукахъ дьячковъ шинель свою.

Исправникъ явился на мѣсто около полуночи; разсыльного онъ нашелъ «въ совершенномъ разслабленіи», но предпріимчивые молодцы имъ не найдены во дворѣ родительскомъ: по словамъ отца, они, передъ разсвѣтомъ, поспѣшили въ Луцкъ принести жалобу духовному правленію на полицію за нанесенныя оскорбленія..

Не теряя времени, начальникъ уѣздной полиціи сталъ собирать у сосѣдей свѣдѣнія о семьѣ Н., при чемъ мѣстный помѣщикъ Ч. удостовѣрилъ, что семья имѣетъ большія связи съ «конными ворами» и занимается переводомъ лошадей и другими кражами. На усадьбу самого Ч. неоднократно чинились нападенія, людямъ его наносились оскорбленія дѣйствіемъ, а ему лично—ругательствами.

По прибытіи на мѣсто происшествія депутата съ духовной стороны, братьевъ Н. едва удалось взять подъ стражу лишь послѣ того, какъ ихъ отцу было объявлено, что будетъ вызвана воинская команда.

Въ цѣляхъ болѣе полнаго обнаруженія дѣятельности шайки «конныхъ воровъ», исправникомъ открыто временное отдѣленіе и губернатору представлено объ удаленіи отъ прихода скомпрометированнаго пастыря, который, благодаря вліянію на крестьянъ, окажетъ несомнѣнно «сопротивленіе къ раскрытію истины».

На допросѣ отецъ и сыновья отрицали какъ намѣреніе бѣжать, такъ и нанесеніе разсыльному побоевъ, утверждая, что лошади, ихъ

везшія, сами поворотили къ дому, а разсыльный, будучи, подобно приставу, пьянъ, расшибся по собственной винѣ.

Дознаніемъ сіе однако опровергнуто. Помѣщикъ Ч., въ дополненіе къ сказанному ранѣе, обвинилъ молодыхъ людей въ воровствѣ коляски у его сосѣда, а отца ихъ въ нанесеніи побоевъ помѣщичьимъ рабочимъ при отбитіи у нихъ собственныхъ своихъ лошадей, топтавшихъ экономическія поля.

Генералъ-губернаторъ, передавая дѣло на усмотрѣніе управляющаго Волынской епархіею Архіепископа Варшавскаго, не выражаетъ сомнѣнія въ виновности братьевъ-дьячковъ въ куплѣ-продажѣ завѣдомо краденныхъ лошадей, о чемъ отцу ихъ бывало доподлинно извѣстно.

На семъ сообщеніи переписка обрывается.

—

2) *Въ поискахъ за приносящимъ счастіе восковымъ крестикомъ.* Новоградволынскаго уѣзда, села Смондерова, помѣщицы Потоцкой крестьянинъ Касьянчукъ повинился предъ начальствомъ въ разрытіи двухъ могилъ на христіанскомъ кладбищѣ. На допросѣ, при бытности депутата со стороны духовенства, онъ показалъ приставу, что слышалъ не разъ будто „если кто имѣетъ у себя восковой крестъ, который умершимъ кладутъ въ гробъ, тотъ можетъ быть счастливъ“,—почему, лѣтомъ 1854 года, какого мѣсяца и числа,—по неграмотности не знаетъ,—отправился ночью, со знакомымъ ему огородникомъ, на кладбище, гдѣ разрылъ одну могилу, но никакого креста въ гробу не нашелъ. Тогда рѣшился вскрыть второй гробъ, въ которомъ воскового креста, хотя и не оказалось, но найденъ кипарисовый.

—

3) *Участіе помѣщика въ распитіи собственной шапки.* Въ 1857 году летичевскій земскій исправникъ рапортовалъ генералъ-губернатору, что, по произведенному имъ дѣлу о причиненныхъ частнымъ помѣщикомъ с. Галузинецъ тамошнему крестьянину сотскому побояхъ, оказалось: „сказанный помѣщикъ сотскому побоевъ не причинялъ, а только толкнулъ его рукою два раза по шеѣ, за то, что, когда находился на квартирѣ у тамошняго тысяцкаго, по своему дѣлу, онъ (сотскій) безъ вѣдома его, помѣщика, занесъ въ шинокъ господскую шапку и взялъ на оную полъ-ока водки, которую, впрочемъ, они всѣ трое вмѣстѣ выпили» (!). Затѣмъ помѣщикъ съ сотскимъ добровольно помирились и о неимѣніи другъ къ другу претензіи вступили съ мировымъ прошеніемъ.

—

4) *Сельчане, погребающіе своихъ мертвыхъ безъ священника.* Въ 1845 году, въ бытность по дѣламъ службы въ с. Новоселицѣ Лабунской (заславльскаго уѣзда, вол. губ.), полицейскій приставъ освѣдомился, «что тамошніе жители, крестьяне, въ противность обрядамъ православной церкви, тѣла умершихъ сами погребаютъ, кои на вопросъ объясняются, что они, не имѣя въ своемъ селѣ священника, принуждены сами предавать тѣла землѣ. Наблюдающій же ихъ приходомъ священникъ пріѣзжаетъ только въ нѣсколько дней послѣ погребенія и совершаетъ молитвы надъ гробомъ» (т. е. могилой).

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ.**

Къ исторіи Каневской соборной церкви *(по поводу предполагаемой ея перестройки).* Уже болѣе 12-ти лѣтъ въ кіевской духовной консисторіи ведется переписка о перестройкѣ одного изъ древнѣйшихъ въ нашемъ краѣ церковныхъ памятниковъ—Успенскаго храма въ Каневѣ, заложеннаго кіевскимъ вел. княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ въ 1144 г. Еще въ іюлѣ 1891 года причтъ и прихожане этого храма вступили къ епархіальному начальству съ прошеніемъ о разрѣшеніи расширить церковь пристройкой двухъ придѣловъ съ сѣверной и южной сторонъ, такъ какъ храмъ не въ состояніи вмѣстить въ себѣ и половины наличныхъ прихожанъ. Въ виду того, что при такой перестройкѣ пришлось бы совсѣмъ вынуть сѣверную и южную стѣны и такимъ образомъ существенно нарушить планъ и расположеніе древняго храма, кіевская консисторія въ томъ же 1891 г. обратилась въ Церковно-Археологическое Общество при мѣстной духовной Академіи съ просьбою высказать свое заключеніе по данному вопросу. Въ свою очередь Общество поручило составить такое заключеніе своему члену (нынѣ покойному) П. А. Лашкареву. Послѣднему предстояло, прежде всего, установить фактъ тождества современной каневской Успенской церкви съ тою церковью во имя св. Георгія, о заложеніи которой повѣствуетъ древняя лѣтопись подъ 1144 годомъ. Мнѣніе объ этомъ тождествѣ давно высказывалось въ печати, но никѣмъ не было еще провѣрено путемъ археологическаго изслѣдованія. Существовало разногласіе и по вопросу о томъ, насколько въ нынѣшней церкви сохранилось древнее зданіе, сооруженное въ половинѣ XII вѣка. Въ «Статистическомъ описаніи кіевской губерніи», изд. Фундуклеемъ, и въ «Сказаніи о населенныхъ мѣстностяхъ кіевск.

губ.». Похилевича высказывалось такое категорическое сужденіе о каневской Успенской церкви, какъ древнемъ памятникѣ: «Нынѣшняя ея архитектура не представляетъ ничего древняго, ибо старыя стѣны, сложенныя изъ такъ называемаго византійскаго кирпича, уцѣлѣли только до оконъ и тѣ украшены новыми пилястрами и карнизами». Проф. Лашкаревъ справедливо отвергъ это легкомысленное сужденіе и, не имѣя пока возможности изслѣдовать церковь на мѣстѣ, а руководствуясь лишь имѣвшимся у него планомъ и разрѣзомъ ея, съ фотографическимъ ея же видомъ, не колеблясь призналъ въ ней памятникъ церковно-строительнаго исскуства великокняжескаго періода. Подробно свои соображенія по этому вопросу онъ высказалъ въ особомъ рефератѣ, доложенномъ въ засѣданіи Церковно-Археологическаго Общества 17 дек. 1891 г. и впослѣдствіи напечатанномъ въ сборникѣ ученыхъ трудовъ автора: «Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты». Въ маѣ слѣдующаго года членъ Общества проф. В. З. Завитневичъ произвелъ въ Каневѣ подробный осмотръ Успенской церкви, при чемъ почти всѣ предположенія проф. Лашкарева, высказанныя единственно на основаніи изученія плана и фотографическаго вида церкви, получили блестящее подтвержденіе. По словамъ проф. Завитневича, «церковь сооружена изъ древняго кирпича, тождественнаго по своему формату съ кирпичемъ кіевской Кирилловской церкви, которая точно также построена была великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Кирпичи переложены толстымъ слоемъ несомнѣнно древняго цемента. Эта древняя кладка сохранилась въ стѣнахъ не до оконъ только, какъ прежде предполагалось, а изъ древняго кирпича сложены всѣ стѣны церкви до самой крыши. Мало того, путемъ расчистки новѣйшей штукатурки эта же кладка обнаружена и въ фонарѣ главнаго купола. Только башни надъ сѣверозападнымъ и югозападнымъ углами зданій по своему происхожденію принадлежатъ позднѣйшему времени. Точто такъ же оправдалось предположеніе П. А. Лашкарева и относительно пилястръ, которыя сложены изъ древняго кирпича, и только пьедесталы ихъ обложены въ позднѣйшее время. Архитектура алтарныхъ частей сохранилась въ цѣлости. Въ церкви, кромѣ того, оказались неотмѣченныя на планѣ три аркасоли [1]): съ правой стороны одна и съ лѣвой двѣ. Что ка-

---

[1]) Углубленія въ стѣнахъ для княжескихъ погребеній.

сается того, въ какомъ видѣ сохранилась внутренняя поверхность стѣнъ, то обслѣдованіе этого вопроса оказалось невозможнымъ, такъ какъ значительная расчистка новѣйшей штукатурки внутри храма признана была неудобной».

Намъ неизвѣстно, какой отвѣтъ дало Церковно-Археол. Общество на запросъ консисторіи, и вообще дальнѣйшая переписка по этому предмету; но въ іюнѣ текущаго года консисторія представила въ то же Общество уже подробный архитектурный проектъ расширенія каневской соборной церкви посредствомъ пристройки къ ней двухъ притворовъ, въ отвѣтъ на что Общество высказалось, что такъ какъ этимъ проектомъ предполагается измѣненіе наружнаго и внутренняго вида древняго храма, при томъ же соединенное съ выемкою частей древнихъ стѣнъ его, сѣверной и южной, поэтому проектъ этотъ, на основаніи существующихъ узаконеній и распоряженій правительства, долженъ быть представленъ на благоусмотрѣніе св. Синода.

Такова фактическая исторія вопроса о перестройкѣ древнѣйшаго храма. Какой дальнѣйшій будетъ ходъ этого начинанія, покажетъ будущее.

Изъ изложеннаго видно, что археологическими изслѣдованіями покойнаго П. А. Лашкарева и проф. В. З. Завитневича научно установленъ фактъ несомнѣнной цѣнности каневской Успенской церкви, какъ древнѣйшаго памятника церковно-строительнаго искусства, счастливымъ случаемъ уцѣлѣвшаго до нашихъ дней почти въ неприкосновенной цѣлости. Но этотъ болѣе чѣмъ семивѣковой памятникъ церковнаго зодчества долженъ считаться не менѣе драгоцѣннымъ и какъ памятникъ *историческій*, съ которымъ связано весьма много важныхъ, священныхъ воспоминаній. Къ сожалѣнію, эта сторона вопроса почему-то оставлена совсѣмъ безъ вниманія въ ученой экспертизѣ Церковно-Археологич. Общества. Скажемъ больше, въ упомянутомъ рефератѣ покойнаго П. А. Лашкарева исторія каневскаго храма изложена не только слишкомъ отрывочно, неполно, но кое въ чемъ и фактически невѣрно. Это произошло оттого, что почтенный археологъ, всецѣло посвятившій свое вниманіе архитектурной экспертизѣ, принялъ на вѣру историческія свѣдѣнія объ этомъ храмѣ, отысканныя имъ въ изданіяхъ Фундуклея и Похилевича, и лишь кратко повторилъ ихъ въ своей книгѣ. По этимъ свѣдѣніямъ выходитъ такъ, что Успенская церковь, заложенная въ 1144 г., просуществовала въ видѣ мужескаго монастыря до 1630 года, въ каковомъ году будто-бы подверглась

разрушенію со стороны крымскихъ татаръ и была возстановлена въ нынѣшнемъ видѣ въ 1805—1810 г. православнымъ помѣщикомъ Казаринымъ по просьбѣ уніатскихъ монаховъ (базиліанъ), въ соборную же церковь для православнаго населенія обращена въ 1833 году,— вотъ и вся исторія храма на протяженіи 759-лѣтняго существованія его. Эти скудныя и ошибочныя свѣдѣнія буквально повторяются и нынѣ въ перепискѣ консисторіи и въ такомъ видѣ, вѣроятно, будутъ представлены и на судъ того правительственнаго учрежденія, которому предстоитъ рѣшить судьбу каневскаго храма. Они заимствованы изъ такъ называемыхъ «визитъ» монаховъ-базиліанъ, которые, овладѣвъ каневскимъ монастыремъ въ XVIII ст., естественно игнорировали прошедшую судьбу храма, принадлежавшаго до того времени православнымъ. Между тѣмъ извѣстный изслѣдователь южно-русской старины М. А. Максимовичъ еще 40 лѣтъ назадъ (въ 1864 г.) напечаталъ впервые свое «Воспоминаніе о стародавнемъ монастырѣ Каневскомъ» [1]). Здѣсь онъ собралъ много вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній по исторіи интересующаго насъ храма и подвергъ критикѣ тѣ ошибочныя извѣстія, какія тогдашніе (и послѣдующіе) историки заимствовали изъ уніатскихъ источниковъ. Полагаемъ, что въ настоящее время, когда поднятъ вопросъ о перестройкѣ древняго каневскаго храма, будетъ вполнѣ умѣстно напомнить хотя бы главные моменты изъ его многовѣковой исторіи.

Во 2-й половинѣ XII ст., вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ построенъ, каневскій Георгіевскій храмъ служилъ нѣкоторое время каѳедрой мѣстной епископіи; по крайней мѣрѣ древняя лѣтопись подъ 1154 г. упоминаетъ о Дамьянѣ, епископѣ каневскомъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ дотатарскій періодъ храмъ этотъ служилъ усыпальницей для мѣстныхъ князей, на что указываютъ сохранившіяся въ немъ и понынѣ аркасоли. Затѣмъ, съ XIII ст. наступаетъ довольно продолжительный періодъ, въ теченіе котораго исторія Канева и его храма покрыта туманомъ невѣдѣнія. Люстрація Каневскаго замка 1552 г. упоминаетъ только о мѣстныхъ церквяхъ св. Спаса и св. Василія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что древняя церковь св. Георгія стояла тогда впустѣ; но, надо полагать, вскорѣ послѣ этого при ней возникъ

---

[1]) Оно вошло и въ собраніе его сочиненій—т. II, стр. 312.

[2]) Ипатская лѣт., 327; Лаврентьевская лѣт., 326.

Успенскій монастырь, такъ какъ, по свидѣтельству малороссійскихъ лѣтописей, въ 1578 г. козаки перевезли въ Каневскій монастырь и здѣсь похоронили тѣло знаменитаго рыцаря своего Ивана Подкову, казненнаго въ Львовѣ по приказу короля Стефана Баторія; въ этомъ же монастырѣ постригся и окончилъ свою жизнь сподвижникъ и другъ Подковы, гетманъ Шахъ, а народно-украинская дума о Самойлѣ Кушкѣ хоронитъ здѣсь и этого запорожскаго вождя. Изъ этого можно заключить, что Каневскій монастырь былъ въ особенномъ уваженіи у козаковъ того времени, хотя у нихъ невдалекѣ былъ уже и свой монастырь Терехтемировскій. Усердіе козаковъ къ монастырю Каневскому выражалось и тѣмъ, что они надѣляли его землями и угодьями. Столь же щедро благотворили ему и козацкіе гетманы: Богданъ Хмельницкій, Иванъ Выговскій, Юрій Хмельницкій, Павелъ Тетеря, Ив. Брюховецкій и Петръ Дорошенко, равно и мѣстные каневскіе полковники. Когда въ 1664 г. сосѣдній Терехтемировскій монастырь подвергся разоренію со стороны поляковъ, то его братія была принята въ монастырь Каневскій.

Въ гетманство Дорошенка въ этомъ монастырѣ нерѣдко проживалъ кіевскій митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и здѣсь 25 марта 1669 года посвятилъ въ діаконы будущаго святителя Ростовскаго Димитрія Тупталенка.

Въ эти же годы здѣсь игуменствовалъ святой мужъ Макарій Токаревскій, бывшій раньше Овручскимъ архимандритомъ. Его мученическая кончина была вызвана страшной катастрофой, постигшей Каневъ и его монастырь 4 сентября 1678 года. Это было въ злосчастную эпоху Руины, когда многочисленная турецкая армія вторично пришла въ Украину, чтобы подчинить ее власти ничтожнаго Юрія Хмельницкаго, возведеннаго султаномъ въ званіе «князя малороссійской Украины». 11-го августа палъ Чигиринъ, а вслѣдъ за тѣмъ та же участь постигла и Каневъ. Вотъ современное свидѣтельство объ этомъ событіи козацкой лѣтописи: «Заразъ того жъ часу часть войска турецкого и татарского пошовшы подъ Каневъ, и Каневъ достали и вырубили людей, и Каневъ спалили и монастыръ, где у церквѣ мурованой много люду подушили огнемъ турки». Еще болѣе яркими красками рисуетъ эту трагедію другой козацкій лѣтописецъ Величко: «Бѣсурманы притягнули подъ старожитное славное мѣсто (городъ) козацкое, надъ Днѣпромъ стоявшее, Каневъ, и септеврія числа четвертого, въ четвертокъ, добувши оній и множество на-

рода въ немъ убивши, крайней предали руинѣ и запустѣнію, а особливо въ старинномъ и красномъ монастиру Каневскомъ, где в церковъ великую каменную много было людей каневскихъ, надѣючися въ ней отъ бѣды спастися, убѣгло и замкнулося; но турки церковъ оную около дровами и соломами доволно обложивши и сполне зо всѣмъ монастиремъ зажегши, всѣхъ людей въ церкви задушили».

Такъ закончилъ свое существованіе стародавній Каневскій монастырь. Спустя сто лѣтъ онъ былъ возобновленъ, но уже уніатами. Они то и пустили сказку о томъ, будто Успенская церковь была сожжена и разорена татарами въ 1630 году и съ той поры, въ продолженіе 180 лѣтъ, стояла неоправленною, безъ крыши. Съ 1786 года при этомъ монастырѣ открыто было знаменитое базиліанское училище, въ которомъ обучались и дѣти многихъ малороссійскихъ помѣщиковъ сосѣдней полтавской губерніи. Оно было закрыто лишь въ 1833 году, вмѣстѣ съ монастыремъ. Тогда же была передана православнымъ и обращена въ соборную и древняя Успенская церковь.

О. Л.

Пѣсня о Турбаевской катастрофѣ. Въ «Кіевск. Стар.» 1891 г. № 3-й была напечатана статья А. Ефименко подъ заглавіемъ «Турбаевская катастрофа». Въ этой статьѣ былъ разсказанъ, на основаніи огромнаго дѣла, хранящагося въ харьковскомъ историческомъ архивѣ, печальный эпизодъ убійства помѣщиковъ Степана и Ивана Базилевскихъ и сестры ихъ Маріи возмутившимися жителями с. Турбаевъ, въ мѣстности теперешняго хорольскаго уѣзда. Случай этотъ произошелъ въ 1789 году, послѣ чего постановленіями суда и администраціи, помимо наказаній виновныхъ въ убійствѣ, село Турбаи было совершенно уничтожено, а жители перешли подъ конвоемъ въ таврическую губернію и къ Днѣстру. Турбаевская катастрофа долго помнилась въ Малороссіи и служила предметомъ разсказовъ, что видно, между прочимъ, изъ статьи въ «Москвитянинѣ» 1851 года (№ 2), въ которой авторъ, г-жа Бакунина, разсказываетъ преданіе, значительно измѣнившее самый фактъ, такъ какъ вноситъ въ эту исторію нѣкоторую долю романической подкладки, на что документальное дѣло даже не намекаетъ. По словамъ г-жи Бакуниной, на мѣстѣ села Турбаевъ находится деревня *Скорбная*, что явилось слѣдствіемъ нарочитаго переименованія села.

Намъ доставлена г. В. Адаменкомъ пѣсня о Турбаевской катастрофѣ, записанная имъ въ мѣстахъ, близкихъ бывшему селу Турбаямъ [1]). На основаніи словъ разсказчиковъ, г. Адаменко сообщаетъ, что на мѣстѣ с. Турбаевъ стоитъ теперь село «Скорбное», такъ какъ послѣ катастрофы велѣно было Турбаи переименовать. Пѣсню, записанную имъ и очевидно въ этомъ варіантѣ неполную и перепутанную, поютъ «дуже жалибно».

Нѣкоторыя мѣста этой пѣсни показываютъ, что она по содержанію очень близка къ фактамъ, передаваемымъ въ документахъ. Такъ напримѣръ, изъ разсказа въ дѣлѣ видно, что роковымъ моментомъ начала возмущенія крестьянъ были пробѣжавшія въ толпѣ слова, что у нихъ „займають череду"; такъ же точно и въ пѣснѣ этотъ моментъ не только отмѣченъ, но даже выдвинутъ на первый планъ, при чемъ распоряженіе о занятіи череды приписано Марьянушѣ, т. е. Маріи Базилевской, жестоко поплатившейся за это во время расправы. Есть въ пѣснѣ и намекъ на тѣ просьбы Маріи о пощадѣ, о которыхъ говорится въ дѣлѣ; есть наконецъ, и тотъ моментъ, когда ее, уже почти полуживую, тащили за волосы.

В. Н.

Ой хотилы Базиловци весь свитъ перебуты—
Турбаивцивъ-козаченькивъ соби пидвернуты. (bis)
Ой послала Марьянуша своихъ осаульцивъ:
«Ой пидите, осаульци, череду займите».
Отъ якъ пишлы осаульци череды займаты,
Турбаивци козаченькы съ киллямъ забигаты.
Видчынила Марьянуша викно въ оболоню—
Обступылы козаченькы съ киллямъ коло двору.
Ой дайте, козаченькы, хочъ покушаты—
Козацького тай указу та послушаты.
Ой чого же ты, Марьяно, давно не кушала—
Козацького тай указу давно не слушала.
«Ой ну, паны браты мои, срибло доставаты
Козаченькивъ-турбаивцивъ вирненько прохаты!
Ой ну, паны браты мои, все срибло носыты—
Козаченькивъ-турбаивцивъ вирненько просыты!
Ой ну, паны браты мои, пропала я зъ вамы—
Не втичемо, браты мои, теперечкы... й самы»!..
Якъ ударывъ панъ Помазанъ по велыкыхъ викнахъ—

[1]) Варіантъ этой пѣсни былъ напечатанъ въ Кіев. Стар. 1895 г. № 11.

Посыпались склянкы-брязкы на Марьяныне лижко.
Оце жъ тоби, Марьянушо, за тонкіи ныткы—
Не то прялы наши жинкы, прялы й мали диткы.
Ой шожъ бо то карета зъ горы спускается?
Отожъ то тыхъ Базилевцивъ, що позываются.
Отъ Турбаивъ до Вергунивъ роскыдани карты—
Не минулысь Базилевцямъ козацькіи жарты.
Отъ Турбаивъ до Вергунивъ розсыпани оришкы—
Не мынулысь Базилевцямъ козацьки насмишкы.
Отъ Турбаивъ до Вергунивъ покопани шанци—
Якъ побылы Базилевцивъ у пятныцю въ ранци.
Ой у теи Марьянуши тай у косахъ стричка,—.
Куды тяглы, волочылы—кривавая ричка.
Ой у теи Марьянуши у полахъ мережка,—
Куды тяглы, волочылы—кривавая стежка.
Ой на гори вогонь горыть, а въ долыни дымно,—
Якъ побылы Базилевцивъ—усимъ панамъ дывно.
Ой чый же то коныкъ у табуни грае?
Ато жъ отыхъ Базилевцивъ, що въ свити не мае.

Про песыголовця та коваля. *(Записано въ мѣст. Великихъ Будищахъ, зѣньковскаго у. полт. губ. отъ мѣщан. Тимохвія Гармаша).* Песыголовци—це таки велыки люде зъ одныхъ окомъ посередъ лоба. Такъ отъ бувъ песыголовець такый, що ёму треба наразъ, щобъ найистыся тры десяткы овець. Людське мясо це для ёго вроди ласомкы. И винъ разъ заставъ у лиси людей душъ зъ пивсотни. И сичасъ ихъ погнавъ у свою кошару мижъ вивци. Загнавъ ихъ у кошару и каже: «ну, отутъ сыдить, покы я васъ всихъ не перейимъ. Заперъ двери и „давай, каже, одного попробую". Та поты пробувавъ, покы одынъ коваль остався изъ того обчества, изъ тыхъ людей. «Отъ теперъ, каже, я й тебе зйимъ». А коваль ёго просе: не йижте, пожалуста, мене: я вамъ за те око вставлю, якъ що не зйисте». Винъ каже: «добре,—я тебе не зйимъ, тилькы щобъ око мени заразъ вставывъ!»—щобъ зразу око ёму зробывъ.—«Ну, каже, я сычасъ почну робыть, тилькы вы мени достаньте чотыри дубы, и закопайте ихъ у тры сажни глыбыны, и щобъ тры сажни було зверху, и въ тры аршыны товщыны, а четвертого щобъ поставыты на среднёму, такъ

щобъ и я ёго запхнувъ. Та ще й реминня треба, щобъ васъ увьязать та прывьязать. Молоточкивъ и свердельцивъ, и топорець давайте сюды, та ще й вогонь розкладить. А теперъ помижъ тымы дубамы и самы ставайте. Сичасъ буду око вставлять». Начавъ ёго вьязать за рукы й ногы, та все крипко, такъ щобъ не вырвавсь ніякъ. Оце песыголовець ёму каже: «А навищо ты такъ туго вьяжешъ?» Каже: «щобъ стійки очи булы ваши». А потимъ узявъ дубка, того що на дубови стоявъ та на песыголовця и турнувъ на голову прямо Каже: «оце, якъ ты дуже кыдаешь, ще й голову мени пробьешъ!» А коваль ёму каже: «ни, я вамъ головы не буду пробываты, а дубокъ на те турнувъ, щобъ у васъ очи не косылысь, та щобъ булы зиркы, щобъ и въ ночи бачылы, якъ та сова мышей, а вы людей». А потимъ узявъ свердельци, у вогонь поклавъ, а якъ розжарылыся уже добре, то коваль выбравъ найдовшій свердельчыкъ, тай давай песыголовцю очи вставлять. Якъ штрыкне у те, що посередъ лоба, такъ винъ и дубкы повыймавъ, и римня порвавъ, та давай зубамы скрыготать, крычать, такъ, що сыпалось и лыстя, а ковалыкъ такъ злякався, що помижъ овець сховавсь. «Такъ оце таки люде!» — песыголовець крычыть — „людимъ очи такъ вставляють! Ни, я, каже, тебе въ свій ротъ уставлю". Тай давай гонытся та ловыть, щобъ ковалыка поймать. Та що зъ опалу не вхопыть—вивцю. або ягнятко, або старого барана ухопыть за рога, а ковалягакы не піймa. Песыголовець той якъ закрычыть: «ни,—каже,—бильшъ ты въ мене не будешъ мудрыть: заразъ я тебе піймаю, заразъ я усихъ овець поперекыдаю черезъ ограду!» А ограда сажнивъ десять, а овець тамъ и чы мало, сотъ изъ тры, не меньче. Якъ начавъ швыргать, ажъ крычать та мыркотять, падають сердешни на дубы та на виткы, а яка на землю впала, то та тамъ зовсимъ пропала. Отъ овечокъ не багато осталось, десятка два, а може й пивтора. Нашъ ковалыкъ годи ховатысь за ягнята: „треба думать щось иначе, бо блызько мени кинець прыходыть". А якъ на ёго счастя песыголовцивъ полушубочокъ лежавъ. Винъ заразъ ёго надивъ на выворотъ волоссямы, та тугенько полы пидъ себе пиджавъ, та ставъ якъ разъ попередъ носа. А песыголовець ёго якъ схопыть та якъ крыкне: «оце якъ багацько оцихъ проклятыхъ овець негожыхъ, було бъ йисты на тыждень, або й бильшъ, а черезъ коваля усихъ такъ и попакую"! Якъ бы знавъ коваль, то мовчавъ бы, а то зачепывся на дубку та каже: «теперъ у тебе овечокъ немае, и ковалыка чортъ-мае!» А песыголовець догадавсь, що винъ ковалыка

замисть вивци швыргнувъ, та якъ исхвате тупорець, та якъ кыне на дубка, щобъ улучыть коваля, такъ не влучить уже теперъ, бо ковалыкъ око ему добре вставывъ: теперъ не баче ажъ ніякъ. А песыголовець заразъ ключи взявъ, та ворота отчынывъ, та до того дубка, де коваль сыдыть, и почавъ дубка хытать,—такъ ни: не таки сылы поробылысь теперъ. Коваль усю сылу зъ окомъ видибравъ. Песыголовець крычыть: «такыхъ дубкивъ я ще сёгодня по десятку за разъ рвавъ, а теперъ и цёго ніякъ не выхытаю, щобъ коваля дистать». Треба лизты на дубка, щобъ зйисты коваля. А якъ на той несчасный часъ, тупорчыкъ летивъ, та въ дубку застрявъ, такъ ковалыкъ той тупорчыкъ ухватывъ, щобъ песыголовцеви голову пробыть, такъ рука прыстала до топорыща, и не можна видирваты ажъ ніякъ. А рука прыстала того, що тамъ людськои крови дуже багацько, тымъ тупорчыкомъ песыголовець не мало людей перерубавъ. А тутъ дывытся—песыголовець уже й долиза до ёго,—„мабуть це я пропавъ!"—та здумавъ, що у ёго ножыкъ йе у кармани, тай видризавъ ливою рукою усю шкуру видъ долони, що прыстала до тупорця. „Нехай, каже, лучше шкурка зъ долони пропаде, чимъ самому пропадать". Та сплыгнувъ зъ дубка, тай утикъ, набравшы усякого добра у песыголовця, бо винъ, тикавшы, улизъ до песыголовця въ викно и набравъ тамъ усёго. А теперъ жыве та пануе, бо винъ грошей набравъ чы мало. У песыголовця ихъ хватало. И жыве теперъ винъ соби. Та якъ здума та згада, що людей стилькы нема—«теперъ бы, каже, и мене не було, якъ бы не вмивъ дурыты ёго». (Оце й кинець про коваля). А песыголовець радіе, що людськая кровъ душыть. «Отъ теперъ каже, зйимъ тебе, бо тупорець кынувъ, що людей хапа». Колы жъ долизъ до тупорця, а тамъ тилькы шкурочка одна. Такъ винъ тилькы шкурочку обсмоктавъ та облызавъ, та ще й каже: «якъ бы бувъ знавъ, то не виривъ бы, жывъ бы соби зъ однымъ окомъ, овечокъ и людей бы пойидавъ. А теперъ ковалыка немае, и ока чортъ-мае».

Сообщ. **Влад. Щепотьевъ**.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 3509 р. 15 к. (см. № 9, стр. 114—115) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь поступило: 1) М. П. Массаковскій—25 р.; 2) П. А. К.—25 р.; 3) А. Г. С.—10 р.; 4) И. П. Дере-

вянко—2 р.; 5) Богуславскій—2 р.; 6) Розовъ—2 р.; 7) Афанасьевъ—1 р. 50 к.; 8) И. И. Ивановъ—10 р; 9) К. и Т.—30 к.; 10) К. Иващенко—5 р.; 11) Н. Стрѣльченко—1 р,; 12) А. Семенчукъ—1 р.; 13) Е. Балдинъ—20 к.; 14) И. Церръ—1 р.; 15) И. Осиповъ—1 р.; 16) В. Соколовскій—20 к.; 17) К. Шишовъ—50 к.; 18) П. Жуганъ—50 к.; 19) Е. Жуганъ—50 к.; 20) М. Панченко—50 к.; 21) П. Слинченко—1 р.; 22) П. Бондаренко—1 р.; 23) П. Сидоренко—1 р.; 24) Г. Грифовъ—50 к.; 25) П. Костенко—1 р.; 26) N.N.—50 к.; 27) И. Авдѣенко—50 к.; 28) Ткацукъ—50 к.; 29) Пчельниковъ—50 к.; 30) Проценковъ—1 р.; 31) Копыловъ—50 к.; 32) Ляховъ—25 к.; 33) Максимовъ—30 к.; 34) Ямченко—50 к.; 35) М. Пановъ—25 к.; 36) Корольковъ—20 к.; 37) М. Зозуля—25 к.; 38) Шт.-кап. Паіолъ—50 к.; 39) М. Морозанъ—1 р.; 40) Я. Горбатюкъ—2 р.; 41) Е. Войтенко—50 к.; 42) И. Лебедевъ—50 к.; 43) А. Я. Линникъ—2 р.; 44) В. А. Кокетъ—2 р.; 45) А. И. Лещенко—3 р.; 46) М. Литвиновъ—2 р.; 47) А. Демченко—2 р.; 48) Л. Цыганенко—1 р.; 49) И. Цыганенко—1 р.; 50) Корн. Лещенко—1 р.; 51) А. И. Зерницкая—2 р.; 52) А. Я. Яресько—2 р.; 53) К. Г.—10 р.; 54) Я. и Л. Шульгины—25 р.; 54) С. Ф. Русова—25 р.: 56) А. П. Левитскій—3 р.: 57) И. С. Чернявскій—3 р.; 58) В. Н. Галлакъ—1 р.; 59) И. А. Демченко—5 р.; 60) И. С. Левицькый—5 р.; 61) М. В. Шолудченко—2 р.; 62) К. А. Иващенко—5 р.; 63) А. П. Кучинскій—3 р.; 64) И. Н. Дубравскій—3 р.; 65) Г. Еремѣевъ—2 р.; 66) М. Г. Хорошилова—5 р.; 67) М. А. и Л. Г. Г-ны 10 р. 68) Іоаннъ Менчицъ—3 р.; 69) Николай Купріевичъ—1 р. 50 к.; 70) Ѳеодосій Павловскій—1 р.; 71) Влад. Коцюбскій—1 р.; 72) Вен. Ф. Бялоцкій—2 р; 73) И. И. Галаневичъ—2 р.; 74) Ф. И. Носовъ—2 р.; 75) О. Крамаръ—1 р.; 76) А. Коваленко—1 р.; 77) А. И. Попель—1 р.; 78) А. И. Антоновичъ—1 р.; 79) З. Ю. Кульчицкій—50 к.; 80) Ан. Залевскій—30 к.; 81) Собрано г. Точискимъ въ Ново-Георгіевскѣ—8 р.; 82) выручка съ вечера 4 сент. 1903 г. въ Лохвицѣ—159 р. 33 к.; 83) Е. Н. Скиданъ—1 р.; 84) Ник. Н. Скиданъ—1 р.; 85) Неон. Н. Скиданъ—1 р.—всего 416 р. 8 к., а вмѣстѣ съ прежними—3925 р. 23 к.

Текущія извѣстія.

Украинскій театръ. «Полтав. Вѣстн.» (№ 217) изъ вполнѣ достовѣрнаго источника сообщаетъ о судьбѣ піесъ, посланныхъ нѣкоторыми малорусскими писателями на конкурсъ, объявленный товариществомъ „Садовскій, Саксаганскій и Карпенко-Карый“.

Прислано до сихъ поръ очень мало піесъ: всего 7—8 и ни одна изъ нихъ не принята. Это объясняется не безотрадной бездарностью новичковъ драматурговъ,—искра Божія есть у большинства, а просто незнаніемъ сцены и другихъ требованій, предъявляемыхъ литературной комиссіей товарищества, не желающаго даромъ разбрасывать свои кровные деньги.

Главное условіе пріема—идейность піесъ. Только идейныя, поучающія заслуживаютъ вниманія цѣнителей, а также концентрація піесы вокругъ одного героя большого, мощнаго, хотя бы даже и въ отрицательномъ смыслѣ. Картины жизни, хотя бы и правдивыя, но не бьющія въ носъ, не требуются.

Ищется совершенно новый мотивъ жизни, не затронутый Карпенковскими піесами. Допускается и передѣлка, но геніальная, красивая, съ безукоризненной техникой. Передѣлка тогда только хороша, когда авторъ ея талантливѣе автора оригинала. Одна изъ присланныхъ товариществу передѣлокъ, напоминающая «Мартына Борулю», совершенно плоха. Помимо техники, «Мартынъ» въ ней деспотъ и изувѣръ.

Лучшей изъ всѣхъ конкурсовыхъ піесъ оказалась: «Загублени мріи» г. Телычкы, но и эта драма не премирована, ибо языкъ ея и техническая сторона требуютъ болѣе тщательной отдѣлки.

Нѣкоторыя комедіи написаны и недурно въ литературномъ смыслѣ, иныя даже бѣлымъ красивымъ стихомъ, какъ «Сонъ бабы Пыдоркы», но повѣствовательный тонъ ихъ совершенно убиваетъ характерныя черты драмы и послѣдняя отдаетъ повѣстью, интересною лишь для домашняго чтенія.

Между присланными есть и совершенно безсмысленныя піесы: въ „Марко Проклятый» десять убійствъ, другая тянется трое сутокъ безъ перерыва. Словомъ не стоющая не только полторастарублевой преміи, но даже и обыкновеннаго добраго слова. Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты изъ нарочитой книги, заведенной товариществомъ для помѣщенія кри-

тическихъ замѣтокъ, посылаемыхъ конкурирующимъ авторамъ въ видѣ особыхъ резолюцій Слово г. Карпенка даетъ конечный результатъ, оно рѣшаетъ судьбу піесы. Изъ старыхъ малорусскихъ писателей на конкурсный призывъ не откликнулся ни одинъ, причина неизвѣстна, и давній, къ слову сказать, заигранный репертуаръ, остается тѣмъ же, ждущимъ обновленія. Правда, новинкой въ немъ явилась: Гандзя» піеса Ивана Тобилевича, поставленная нынѣшнимъ лѣтомъ, при огромномъ матеріальномъ и художественномъ успѣхѣ въ лѣтнемъ Харьковскомъ театрѣ сада Тиволи.

Въ цензурѣ лежитъ и другая піеса Тобилевича: «Батькы и диты», рисующая современный деревенскій разладъ между грамотными крестьянскими сынками, продуктомъ современной школы, и безграмотными отцами, честно живущими традиціями и обычаями завѣтной старины.

Проектъ изданія юбилейнаго сборника лохвицкаго уѣзда. Въ Лохвицкое уѣздное земское собраніе прошлаго года внесено было гласнымъ, предводителемъ дворянства, А. Ф. Русиновымъ, предложеніе о составленіи, по поводу исполняющагося въ текущемъ году столѣтія учрежденія лохвицкаго уѣзда, историческаго сборника, который далъ бы, по возможности, полную картину жизни населенія мѣстности, составляющей территорію лохвицкаго уѣзда, какъ въ періодъ до-уѣздный, такъ и послѣ его учрежденія.

Земское собраніе единогласно одобрило тогда эту мысль.

Предложеніе внесено было лишь въ самой общей формѣ, безъ какой-либо программы будущаго сборника, а слѣдовательно и безъ опредѣленія размѣровъ изданія. Поэтому въ то время не могли быть опредѣлены, хотя бы приблизительно, ни размѣры, ни стоимость изданія. Чтобы положить начало осуществленію сборника, встрѣтившаго столь большое сочувствіе собранія, докладчикъ на первый годъ остановился на суммѣ въ 300 руб. (тогда же ассигнованной собраніемъ), которую считалъ достаточной для расходовъ на предварительныя дѣйствія и сношенія, неизбѣжныя при разработкѣ всѣхъ условій составленія сборника и выработки его программы.

Сочувствіе собранія этому изданію возложило на А. Ф. Русинова нравственную обязанность представить гласнымъ очеркъ тѣхъ руководящихъ началъ, которыя лягутъ въ основу его составленія. Ввиду

этого, въ очередное земское собраніе текущаго года докладчикомъ внесенъ былъ болѣе разработанный слѣдующій проектъ изданія.

Сборникъ, казалось бы, всего удобнѣе раздѣлить на четыре части: I) Періодъ до-уѣздный, II) Періодъ отъ учрежденія уѣзда до реформъ Императора Александра II-го, III) Періодъ земскій и 4) Біографическіе и бытовые очерки и воспоминанія.

Какъ относительно программы сборника, такъ и относительно самаго метода, которому должно слѣдовать при составленіи, авторъ проекта совѣтовался съ Н. И. Стороженкомъ, М. И. Туганъ-Барановскимъ и другими лицами, знакомыми съ подобнаго рода работами, и всѣ они присоединились къ мысли, что сборнику слѣдовало бы придать характеръ до извѣстной степени научный, т. е. историческій матеріалъ, входящій въ отдѣльныя части сборника, долженъ быть обработанъ такъ, чтобы онъ могъ служить пособіемъ для послѣдующихъ изслѣдователей той или иной стороны нашей общественной жизни.

Такое направленіе сборника выведетъ его за предѣлы узко-уѣздные и сдѣлаетъ его матеріалы одинаково цѣнными для изученія какъ мѣстной, такъ и общегосударственной жизни. Онъ сдѣлается полезнымъ вкладомъ въ серьезную литературу по отечествовѣдѣнію. Литературное изложеніе сборника нисколько этимъ не исключается, и онъ, помимо своей, такъ сказать, научной цѣнности, долженъ легко читаться и большой публикой. Если задача эта будетъ болѣе или менѣе удачно выполнена, то сборникъ нашъ, сохраняя свое литературное и научное значеніе долженъ стать настольной книгой всякаго хорошо грамотнаго читателя лохвицкаго уѣзда, такъ какъ знаніе исторической судьбы своего отечества должно непремѣнно входить въ программу самаго элементарнаго образованія.

Удовлетворить такой цѣли сборникъ можетъ ближе всего, если въ выполненіи программы каждаго его отдѣла примутъ участіе лица, интересующіяся той или иной стороной общественной жизни. Сборникъ, казалось бы, долженъ представить собою трудъ коллективный. Такой способъ его составленія будетъ дешевле, нежели при томъ условіи, если бы разработка матеріаловъ для всего сборника поручена была редакціи. Въ послѣднемъ случаѣ въ составъ ея пришлось бы пригласить выдающіяся силы. Написать статьи по отдѣльнымъ вопросамъ изъявятъ желаніе весьма многіе, но отдать весь свой трудъ сборнику врядъ ли кто изъ соотвѣтственныхъ лицъ согласится, и во всякомъ случаѣ это обошлось бы непосильно для насъ дорого.

Поэтому въ настоящее время довольно трудно точно опредѣлить, въ какой полнотѣ появится въ сборникѣ каждая изъ его частей и какія именно стороны мѣстной жизни найдутъ себѣ изслѣдователей.

Ввиду этого, какъ уже объяснено выше, я считаю возможнымъ представить собранію не столько програму сборника, сколько перечень сторонъ мѣстной жизни, которыя желательно было бы освѣтить.

I-я часть. Періодъ до-уѣздный заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ украинскаго народа, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія развитія въ немъ гражданственности: эволюція родоваго начала въ общинный-громадскій—войсковое устройство, полки, сотни. Развитіе начала личнаго или государственности. Бытъ, взаимоотношенія, владѣніе, судоустройство, культура. По мѣрѣ приближенія къ учрежденію губерніи, а затѣмъ и лохвицкаго уѣзда, очеркъ съуживаетъ свой кругъ, и свѣдѣнія, становясь все интенсивнѣе, сводятся наконецъ къ интересамъ чисто мѣстнымъ.

Для этой части сборника всѣ имѣющіеся въ литературѣ историческіе и бытовые матеріалы должны быть переработаны по опредѣленному способу. Самостоятельныя изслѣдованія въ этомъ направленіи врядъ ли возможны: развѣ только относительно ближайшаго къ учрежденію уѣзда времени могутъ попадаться изслѣдователямъ другихъ частей сборника матеріалы, которые могутъ быть приняты во вниманіе составителями этой первой его части.

II-я часть. Періодъ отъ учрежденія уѣзда до реформъ Императора Александра II-го.

Въ этой части могли бы быть изслѣдованы и разработаны такіе матеріалы: формы и условія землепользованія и вытекавшія изъ нихъ отношенія и бытъ; дворянство, магистратура и полиція; управленіе крестьянами и козаками; волости; рекрутчина; чумачество; образованіе; мѣры, предшествовавшія эмансипаціи; отраженіе на мѣстахъ созыва комитетовъ по вопросу о крестьянской реформѣ; манифестъ 19 февраля и его обнародованіе.

III-я часть. Періодъ земскій.

Въ этой части было бы важно освѣтить первые шаги реформы 19 февраля и созданныхъ ею новыхъ отношеній. Мировые посредники; общественное устройство селеній; поземельное устройство; дѣла мировыхъ съѣздовъ. Затѣмъ слѣдуютъ матеріалы, относящіеся къ учрежденіямъ земскимъ и мировымъ, впредь до земской реформы по-

слѣдняго времени. Введеніе судебной реформы; присяжные засѣдатели, матеріалы воинскаго присутствія по введенію воинскаго устава 1874 г.; переселенческое движеніе; вопросы, обсуждавшіеся на мѣстахъ по правительственнымъ запросамъ и проч. Народное образованіе. Литература.

IV-я. Біографическіе и бытовые очерки и воспоминанія. Опредѣлить хотя бы приблизительную программу этой части врядъ ли возможно, такъ какъ все зависитъ отъ авторовъ, которые пожелаютъ прислать сборнику свои очерки и воспоминанія, но само собою разумѣется, что будущая редакція сборника введетъ въ эту часть все, что есть въ литературѣ о выдающихся Лохвичанахъ, начиная съ гетмановъ Остряницы и Дорошенка и философа Сковороды и кончая дѣятелями послѣдующаго и современнаго періодовъ.

Сообразно изложенному, на редакціи будетъ лежать, кромѣ составленія нѣкоторыхъ отдѣловъ первой и послѣдней частей сборника, еще и привлеченіе лицъ для разработки отдѣльныхъ вопросовъ программы; затѣмъ сводка поступившихъ статей и изслѣдованій, распредѣленіе ихъ по отдѣламъ программы и снабженіе отдѣльныхъ этюдовъ, которые будутъ помѣщены въ сборникѣ за подписями авторовъ, соотвѣтственными примѣчаніями, объясненіями и дополненіями, и наконецъ собираніе путемъ экспедиціоннымъ воспоминаній и преданій, изустно передающихся изъ поколѣнія въ поколѣніе и никѣмъ еще не записанныхъ.

Ввиду такого пріема составленія сборника, ему можетъ быть было бы всего соотвѣтственнѣе дать такое названіе «Матеріалы къ исторіи лохвицкаго уѣзда». (Сборникъ въ память столѣтія учрежденія уѣзда).

Собраніе отнеслось чрезвычайно сочувственно къ докладу, одобрило программу и ассигновало 1000 руб. для расходовъ по изданію сборника на 1903-й годъ.

Во время преній гласными были высказаны пожеланія, чтобы изъ этого сборника сдѣлать интересную книгу для мѣстнаго населенія, которое совершенно не освѣдомлено о прошломъ своей родины, объ эволюціи административныхъ учрежденій и о происхожденіи современныхъ экономическихъ условій. Только кн. А. М. Орбеліани высказалъ сомнѣніе въ способности народа понимать столь серьезные вопросы, какіе поставлены въ программѣ, а потому, по его мнѣнію, придать сборнику форму, доступную для народа, невозможно. Ему возразилъ А.

К. Влахопуловъ, указывая, что ученикъ, тщательно прошедшій курсъ народной земской школы, достаточно ознакомленъ, напримѣръ, съ характеромъ реформъ Императора Александра II-го.

Проектъ университетской выставки въ Харьковѣ. Въ засѣданіи Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, состоявшемся 19 октября, между прочимъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, напомнивъ о прошлогоднемъ столѣтнемъ юбилеѣ юрьевскаго университета, сказалъ, что, при всей успѣшности и достоинствѣ этого ученаго праздника, въ немъ замѣтенъ былъ одинъ пробѣлъ—отсутствіе выставки меморіальныхъ предметовъ. Можетъ быть, для Юрьева такая выставка была затруднительна по національной разрозненности ученыхъ силъ, потому, что изъ ста лѣтъ 90 лѣтъ дерптскій университетъ былъ совсѣмъ нѣмецкимъ; но въ приложеніи къ харьковскому университету такого соображенія не можетъ быть и, при своевременныхъ и настойчивыхъ заботахъ, къ юбилею можно было бы подготовить университетскую выставку, въ которую должны войти всѣ сохранившіеся виды города Харькова и университета, портреты и автографы профессоровъ и др. преподавателей университета, портреты попечителей учебнаго округа и др. лицъ, имѣвшихъ вліяніе на университетскую жизнь, университетскія изданія, труды профессоровъ въ хронологическомъ порядкѣ и т. д. Члены Общества отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому предположенію, и было постановлено войти съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ въ университетскую юбилейную коммиссію.

Музей имени А. А. Потебни. Въ засѣданіи Харьковскаго Историко-филологическаго общеста, состоявшемся 19 сентября, между прочимъ предсѣдатель доложилъ, что онъ совмѣстно съ секретаремъ Общества просилъ М. Ф. Потебню оказать содѣйствіе въ устройствѣ при историко-филологическомъ Обществѣ музея имени А. А. Потебни, и что г-жа Потебня отнеслась къ этой просьбѣ вполнѣ сочувственно. Постановлено благодарить М. Ф. Потебню и просить всѣхъ членовъ Общества о соотвѣтствующемъ содѣйствіи по собиранію портретовъ, автографовъ и всего др., относящагося къ А. А. Потебнѣ.

Кролевецкіе ткачи. Въ «С.-Петерб. Вѣдом.», (№ 236) напечатана любопытная замѣтка И. Абрамова о положеніи кустарей-ткачей въ Кролевцѣ (черниг. губ.). «На дняхъ въ газетной хроникѣ—говоритъ авторъ замѣтки—промелькнуло извѣстіе, что Министерство земледѣлія и Государственныхъ имуществъ, съ цѣлью поддержанія ткачества, субсидировало 13 учебныхъ заведеній, устроенныхъ частными лицами и учрежденіями въ губерніяхъ полтавской, курской, таврической, московской, орловской, рязанской, ярославской и новгородской. Черниговская губ. въ данномъ перечнѣ не значится, хотя кустарный ткацкій промыселъ издавна развился здѣсь въ значительной степени. Заслуженной извѣстностью пользуются въ особенности кролевецкій уѣздъ и нѣкоторые пункты глуховского, прилегающіе къ кролевецкому уѣзду (напр., мѣстечко Воронежъ). Въ Воронежской «ратушѣ» сохранились любопытныя цеховыя записи, изъ которыхъ видно, что ткацкій промыселъ процвѣталъ здѣсь еще въ 17-мъ столѣтіи. Въ Кролевцѣ—всѣ поголовно ткачи. Даже полевыя работы не отвлекаютъ ихъ отъ излюбленнаго промысла. Когда я проходилъ раннимъ лѣтнимъ утромъ по городу, черезъ открытыя узкія окна отовсюду доносилось постукиваніе «верстатей», виднѣлись усердно склонившіеся надъ работой старые и юные ткачи и ткачихи. Ткутъ здѣсь почти исключительно полотенца, знаменитые «кролевецкіе рушники», обращавшіе на себя всеобщее вниманіе на послѣдней кустарной выставкѣ въ С.-Петербургѣ. Мѣстное земство оказываетъ всяческое содѣйствіе ткачамъ-кустарямъ: сдѣлано, тѣмъ не менѣе, еще мало, чтобы поставить этотъ промыселъ на должную высоту и упорядочить сбытъ „рушниковъ“; въ настоящее время ихъ скупаютъ мѣстные капиталисты, бывшіе ткачи, во главѣ съ нѣкіимъ Рындей. Капиталисты раздаютъ также матеріалъ и платятъ за работу.

— Много-ли можете соткать въ день рушниковъ?

— Ткемъ 2-3,—отвѣчалъ мнѣ опытный ткачъ, - а заработокъ нашъ, самое большее копѣекъ 40-50, а хлопецъ (подростокъ) дай Богъ, чтобъ четвертака заробивъ.

Кролевецкіе рушники часто фигурируютъ на разныхъ выставкахъ, но матеріальной пользы отъ этого ткачамъ мало. Одинъ изъ лучшихъ мастеровъ, Θеодоръ Рындя, бѣдный братъ богатаго Рынди, сообщилъ мнѣ, что за рушники его работы на выставкѣ въ Парижѣ присудили серебряную медаль, а на послѣдней кустарной въ Петербургѣ—золотую.

— Покажите, пожалуйста, — полюбопытствовалъ я, — золотую медаль.

— Та я ее не получилъ...

— Отчего?

— Потребовали они съ меня за ту самую золотую медаль 83 руб., а се гроши велики для нашего брата, сами знаете. Не скоро ихъ на верстати выстукаешъ. Вотъ въ Нижнемъ-Новгородѣ какъ была выставка, то присудили выдать мнѣ 25 р. деньгами. За то большое имъ спасибо!

Вся внѣшняя захудалая обстановка ткачей краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что не по силамъ имъ выплачивать по 83 р. за медали.

Памятникъ В Н. Каразину. Комитетъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ одобрилъ модель. Каразинъ изображенъ въ позѣ вдохновеннаго оратора, съ приподнятой правой рукой. Портретное сходство выдержано весьма удачно. Величина статуи въ отливкѣ будетъ въ 5 аршинъ, при пьедесталѣ въ 7 аршинъ. Изготовленіе статуи поручается автору модели художнику И. И. Андреолети, талантливому ученику знаменитаго скульптора В. А. Беклемишева. Изготовленіе пьедестала будетъ находиться подъ надзоромъ архитектора А. Н. Бекетова. Выработанъ планъ помѣщенія памятника въ кругѣ университетскаго сада. Въ настоящее время на постройку памятника имѣется 16,950 руб., и нужно собрать еще около 4 тыс. для полнаго его окончанія; сумму это необходимо получить въ теченіе текущаго года. Комитетъ, по словамъ „Южн. Кр.", разсылаетъ подписные листы и проситъ всѣхъ питомцевъ и друзей Харьковскаго университета завершить близкое къ окончанію дѣло пожертвованіями, направляя ихъ на имя ректора университета.

Къ 10-лѣтію со дня смерти поэта Леонида Ивановича Глѣбова. 29-го октября истекаетъ десять лѣтъ со дня смерти украинскаго поэта Леонида Ивановича Глѣбова. Черниговскій скульпторъ Г. Л. Сѣнявскій изготовилъ бюстъ покойнаго поэта почти въ натуральную величину и теперь обратился въ харьковскую губернскую управу съ предложеніемъ пріобрѣсть этотъ бюстъ въ ознаменованіе 10-лѣтія со дня смерти Глѣбова.

Собраніе пѣсеннаго матеріала въ Кубанскомъ козачьемъ войскѣ. Въ Кубанскомъ областномъ правленіи получено увѣдомленіе, что Военный Совѣтъ разрѣшилъ на вознагражденіе г. Копица за собираніе пѣсеннаго матеріала въ Кубанскомъ козачьемъ войскѣ 1200 руб., и на разъѣзды ему по 500 руб. ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ; причемъ предложилъ Кубанскому войсковому начальству, по собраніи пѣсеннаго матеріала, разработать вопросъ объ изданіи этого матеріала и войти по сему поводу съ особымъ представленіемъ. Военный Совѣтъ предлагаетъ обратить особое вниманіе на пѣсни военнаго содержанія, какъ на болѣе ярко отражающія въ себѣ духъ козачества, хотя бы пѣсни эти и не были замѣчательными въ музыкальномъ отношеніи, а также присоединить къ собиранію пѣсеннаго матеріала и собираніе историческихъ сказаній и разсказовъ о геройскихъ подвигахъ козаковъ, составляющихъ славу и гордость козачества, съ возложеніемъ этой работы на тѣхъ лицъ, коимъ поручено собираніе пѣсеннаго матеріала. („Куб.. Вѣд.“, № 178).

Къ пополненію коллекцій музея въ Екатеринославѣ. По просьбѣ профессора Д. И. Эварницкаго, мѣстный исправникъ Н. П. Корниловъ, разыскалъ и пріобрѣлъ въ Никополѣ старинный чумацкій возъ со всѣми типичнымы принадлежностями: «мазныцей» для дегтя и „притыкой“ для ярма и т. д. Возъ этотъ г. исправникъ пріобрѣлъ у крестьянина, предки котораго промышляли чумацкимъ извозомъ. Въ возъ этотъ будутъ впряжены чучела «воливъ» круторогихъ, а на самомъ возу будетъ возсѣдать чучело чумака... Въ такомъ видѣ возъ этотъ будетъ поставленъ въ музеѣ.

Археологическія раскопки въ харьковской губ. Какъ мы сообщали въ прошломъ номерѣ, народному учителю В. А. Бабенку поручено было минувшимъ лѣтомъ произвесть раскопки въ волчанскомъ уѣздѣ, харьк. губ. Раскопки эти, какъ сообщаютъ „Харьк. Губ. Вѣд.“, произведены были въ слободѣ Верхнемъ Салтовѣ. Изслѣдованію подвергался могильникъ, расположенный по склону горы около оврага «Нетеча». Одна могила имѣла женское погребеніе; въ грудной части скелета найденъ рядъ разнообразныхъ бусъ отъ ожерелья, а среди нихъ—серебряная монета, сассанидскій дигремъ, особенно крупнаго размѣра, съ изображеніемъ, приблизительно, VI в. по Р. Х.

Сбоку погребенія лежало большое круглое, гладко отшлифованное, бѣловатаго металла, зеркало, съ орнаментомъ на оборотной сторонѣ. Другой могильникъ расположенъ въ горахъ, покрытыхъ крестьянскими садами, около того мѣста, гдѣ находится народное училище. Раскопки этого могильника были начаты изслѣдователемъ еще прошлымъ лѣтомъ. Изъ вещей найдены: боевой топоръ, кинжалъ желѣзный, обоюдоострый, зеркала изъ сплава очень хорошей сохранности, бронзовые щипчики съ ушкомъ для подвѣшиванія. Въ числѣ другихъ мелкихъ украшеній найдены большія золотыя серьги, состоящія изъ правильнаго проволочнаго кольца въ видѣ пирамидки съ неподвижною подвѣскою, съ четырьмя насаженными одинъ на другой шариками. Раскопки 1-го могильника производились съ 27-го іюля по 10-е августа. За это время раскопано всего 10 могилъ. Въ первой оказалось одно погребеніе и при немъ мелкія бусы, бронзовые литые бубенцы и аббасинская монета, приблизительно VII в. по Р. X. Другія погребенія, очевидно, были разрушены раньше и частью ограблены. Самою богатою и интересною, какъ по своему устройству, такъ и по вещамъ, найденнымъ въ ней, оказалась могила № 9-й. При изслѣдованіи стѣнокъ прохода раскопанной раньше могилы, находившейся рядомъ съ этою, рабочимъ пришлось натолкнуться на 2 прохода. Оказалось, что оба они ведутъ въ общую камеру. На полу вновь открытой камеры обнаружено 3 погребенія: слѣва отъ входа—мужское и сбоку его—2 женскихъ, причемъ руки первыхъ двухъ подложены были одна подъ другой. Мужской скелетъ, въ 175 сант. длины, имѣлъ въ правой рукѣ желѣзный боевой топоръ и подъ плечевою частью такой же наконечникъ въ видѣ кирки. Сосудъ,—изящная кубышка съ крестообразнымъ клеймомъ на днѣ,—стоялъ между головами перваго и второго погребеній. Въ поясной части женскихъ скелетовъ найдено нѣсколько обломковъ отъ очень перетлѣвшихъ ножей въ ножнахъ и около шеи—роскошныя ожерелья изъ сложныхъ золотистыхъ и серебристыхъ, какъ бы жемчужныхъ бусъ, кольцеобразныя подвѣски и проч. По всѣмъ даннымъ, въ открытыхъ могильникахъ имѣется культура не одного народа, а нѣсколькихъ. Не говоря уже о числѣ погребеній, по одному числу могильниковъ и ихъ величинѣ, можно вполнѣ удовлетворительно сказать, что въ древнемъ Салтовѣ и его городищѣ побывалъ не одинъ народъ. Были тутъ и кочевники: хазары, печенѣги, торки или половцы, а впослѣдствіи славяне.

Приготовленія къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. Комитетъ по устройству въ Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда разослалъ, какъ мы сообщали [1]), разнымъ лицамъ и учрежденіямъ губерніи вопросные листы, съ просьбой сообщить о сохранившихся памятникахъ старины.

Вопросные листы въ данное время возвращаются съ заполненными рубриками отвѣтовъ.

Они представляютъ тотъ сырой матеріалъ, который, съ одной стороны, выяснитъ путь, по которому пойдутъ въ будущемъ археологическія изысканія, а съ другой—дастъ довольно рельефную картину сохранившихся въ губерніи памятниковъ старины.

Въ «Приднѣпров. Краѣ» (въ № 1937) напечатаны отвѣты по полученнымъ комитетомъ первымъ шести вопроснымъ листамъ, изъ чего видно, что этимъ путемъ можетъ быть собранъ богатый матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Древности изъ собранія графа А. А. Бобринскаго. Предсѣдатель императорской археологической коммиссіи, графъ А. А. Бобринскій, лично передалъ кіевскому музею древностей и искусствъ коллекцію предметовъ бронзоваго вѣка и бронзовыхъ предметовъ скиѳской эпохи. Коллекція,—не велика, но очень интересна. Среди предметовъ бронзоваго вѣка отмѣтимъ 10 бронзовыхъ мѣдныхъ топоровъ очень хорошей сохранности, наконечники копій, большой браслетъ, украшенный спиральными завитками, двѣ очень интересныхъ фибулы, ромбоидальныя, орнаментированныя, съ иглами и т. д. Среди многочисленныхъ бронзовыхъ предметовъ скиѳской эпохи наибольшій интересъ представляетъ красивый мечъ или кинжалъ, являющійся единственнымъ въ своемъ родѣ экземпляромъ. Раньше графомъ А. А. Бобринскимъ передана музею древностей и искусствъ обширная коллекція каменнаго вѣка, заключающая въ себѣ, кромѣ большого подбора каменныхъ и кремневыхъ орудій, много орудій костяныхъ и роговыхъ, а также коллекцію посуды первобытнаго человѣка. Вся коллекція древностей каменнаго и бронзоваго вѣковъ, подаренная музею графомъ А. А. Бобринскимъ, занимаетъ отдѣльную большую витрину. Коллекція эта, на собираніе которой въ теченіе нѣсколь-

[1]) См. № 7—8.

кихъ десятилѣтій потрачено много труда и средствъ, находится въ образцовомъ порядкѣ и представляетъ собой крупный вкладъ въ сокровища кіевскаго музея.

Раскопки близъ с. Парутина. Раскопка большого кургана, находящагося на территоріи «городка» близъ с. Парутина, дала весьма интересные результаты. Какъ сообщаетъ «Югу» Б. В. Фармаковскій, почти весь курганъ былъ снесенъ, какъ вдругъ показался цилиндрическій сводъ склепа. Не остается сомнѣнія, что курганъ—надмогильный. Погребальный склепъ, состоящій изъ двухъ комнатъ, сложенъ изъ прекрасныхъ плитъ известняка. Кладка указываетъ на II—III в. по Р. Хр. Склепъ оказался ограбленнымъ въ очень древнія времена. Болѣе раскопана пока первая со входа комната. Здѣсь очень интересны грубые рисунки вверху, направо и налѣво отъ входной двери во вторую комнату, которая была усыпальницей. Рисунки сдѣланы красной краской. Одинъ представляетъ змѣю, другой—птифаллическую фигуру. Оба изображенія служили предохраненіемъ противъ колдовства и дурного глаза. Склепъ сооруженъ среди развалинъ древней Ольвіи, разрушенной гетами въ I в. до Р. Хр. Это, какъ и склепъ Еврисивія, памятникъ Ольвіи позднѣйшей, возобновленный въ I в. по Р. Хр.

Среди древнѣйшихъ зданій особенно интересно зданіе, полъ въ которомъ украшенъ мозаикой. Мозаика представляетъ узоръ изъ пальметокъ, грифоновъ и тигровъ. Зданіе съ мозаикой, вѣроятно, II в. до Р. Хр. Разслѣдованіе гробницъ дало любопытныя чернофигурныя вазы. При раскопкѣ гробницъ найдены и другіе интересные предметы быта (мѣдныя: ситечко, ложки и др.). («Одес. Лист.», № 224).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Несостоявшееся представленіе депутаціи русиновъ во Львовѣ. Наиболѣе крупнымъ событіемъ въ минувшемъ мѣсяцѣ былъ пріѣздъ въ Галицію на маневры императора Франца-Іосифа. Русины хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы послать императору депутацію съ изложеніемъ своихъ народныхъ нуждъ. Львовское «Діло» пишетъ: «Наше недавнее сообщеніе о томъ, что польскіе патріотическіе круги хлопочутъ о недопущеніи малорус-

ской депутаціи къ императору во время пребыванія его въ Львовѣ, оказалось справедливымъ: когда русскіе заявили о своемъ желаніи намѣстнику Галиціи, то председателю «русинскаго» клуба въ вѣнскомъ парламентѣ, Романчуку, было сообщено, что вслѣдствіе недостатка времени, императоръ не приметъ депутаціи».

И хотя, дѣйствительно, депутація русиновъ не была принята, однако львовскому уніатскому митрополиту, Шептицкому, удалось получить своего рода удовлетвореніе, императоръ во Львовѣ посѣтилъ уніатскій каѳедральный храмъ св. Георгія (св. Юръ). Москвофильскій «Галичанинъ» придаетъ очень большое значеніе этому факту: «своимъ посѣщеніемъ св. Юра императоръ освятилъ равноправность русскаго населенія края съ польскимъ и греко-католическаго исповѣданія съ римско-католическимъ»! «Галичанинъ» даже согласенъ съ польской мотивировкой отказа императора принять малорусскую депутацію: національная депутація не имѣла, будто бы, смысла, когда цѣлый край былъ представленъ депутаціей сейма... И болѣе того думаетъ газета: если бы въ составъ малорусской депутаціи вошли и «москвофилы», то депутація была бы непремѣнно принята... Совершенно иную оцѣнку всего, происшедшаго во Львовѣ во время пребыванія здѣсь императора, даетъ «украйнофильское» «Діло». Вотъ что пишетъ «Діло»: «Русскій народъ не можетъ равнодушно смотрѣть на то, какъ на него не обращаютъ никакого вниманія и на его организмѣ созидаютъ основы для реставраціи ягеллонской Польши подъ скипертомъ Габсбурговъ. Русскій народъ не получилъ возможности высказать императору своихъ взглядовъ на эту затѣю. Поэтому мы рѣшительно протестуемъ противъ игнорированія русскихъ на русской землѣ, противъ прикрытія насъ вмѣстѣ съ поляками подъ «одной общей кровлей» (слова императора) польскаго сейма и польской національной автономіи, противъ возсозданія Польши подъ скипетромъ Габсбурговъ! Угрожая династіи, газета продолжаетъ: «Русь уже жила и процвѣтала цѣлые вѣка, когда о существованіи Австріи никто и не слыхалъ. Русь живетъ и теперь, растетъ, крѣпнетъ и, конечно будетъ жить и далѣе, чего нельзя сказать столь рѣшительно о нѣкоторыхъ державахъ Европы. И если галицкіе русскіе лойяльно относятся къ Австріи и ея династіи, не переставая видѣть въ нихъ залогъ

лучшаго будущаго, то для династіи прямой интересъ—не отталкивать отъ себя и не оскорблять русскихъ.

По поводу произнесенія намѣстникомъ Галиціи въ сеймѣ части рѣчи своей по-малорусски. Сенсаціонное событіе, о которомъ говоритъ галицкая печать, это—произнесеніе намѣстникомъ Галиціи, граф. Потоцкимъ, части своей рѣчи въ сеймѣ по-малорусски. «Nowa Reforma» пишетъ: «До сихъ поръ ничего подобнаго не бывало. Намѣстники до сихъ поръ признавали, что, въ силу закона 1869 года, оффиціальный языкъ въ Галиціи—польскій, и что поэтому намѣстникъ, говоря въ сеймѣ въ качествѣ чиновника, можетъ говорить только по-польски. Иначе дѣло стоитъ съ русинскими запросами. Тутъ имѣетъ силу положеніе того же закона, что учрежденія обязаны отвѣчать на русскіе запросы порусски же. Теперь и намѣстникъ сталъ дѣлать то же самое, что и маршалки (предводители дворянства Галиціи, предсѣдательствующіе въ сеймѣ), т. е. вставлять въ свои рѣчи русскія фразы. Интересно знать, какъ отвѣтятъ русины на эту уступку имъ намѣстника?» Разумѣется, русины Галиціи не столь наивны, чтобы счесть это новшество «уступкой», за которую они обязаны чѣмъ-нибудь отплатить... Въ засѣданіяхъ сейма послѣдовало уже нѣсколько русинскихъ запросовъ, касающихся цѣлаго ряда стѣсненій, испытываемыхъ русскимъ населеніемъ. Русины хотятъ «уступокъ» совсѣмъ другого рода—удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей, о которыхъ такъ мало заботится польское автономное правительство. Теперь русины должны на свои частныя средства удовлетворять свои нужды. Такъ, въ началѣ этого школьнаго года открываютъ на свои средства два просвѣтительныхъ учрежденія: женскую учительскую семинарію и консерваторію. Семинарію открываетъ русское педагогическое общество; языкомъ преподаванія въ семинаріи будетъ исключительно малорусскій языкъ.

Памятникъ Ягелло въ Галиціи. На дняхъ въ Галиціи, въ мѣстечкѣ Городокъ, открытъ поляками памятникъ королю Ягелло. Едва ли это торжество, да и самая затѣя постановки памятника Ягелло въ восточной, русской Галиціи оправдываются интересами

здравой политики. По крайней мѣрѣ, органы галицкой русской печати, безъ различія направленій, разразились негодующими статьями по поводу польскаго торжества. «Галичанинъ» и «Діло», вспоминают о враждебной православію и русскому народу дѣятельности Ягелло. Ягелло строилъ католическіе костелы въ русскихъ поселеніяхъ, основалъ католическіе епископства въ Галичинѣ, Перемышлѣ и Холмѣ, одаривъ ихъ отнятыми у православныхъ епископій имѣніями; закрылъ въ 1414 году русскую галицкую митрополію. При Ягелло было запрещено русскимъ боярамъ жениться на католичкахъ и занимать въ Польшѣ должности; въ оффиціальныхъ актахъ, православныя церкви назывались синагогами, да и строить ихъ позволялось лишь съ согласія католическаго духовенства; православные именовались еретиками. «Гакатистская Польша,—говорить «Діло»,—хочетъ еще разъ, пока сила въ ея рукахъ, подчеркнуть польскій характеръ русской земли. Польша ставитъ памятникъ тому, кто фактически является родоначальникомъ современной польской «гакаты», кто указалъ историческую миссію Польшѣ, т. е. превращеніе Польши, Литвы и Руси въ одинъ организмъ съ польскимъ характеромъ, кто сталъ духовнымъ отцомъ польской «ягеллинской» идеи—Польши «отъ моря и до моря»... Русскія газеты нашли крайне безтактнымъ поступкомъ поляковъ прилашеніе русскихъ принять участіе въ этомъ польскомъ торжествѣ.

Школьное дѣло въ Галиціи. Въ засѣданіи галицкаго сейма намѣстникъ гр. Потоцкій сообщилъ слѣдующія данныя о положеніи школьнаго дѣла въ провинціи. Въ минувшемъ году прибавилось 55 новыхъ народныхъ школъ и 550 классовъ, хотя все таки до 1,062 общинъ Галиціи еще не имѣютъ школъ (русскія газеты прибавляютъ, что намѣстникъ забылъ сообщить почти о тысячѣ школъ,—преимущественно въ восточной Галиціи,—не имѣющихъ учителей). Открыта одна учительская семинарія для поляковъ, одна гимназія и одно реальное училище. Въ существующихъ среднихъ школахъ открыто много параллельныхъ отдѣленій, но наплывъ учениковъ столь великъ, что переполненіе классовъ мѣшаетъ достигать удовлетворительныхъ результатовъ при обученіи и воспитаніи. Намѣстникъ обѣщалъ под-

держать малорусскихъ депутатовъ, требующихъ принятія на казенный счеть частной русской гимназіи въ Станиславовѣ. Но, кажется, польское большинство сейма смотритъ на требованія русскихъ нѣсколько иначе: по крайней мѣрѣ, польскія газеты высказываются противъ этихъ требованій, ссылаясь на то, что русскіе гимназисты въ Галиціи слишкомъ много занимаются политикой, и забывая, что польскіе ихъ коллеги подаютъ имъ въ томъ примѣръ, и что вообще нѣтъ грѣха въ интересѣ къ общественной и политической жизни.

Самоуправленіе Галиціи. Какъ бы въ отвѣтъ на недавнюю императорскую похвалу галиційскому сейму и его дѣятельности, краковскій «Napród» въ статьѣ «Lud a Sajm» (народъ и сеймъ) подвергаетъ галицкія отношенія самой суровой критикѣ. Въ Галиціи болѣе 7 милл. населенія, въ томъ числѣ около 15,000 шляхты. Какъ же представляются въ сеймѣ интересы народа и шляхты? Изъ 149 депутатовъ, избираемыхъ въ цѣломъ краѣ (всѣхъ депутатовъ въ сеймѣ—161), около 100 человѣкъ—шляхтичи. Если сюда присоединить 8 епископовъ и 4 свѣтскихъ вирилистовъ, то окажется, что на 7.000,000 крестьянъ, мѣщанъ и рабочихъ приходится только 50 депутатовъ. Но дѣло обстоитъ еще хуже. Изъ этихъ 50 человѣкъ слѣдуетъ исключить 3-хъ депутатовъ отъ торговыхъ палатъ, около 10 представителей городовъ, избранныхъ подъ давленіемъ станчиковскихъ подкуповъ и терроризма; такимъ образомъ, остается около 35 депутатовъ, не заявляющихъ о своемъ единомысліи со «станчиками». Но въ этомъ числѣ, далѣе, имѣются представители партіи Стояловскаго, «демократы» и другіе, якобы, представители народа, кокетничающіе со «станчиками». «При такомъ составѣ,—говоритъ газета,—сеймъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ не могъ совершить ни одной серьезной работы, ни одной реформы, вызываемой насущными потребностями населенія». Газетѣ предсатвляются поэтому крайне вредными для населенія всѣ проекты «все-поляковъ» и «демократовъ» относительно выдѣленія Галиціи изъ состава Австріи (Цислейтаніи), расширенія компетенціи сейма и т. п.

Малорусскій театръ во Львовѣ. Въ день открытія памятника Котляревскому въ Полтавѣ исполнительный комитетъ по постройкѣ малорусскаго театра во Львовѣ помѣстилъ въ галицкихъ русскихъ газетахъ слѣдующее воззваніе: «Въ ясныхъ водахъ Ватовы отражается гордымъ сіяніемъ чешское «Народное Дивало». Надъ серебристой Савой красуется величавая святыня живого слова «Хрватско позориште у Загребу». Среди зелени стараго города Кракуса видна надпись «Краковъ народовой штуцѣ» (искусству). Въ прекрасной, хотя и небольшой Люблянѣ культивирують словинцы свое живое слово въ своемъ «Глѣдолищѣ». Въ старой столицѣ нашего короля Даніила (Львовѣ) на фронтонѣ городского театра геній держитъ золотую пальмовую вѣтвь «польскому искусству». Словомъ, всюду, гдѣ живой народъ думаетъ живую думу, состоятъ храмы живого слова,—лишь 30-милліонный народъ, заселившій Украйну-Русь, не собрался выстроить святыню своему живому слову, своему драматическому искусству. Драматическимъ искусствомъ начинается исторія нашего возрожденія, оно было и будетъ естественнымъ звеномъ въ нашей народной жизни. А между тѣмъ, за цѣлое столѣтіе нашего народнаго возрожденія ничего почти не сдѣлано, чтобы создать безусловно необходимыя условія для развитія нашего драматическаго искусства. Жизнь идетъ впередъ! Если народъ хочетъ остаться живымъ, онъ долженъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ, которыя ему ставитъ современная жизнь... Какъ появленіе культурныхъ потребностей народа и какъ признакъ народной силы и самосознанія, нашъ театръ не возникнетъ иначе, какъ только жертвами всего народа. Исходя изъ всего этого, комитетъ приступаетъ къ дѣлу съ надеждой на успѣхъ и уже купилъ прекрасное мѣсто для театра во Львовѣ. Въ убѣжденіи, что наше дѣло—горячая мечта всѣхъ соплеменниковъ, мы надѣемся, что весь народъ поспѣшитъ со своими пожертвованіями на постройку народнаго театра».

Мѣстное польское правительство Галиціи (комитетъ и сеймъ) прилагаетъ всѣ усилія для развитія польскихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Сеймъ предполагаетъ увеличить субсидію краковской академіи наукъ на 1904 годъ съ 52,000 кр. до 70,000 и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, ходатайствовать объ увеличеніи субсидіи отъ государственнаго казначейства (вмѣсто 40,000 кр. въ годъ—50,000). Краковскій «Народный музей» получилъ единовременное пособіе въ 30,000 кр. для реогранизаціи учрежденія и 2,000 кр. на обновленіе картинъ. Галицкія русскія газеты сомнѣваются въ томъ, что сеймъ будетъ столь же щедръ для русскихъ учрежденій, какъ-то: «Науковое товариство», общество «Просьвіта», русскій театръ и т. д.

Извѣстный украинскій художникъ Иванъ Трушъ получилъ отъ галицкаго сейма 1,000 кронъ субсидіи на путешествіе въ Крымъ, гдѣ онъ намѣренъ изготовить рядъ иллюстрацій для предполагаемаго новаго роскошнаго изданія «Крымскихъ сонетовъ» Адама Мицкевича.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Коцюбинскій. Оповидання. Т. першый. *Кыивъ, 1903. Ц. 1 р. 50 к., на крашц. папери 2 р.*

Имя М. Коцюбинскаго, какъ украинскаго беллетриста стало извѣстно читающей публикѣ съ 1895 года, когда въ Черниговѣ были изданы его «Пьятызлотныкъ» и три дѣтскихъ разсказа. Послѣ того въ литературныхъ сборникахъ-альманахахъ, изданныхъ въ послѣдніе два-три года въ Кіевѣ и Одессѣ, а также и въ нашемъ журналѣ, появилось его нѣсколько разсказовъ своими внутренними и внѣшними достоинствами обратившихъ на себя вниманіе критики. Какъ свойства самихъ сюжетовъ въ этихъ разсказахъ, такъ въ особенности ихъ художественная обработка свидѣтельствовали о широтѣ міросозерцанія автора, о глубокомъ пониманіи имъ нуждъ окружающей его дѣйствительности и о несомнѣнномъ литературномъ его дарованіи. Съ особеннымъ поэтому удовольствіемъ можно привѣтствовать выходъ въ свѣтъ перваго тома собранія беллетристическихъ произведеній М. Коцюбинскаго, куда вошло 13 его разсказовъ, написанныхъ въ періодъ времени съ 1891—1902 г. Изъ нихъ четыре написано на сюжеты изъ жизни крымскихъ татаръ („На камени“, «Въ путахъ шайтана») и бессарабскихъ молдаванъ («Пе коптьоръ» и «Для загального добра»), а остальные касаются прошлой и настоящей жизни Украины.

Въ разсказѣ «На камени» авторъ коснулся вопроса о тяжеломъ положеніи женщины въ татарской семьѣ. Татарка—это порабощенная во имя старыхъ традицій женщина, лишенная всякой возможности вырваться изъ давящихъ ее тисковъ, потому что на защиту попран-

ныхъ традицій поднимается всегда старшее поколѣніе татаръ. Впрочемъ авторъ видитъ пути, по которымъ въ татарскую среду проникаютъ уже новыя вѣянія, постепенно расшатывающія силу устарѣлыхъ татарскихъ традицій. Благодаря сношеніямъ съ пріѣзжими въ Крымъ туристами, татары, особенно молодое поколѣніе, начинаютъ терять довѣріе къ преданіямъ своей старины. Въ разсказѣ „Въ путахъ шайтана“ авторъ изобразилъ столкновеніе въ татарской средѣ представителей двухъ различныхъ міровоззрѣній: стараго—правовѣрнаго и новаго—еретическаго (съ точки зрѣнія стариковъ).

Молдаванскій народный обычай, по которому обманутая дѣвушка, если хочетъ заставить обезчестившаго ее парня жениться на ней, идетъ въ домъ его родителей „пе коптьоръ», т. е. на печь, послужилъ автору основаніемъ для разсказа «Пе коптьоръ». Украинскій народныи обычай жить «на віру», то есть гражданскимъ бракомъ, когда почему-нибудь невозможенъ бракъ церковный, легъ въ основу повѣсти автора «На віру».

Въ разсказѣ «Посолъ відъ чорного царя» авторъ раскрываетъ передъ нами психологію интеллигента, который, впервые серіозно столкнувшись съ простымъ народомъ, пораженъ былъ его невѣжествомъ и грубостію и, послѣ тяжелой внутренней борьбы, рѣшился бросить ожидавшую его блестящую карьеру и идти въ народъ посломъ «відъ царя ясного, що йому наймення світло знаття і любови». Жизнь другого интеллигента, работающаго надъ просвѣщеніемъ народа, народной учительницы, изобразилъ авторъ въ разсказѣ «Лялечка». Въ разсказѣ «По людському» авторъ попытался показать, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ иногда привести тѣ обрывки познаній, которыя, вмѣсто систематическаго, цѣльнаго знанія, проникаютъ теперь въ крестьянскую среду. Симпатичныя черты этой среды, вообще бѣдной, неимущей, но чуткой къ чужому горю, готовой подѣлиться съ нуждающимся, хотя бы и чужимъ человѣкомъ, послѣдней копѣйкой, изобразилъ авторъ въ разсказѣ «Пьятызлотныкъ“. Въ разсказѣ «Помстывся» авторъ отмѣтилъ то деморализующее вліяніе, какое до послѣдняго времени имѣютъ на окружающее крестьянское населеніе нѣкоторыя помѣщичьи экономіи.

Въ историческомъ разсказѣ «Дорогою циною» авторъ рисуетъ намъ горькую долю тѣхъ скитальцевъ крестьянъ, которые въ былое время крѣпостного права, не будучи въ состояніи снести помѣщичьяго гнета, бѣжали «на вильни земли» (въ Бессарабію, въ Турцію),

рятуючысь одъ панщыны». Другой разсказъ М. Коцюбинскаго, относящійся къ прошлой жизни Украины, «На крылахъ писни»—это поэтическая картинка, рисующая предъ нами украинскихъ чумаковъ и ихъ промыселъ. Авторъ любуется величественными, сильными фигурами этихъ вольныхъ сыновъ украинской степи. Полный контрастъ съ этими мощными фигурами представляютъ у автора типы современныхъ интеллигентныхъ людей (въ разсказѣ «Поедынокъ»), трусливыхъ, готовыхъ во имя внѣшняго decorum'а на самые унизительные компромиссы.

Матеріалъ для разсказа «Для загального добра» дала М. Коцюбинскому дѣятельность филоксерной коммиссіи, снаряженной (въ 1892 г.) для уничтоженія зараженныхъ филоксерой бессарабскихъ виноградниковъ.

Большое разнообразіе сюжетовъ въ произведеніяхъ М. Коцюбинскаго свидѣтельствуетъ о необыкновенной отзывчивости автора къ интересамъ окружающей его дѣйствительности; а ближайшее разсмотрѣніе произведеній М. Коцюбинскаго съ ихъ художественной стороны убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ его лицѣ мы имѣемъ крупную литературную силу.

Самое раннее изъ произведеній М. Коцюбинскаго, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ—«На виру». Сюжетъ этой повѣсти слѣдующій. Молодой парень Гнатъ, крестьянинъ, послѣ того, какъ любимая имъ дѣвушка Настя «подавала рушныкы» Петру, женится на нелюбимой Олександрѣ. Не будучи въ состояніи ужиться подъ одной кровлей съ Олександрой, Гнатъ прогоняетъ ее и, когда вскорѣ умеръ Петро, приглашаетъ Настю къ себѣ въ домъ «сыдиты на виру» (т. е. жить гражданскимъ бракомъ. Настя соглашается на предложеніе Гната, и нѣкоторое время они живутъ счастливо, пока не явилась Олександра, чтобы по праву законной жены, выгнать Настю изъ дома своего мужа. Произошло столкновеніе, во время котораго Гнатъ, въ состояніи аффекта, убилъ Олександру. Съ технической стороны эта повѣсть не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ Она нѣсколько растянута и запутана вслѣдствіе того, что авторъ въ одномъ произведеніи соединилъ романъ нѣсколькихъ лицъ: кромѣ Гната и Насти, «на виру» живутъ еще Семенъ и Мотря, Иванъ и Олександра, а потомъ Петро и Олександра. Отмѣтимъ еще авторскій недосмотръ въ этой повѣсти. У автора Гнатъ, послѣ того, какъ поссорился съ Олександрой и выгналъ ее изъ дому, отправился непосредственно къ берегу пруда, сѣлъ тамъ подъ вербой

и началъ любоваться прелестью майской ночи. Это психологически невозможно, особенно для такой глубоко чувствующей натуры, какъ Гнатъ. Кромѣ того, авторъ называетъ обычай жить «на виру» новымъ обычаемъ въ украинской деревнѣ, къ которому старики будто бы еще не привыкли. Между тѣмъ, это обычай старый. Въ Украйнѣ еще въ XVI и XVII вв. установился обычай гражданскихъ браковъ, считавшихся вполнѣ законными[1]). Но не смотря на указанные недостатки, повѣсть „На виру" имѣетъ несомнѣнную литературную цѣнность. Въ этой повѣсти мы находимъ художественно-правдивое изображеніе быта украинской деревни. Типы главныхъ дѣйствующихъ лицъ обрисованы авторомъ талантливо и тщательно. Повѣсть читается легко и съ большимъ интересомъ.

Ставши на твердую почву художественнаго реализма въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, М. Коцюбинскій далъ украинской литературѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ, художественныхъ произведеній, создалъ цѣлый рядъ живыхъ типовъ. Такими цѣнными литературными произведеніями являются разсказы автора, написанные имъ до 1900 года; лучшіе между ними „Пьятызлотныкъ", „Помстывся", „Для загального добра", „На крылахъ писень" и „Въ путахъ шайтана". Это разсказы, отмѣченные печатію высокой авторской интеллигентности, проникнутые теплымъ, гуманнымъ чувствомъ, даютъ намъ вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни. Кромѣ того, въ нихъ видна осторожность автора въ выборѣ темъ и сюжетовъ, основательная продуманность плана и строгая тщательность въ обрисовкѣ положеній и характеровъ. Главные персонажи этихъ разсказовъ типы, въ общемъ вполнѣ опредѣленные и ясные, какъ Хома и Хима („Пьятызлотныкъ"), Свырыдъ и Лука („Помстывся"), Тыховичъ („Для загального добра"), Эмене Сеитаръ („Въ путахъ шайтана") и др.,— живутъ и дѣйствуютъ въ свойственной имъ обстановкѣ, обрисованной у автора правдиво и талантливо.

Разсматривая произведенія М Коцюбинскаго, написанныя въ послѣдніе два-три года, мы замѣчаемъ какое-то колебаніе въ творчествѣ автора, даже какъ бы поворотъ въ худшую сторону. Нѣкоторыя изъ этихъ его произведеній мало продуманы, вообще носятъ слѣды поспѣшности въ ихъ написаніи и лишены драгоцѣнныхъ ка-

[1]) См. статью О. Левицкаго въ „Кіевской Старинѣ". 1900 г. № 1-й.

чествъ жизненности и правдивости. Къ такимъ произведеніямъ, невыгодно отличающимся отъ другихъ, болѣе раннихъ произведеній нашего автора, относятся „По людському“, „Лялечка“ и „Поедынокъ“.

Въ разсказѣ „По людському“ авторъ, какъ намъ кажется, впалъ въ несвойственный ему юмористическій тонъ, вслѣдствіе чего у него, получилась почти каррикатура. Карпо, главный герой этого разсказа, человѣкъ неглупый и очень воспріимчивый; онъ любитъ поразсуждать о томъ, откуда неправда пошла. Съ этимъ какъ-то не мирятся тѣ чисто каррикатурныя выходки, которыя приписываетъ Карпу авторъ. Слишкомъ утрировано, по нашему мнѣнію, въ разсказѣ непріязненно-насмѣшливое отношеніе къ новатору-Карпу со стороны окружающей его среды. Вообще, въ разсказѣ „По людському“ дѣйствительность крестьянскаго міра нашла себѣ слабое отраженіе. Содержаніе этого разсказа таково: крестьянинъ Карпо, получивши по завѣщанію отъ умершей тетки 200 руб., пытается начать жить „по людськи“ такъ, какъ живетъ „у Нимеччыни або въ Англіи робочый чоловикъ“, о чемъ онъ слыхалъ отъ народнаго учителя въ своемъ селѣ. Но такъ какъ у Карпа нѣтъ достаточныхъ познаній о такой жизни, ни пониманія своихъ истинныхъ нуждъ, то онъ дѣлаетъ массу глупостей и въ концѣ концовъ растрачиваетъ, безъ пользы для себя, полученныя 200 рублей.

Въ разсказѣ «Лялечка» авторъ описываетъ исторію увлеченія народной учительницы Раисы Левицкой приходскимъ священникомъ о. Василіемъ. Въ этомъ разсказѣ мы не видимъ ясно выраженной основной его идеи. Помимо того, двѣ центральныя фигуры (о. Василія и Раисы), на которыхъ, собственно говоря держится весь разсказъ, обрисованы авторомъ, какъ намъ кажется, неправдоподобно. О. Василій, у автора, богачъ, ведущій обширное хозяйство, мелочный и придирчивый человѣкъ, ссорится съ псаломщикомъ и готовъ, повидимому, вымещать свою злобу къ послѣднему даже «на крывій Семеныси, чоловикъ якои доводытся братомъ у другыхъ дяковому кумови». Онъ при всякомъ случаѣ сводитъ съ крестьянами (своими прихожанами) „рахункы за спашъ, або за якесь покрадене жыто“. И вотъ этотъ матеріалистъ въ полномъ смыслѣ слова, оказывается, одержимъ страстью къ проповѣдничеству. О. Василій, которому, по словамъ автора, лѣнь было раскрыть даже «Епархіальныя Вѣдомости», чтобы прочитать единственный интересовавшій его отдѣлъ въ нихъ—извѣстія о перемѣнѣ въ служебномъ положеніи его сослуживцевъ священниковъ,—пишетъ церковныя про-

повѣди! Здѣсь, кажется намъ, непослѣдовательность въ обрисовкѣ характера о. Василія. Страсть къ проповѣдничеству, кстати сказать, абсолютно чуждая нашему сельскому духовенству, такъ какъ наши священники (это фактъ общеизвѣстный) послѣ двухъ-трехъ проповѣдей, сказанныхъ ими въ церкви на русскомъ языкѣ, по правиламъ семинарской гомилетики, убѣждаются, что народъ ихъ не понимаетъ, и очень скоро совсѣмъ теряютъ охоту къ церковной проповѣди,—прямо навязана авторомъ о. Василію. Эта страсть и, затѣмъ, тѣ черты, какими надѣляетъ авторъ о. Василія, описывая эту фигуру въ бѣломъ подрясникѣ, «що загортавъ слыве жиночый торсъ, отъ которой («одъ ёго пухкои руки, одъ билого пидрясника... одъ блидуватого облыччя, сирихъ очей и навить лысыны») «віяло такымъ спокоемъ,—напоминаютъ намъ скорѣе французскихъ curés съ ихъ проповѣдями, чѣмъ нашихъ приходскихъ батюшекъ.

Учительница Раиса, окончившая епархіальное училище,—дочь бѣднаго псаломщика, въ домѣ котораго «у бидноти, у велыкій семьи, де не було мисця зайвому ротови, жылось не весело». Намъ кажется страннымъ, что отецъ Раисы «старый и убогый дякъ», воспитывалъ ее въ епархіальномъ училищѣ и, какъ говоритъ авторъ, изъ «шкуры лизъ», чтобы сдѣлать ее не хуже поповенъ, въ ущербъ остальнымъ членамъ своей многочисленной семьи, и безъ того жившимъ въ крайней бѣдности. Авторъ даетъ объясненія этому факту. Быть можетъ, отецъ Раисы такъ заботился объ ея воспитаніи съ тѣмъ, чтобы она, какъ старшая, могла послѣ его смерти, поддерживать его семью. Но о судьбѣ этой семьи въ теченіе 13 лѣтъ учительствованія Раисы у автора ни слова, какъ будто для Раисы, съ момента ея поступленія на службу, перестали существовать ея меньшіе братья и сестры. А между тѣмъ вопросъ объ обезпеченіи отцовской семьи особенно долженъ былъ занимать Раису въ виду того, что за эти 13 лѣтъ, которыя она провела на службѣ, отецъ ея, «старый убогый дякъ», если не умеръ, то навѣрное, настолько уже одряхлѣлъ, что не въ состояніи былъ прокормить своимъ трудомъ семью.

Въ разсказѣ «Поедынокъ» авторъ попытался коснуться жизни интеллигентнаго слоя нашего общества. Едва ли стоитъ передавать сюжетъ этого разсказа?—Это давно избитый сюжетъ—любовь «*en trois*, къ которому такъ часто обращаются творцы французскихъ романовъ тривіальнаго пошиба. Обработка этого сюжета въ «Поедынку» заставляетъ предполагать нѣкоторое родство этого разсказа съ французскими

разсказами въ духѣ Мопассана. Герои этого разсказа—Антонина Цюпа («42-хъ литня дама, багата, дидычка, зъ панивъ»), чувственная женщина, притомъ—деспотъ въ семьѣ, панъ Мыкыта, мужъ ея, чиновникъ, недалекій безхарактерный человѣкъ, Иванъ Пиддубный, учитель ихъ дочери, молодой человѣкъ, исключенный изъ училища, малодушный и трусливый,—все это какіе то духовно разслабленные люди, готовые на всякіе компромиссы съ своей совѣстью во имя соблюденія внѣшняго приличія или во имя требованій своей необузданной похоти. Едва ли можно признать за ними значеніе художественно-реальныхъ типовъ. Отдѣльныя сцены изъ этого разсказа, почти что граничащія съ крайнимъ натурализмомъ, вызываютъ гадливое чувство у читателя.

Вообще, по своимъ чисто отрицательнымъ особенностямъ и по своему направленію разсказъ «Поединокъ» не представляетъ явленія, желательнаго въ украинской литературѣ. Намъ кажется, что изъ подъ пера автора «На виру», «Помстывся», «Для загального добра», «Въ путахъ шайтана» и другихъ идейныхъ и художественно-реальныхъ произведеніяхъ такой разсказъ, какъ «Поединокъ», могъ появиться лишь по какой то непонятной случайности. Что это явленіе случайное въ творчествѣ нашего автора, въ этомъ убѣждаетъ насъ наличность въ первомъ томѣ собранія разсказовъ М. Коцюбинскаго такого глубоко продуманнаго и талантливо исполненнаго произведенія, какъ «Акварель» «На камени» (написана въ 1902 г.). Литературная обработка и направленіе этого разсказа показываютъ, что мы можемъ ожидать отъ М. Коцюбинскаго еще многаго въ смыслѣ художественнаго освѣщенія нашихъ общественныхъ нуждъ, глубокое пониманіе которыхъ онъ обнаружилъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ.

Героиней разсказа «На камени» является татарка Фатьма, отданная вопреки ея волѣ, замужъ за нелюбимаго человѣка. «Прышовъ ризныкъ» (Меметъ), «заплатывъ батькови бильшъ, нижъ моглы дать свои парубкы, и забравъ іи». Она томится въ домѣ своего нелюбимаго мужа, мало къ тому же обращавшаго не нее вниманія, среди чужихъ ей людей, въ непривычной для нея обстановкѣ. Фатьма—это порабощенная во имя старыхъ татарскихъ традицій женщина. Она пробуетъ вырваться изъ сдавившихъ ее тисковъ и убѣгаетъ въ горы съ понравившимся ей красавцемъ туркомъ (Али), но тамъ ихъ настигаютъ татары. Ради мести за оскорбленную честь одного изъ своихъ односельчанъ, татары забываютъ всѣ свои личные счеты, забывается

на время даже вѣковая вражда двухъ татарскихъ партій изъ-за пользованія горнымъ ручьемъ, протекающимъ черезъ селеніе. И Фатьма погибаетъ за свою попытку по влеченію своего сердца.

Этотъ простой по формѣ и правдивый разсказъ вызываетъ у читателя горячее сочувствіе къ несчасной Фатьмѣ и, одновременно, къ тѣмъ тысячамъ обращенныхъ въ рабынь женщинъ, которыя живутъ и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій жили подъ гнетомъ суровыхъ татарскихъ традицій, не всегда имѣя мужество даже попытаться, подобно Фатьмѣ, скинуть съ себя унизительное иго рабства. Жизнь и нравы татаръ нашли себѣ вѣрное изображеніе въ этомъ разсказѣ. Авторъ рисуетъ бытъ татарской деревни въ яркихъ, вполнѣ опредѣленныхъ краскахъ. Съ технической стороны разсказъ безупреченъ.

Говоря о характерѣ и пріемахъ художественнаго творчества М. Коцюбинскаго, мы должны указать на картинность изложенія, какъ на общую отличительную черту произведеній этого автора; а въ такихъ его произведеніяхъ, какъ напр. «Для загального добра», каждая отдѣльная глава представляетъ изъ себя цѣльную, законченную картину. Сочность и свѣжесть красокъ присуща всему, что выходитъ изъ-подъ пера М. Коцюбинскаго. Какъ на въ высшей степени колоритныя произведенія мы можемъ указать на разсказы «Дорогою циною» и «На камени». Авторъ съ одинаковымъ талантомъ изображаетъ и бытовыя сцены, и сильно драматическіе моменты, и картины природы. Такъ, необыкновенно просто и художествено исполнена авторомъ, напримѣръ, сцена разговора татарки Фатьмы съ туркомъ («На камени»); весьма сильно написана сцена отчаянія Нерона Земфина и его жены, при видѣ истребляемаго ихъ виноградника («Для загального добра»); отлично схваченъ моментъ кровавой расправы Гната съ Олександрой («На виру»). И такихъ удачныхъ сценъ можно найти у автора много. Особенно удается автору описаніе картинъ природы, въ частности моря; его морскія картинки могли бы сдѣлать честь любому маринисту. Въ описаніи природы авторъ обнаруживаетъ тонкое пониманіе ея красотъ. Для примѣра укажемъ на описаніе грозы («Лялечка») и моря («На камени»).

Стиль разсказовъ М. Коцюбинскаго необыкновенно простой и безыскусственный, его рѣчь льется, вообще, свободно и естественно, безъ ненужныхъ риторическихъ эффектовъ. Языкъ автора, образный и живой, не чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ: на конструкціи фразъ

замѣтно вліяніе русскаго языка, а лексика нѣсколько страдаетъ отъ наклонности автора къ полонизмамъ и латинизмамъ [1]).

Какъ на недостатокъ въ рѣчи автора, мы могли бы указать на присутствіе въ ней нѣкоторыхъ неудобныхъ выраженій и рискованныхъ сравненій [2]).

Разбираясь въ томъ впечатлѣніи, какое мы получаемъ отъ личности М. Коцюбинскаго, какъ писателя, при чтеніи его разсказовъ, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ собранія его сочиненій, мы должны сказать, что М. Коцюбинскій, какъ художникъ-новеллистъ,—фигура весьма замѣтная среди писателей новѣйшей украинской литературы. Натура цѣльная и гармоничная, художникъ по преимуществу, онъ обладаетъ несомнѣнной способностію къ объективному изображенію окружающей дѣйствительности. Въ своихъ разсказахъ онъ касается вопросовъ, имѣющихъ широкое общественное значеніе, и обнаруживаетъ тонкую наблюдательность и глубокое пониманіе нашихъ соціальныхъ нуждъ. М. Коцюбинскій стоитъ на стражѣ общественныхъ нуждъ нашего времени: онъ, какъ о немъ выражаются, писатель—«громадянынъ». При своемъ выдающемся литературномъ дарованіи, онъ, по справедливому замѣчанію Ів. Франка, «наскрізь новочасний чоловік, перенятий високими гуманними чуттями і ясним поглядом на житє. Оттим то його оповідання, даючи образи неторканих досі українським пером околиць і відносин, дають нам разом із тим високе естетичне вдоволеннє, як твори справжнього таланта і як виливи симпатичноі і високо розвитоі душі» [3]).

Въ виду высокой литературной цѣнности произведеній М. Коцюбинскаго, мы, съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуя выходъ въ свѣтъ перваго тома собранія его сочиненій, пожелаемъ автору дальнѣйшихъ успѣховъ въ направленіи, какимъ отмѣчены лучшія его литературныя произведенія, въ той несомнѣнной надеждѣ, что его трудъ

---

[1]) Въ разсказахъ М. Коцюбинскаго встрѣчаются, напримѣръ, такія слова изъ польскаго языка: „конфитуры“, „вчорайшій“, „куфа“, „импетъ“, „филижанка“, „котвыця“ и друг. А изъ латинскиго—„консеквентный“, „змодификоваты“ и пр.

[2]) Напримѣръ: „добре законсервовани перса“, и „грубы выбрыкы“ (о. Василія), „замисть облыччя печена картопля“, „Тася выщала, якъ заризане (!?) порося“ и др.

[3]) Л.-Н. Вістник, 1901 р. IX кн. Ів. Франко—„З останніх десятиліть XIX віку“.

будетъ по достоинству оцѣненъ читающей публикой, и его благородныя идеи принесутъ великую пользу нашей общественности.

В. Поточный

М. Загирня Мудрый учытель. Оповидання про Сократа. *1—64 стр. Спб. 1903 г. Ц. 5 коп.*

Среди немногочисленныхъ пока украинскихъ писателей популяризаторовъ имя г-жи М. Загирной давно уже по справедливости пользуется широкою извѣстностью. Проживши довольно долго въ деревнѣ, среди крестьянъ, хорошо понявши степень развитія и пониманія нашего средняго крестьянина и изучивши вкусы и требованія крестьянъ по отношенію къ книгѣ,—почтенная писательница пріобрѣла вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкую, но очень цѣнную въ популяризаторѣ способность писать для народа вполнѣ доступно, понятно и въ то же время интересно и занимательно. Хорошо изучивши современную деревню, не порывая и до настоящаго времени связей съ нею, г-жа Загирня умѣетъ всегда выбрать для своихъ брошюръ такую тему, которая живо касается интересовъ крестьянства и является однимъ изъ лучшихъ средствъ для разрѣшенія многихъ больныхъ вопросовъ въ его жизни. Часто, взявши даже тему, не имѣющую никакого отношенія къ современной народной жизни, наша писательница умѣетъ такъ разработать ее, что ея брошюра имѣетъ не только общій, но пріобрѣтаетъ и спеціальный, современный, такъ сказать, злободневный интересъ. Если къ сказанному добавить, что всѣ брошюры г-жи Загирной написаны прекраснымъ, чистымъ, изящнымъ, вполнѣ народнымъ языкамъ,—то для читателя вполнѣ сдѣлается яснымъ, что въ лицѣ этой писательницы украинская народно-популярная литература имѣетъ далеко не дюжинную силу.

Только что вышедшая изъ печати, изданная Петербургскимъ благотворительнымъ обществомъ изданія общеполезныхъ дешевыхъ книгъ, новая брошюра г-жи Загирной о Сократѣ отличается всѣми обычными достоинствами ея работъ. Взявши такую, повидимому, мало подходящую и интересную для народа тему, какъ жизнь древне-греческаго философа Сократа, уважаемая писательница сумѣла такъ развить ее, что ея брошюра, безъ всякаго сомнѣнія, съ большимъ удовольствіемъ и полезно прочтется всякимъ грамотнымъ крестьяниномъ. Главное вни-

маніе въ своей книжкѣ она обращаетъ на нравственную философію Сократа. На основаніи анализа произведеній Сократа она рѣшаетъ такіе живые и насущные для нашего крестьянина вопросы, какъ: «Якъ треба жыты»,—„Якъ треба начальныкуваты",—„Хто кращый: рабъ, чы панъ»,—«Якъ треба жыты въ симьи», — «Якъ треба жыты братамъ», — «Якъ людямъ жыты въ гурти», — «Що треба знаты кожній людыни» и т. д. Несомнѣнно, что и постановка, и рѣшеніе этихъ вопросовъ на основаніи возвышеннаго ученія Сократа заронятъ не одну хорошую мысль въ душу читателя крестьянина. Большимъ достоинствомъ книжечки г-жи Загирной является строго выдержанный и умѣло, логически проведенный сократовскій эротематическій способъ разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ. Такая постановка вопросовъ не только прекрасно знакомитъ читателя съ тѣмъ, какъ училъ самъ Сократъ, и даетъ хорошій примѣръ обученія, но и помогаетъ непривыкшему къ отвлеченному мышленію простому читателю разбираться въ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ моральной философіи Сократа. Не ограничиваясь изложеніемъ біографіи и философскаго ученія Сократа, наша талантливая популяризаторша сообщаетъ въ своей небольшой сравнительно книжечкѣ еще массу и иныхъ интересныхъ для народа свѣдѣній. Такъ, здѣсь она касается древне-греческой миѳологіи,[1]) греческаго театра, греческой архитектуры, древне-греческаго соціальнаго государственнаго строя и т. д.

Умно задуманная, талантливо написанная, прекрасно и не дорого изданная брошюра г-жи Загирной является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ не только въ серіи популярно-научныхъ изданій С.-Петербургскаго благотворительнаго общества, но и вообще среди всѣхъ популярныхъ народныхъ украинскихъ изданій. Отъ души рекомендуемъ её всѣмъ ревнителямъ народнаго просвѣщенія.

В. Мировеца.

---

[1]) Спѣшимъ исправить вкравшуюся въ брошюру ошибку или опечатку: въ брошюрѣ сказано, что „Нептунъ бувъ богъ надъ морямы Посейдонъ—надъ витрамы" (стр. 4). Вѣроятно, вмѣсто Посейдонъ нужно читать Эолъ, п. ч. Нептунъ и Посейдонъ—названія одного и того же древне-греческаго бога моря, а богомъ вѣтровъ у грековъ былъ Эолъ.

Władysław Pobóg Górski. Powiat Mohylowski w gubernii Podolskiej. Opis geograficzno-historyczny wszystkich miast, miasteczek wsi, przysiołków, futorów, słowem zaludnionych miejscowosci w tym powiecie, z dodaniem odpowiednich dokumentów. Wydanie nakładem, księżny Amelii Czetwertynskiej. W Krakowie. 1902 (Влад. Гурскій. Могилевскій уѣздъ подольской губерніи. Стр. 347. Съ картой уѣзда).

Вл. Гурскій извѣстенъ въ польской исторической литературѣ нѣсколькимя цѣнными монографіями, особенно по исторіи польской пѣхоты и конницы. Сборникъ, заглавіе котораго выписано выше, основанъ частію на изданныхъ уже матеріалахъ, далеко, впрочемъ, не исчерпанныхъ престарѣлымъ авторомъ, частію на семейныхъ архивахъ нѣкоторыхъ польскихъ фамилій, такъ или иначе связанныхъ съ уѣздомъ. Центральный интересъ автора - прослѣдить переходъ имѣній изъ однихъ польскихъ рукъ въ другія. Болѣе подробные историческіе обзоры посвящены Бару, Могилеву-Подольскому и Шаргороду. Особое вниманіе посвящено сведенію сохранившихся данныхъ о р.-к. церквахъ, монастыряхъ и польскихъ училищахъ. Порядокъ изложенія—алфавитный. Описано 148 поселеній. Сохранившіеся въ частныхъ архивахъ грамоты и другіе документы приведены полностью, со ссылкою, гдѣ находятся нынѣ; иногда перепечатываются документы, уже изданные (напр., изъ книги г. Грушевскаго о Барскомъ староствѣ). Изъ менѣе извѣстныхъ старыхъ документовъ можно указать, напр., на полное интереса завѣщаніе Ивана Выговскаго 16 марта 1664 г. (изъ архива барской городской думы), жалованную грамоту кор. Яна Казимира Станиславу Потоцкому на Барское староство 20 января 1665 г. (изъ кор. метрики), жалованная грамота Владислава Ягайла Сенку Волосу 1410 г. (въ копіи, изъ кор. метрики), грамота Витовта 1383 (?) г. на Княжью Луку (къ сожалѣнію, въ переводѣ; подлинникъ въ инст. Оссолинскихъ въ Львовѣ), и нѣк. другіе.

Авторъ, видимо, не претендуетъ ни на исчерпывающее значеніе своего труда, ни на его ученую важность. Тѣмъ не менѣе для облегченія справокъ книга его несомнѣнно принесетъ свою пользу не только для владѣльцевъ имѣній уѣзда, но и для историковъ. Изданіе украшено нѣсколькими снимками, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе развалины замка королевы Боны въ Барѣ, старая ратуша тамъ же и церковь въ с. Котюжанахъ.

Въ изданіи документовъ замѣчается много досадныхъ опечатокъ. Къ недостаткамъ изданія слѣдуетъ отнести и отсутствіе именного указателя.

Н. М.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историч. Вѣстн., № 9; 4) Вѣстн. Европы, № 8 и 9; 5) Журналъ Мин. Народн. Просв. № 7, 8 и 9; 6) Всемірный Вѣстникъ, № 6—7; 7) Русск. Вѣстн., № 8 и 9; 8) Русская Мысль, № 8 и 9; 9) Русское Богатство, № 8; 10) Міръ Божій, № 9.

Русскій Архивъ, № 9.

Исторія евреевъ въ Россіи. Посмертная статья М. Ѳ. Шугурова (стр. 1—34). Рядъ статей М. Ѳ. Шугурова о евреяхъ въ Россіи былъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1894 г. Настоящая статья, затрагивающая періодъ съ 1817 по 1825 годъ, знакомитъ съ рядомъ правительственныхъ указовъ, опредѣлявшихъ положеніе евреевъ преимущественно въ Царствѣ Польскомъ, а также въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Наиболѣе интересны тѣ страницы, на которыхъ разсказывается о попыткахъ обращать евреевъ въ христіанъ, о мѣрахъ противъ незаконныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ евреями, о приливѣ евреевъ изъ заграницы, особенно въ подольскую губернію.

Русская Старина, № 9.

Пав. Матвѣевъ «Батуринскій переворотъ 18 марта 1672 г.» (Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго), стр. 667—690. Статья эта посвящена пересмотру дѣла Многогрѣшнаго, которое авторъ находитъ изложеннымъ у Н. И. Костомарова нѣсколько односторонне и неполно. Матеріалами послужили акты Южной и Западной Россіи, издан. Археографическ. коммиссіей, и документы архивовъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Въ первой части статьи (статья еще не кончена) авторъ, для болѣе яснаго представленія о характерѣ и значеніи Батуринскаго переворота, предварительно знакомитъ читателя съ личностью гетмана Демьяна Многогрѣшнаго и съ положеніемъ Малороссіи того времени,

чему и посвящены двѣ главы (2-я и 3-ья), вошедшія въ настоящую книжку.

Историческій Вѣстникъ, № 9.

В. Е. Рудаковъ. Некрологъ Алексѣя Ивановича Маркевича (съ портретомъ), стр. 964—969. Коротенькія біографическія свѣдѣнія и перечень болѣе крупныхъ трудовъ покойнаго.

Маршъ въ опалѣ. Воспоминаніе Ивана Вазова о Россіи. Перев. съ болгарскаго. Андрей Сиротининъ (стр. 1051—1062). Здѣсь разсказанъ эпизодъ, бывшій въ Кіевѣ 18 іюля 1888 года, во время празднованія девятисотлѣтія крещенія Руси. Дѣло въ томъ, что въ концертѣ, данномъ въ этотъ день въ Кіевѣ въ театрѣ, по какой-то особенной политикѣ, вычеркнутъ былъ изъ программы болгарскій маршъ «Шуми Марица», который однако, вслѣдствіе единодушнаго требованія публики, былъ исполнёнъ.

Журналъ Министерства Народ. Просв., № 7—9.

Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія“ помѣщенъ отзывъ о книгѣ *И. Каманина* «Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи» (№ 9, стр. 198—199.

Русскій Вѣстникъ, № 8 и 9.

А. Будиловичъ «Генезисъ россійскаго украйномана» (№ 8, стр. 628—640). Тяжелое впечатлѣніе производитъ эта статья, принадлежащая перу извѣстнаго ученаго и трактующая объ умершемъ два года назадъ украинскомъ писателѣ Т. А. Зинькивськомъ, по поводу львовскаго изданія его сочиненій. Судъ критики, конечно, долженъ быть свободенъ, и авторъ статьи имѣетъ, поэтому, право думать такъ, какъ онъ думаемъ о литературныхъ и научныхъ достоинствахъ сочиненій разсматриваемаго имъ писателя, о его поэтическихъ и общественныхъ взглядахъ; но у г. Будиловича совсѣмъ не эта основная задача въ данной статьѣ: узнавъ, что подъ псевдонимами и криптонимами, которыми подписывался покойный въ галицкихъ изданіяхъ, скрывается русскій офицеръ,—авторъ направляется со своими размышленіями совсѣмъ въ другую сторону и хочетъ, такъ сказать, найти корни и нити, откуда исходятъ такіе зловредные факты, какъ фактъ украинскаго настро-

енія у разсматриваемаго имъ писателя, чему онъ и посвящаетъ двѣ главы. Отыскавъ эти корни и нити въ какомъ-то учителѣ исторіи, котораго уроки слушалъ покойный Зинькивській, въ Васылѣ Чайченкѣ, котораго авторъ считаетъ зловредно скрывающимъ себя подъ псевдонимомъ, не зная того, что этотъ псевдонимъ давно уже раскрытъ самимъ В. Чайченкомъ, да въ М. Комарѣ,—г. Будиловичъ спрашиваетъ: «чѣмъ-же можно противодѣйствовать возникновенію и развитію подобныхъ затѣй, въ частности-же—выработкѣ на малорусской почвѣ такихъ офицеровъ, какъ Т. Зинькивській?» Отвѣчаетъ на этотъ вопросъ авторъ статьи, повидимому, совершенно правильно: «единственно, подъемомъ русской школы и русской общественной мысли»; но какъ онъ понимаетъ эту общественную мысль», отчасти видно изъ слѣдующихъ его словъ: «лишь при общественномъ контролѣ школы оказалось бы невозможнымъ появленіе не только въ военныхъ, но даже въ гражданскихъ училищахъ такихъ педагоговъ, какъ одесская «гарная людына» (указанный выше учитель исторіи), отравлявшая свой классъ идеями украйноманства; лишь при большей зрѣлости и энергіи нашей общественной среды, были бы немедленно срываемы маски съ такихъ друзей украинской молодежи, какъ гг. Вас. Чайченко, Михаилъ Комаръ и другіе имъ подобные добродѣи (идетъ перечень инициаловъ, на которые есть указанія въ біографіи Зинькивського). Мы глубоко вѣримъ въ необходимость общественнаго контроля не только надъ школой, но и надъ жизнью вообще, но понимаемъ его не въ видѣ своеобразно-ученыхъ изысканій надъ раскрытіемъ псевдонимовъ и криптонимовъ для опредѣленныхъ цѣлей.

Русская Мысль, № 8 и 9.

В. Хижняковъ. Обзоръ дѣятельности Полтавскаго земства (№ 8, стр. 113—137; № 9, стр. 1—20). Статья составлена на основаніи 5 и 6 выпусковъ „Ежегодника“, издаваемаго статистическимъ бюро полтавскаго губернскаго земства, а сверхъ того—на основаніи отчетовъ губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ. Указавъ на положеніе дворянскаго и крестьянскаго землевладѣнія въ полтавской губ., авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, что было сдѣлано для землевладѣнія сельскихъ сословій мѣстнымъ отдѣленіемъ крестьянскаго банка, а также, что сдѣлало земство для помощи крестьянскому малоземелью. Далѣе идетъ обзоръ дѣятельности кредитныхъ учрежденій

въ губерніи, обслуживающихъ сельское населеніе. Переходя, затѣмъ, къ обзору разныхъ сторонъ дѣятельности полтавскаго земства, авторъ останавливается на разносторонних изслѣдованіяхъ губерніи, произведенныхъ полтавскимъ земствомъ, и наконецъ разсматриваетъ приходы разныхъ земствъ, послѣ чего, естественно, обращается къ различнымъ земскимъ экономическимъ мѣропріятіямъ, какъ напр.—дорожныя сооруженія, и къ заботамъ о народномъ образованіи.

Ф. Щербина. Изъ воспоминаній изслѣдователя (№ 9, стр. 21—40). Въ этихъ воспоминаніяхъ идетъ описаніе ряда встрѣчъ автора съ различными типами козачьяго населенія на Кубани, при чемъ 2-ая глава даетъ свѣдѣнія о томъ, изъ кого состоитъ кубанское козачество.

С. Д. К-къ. Земство и интересы мѣстнаго населенія (№ 9, стр. 62—75). Въ этой статьѣ разсматривается вопросъ о дорожной повинности и дорожныхъ сооруженіяхъ въ черниговской губерніи, и какъ этотъ вопросъ рѣшался въ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи сессіи 1901 года.

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщенъ краткій отзывъ объ изданіи „Археологической лѣтописи Южной Россіи“ Н. Ф. Бѣляшевскаго. 1903 г. № 1 и 2. (№ 9, стр. 331).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Переводы украинскихъ разсказовъ на русскій языкъ. Въ послѣднее время все чаще и чаще приходится встрѣчаться въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ съ фактами помѣщенія на страницахъ своихъ переводовъ небольшихъ разсказовъ лучшихъ нашихъ украинскихъ беллетристовъ. Такъ напр.:

Въ «Южн. Обозр.» (№ 2251—2252), напечатанъ разсказъ М. Коцюбинскаго «На камнѣ» въ переводѣ Е. Н. Любича.

Въ «Волыни» (№ 174), перепечатанъ изъ «Русск. Вѣдомостей» переводъ разсказа Ив. Франка «Каменьщикъ».

Въ «Югѣ» (№ 1557), напечатанъ переводъ разсказа И. Франка „Хмельницкій и колдунъ“ въ переводѣ съ украинскаго языка на русскій.

Въ „Вѣстн. Юга“ (155), помѣщена рецензія Гр. Сьогобочного на книгу „М. Коцюбинскій. Оповидання. Т. I“. Въ рецензіи этой отмѣчается, между прочимъ, тотъ фактъ, что за послѣдніе годы дѣло малорусскаго книгоиздательства очень двинулось впередъ, т. к., взамѣнъ прежде издававшихся мелкихъ брошюръ, стали выходить цѣлые сборники сочиненій малорусскихъ писателей.

Въ „Волыни“, (№ 188) помѣщенъ коротенькій отзывъ объ этой же книгѣ Г. Коваленко-Коломацкимъ.

Въ „Полт. Вѣстн.“ (№ 214), напечатано описаніе „юбилейнаго праздника возрожденія украинской литературы въ Галицкомъ Львовѣ“. Празднованіе это состоялось пять лѣтъ назадъ (31 октября и 1 ноября 1898 года) по поводу столѣтія „Энеиды“ Котляревскаго, но такъ-какъ о немъ среди нашей публики было извѣстно очень мало, то авторъ статьи *В. К.* нашелъ вполнѣ умѣстнымъ вспомнить объ этомъ торжествѣ въ Галиціи, въ виду только-что проминувшаго празднества въ Полтавѣ.

Въ непродолжительномъ времени, мѣсяцевъ черезъ 7—8, выйдетъ въ свѣтъ 1-й выпускъ альбома южно-русскаго орнамента, издаваемый полтав. губернской управой на основаніи порученія послѣдняго очередного губернскаго собранія. Какъ первый, такъ и послѣдующіе выпуски этого альбома, въ которомъ будутъ помѣщены рисунки, заслуживающіе особеннаго вниманія въ цѣляхъ поднятія на желательную высоту издѣлій кустарей и учебныхъ мастерскихъ нашей губерніи, изготовляющихъ свои издѣлія изъ глины, шерсти, пеньки, льна, дерева и др. матеріаловъ,—будутъ разосланы управой во всѣ уѣздныя земскія управы для распространенія ихъ между кустарями и учебными мастерскими. Теперь же губернская управа, желая популяризировать альбомъ съ 21 рисункомъ, подъ названіемъ: „Мотивы малороссійскаго орнамента для издѣлій изъ глины“, изданный губернскимъ земствомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, опять разослала, по 5 экз., въ Зѣньковскую, Роменскую, Лохвицкую и Миргородскую земскія управы, для распространенія этого альбома, съ извѣстною цѣлью, между кустарями-гончарами этихъ уѣздовъ и для пользованія имъ гончарными учебными мастерскими Роменскаго и Лохвицкаго уѣздныхъ земствъ. („Полт. Вѣстн.“, № 206).

Въ „Полтав. Вѣстн.“ (№№ 203, 205, 208, 209 и 210), напечатана обширная статья В скаго подъ заглавіемъ „Историческій музей“. Въ этой статьѣ изложены всѣ подробности обсужденія вопроса Лубенской городской думой проекта устройства въ г. Лубнахъ историческаго музея, крупное начало которому дается г-жею Скаржинскою, готовою передать городу свой прекрасно составленный музей, о чемъ у насъ было уже сообщено въ прошлой книжкѣ (см. № 9-й, Текущ. изв., стр. 126).

На дняхъ,—по словамъ „Од. Нов.“,—выйдутъ изъ печати отдѣльнымъ изданіемъ воспоминанія проф. И. А. Линниченко о покойномъ А. И. Маркевичѣ. Воспоминанія содержатъ много интересныхъ данныхъ, послужившихъ матеріаломъ для доклада, прочитаннаго проф. Линниченко въ обществѣ исторіи и древностей. Къ книжкѣ будетъ приложенъ также и портретъ А. И. Маркевича. Сумма, вырученная отъ продажи изданія, предназначена въ пользу читальни имени А. И. Маркевича, открываемой на Молдаванкѣ, въ Одессѣ. („С.-Пб. Вѣд.“, № 246).

Новыя украинскія изданія. Въ Кіевѣ появился въ продажѣ первый томъ полнаго собранія сочиненій украинскаго беллетриста и драматурга г. Гринченка.

Въ Кіевѣ на дняхъ появился въ продажѣ сборникъ историческихъ и духовныхъ думъ и пѣсней съ нотами П. Демуцкаго, подъ заглавіемъ „Лира и ея мотивы“. Цѣна сборника 1 р. 25 к.

„*Областное Обозрѣніе и Вѣстникъ козачьихъ войскъ*“. Съ начала августа текущаго года изданіе еженедѣльной газеты „Вѣстникъ козачьихъ войскъ“, выходящей въ Петербургѣ, получило разрѣшеніе именоваться указаннымъ въ заголовкѣ замѣтки названіемъ. Это измѣненіе заглавія не есть только одна форма: редакція въ первомъ номерѣ измѣненнаго своего изданія (10-го августа, № 32) заявляетъ, что она, „продолжая интересоваться козачьими областями по преимуществу, силою вещей пришла къ необходимости превратить свое

изданіе изъ *спеціальнаго* въ *общее*, расширяя кругъ разрабатываемыхъ вопросовъ, а также кругъ обслуживаемыхъ ею областей". Въ виду этого, теперь изданіе будетъ касаться всѣхъ тѣхъ окраинныхъ областей съ которыми козачество тѣсно связано исторіей и общими экономическими интересами.

Просматривая первые номера измѣненнаго изданія, мы, дѣйствительно, встрѣтились съ нѣкоторыми статьями и замѣтками, интересными и для нашей малорусской жизни. Такъ, въ № 32 встрѣчаемъ маленькую рецензію объ „Отчетѣ Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1902-й годъ"; въ № 35 помѣщена статья по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ; въ № 37 напечатана статья С. Петлюры: „Объ языкѣ народныхъ школъ Кубанской области", гдѣ проводится мысль о необходимости устранить отчужденіе школы отъ народнаго языка, и по этому поводу сказано нѣсколько симпатичныхъ словъ и въ передовой статейкѣ отъ самой редакціи; тутъ же, наконецъ, встрѣчаемъ и корреспонденцію о полтавскихъ торжествахъ при открытіи памятника Котляревскому.